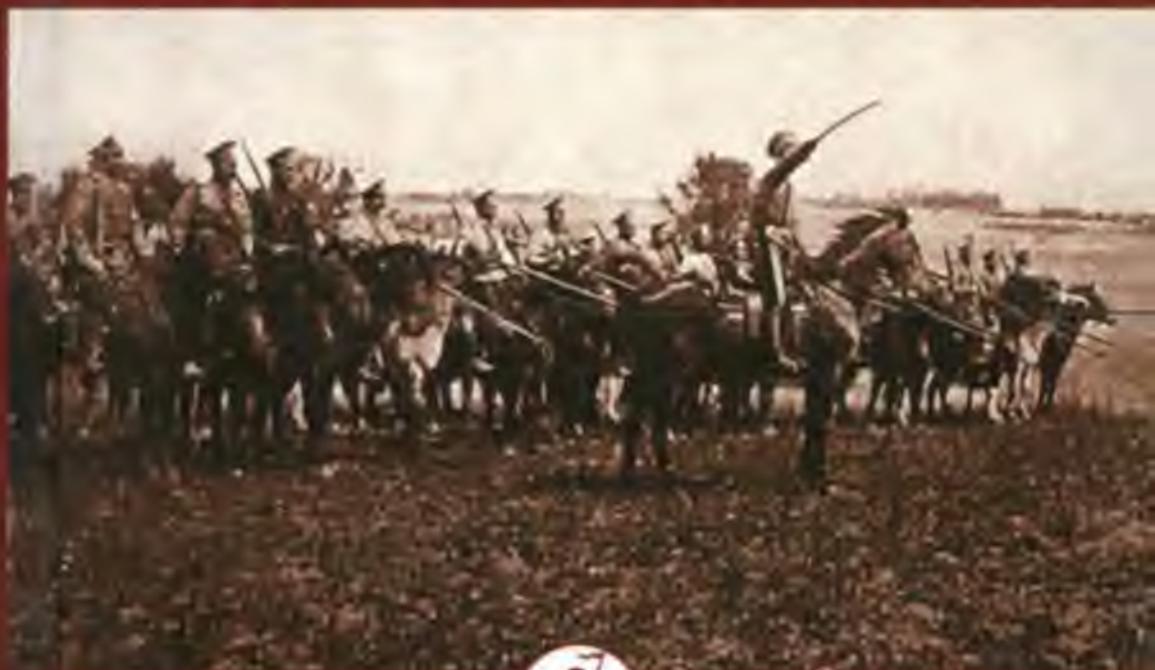

А. В. Венков

Вёшенское восстание

Вёшенское восстание

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

А. В. Венков

А.В. Венков

Вёшенское восстание

ИСТОРИЯ

КАЗАЧЕСТВА

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612
В29

*Scan By
Vitalius & Kati*

Венков, А.В.

В29 Вёшенское восстание / А.В. Венков. — М.: Вече, 2012. — 336 с. : ил. — (История казачества).

ISBN 978-5-9533-6038-8

Вёшенское восстание является одной из самых трагичных страниц истории Донского казачества. Уникальность этого восстания отмечали уже современники, одна из белогвардейских газет писала: «Мы читали о громадных крестьянских восстаниях в Тамбовской губернии — однако они все задавлены, и только восстание верхне-донцов из всех русских восстаний увенчалось успехом».

Автор книги скрупулёзно восстанавливает атмосферу в станицах накануне восстания, пытается разобраться, что же стало истинной причиной восстания, делается акцент на судьбах участников восстания. Особый интерес вызывает раскрытая автором проблема выбора стороны — белой или красной, стоявшая перед простым казачеством. На страницах книги подробно описывается ход боевых действий, силы повстанцев, Красной Армии и Донской армии.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-9533-6038-8

© Венков А.В., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

Вместо введения

Боже, как давно это было!.. Все, кто рассказывал мне о восстании, давно умерли. И материал этот я собираю ни много ни мало — тридцать три года. Собираю время от времени. Двадцать три года назад вышла моя первая книжка о нем, о восстании. Но мне и сейчас многое не ясно. И документы находятся с трудом.

Сама станица сильно изменилась. Выросла раза в три-четыре. Хату под камышовой крышей — «под чаканом» — в ней уже не найдешь. А вот полвека назад — да что полвека, хотя бы лет тридцать — сорок — она была совсем другой.

Мой интерес к событиям 1919 г. возник, можно сказать, случайно. После окончания Ростовского пединститута я работал учителем в Вёшенской средней школе, в которой до этого учился все десять лет. Преподавал я английский язык и историю, а из истории больше всего интересовался наполеоновскими войнами. И диплом в пединституте защитил — «Действия кавалерии в Бородинском сражении».

Какого-то особого интереса к казачеству у меня не было. И кажется мне, что этот интерес как-то гасился окружающими, словно взрослые оберегали детей от неких чрезмерных знаний. У двоюродной прабабки, сестры моего прадеда, высоко на стене висела самая блеклая из фотографий — красавцы-усачи с вензелями на погонах. Но маленькому снизу не разглядеть. А когда я подросток, то к прабабке ходил редко. Чего я у старухи

забыл? А у нас дома и такой фотографии не было... Я родился на Урале в городе Магнитогорске и в станицу попал, когда мне было четыре года. Моя бабушка еще в Магнитогорске рассказывала мне, что за покорение Сибири царь Иван Грозный «пожаловал казакам реку Дон со всеми его притоками», но гораздо чаще она горько повторяла: «Казачи — все дураки. Сами не знали, чего искали». Сказанное ею, похоже, относилось к давно умершим, одной ей известным казакам, а ныне живущих хуторян и станичников она как бы и за казаков не считала. Еще с дошкольного возраста я твердо помнил, что мой родной дед Ельпидифор был командиром 1-го взвода 1-й сотни 1-го Кубанского полка 1-й Конной армии. Я и не знал, что по происхождению он был казак Вёшенской станицы.

Потом уже, через много лет, собирала археографическая экспедиция Ростовского краеведческого музея материал в хуторе Антиповском, и я с экспедицией был вроде проводника, и один старик, Иван Терентьевич Кухтин, перечислял, кто из казаков хутора участвовал в восстании: «Борщевы... Ломакины... Бурьяновы... Обуховы...» И не глядя на меня, но явно для меня уточнил: «А Ельпидифор Кисляков был у них в сотне писарем...»

Такие экспедиции и поездки по хуторам были явлением редким, а школьная жизнь — явлением устоявшимся и монотонным.

Но вот в один из субботних дней, когда последние уроки обычно заменяют горящими мероприятиями, нам объявили, что приехал знаменитый шолоховед Константин Прийма и будет выступать у нас в школе.

Прийма был прекрасный оратор («оратур», как говорила моя бабушка), он любил свою тему и, видно, вкладывал в нее душу. Громко и страстно, сопровождая свою речь величественными жестами, Константин Иванович вещал со школьной сцены: «...И вот, умирая, он написал: “Люди урду!..”» Мировое значение творчества Шолохова вставало перед нами «во весь свой прекрасный рост». Но большинству старшеклассников,

своими глазами видевших на улицах станицы журналистов из разных стран (а кое-кто из учителей видывал еще Хрущева и Гагарина), было до фонаря, что думали о «Тихом Доне» люди урду, а ученикам восьмых классов само название «урду» было несколько непонятно и даже смешно. На задних рядах постепенно начались разговоры. Легкий, но нервирующий оратора шум грозно навис над залом. Некоторые зевали.

И тогда Прийма стал рассказывать о восстании, о Двадцать восьмом полку, о Харлампии Ермакове, о попытках начать переговоры, о стрельбе по парламентарам... Ох, и говорил же он! Испуганная, звенящая тишина установилась вдруг в зале. То, о чем отрывочно и обычно подвыпив позволяли себе говорить редкие уцелевшие деды (сопровождая рассказы словами «Слухай, как оно на самом деле было, а все, что вам читают, — брехня»), вдруг полилось со школьной сцены и сопровождалось такими подробностями, что где там дедам... Секретные директивы, троцкисты, количество расстрелянных, Сырцов, Кудинов, архив Дзержинского. «Казаки были вынуждены начать восстание!..» Вынуждены! «Да, так оно и было!» — горело у всех в глазах.

«Они смотрели на него, как будто он их реабилитировал и восстанавливал в каких-то правах», — думаю я сейчас, вспоминая ту субботу. А тогда я вместе со всеми слушал, раскрыв рот, и мне казалось, что я давно уже догадывался о существовании здесь, у нас, какой-то тайны, что она несколько раз уже приоткрывалась мне совсем случайно, но я не знал и потому не видел, а теперь наконец увижу, и это будет совершенно невероятная тайна и совершенно блестящее открытие.

Да, перегибы — это очень эффектно. Это бьет по нервам. «В станице Вёшенской планировалось расстрелять 800 казаков. Тех самых, что открыли фронт Красной Армии», — говорил тогда Прийма. И это была правда.

Бросая фронт, казаки подписали мирный договор с Красной Армией, они договорились, что пропустят советские войска на юг добивать Краснова. 28-й полк пришел в окружную станицу

Вёшенскую и разогнал все бывшие здесь власти, в том числе и штаб Северного фронта белых. А потом, когда казаки разошлись по домам, их стали арестовывать и расстреливать. Кто? За что? Была секретная директива... Таким образом, троцкисты спровоцировали восстание... Хорошо говорил Константин Иванович. Не знаю, как школьники, а я, учитель, поверил.

Первым делом, придя с работы, я спросил у бабушки: «Ба, расскажи, что за восстание тут было? Из-за чего началось?» — «О-о! Восстание...» Все, что она с готовностью рассказывала мне, дословно я не передам. Что-то горькое, радостное и ускользающее было в ее словах. Теперь я знаю, что некоторые факты и события она намеренно искажала, и за эти искажения я уважаю ее еще больше. Она всегда мне много рассказывала, и очень многое я пропускал мимо ушей. Но в этот раз я ловил каждое слово. Возможно, больше говорил я. Пересказывал ей речь Приймы, а она подтверждала и добавляла от себя. И все было так, да не так... Чего ж не хватало мне тогда? Я настойчиво выспрашивал и требовал подтверждений. Она видела, что мне чего-то не хватает в ее словах, может быть, она даже чувствовала себя виноватой, торопливо вспоминала новые подробности, повторяла старые. Мы оба как на ощупь искали что-то. Что?.. В ее словах не было и тени призыва к восстановлению справедливости, именно того, на что толкала речь Приймы.

«Ведь вы все — красные. Вы — за Ленина. Вас с Лениным троцкисты поссорили. Троцкисты виноваты...» — казалось, вдалбливал нам Прийма. А она вроде бы руками разводила: «Ну какие же мы красные?..»

«Когда восстание началось, дед был во дворе. Глядим, бежит...

— Где ребята? Чтоб сейчас — домой.

Дядя Василий хотел идти, а дед ему:

— Чтоб с хаты ни шагу.

— А где твой отец был?

— Его не было.

— А где ж он был? За Донцом? Отступал?

— Да...

— Ну, дальше...

А потом уже, летом, пришли красные, а мирошник ведет их к деду.

— Здесь такой-то живет?

— Здесь.

Они заехали и говорят:

— Теперь вас никто не тронет. Мы насовсем пришли...

— Когда это было?

— Летом...

Я гляжу, мирошник идет через задний баз.

— Василий Омеляныч дома?

— Дома.

— Тебя,— говорит,— спрашивают.

А дед был на базу, скотине давал. У нас вот так была конюшня, а вот так — катухи, а вот так — навес меж ними. Там всегда бороны стояли, плуги. Так вот, дед что-то под навесом делал. Как осень, он там всегда правил, чинил что-нибудь. А тут скотине давал и под навес зашел...»

И потом (не один же вечер мы говорили о прошлом!) сколько я ни выпрашивал — кого арестовали, кого расстреляли, кто все это делал, — она, как мне кажется, невольно сводила разговор к тому, сколько у них было коров, сколько лошадей, что когда сеяли, когда убирали, сколько в амбаре было закромов и сколько во дворе собак (как сейчас помню — Уркан и Тузик). Может, это и было главным в ее рассказах. Для нее не было восстания самого по себе. Восстание было большой и страшной, но лишь страницей жизни. Чтобы прочитать эту страницу, не обязательно вырывать ее из книги. Лучше прочесть всю книгу, все страницы. А большинство их и было наполнено катухами и амбарами, сенокосами и ярмарками, рождением детей и выходами в церковь.

Позже, в страшные и суматошные 1990-е гг., когда мои собственные дети капризничали и не хотели засыпать, я начинал пересказывать им про то, какие в конюшнях стояли лошади,

как звали собак — все, что помнил из рассказов бабушки, — и они странным образом успокаивались и быстро засыпали.

Другие, кого я расспрашивал, тоже особо не распространялись. Шел конец 1970-х гг. — «период расцвета застоя». Порядки казались предельно незыблемыми. Кто собирал материал о «белогвардейцах» и «белогвардейщине», обязан был «разоблачать». Я же хотел наших местных повстанцев «реабилитировать». Очень уж доходчиво Прийма нам тогда все объяснил. Но когда я начинал пересказывать содержание его выступления кому-нибудь вне школьных стен, слушатели относились все равно настроенно, недоверчиво или (те, кто старше) смотрели на меня как на человека очень наивного.

Я собирал, копил материал, много записывал — от руки и на магнитофон. Много чего начитался, много чего наслушался...

Слышишь громкую молву?
«Наши руки не ослабли.
Для похода на Москву
Мы точили наши сабли.
Как отточены клинки,
Пусть враги узнают сами», —
Повторяют казаки —
Волки с синими глазами.

Сергей Марков. «Шемаханская царица»

«Раньше все было, а потом в 33-м году было вредительство, и вот с тех пор и по сегодня ничего нет» (соседка-старушка, из записи 1980 г.).

«Раньше была “революционная совесть”, “тройкой” называлась. Чуть что — “руководствуясь революционной совестью” — и все — расстрелять!» (дед Чучуев).

«Ну а если б их не разбили, сами бы они перешли на сторону советской власти? — Ну-у! Дождешься! Они такие заядлые были. Опора трона и самодержавия. Нас и за людей не считали...» (из разговора на станции Миллерово.)

«Конопля шла на масло и на веревки. Масло было горчичное, и масло было льняное. Из льна еще мешки ткали, свои станки были. Коз почти не было, старики были против. Так, несколько штук на пух держали. В постные дни ели рыбу на постном масле. Горох варили, чечевицу, фасоль — меньше, пшеничную кашу на тыкве. Молока было много. Мамалыгу из кукурузы, саламату из ячменя — все с молоком ели. Тыкву пекли, кашу из нее делали, пирожки с тыквой. Кур было много. Поросенка имел каждый на сало. Свиным варили тыкву и мякину от соломы, зерном не кормили. Летом свиньи в луке, там и пороссят. На зиму пригоняли или они сами приходили. Свиным и собакам мололи овсяную муку. В день пуд муки уходил. Осенью мочили коноплю, а зимою пряли на полотна. Конопляные брезенты (ватола) на арбу настиляли, когда зерно возили. Весной из конопли бечевки делали.

Рыбу ловили в речках. В каждом хуторе мельницы были, запруды, там — рыба. Пескари, караси, сазаны. Хищную рыбу не водили. А в Дону уж всякая рыба. Как дождь, гроза, ее ловили, солили в бочках, потом соль вымывали и вялили.

Арбузы садили по гектару, сами ели или свиней кормили, варили арбузный мед.

В пост молока и мяса не ели, а пост по три-четыре раза: Филипповка, Заговенье, сам пост. По средам и пятницам тоже мясо не ели. В пост молока не ели — все телятам шло, они и выходили хорошие. Зато в мясоед наедятся — борщ со свиной, с говядиной, лапша с гусятиной.

Виноград редко кто держал, надо закапывать. Сады были по гектару. Груши, яблоки, сливы. Вино сами делали из малины.

В магазинах продавали одну селедку, конфеты, пряники, табак. А так все свое было. Кое-кто и табак выращивал. Рассаживали его, как помидоры, листья у него, как у капусты. Вялят, как листья сухие, так курят. В Ежовке специальная плантация была.

Пили редко — на престол и на ярмарках. Молодежь не пила, ей денег не давали. На ярмарке продавали скотинку и

одевали-обували семью. Старые брали матерьял тюками, шили и молодым распределяли. Готовую одежду редко брали. Шубы портные шили, за работу по 5 рублей брали.

Как на ярмарке — всех сразу видно. Кацапы, те в сатине, в рубахах цветных и красных. Хохлы, те в штанах на шнуре, в чунях, в ботинках, рубахи у них холстинные, вышитые, а полущубки морщенные, рукава длинные. У казачек юбки покупные, длинные клешеные, а у хохлушек прямые, морщенные, и ленты по подолу» (А.Т. Нечаева).

«Мы были малограмотные, такие, как Мишка Кошевой. Нам сказали, что нас пошлют под Петроград, а мы не захотели. “Хотим на Дон” — и все. И пошли... Потом Буденный нас обезоружил... Я? Нет, я не казак, мы иногородние, вся фамилия...» (из разговора с ветераном.)

«Саботаж? Да это специально делали, сажали всех... Хотели, чтобы казаки восстали...» (из разговора в междугородном автобусе.)

«Весна — не весна, снег был талый. Так скачут, снег и грязь — вверх выше голов! “Восстание!..”» (А.Н. Борщева.)

Как Вешки занимали, один дед — беженец — из-за плетня шумит: “Давай, давай, петлюровцы!” (она же.)

«Мой отец служил в Атаманском полку, у царя во дворце. Конь у него был темный, гнедой. Как им стоять во дворце на часах, их затягивали. Ремень вокруг головы обтянет, а потом тем ремнем подпоясывается. А на пасху у них на посту стоит тумбочка, а на тумбочке — тарелочка. И вот идут царь, царица, говорят: “Христос воскрес” и кладут в эту тарелочку яичко. А они отвечают: “Воистину воскрес, ваше величество!” А командир полка у них был сам царь. Отец говорил — царь был небольшой и рыжий.

А когда со службы они ехали, то везли сундук добра. Вот когда приедет, собираются соседи: “Ну, служивый, показывай, что привез”. Он раскрывает сундук и показывает — шинеля, одежда летняя, одежда зимняя, сапог сколько пар, перчатки, белье, пальто городское, подарки какие.

А дядя Ефим был атарщиком. Ручищи у него были — во! Как накинёт на какую лошадь аркан, как дерганет, так она и перепрокидывается. Ни одна на ногах не устоит. А конь у него был светло-рыжий, и сам дядя был рыжеватый.

А дядя Василий был дедов любимый, сам был красивый, драчливый такой, задачный. Он тоже был атаманец. Как идти ему на службу — поехали коня выбирать. Смотрели, смотрели, ни один не подходит. Не нравятся и все. Понравилась ему кобыла одна. Рыжая, лысая, белоногая. Красивая, как игрушечка. Ни с тем — покупайте и все. А на кобылах в гвардию не брали. А он — все равно: “Купите, только на ней пойду, и больше мне ничего не надо”. Тогда дед ездил просил станичного атамана, а тот атаман ездил просил окружного атамана, чтоб разрешили идти служить на кобыле. Он ее приучил, она за ним как собачонка ходила. Он рукой себя по левому плечу похлопает и идет, а она идет за следом и мордой ему плеча касается.

Они с моим отцом служили вместе. А дед ездил к ним в гости на позиции, и там сфотографировались.

Дед был темный, красивый, на Сталина похож.

А дядя Костя был армеец, и конь у него был бурый. Его провожали в армию. Он был позже всех. У него был друг — Ваня Самовольный. Все на полях, а он наденет лаковые сапоги и приходит: “Ваш Костя пойдет на улицу?”

А летом, как станет жарко, кони бегут домой всем табуном. Отцов конь впереди. В конюшне ж прохладно. Помню, раз жарко так было, и бегут. Дед кричит: “Уберите детей с база, кони!” Ворота закрыты, и они через ворота — раз! В конюшню забегают, станут и храпят.

Хозяйство было большое, четырнадцать дойных коров, и такого, гулевого, скота много.

А бабу Малашу приезжали сватать, ей 17 лет было. Муж ее, Федот Ермаков, был джигит на всю станицу, на скачках все призы брал. Конь у него был — Сокол. Рыжий, белоногий, весь как струночка. Федот был батареец. Отец у него был поганый. Задавался. Они как приедут, гуляют. Федот первый приезжает,

и сразу пляшут. Станут в круг и по хате, по полу — так гвоздями — цок-цок-цок, целый круг выбьют. А отец его подъезжает уже выпитый и сразу: “Федот, иде Сокол?”

Раньше ведь так не пили и не дрались, как сейчас. Тогда гуляют — песни поют, пляшут, а если кто дерется, скандалит, его уже знают. Сразу: “Иди сюда, иди сюда, давай выпьем”. И поют, пока он уже не свалится, и тогда лежит и никому не мешает.

Раз дядя Василий пошел на игрища, и там задрались. Дед слышит — дерутся. “Ая-яй, ая-яй,— кричат,— драка”. Дед встал, берет арапник и пошел. Как дал им там: “Чтоб сейчас домой!”» (моя бабушка.)

«Где сейчас инкубатор, раньше были станичные конюшни. Отсюда в восстание я отца и их четверых провожал.

— Они все четверо в восстании были?

— Все четверо. Как восстание началось, повесили списки, кого собирались расстрелять, и они все четверо в этих списках были, и все четверо восстали» (Н.Т. Борщев, из записки 1983 г.).

Я видел их (не всех, конечно) на старом пожелтевшем снимке — большеглазые брюнеты с правильными чертами лица. Вот прадед с медалью на груди, вот рядом его отец, вот — младший брат, вот с ними еще кто-то — грудь белой краской замазана. Послюнили фотографию, оттерли — под краской Георгиевский крест... Этот тип здоровенных большеглазых темноволосых красавцев я часто встречал на семейных фотографиях в хуторах по речке Решетовке. Оно и понятно. Жили замкнуто, роднились между собой. Добрая половина хутора носила, как правило, одну фамилию.

Помимо бабушки была еще одна не менее авторитетная личность, знающая, казалось, всю станицу и всех знаменитостей на Верхнем Дону — ее родная тетка Меланья Васильевна.

Меланья Васильевна — «баба Малаша» — не отличалась терпимостью моей бабушки. Если она что вспоминала и рас-

сказывала, то громко хаяла красных, и особенно — китайцев, невесть откуда взявшихся на Дону, и демонстративно сожалела о старых временах, когда в хозяйстве ее отца было 14 дойных коров, табун лошадей и уйма другого скота. Первый муж ее пропал в отступлении зимой 1919—1920 гг., второй ушел в банду к Фомину, и в третий раз она вышла замуж за «красного партизана» Попова Тимофея Ивановича («Мне батя сказал: “Иди за него, Малаша, иди. Раз у них такая линия — всех кулаков перевести, то нас они точно переведут. Может, ты спасешься”). Тимофей Иванович, человек малограмотный и на редкость невозмутимый, за всю свою жизнь, по его словам, волновался всего два раза. Первый — когда померла его прежняя жена, второй — когда попал в руки Фомина и сам Фомин приказал отвести его в яр и отрубить ему там голову. После Гражданской войны он занимал ответственные посты на уровне председателя колхоза, уцелел во время чисток, саботажа и вредительства и умер в 1950-е гг., оплакиваемый родными, близкими и соседями. За всю совместную жизнь он не сказал Меланье Васильевне худого слова, только похваливал за трудолюбие. Но последнее время она все же чаще вспоминала своего первого мужа, Федота Ермакова, первого джигита станицы, лихого батарейца, провалившегося под лед, заболевшего и умершего в отступлении.

А вот документ: «17.03.19 г. Михайловка. Следователь Борисов донес, что наш отряд в 130 человек окружен в Крутковском. Примите самые энергичные меры к освобождению окруженных и уничтожению восставших. Химические снаряды вам посланы. Княгницкий, Барышников»¹.

Архивные материалы, казалось, хранили сгустки нерастратченной злой энергии, энергии борьбы не на жизнь, а на смерть. Жестко, беспощадно, с классовых позиций...

Донбюро РКП (б): «Если Советская власть на Дону вместо энергичного дела станет снова уговаривать контрреволюцион-

---

¹ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 19 об.

ные элементы, то этой Советской власти придется опять быть ниспровергнутой кулацкими восстаниями при помощи иностранных штыков.

...Этих коммунистов должно быть больше пришлых из Москвы и Петрограда с большими опытом и энергией»².

«Организуется опять центр работы на Дону и опять во главе ее становится Сырцов. Как будет дальше, судить не трудно, ибо и Сырцов, и Васильченко всегда стараются подобрать таких товарищей, которые поддержат их независимо от их качества как партийных людей. Начинается та же история, какую мы три раза переживали. А. Фролов, штаб 9 армии»³.

«Это восстание было поднято тем казачеством, которое в конце 1918 г. выразило покорность Советской власти и было распущено по домам с оружием в руках, что явилось, конечно, большой ошибкой. Теперь казаки выступили под эсеровскими лозунгами»⁴.

Да, с классовой точки зрения все было просто и ясно: идея «их обидели — они восстали» здесь не проходила. Прежде всего, единства не было среди самих казаков. Компактная масса, как копна сена в степи, раздергивалась ветром революции. И несло клочья по выгоревшему, некошеному колючему полю, пока не прибывало — кого к лагерю белых, кого — к противоположному. Но овеваемая копна, уменьшаясь в размерах, все высилась посреди поля, удерживая, не давая насовсем оторваться, все стояла в глазах символом единства казачества. А ветер усиливался...

Вся Гражданская война — процесс расслоения казачества. От дней калединщины, когда казаки целыми полками во главе с офицерами шарахались от красных к белым и обратно, и до времени, когда на два противоположных непримиримых лагеря раскалывалась семья.

---

² ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 661. Л. 58.

³ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 34. Л. 137 об.

⁴ Гражданская война. 1918—1921. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк действий Красной Армии. М.—Л. 1930. С. 234.

Процесс этот был долг и мучителен. И классовый подход объяснял четко и ясно — почему. Из десяти казаков Вёшенской станицы два были богаты, шесть считались середняками, но по среднероссийским меркам походили на кулаков, и два казака были бедны. Причем один из них из кожи лез, чтоб «выйти в люди», но не везло ему — то падеж, то неурожай, а другой сдавал свою казачью, по закону положенную ему землю в аренду, жил на арендную плату, хозяйства не имел (почему и считался бедняком), а сам в лаковых сапогах гулял по станице и громко кричал о попрании казачьих прав, засилии хохлов и на прочие злободневные темы.

Когда началась Гражданская война, двое богатых сразу же стали белыми. Один из бедняков, поколебавшись немного, ушел к красным, второй побывал в обоих лагерях по несколько раз.

Лозунг его был: «Грабь!» Вся сложность с шестью середняками. Достаток свой они имели благодаря упорному, окропленному кровавым потом труду, но достаток был «всем достаткам достаток», и такие вещи, как продрозверстка, хлебная монополия и реквизиции, встречались шестью середняками в штыки. В 1918 г. по всей Донской области 18 % боеспособных казаков ушли в Красную Армию, 82 % были «в белых». В отдаленных станицах степень расслоения была еще меньше. В Вёшенской за весь восемнадцатый год из казаков исключили «за большевизм» всего одного человека — батарейца Василия Кухтина, бежавшего в Красную Армию. Причем родной брат его после этого еще полгода оставался «в белых» и даже «География» от них имел. Вся Гражданская война — мучительные колебания этой «шестерки» середняков. И восстание в Вёшенской, исходя из классовых позиций, — самое яркое проявление этих колебаний.

И ехал я как-то из Каргинской к двоюродной бабке на хутор Грушенский. Подвозивший меня шофер, молодой — моложе меня — парень, рассказал, что, по словам стариков, вот у этого дома (мы ехали через хутор Лученский, и он кивнул в окошко) убили хозяина в восстание. Конные красные отступали через

Лучки на Боковскую, а казаки, в том числе и лученские, наседали на них, две цепи конных двигались одна за другой. Хозяин дома, преследовавший красных, уже подскакивал к своему двору, когда ехавший последним красноармеец придержал коня и выстрелом из винтовки выбил его из седла. Выбежавшие из хаты встречать казаков домочадцы натолкнулись на лошадь, тащившую в раскрытые ворота их отца и мужа, застрявшего ногой в стремени...

Вот тебе и колебания, вот тебе и классовый подход...

Иногда мне очень хотелось хоть одним глазком самому посмотреть на ту жизнь, представлявшуюся мне сплошным сражением. И странным показалось найденное в архиве письмо некоего Сосновского, директора училища из станицы Казанской, написанное летом 1919 г. В письме осуждалась «удушливая и безжизненная атмосфера станицы... где, даже при самых спокойных обстоятельствах, предстоит полное духовное умирание»⁵.

Что ж, материала я насобирав много...

Итак, сырое мартовское утро. Всадники, всадники, всадники на разбитых донских дорогах. Снег и грязь летят из-под копыт в серое небо. Над хуторами колокольный звон, разрозненная стрельба и неумолчный гомон майданов. Восстание!..

Впрочем, начнем-ка мы на год раньше, чтоб яснее было...

---

⁵ ГАРО. Ф. 3997. Оп. 1. Д. 242. Л. 56—56 об.

ГЛАВА 1

«Мы все как один готовы в любой момент...»

(Из резолюции одной станицы)

Весна 1918 года. Калединщина, которую Ленин считал одной из главных опасностей для революции, разгромлена. Часть казаков-фронтовиков, уверенных, что дело сделано, мир с Советской властью установлен, «приняли Советы», разошлись по домам к хозяйствам... Другая часть казаков-фронтовиков (пожалуй, большая) расходилась по домам, ошеломленная политическими событиями, их не понимая и не желая понимать, не учитывая ближайшего будущего. Эти казаки бессознательно проводили политику нейтралитета в Гражданской войне, который им сознательно прививали некоторые идеологи казачества, выражая линию принципиального аполитизма.

Организационного аппарата для проведения выборов в станичные Советы и военно-революционные комитеты не было.

Партийные организации были заняты борьбой с меньшевиками и «не могли уделить сколько-нибудь сил области и казачьим округам. Домашняя патриархальная обстановка очень скоро стерла поверхностный революционный налет с казаков-фронтовиков. В большинстве станиц власть осталась у «отцов», «дедов», «стариков» — так оценивал обстановку весны 1918 г. Донской комитет РКП(б). Он взялся устанавливать советскую

власть на Дону летом 1919 г., уже после интересующего нас восстания, и анализировал предыдущие события.

На севере Донецкого округа попытки революционных фронтовиков взять власть в свои руки были пресечены с самого начала.

Приказ о введении советской власти поступил в станичные правления по телеграфу вместе с другими декретами от новых властей. Созванные специально для решения этого вопроса станичные сборы долго и упорно отказывались вводить советскую власть. В центр посылались делегаты «для ознакомления с новыми порядками».

Лишь в марте, после ряда категорических требований и приезда делегатов с окружного съезда, сборы по станицам «решили подчиниться необходимости и избрать совет»⁶. В «Совет» вошли прежние станичные правления в полном составе. В Мигулинской и Казанской станицах председателями стали бывшие станичные атаманы — И. Дрынкин и К. Дронов, в Еланской — помощник станичного атамана Н. Мельников, и лишь Вёшенский станичный Совет возглавил прибывший «из Красной гвардии» полный георгиевский кавалер подхорунжий Харлампий Васильевич Ермаков. Подобного рода замены произошли и на хуторах.

Вывеску поменяли, но суть была прежняя. Призывы о мобилизации против приближающейся германской агрессии остались без ответа. Из Каменской грозили прислать войска и «разогнать контру». Станичных атаманов и некоторых местных «деятелей» требовали на суд в округ, но станичные сборы, сохранившиеся при новой власти, становились на защиту, и вызываемые не ездили.

Не лучше было положение и по всей области. На областной съезд Советов все казачьи округа послали ровно столько делегатов, сколько выслали крестьяне одного Таганрогского округа. Причем «делегатами от станиц были длиннобородые седые старики, завсегдатаи войсковых кругов»⁷.

---

⁶ Кожин А. В верховьях Дона // Донская волна. 1919. 12 мая.

⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 34. Л. 135 об.

Обстановка в это время была напряженная. Областной съезд часто прерывал работу — под Новочеркасском шли бои с восставшими казаками Кривянской и Заплавской станиц. Кое-кто под шумок лез к власти, делал карьеру. Таким был делегат от Еланской станицы вахмистр Яков Семенович Родин, кавалер медали Святой Анны за подавление «беспорядков» в Одессе в 1905 г. Когда обсуждался вопрос о переговорах с «главарем мятежников» есаулом Фетисовым, Родин прорвался на трибуну и заявил: «Никогда этот мерзавец не подчинится и ни разговаривать, ни рассуждать не станет. Сейчас же, этой секундой надо выслать отряды. Я настаиваю на этом», — чем вызвал аплодисменты. Бравого вахмистра заметили, и от партии левых эсеров он был избран кандидатом в члены ДонЦИКа.

Через три недели Я.С. Родин стал членом суда над экспедицией Подтелкова.

Оглушенные стрельбой и непонятными лозунгами, старики-делегаты дружно проголосовали на съезде за списки большевиков и левых эсеров и с чувством облегчения вернулись в свой «тихий угол».

Вместе с ними на Верхний Дон хлынули искавшие прибежища «вожди» разбитых контрреволюционных отрядов. Известный всему Хоперскому округу авантюрист и «социалист» Дудаков объявился в станице Мигулинской под фамилией Сидоренко и вскоре стал заведовать в Верхне-Донском коопсоюзе яичным отделом.

Под влиянием таких «гостей» на Верхнем Дону в начале апреля зародилась мысль отмежеваться от беспокойной Каменской и, основываясь на постановлении одного из калединских Кругов, организовать свой округ — Верхне-Донской. «Был созван съезд представителей от казаков станиц нового округа и был избран окружной совет, состоявший из заклятых врагов Советской власти», — вспоминали сами белые⁸.

---

⁸ Кожин А. Указ. соч.

Последняя телеграмма в центр с Верхнего Дона пришла 23 апреля и гласила: «Советская власть Верхне-Донского округа организована Вёшенской. Распоряжения направлять Вёшенскую, подробности почтой. Председатель Поляков»⁹. После этого, ссылаясь на весенние полевые работы, Совет прервал связь с Ростовом и Новочеркасском окончательно.

Кто такой был «председатель Поляков» — пока неизвестно. Один лишь раз промелькнуло в печати, что «в Вёшенском окружном Совете председателем был даже расстриженный поп, отчего власть эта никогда не пользовалась авторитетом среди широких слоев и трудящихся масс на Дону»¹⁰.

Весной 1918 г. на Дон надвигалась волна немецкого нашествия. Советские украинские войска с боями уходили на восток, впереди них катилась орда дезертиров, анархистов, просто бандитов. Грабежи и бесчинства этих элементов, прозванных в народе «чертовой свадьбой», давали прекрасный агитационный материал в руки белых. Положение советской власти, которая держалась на Дону лишь в пролетарских центрах, стало критическим. Белые воспрянули духом. Гремели бои под Новочеркасском и Александровск-Грушевским.

В этой сложной ситуации основной задачей большевиков было не допустить вторжения немцев на Дон, а если это случится, то локализовать конфликт и не дать ему разрастись в германо-советскую войну. Чтобы лишить немцев повода вторгнуться на территорию Донской области вслед за отступающими советскими украинскими войсками, была дана телеграмма за подписью В.И. Ленина, требовавшая разоружения всех войск, переходящих границу Украины и Дона¹¹. Телеграмма подобного же содержания была разослана во все местные Советы пограничной зоны.

Для верхне-донцов все эти события были делом далеким и смутным. В хутора доходили неясные слухи о боях под

---

⁹ ГАРО. Ф. 3440. Оп. 1. Д. 4. Л. 137.

¹⁰ Правда. 1919. 7 февраля.

¹¹ Ленинский сборник, XVIII. Л., 1931. С. 64.

Новочеркасском, под Морозовской, об угрозе немецкого нашествия.

Громом среди ясного неба стала телеграмма из окружного Совета о том, что «положение катастрофическое, необходима всеобщая мобилизация».

«Что за катастрофа? Против кого мобилизация?» — завоновались хуторяне. «Большевики вторглись в округ, режут, грабят и жгут. Дон обещали отдать китайцам», — заявили домовитые, имевшие из станиц «самые последние» новости.

29 апреля немецкие войска заняли станцию Чертково и перерезали Юго-Восточную железную дорогу. Прямая связь Ростова и Новочеркасска с Москвой была прервана. Помимо этого занятием Чертково немцы отрезали от центральной России советские украинские войска, перешедшие донскую границу в районе станции Миллерово. Поэтому некоторые украинские отряды решили пробиваться на север, в Воронежскую губернию, кружным путем, походным порядком через верхнедонские станицы.

Тираспольский отряд 2-й социалистической армии высадился на станции Шептуховка и проселочными дорогами двинулся на северо-восток, надеясь добраться до станции Калач. Путь его лежал через лучшие в округе черноземные земли Мигулинской станицы. Последней весточкой была телеграфная лента: «Я начальник Тираспольского отряда... Мне необходимо срочно получить русских 3-линейных патронов. Невысылка патронов может вызвать серьезные последствия для отряда»¹².

30 апреля председатель Мигулинского станичного Совета И.Ф. Дрынкин получил из хутора Сетраковского телеграмму, что в хутор прибыли на автомобиле шесть квартирьеров, за ними идет полк кавалерии, четыре батареи и пехота.

Незнакомый автомобиль видели у хутора Мрыхина и у самой станицы.

Отставному подъесаулу Ивану Федоровичу Дрынкину было уже за 70. Постоянным местом его обитания был хутор Верхне-

---

¹² ЦГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 12. Л. 160.

Чирский, где в наемной полуразрушенной, разгороженной хате жила его жена и «четверо-пятеро» взрослых детей, не имеющих определенных занятий. Чтобы прокормить всю эту ораву, выход был один — вновь идти на службу. В четырнадцатом году Дрынкин баллотировался в станичные атаманы и собрал большинство голосов, но окружной атаман не утвердил его «по весьма преклонному возрасту...» и как «употребляющему спиртные напитки, оставившим это зло месяцев 6 тому назад, по всей вероятности, благодаря одному — что их достать нелегко, ввиду прекращения торговли...» В семнадцатом Дрынкин вновь баллотировался в атаманы и, благодаря «демократическим тенденциям», этого поста добился. В марте 1918 г. после долгих оттяжек он «перекрестился» в председатели «Совета».

Прекрасно понимая, что его председательство и атаманство прекратятся, как только красные придут в станицу, «народный избранник» апеллировал «к народу». Нарочные помчались с отчаянным призывом, и к вечеру выборные от ближайших хуторов уже были в Мигулинской. В разгар сбора, когда Дрынкин расписывал грабежи и насилия, чинимые большевиками, была получена вторая телеграмма из хутора Сетраковского о том, что туда «прибыла кавалерия, артиллерия и пехота, ведут себя спокойно, никого не обижают, за все платят».

Какие доводы приводил Дрынкин и что кричали его сторонники — неизвестно. Скорее всего, потрясали телеграммой из центра с приказом о разоружении переходящих границу частей, чтобы предотвратить «войну Дона с немцами». Красноармейцев пытались представить деморализованной массой, опасной даже для советской власти. Истинная подоплека выступления была не ясна даже «старикам», и «после недолгих размышлений сбор единогласно решил предупредить кровавую бойню и разоружить красноармейцев. И для этого было решено объявить всеобщую мобилизацию от 20 до 55 лет»¹³. На что надеялись Дрынкин и пригревшиеся у него под крылом хопер-

---

¹³ Кожин А. Указ. соч.

ские мятежники, пускаясь на эту авантюру, не понимали впоследствии даже сами белые. «Так вероятно и не выяснится, на что надеялись мигулинцы, вынося такое решение... Неизвестно было... что это за части, каковы у них планы», — писали белогвардейские газеты.

На сборе был сформирован штаб (или военный отдел станичного «Совета») из двух офицеров и двух урядников. Там уже мелькала рыжеватая бородка Сидоренко, «заведующего яичным отделом» кооператива, который давал дельные советы, а скоро стал писать приказы, распоряжения. По хуторам поскакали гонцы с приказом о мобилизации, план которой к утру 1 мая уже был разработан. Из хуторов на сборные пункты потянулись первые добровольцы-старики и кое-кто из фронтовиков.

Между тем Тираспольский отряд двинулся в сторону станицы Казанской. К тому времени разведка мятежников сообщила сведения о численности отряда, что заставило казаков задуматься. В авангарде тираспольцев шел 5-й Заамурский конный полк, с ним несколько местных казаков (всего 300 сабель), за ними — 5-я мортирная батарея полковника Рыкова, отряд Илларионова, китайский батальон Якира, 74-й Ставропольский пехотный полк, остатки 254-го Северо-Донецкого пехотного полка старой армии и три легкие батареи. Всего до 2000 человек, 12 орудий, 52 пулемета.

Тем не менее начались переговоры повстанцев с красновардейским командованием с упором на полученную телеграмму Ленина о разоружении, переговоры сопровождались рядом ночных налетов, во время которых казаки отбили всю красную артиллерию. Наконец, красная пехота сложила оружие¹⁴. Лишь 5-й Заамурский конный полк не поддавался на уговоры. Казаки открыли по нему огонь из захваченных орудий, и замурцы, увидев разоружение и избиение своей пехоты, ушли на Богучар.

---

¹⁴ См. подробнее: *Венков А.В.* Атаман Краснов и Донская армия в 1918 году. М., 2008.

Разоруженных красноармейцев погнали на станицу Краснокутскую и по дороге на земле Мигулинской, Каргинской и Краснокутской станиц порубили 500 солдат Ставропольского полка и 225 китайцев¹⁵, как бы связывая казаков этих станиц одной кровавой порукой. Оставшихся в живых пленных направили в Чертково, в австро-германский штаб. Из 177 посланных в Чертково прибыли 116, остальные бежали по дороге или были зарублены. Казакам досталось 12 орудий, 52 пулемета, 2000 винтовок и 15 000 патронов.

По всем дорогам скакали гонцы с воззванием «Братьям донцам от станичного сбора Мигулинской станицы». «Скоро, скоро наступит то время, когда мы, казаки, скажем свою волю открыто», — гласило воззвание и заканчивалось призывом: «Да здравствует наше будущее. Да здравствует донское казачество. Да здравствует Войсковой круг»¹⁶. Округ гудел, как потревоженный улей.

В самой Вёшенской было беспокойно. Революционно настроенные казаки-фронтовики поняли сущность окружного «Совета», несколько наиболее боевых готовили переворот. Солслуживец и друг Подтелкова Василий Кухтин тайно привез из Каменской оружие и распределил, кто будет брать здание телеграфа, кто разгонит или перебьет «Совет».

Известие об уничтожении Тираспольского отряда сотрясло станицу. Местные интеллигенты живописали зверства «красногвардии» и героизм мигулинцев, вставших как один на защиту родимого края. Фронтовики заколебались. В группе Кухтина объявился предатель.

За день до намечавшегося выступления, 3 мая, окружной «Совет» собрал съезд представителей станиц и, в связи с «вторжением на донскую землю разнузданных красногвардейских банд», объявил округ на военном положении. Вся полнота власти передавалась вновь назначенному заведующему воен-

---

¹⁵ Антонов-Овсенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т. 2. М., 1928. С. 282.

¹⁶ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 712. Л. 4.

ным отделом «Совета» полковнику З.А. Алферову. Прямо в «Народном доме», где проходил съезд, сторонники Алферова хотели арестовать Василия Кухтина, но тот, парень на редкость здоровый, отбился и ускакал в Богучар.

Вечером того же дня новоявленный заведующий военным отделом приказом «упразднил Советскую власть» и взял на себя функции окружного атамана.

Захар Акимович Алферов, уроженец станицы Еланской, по мнению очевидцев-земляков, делал карьеру под давлением своей сварливой и энергичной жены, дочери местного купца Симонова. Как и большинство лентяев, он, несомненно, имел задатки организатора. В строй его не тянуло. В 1904 году подъесаул Алферов был отчислен из полка в родную станицу обучать молодых казаков военным навыкам. Так и окончил бы он свои дни в неизвестности в захолустной Еланской, но жена заставила его сдать экзамены и поступить в военную академию. Вечно зеленые, но быстро облетающие при поражениях лавры полководца Захара Акимовича не прельщали, и он закончил военно-педагогическое отделение академии, намереваясь посвятить себя святому делу воспитания офицерского корпуса русской императорской армии. Война внесла в его планы свои коррективы. Революция застала его на штабных должностях в 4-й Донской дивизии и вновь зашвырнула в родные места.

Здесь он и был выдвинут в диктаторы, так как окружной «Совет» свято придерживался традиции, согласно которой в смутное время военная власть передавалась «старшему по службе» среди присутствующих офицеров.

Сознавая, что его таланты стратега оставляют желать лучшего, Захар Акимович вызвал из Казанской местного руководителя военного отдела генерального штаба капитана О.И. Савватеева и назначил своим начальником штаба. Савватеев впоследствии действительно проявил себя талантливым военачальником и достиг в Донской армии высокого положения и заслуженного генеральского чина. Станичным председателям, которых кое-кто уже именовал атаманами, были даны

самые широкие полномочия скакать и агитировать за «свою казачью власть на платформе Войскового круга», а сам Алферов окунулся в высокую политику, разрабатывал планы удара на Миллерово и экспедиции в Хоперский округ, на что особенно подбивал окружного атамана не преминувший открыться ему Сидоренко — Дудаков.

Из двух прямо противоположных направлений миллеровское в данный момент представлялось главным. С юга летели тревожные слухи, что несметные полчища красногвардейцев во главе с самим Подтелковым движутся вдоль полотна железной дороги с Лихой на Морозовскую, разоружают и разоряют окрестные хутора, сжигают их артиллерийским огнем. Уже 8 мая началась мобилизация «на Подтелкова». 9 мая с мольбами о помощи прибыли в округ гонцы Милютинской станицы...

Грозные «полчища подтелковского нашествия» оказались отрядом в сто человек. Казаки верхнедонских станиц окружили, разоружили и истребили этот отряд — «Подтелковскую экспедицию» — и казнили самого Ф.Г. Подтелкова, председателя Донского советского правительства. Это событие достаточно освещено в те времена и советской и белой печатью, а впоследствии ему был посвящен целый ряд исследований.

Большинство казаков отнеслось к громыхнувшему над округом событию «внимательно», но держало «нейтралитет». Северные станицы замкнулись в сонном оцепенении. Даже идея «поднять Хоперский округ» не всколыхнула их. Всего четыре сотни наскреб округ на этот поход. Дудаков, в штатском, но уже под своей фамилией, увел их 20 мая на север, откуда они вскоре вернулись, так как через несколько дней после их выступления Хопер полыхнул сам по себе.

Южные станицы лихорадило. Проходившие на Царицын по линии железной дороги красногвардейские части порывались отомстить за гибель подтелковской экспедиции. Несколько раз их отряды подкатывались к станице Милютинской, грозились сровнять ее с землей. Паниковала Каргинская, в 40 километрах от которой видели большевиков. Ждали, что сожгут они хуто-

ра, вырежут всех, кто выше колесной оси. Страшились возмездия и те, кто обманом извел Подтелкова «со товарищи», и те, кто не участвовал в этом злодеянии, но знал о нем.

Два полка выставили южные станицы округа против большевиков, ходили те полки на Морозовскую, рвались на юг, на соединение с «низовыми» мятежниками.

Все это время округ был отрезан от Новочеркаска: от Лихой, на Царицын, разрезая область на две части, протянулись эшелоны отступающей 5-й украинской социалистической армии Ворошилова. Чтобы установить связь с Кругом и донским правительством, верхнедонские «лидеры» послали своего представителя есаула Фолометова в Чертково к немцам, а через тех уже вошли в контакт с Красновым, выбранным к тому времени Донским атаманом. Первый курьер из Новочеркаска прибыл в округ 18 мая.

25 мая Алферов был утвержден окружным атаманом, в станицах спешно проводились переборы власти. Атаман Краснов сулил эпоху процветания и привольной жизни по прадедовским заветам. Отбитые у Тираспольского отряда деньги демонстративно были потрачены на открытие в хуторах Мигулинской станицы начальных школ. В окружной станице Вёшенской была открыта гимназия. «В такую минуту возрождения Всевеликого войска Донского, — рассуждали верхне-донцы, — у власти должны стоять люди положительные и степенные, а не деры и горлохваты». Прежних председателей-атаманов, взявших на себя кровь подтелковцев и Тираспольского отряда, переизбрали. Так, Харламий Ермаков, вкусивший прелестей атаманской власти и не горящий особым желанием идти опять на фронт, пытался удержаться хотя бы на посту помощника станичного атамана, но не удержался — забаллотировали.

Летом по области была объявлена всеобщая мобилизация, но последовавшие волнения и начавшаяся уборка заставили отпустить часть призванных по домам. Тем не менее Донская казачья армия росла. Казаки, не вышедшие из возраста срочной службы, и подросшая молодежь были направлены в «Молодую

армию». Все остальные начали сводиться в территориальные полки. Каждая станица выставляла по одному такому полку и давала ему свое имя.

Имели ли они что-нибудь против советской власти? Прежде всего, они толком и не знали, что такое Советская власть, не видели ее у себя в станицах и хуторах в это время. Слухи о зверствах «красногвардии», долетавшие с юга, о хлебной монополии и реквизициях, начавшие доходить с севера и востока, были для верхне-донцов пока только слухами. Реальностью была власть, опиравшаяся на подавляющее большинство «низовцев» и на зажиточных по всей области. Реальностью было начавшееся наступление Красной Армии на территории Хоперского и Усть-Медведицкого округов.

И вот спешно были сколочены полки верхнедонских станиц и брошены на Урюпинскую, где шли бои с отрядами Сиверса и Киквидзе, а заодно и в прямо противоположном направлении, на ближайший к округу город Богучар.

«Помните, не спасут Россию ни немцы, ни англичане, ни японцы, ни американцы — они только разорят ее и залиют кровью. Не спасет Россию сама Россия. Спасут Россию ее казаки!» — летели им вслед слова атамана Краснова.

«Славься Дон и в наши годы!
В память вольной старины
В час невзгоды честь свободы
Отстоят твои сыны», —

пели казаки новый донской гимн (слова В. Гиляровского, музыка старинной песни «Всколыхнулся, взволновался...»).

«...Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики... Звучат родные песни, серебристый подголосок звенит вдали, как нежная струна... Звенит и плачет, и зовет... То край родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог родной и угол», — писал популярнейший на Дону автор, он же член (а потом и секретарь) Войскового Круга, Федор Крюков, и

это творение его было введено в обязательную программу всех учебных заведений на Дону, в том числе и Вёшенской гимназии «имени павших за освобождение родного края».

С выходом Донской армии на границы области противоречия внутри казачьего лагеря обострились. Пленные сообщали, что «желания воевать у казаков нет. Все сводится к защите своих границ, и коль скоро советские войска уходят за границу Войска Донского, казаки прекращают преследование. Если же в силу приказов... и переходят границу, то главным образом с целью грабежа»¹⁷. Нежелание переходить границу кое-где вылилось в вооруженные столкновения казаков с офицерами.

Тыл разъедали интриги. Под произведенного в генералы Алферова успешно подкапывались его собственный заместитель полковник Дронов и «авантюрист с мировым именем», атаман станицы Каргинской Лиховидов. Пришлось новоиспеченному генералу уйти в отпуск, который затянулся на неопределенное время.

Казнокрадство процветало. П.Н. Кудинов, лежавший всю осень 1918 г. в госпитале Вёшенской станицы, вспоминал, что трофеи расхищались, жалование приходило в части с полугодовым опозданием¹⁸.

18 ноября 1918 г. одна из сотен 2-го Верхне-Донского пешего полка (из казаков старших возрастов) самовольно снялась с позиций и пошла в тыл за обмундированием.

«По домам! — кричали казаки. — Хватит вшей кормить! Долой золотые погоны! По домам!...» — «Мы отказываемся защищать Дон, а если придется, будем защищать свою станицу», — разъясняли они всем свою «программу»¹⁹. К сотне присоединились другие, и вот ядро 2-го Верхне-Донского полка в 200 штыков, выбрав командиром подхорунжего Моргунова, двинулось в свою окружную станицу. «В Вёшки!.. Навесть по-

---

¹⁷ ЦГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 334. Л. 7.

¹⁸ *Кудинов П.* Восстание верхне-донцов в 1919 г.: Исторический очерк // Вольное казачество. № 77. С. 7.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 82. Д. 7. Л. 312.

рядок!..» — будоражила ряды взбунтовавшегося полка шальная мысль. На общем собрании было все же решено междоусобной войны не начинать, а добыть обмундирование и идти на Калачевский фронт, поближе к станицам.

В Вешках, в штабе Северного фронта белых порядком струхнули. Командиру гарнизонной сотни Х.Ф. Кружилину было приказано выслать разведку, узнать, куда идут мятежники. Кружилин утешил начальство: «Не пугайтесь, ваше превосходительство! Они как до станичных земель дойдут, враз по домам разбредутся, а там мы их голыми руками...»

28 ноября отдельные казаки 2-го Верхне-Донского полка стали прибывать в свои станицы. Был отдан строжайший приказ ловить их и посылать обратно на фронт.

Чем ближе подходили к Вёшенской, тем больше сомнения одолевали верхне-донцов. 29 ноября полк вступил в хутор Гороховский (10 верст севернее станицы) и обратился с жалобой к своему станичному правлению.

30 ноября станичный сбор Вёшенской постановил обмундировать пришедших с фронта казаков и отправить их обратно на фронт в Хоперский округ. Полк покорился и выдал зачинщиков. 12 казаков Верхне-Донского полка были приговорены военным судом к расстрелу. Приговор привели в исполнение через три дня, так как не было охотников стрелять.

В 2 часа ночи конвой с осужденными прибыл на место казни, где «уже к этому времени трусливо пережимался взвод стрельцов из казаков базковской гарнизонной сотни с “четой судебного ведомства”». После залпа трое повалились замертво, остальные, израненные, с воплями бежали в лес. Наутро, сопровождаемые толпой рыдающих женщин, они пришли в Вёшенскую к окружному лазарету. В станице началось волнение. «Смертники» были положены в лазарет, а члены суда на всякий случай уехали из станицы.

Узнав о расстреле своих товарищей, казаки 2-го Верхне-Донского полка до Хоперского округа так и не дошли. Командование боевого участка дважды напоминало штабу фронта,

что 200 казаков с двумя пулеметами так и не вернулись на фронт. Зато 19 декабря начальник этапа в хуторе Шумилине хорунжий Буданов сообщил, что к нему явились вёшенские казаки, ушедшие ранее из Хоперского округа, и требуют направить их на Калачевский фронт. 20-го Буданову было приказано разоружить их и отправить на Хоперский боевой участок. Он ответил, что не может сделать этого из-за отсутствия сил, а у вешенцев два пулемета.

Скрепя сердце начальство санкционировало отправку казаков 2-го Верхне-Донского полка на Калачевский фронт, где их предполагалось влить в 28-й конный полк «для перевоспитания». Но, как заметил П.Н. Кудинов, «28-й полк считался боевой и исполнительной частью на фронте, но отнюдь не был исправительным батальоном»²⁰.

28-й полк (до августа 1918 г. — 1-й Верхне-Донской) был одним из лучших полков белой Донской армии. Сформирован он был, в отличие от других частей, из казаков всех станиц Верхне-Донского округа.

Разумеется, все проблемы и все положительные и отрицательные с военной точки зрения черты, присущие формированиям Донской армии, находили свое отражение и в этом полку. Как и все, он был заражен «пограничной болезнью» и 23 августа под хутором Шумилиным отказался переходить границу Донской области. 2-я сотня, подстрекаемая урядником Маноцковым, даже пыталась разойтись по домам. Но офицеры полка, подобранные по всей области «отчетливые» контрреволюционеры, среди которых были сподвижники известного всему Дону есаула Чернецова, смогли принудить полк к повиновению. Десять казаков Казанской станицы расстреляли тогда в Вёшенской.

Удачные бои под Старой Меловой, под Павловском подняли пошатнувшийся боевой дух. После боя под Таловой генерал Гусельщиков, командир известного на всем фронте 23-го Гун-

---

²⁰ Кудинов П. Указ. соч. С. 7.

доровского Георгиевского полка, «дал 28-му полку имя “Непобедимый”, ибо первая сотня его по печальной ошибке вступила в бой с георгиевцами и, после целого дня ожесточенного боя, принудила их отступить, взяв два пулемета. Единственное поражение гундоровцев своими же»²¹.

Между тем, работая в архивах с материалами по белоказачьим полкам, просматривая списки и наградные документы, я испытывал странное чувство, когда мне попадались «свои», верхнедонские полки. С детства слово «белые» ассоциировалось у меня с каппелевскими офицерскими шеренгами из фильма «Чапаев». Черные мундиры, белые ремни, вычищенные до блеска, бритые офицеры с сигарами. А здесь — вот они! — все свои. Знакомые с детства фамилии. Вот Каргинский полк: Каргины, Лиховидовы, Вислогузовы, Фадеевы; вот — Еланский: Голицыны, Глазуновы, Родины, Летневы, Мельниковы; вот — Мигулинский: Буханцовы, Коноваловы, Сетраковы, Дамановы; а вот и Вёшенский: Антиповы, Дударевы, Турилины, Калинины, Борщевы. Вся станица! Встретил я и «дядю Василия», и «дядю Костю», героев бабушкиных рассказов. Заработали они «Георгии» в октябре 1918 г. Стремясь узнать, что же это были за люди, я переписывал длиннейшие списки и читал их старожилам. И часто, к моему удивлению, лица дедов озарялись: «Ефим Семенович? Помню, был такой... Бабка, ты помнишь Ефима Семеновича?» И бабка улыбается... Об «активных контрреволюционерах» вспоминали как о людях добрых, сильных, честных...

Служили, воевали, зарабатывали кресты и медали. И носили, глаз не прятали. «Мы их честно заслужили. Кровью...», — казалось, говорили чубатые ясноглазые парни со «служивских» фотографий.

Но вернемся к нашей истории. Вдохновленные победами и подстегиваемые жаждой наживы казаки рвались в бой. 23 ноя-

---

²¹ Донская волна. 1919. 3 (16) марта.

бря 1918 г. 28-й полк брал станцию Лиски, где устроил повальный грабеж. Добыча была так велика, что за ее подсчетом и делением забыли об обороне. 29 ноября 8-я армия красных нажала, и продовольственный полк им. Карла Маркса взял станцию Лиски обратно, да так, что среди трофеев у красных числилась канцелярия 28-го конного полка.

Между тем разложение Белой армии усиливалось. Большую роль сыграла революция в Германии, уход германских войск и отсюда — ухудшение материального снабжения белых. Бежавшие из плена красноармейцы рассказывали, что «казачьи полки и, вообще, монархические банды ходят совершенно голые и босые, что же касается жалования, то таковое не получают уже три месяца». Ожесточенные бои изматывали Донскую армию. Сами белые признавали: «В непрерывных боях последних двух месяцев... вышло из строя 40 % казаков и 80 % офицеров».

В 28-м полку осталось 20—25 % казаков прежнего состава, потери восполнялись пополнениями. Но, как писали белые, «пополнения приходили уже не те».

Попавшие в 28-й полк казаки-верхне-донцы рассказали о событиях в Вёшенской. Результаты быстро сказались. Полк, люди в котором были и тепло одеты и хорошо обуты, находившиеся на фронте, где дела шли весьма успешно, вдруг без всякой видимой причины замитинговал. Стал отказываться исполнять боевые задачи, начал брататься с красными...

Все волнения казаков-фронтовиков севера Донской области не достигли бы своего логического финала, если бы не наступление Красной армии, начавшееся 4 января 1919 г. Три дня кровопролитных боев с переменным успехом послужили переломным моментом в настроении верхнедонских казаков.

6 января, когда белые пытались организовать наступление на Абрамовку, на просьбы командующего отрядом генерала Гусельщикова поддержать операцию казаки Мигулинского полка ответили криками: «Долой войну! Долой золотые погоны!» 7 января Гусельщиков приехал в расположение Казанского полка и потребовал исполнять приказ о наступлении. Казаки

Гусельщикова обругали, адъютанта его огрели прикладом, демонстративно снялись с позиции и ушли в г. Калач. Единственное, что смог сделать Гусельщиков, это приказать командиру полка и офицерам идти вместе с казаками и по дороге разубедить их. «Казаки открыли фронт на Богучарском направлении на Рождество старого стиля», — писал прославленный советский военачальник, будущий маршал А.И. Егоров²².

По дороге к Казанскому полку присоединился Мигулинский полк, который тоже бросил позиции и двинулся домой, насильно забрав с собой офицеров. Проходя через Калач, казаки устроили митинг, к которому примкнули пешие сотни бывшего в городе на пополнении 28-го полка, т.е. те самые «штрафники», которые полтора месяца назад «будировали» в окружной станице Вёшенской. Вместе с казаками в Калач пришли два красноармейца-агитатора, одетые в казачью форму, и приняли живейшее участие в митинге.

Накричавшись до хрипоты, казанцы и мигулинцы пошли в свои станицы, а пешие казаки 28-го полка вместе с казанцами добрались до хутора Шумилина, где на этапе захватили свой полковой денежный ящик (300 000 рублей) и 12 пулеметов, предназначавшихся для 3-й «молодой» дивизии.

В Шумилинском, пограничном хуторе Донской области, перед казаками встал вопрос: «Теперь куда?» Народ в полку был со всего округа. Кто кричал «По домам!», кто — «Идем на Вешки, разгоним власть. Спросим с них, куда наших дели». Кое-кто под шумок действительно ушел по домам, но «штрафники», задававшие тон, вскричали:

— Стой, братцы, стой! Так нас опять поодиночке передуют. Идем на Вешки всем полком. Мы — 28-й Непобедимый... Выберем командира и — в Вешки...

— Кого в командиры-то?

— Яшку, што ль, Фомина? Яков Ефимыч, ты где? Просим...

— Фомина!.. Фомина!..

---

²² *Егоров А.И.* Разгром Деникина. 1919. М., 1931. С. 68.

Несколько пленных красноармейцев, поставленных недавно в ряды 28-го полка, предложили: «Давайте тогда и комиссара изберем. Пусть политикой заворачивает...» Казаки в нерешительности переглянулись, но, не решаясь конфликтовать в самом начале так удачно складывающегося дела, решили: «Давай и комиссара!.. Кто тут пограмотней? Мельников? Иван Егорыч, давай в комиссары! Руководствуйте сообща». — «Теперь еще полковой комитет изберем и сотенных...», — предложил кто-то. «По дороге изберем. Хватит брехать попусту... Фомин, веди на Вешки!»

Яков Ефимович Фомин (1885—1922), казак хутора Рубежного Еланской станицы, был признанным лидером в полку. Если мы возьмем какое-либо абстрактное движение или коллектив, то увидим, что во главе его часто становится не самый сильный, не самый умный и даже не самый хитрый. Лидером становится тот, чьи качества наибольшим образом соответствуют устоям, традициям, устремлениям общественной группы, осуществляющей движение, и чья «программа» — концепция устремлений данной общественной группы в данный период времени. «Двоякого рода психологический процесс способствует признанию лидера: проекция на него своей собственной сущности и отождествление себя с ним. Лидера надо заметить и увидеть в нем самого себя»²³.

Высокий, светловолосый, голубоглазый, физически крепкий (действительную службу он нес в Атаманском полку), Фомин был отнюдь не бедняк. Во время войны из дому ему прислали второго коня вместо убитого. В 1917 г. он был членом полкового дисциплинарного суда.

По своим способностям Фомин был неплохой командир полка и прекрасный командир сотни. Куда бы ни забрасывала его судьба впоследствии, взлетал ли он до командира дивизии в Донском корпусе Миронова, сидел ли в камере смертников вместе с тем же Мироновым, но стоило ему в составе мар-

---

²³ Гулыга А.В. Искусство в век науки. М., 1978. С. 57.

шевого пополнения прибыть в кавалерийскую часть, местное начальство неизменно выделяло его и, как правило, назначало сотенным или эскадронным командиром. Определенных политических убеждений Яков Ефимович не имел. Всю жизнь он был «за казаков». За своих из 28-го полка, за казаков мионовского корпуса летом 1919 г., за кряхтевших от продрозверстки верхне-донцов в 1920—1921 гг. Жизненный путь свой он закончил в смутные времена «политического бандитизма» главарем банды, известной своей жестокостью и беспощадностью.

Иван Георгиевич Мельников (1890—?), казак хутора Солонцовского Еланской станицы, был прямой противоположностью Фомина. Рост средний, темная челочка, падающая на лоб, коротко подстриженные усы. Происходил он из зажиточной семьи. Отец его до революции держал 5 лошадей, 4 пары быков, 3 коровы, 5 голов гулевого скота. В действительную службу был Мельников полковым писарем 12-го Донского полка (должность, по понятиям неграмотных казаков, очень высокая). Авторитет у него был огромный, делегатом от полка избирался он на Войсковой круг I созыва. В смутном 1917 г. во время керенщины и калединщины увлекался он социал-демократическими идеями и даже вступил в партию. Весной восемнадцатого года был связан с Новочеркасской ЧК, во время налета кривянских казаков на город был в тюрьме, бежал и всплыл в белой армии в 28-м Верхне-Донском полку.

Обладал он редким для казаков качеством держать нос по ветру, и будущее сулило ему достижение на административном поприще вершин, в иные времена недостижимых. В 1919 г. был адъютантом (начштаба) полка в корпусе Миронова и один из немногих не принял участия в мятеже. Высшей его должностью в армии было — замначальника штаба дивизии по административной работе. В 1920 г. по просьбе местных властей вернулся он в родной округ, занимал высокие посты, одно время был даже председателем окрисполкома, но оказался замешанным в историю с мятежом эскадрона Фомина и попал под

следствие. Где он был после, неизвестно, а вот в 1942 г., при немцах, объявился на посту «мэра города Миллерово». Умер где-то за границей.

Но все это было потом, а пока Фомин, Мельников, адъютанты Фомина — красноармеец Кароль и иногородний Симоненко, наиболее близкие казаки: Александр Кухтин, Вещунов, Тарасов — вели пешие сотни 28-го полка на Вёшенскую.

Известие о том, что Казанский и Мигулинский полки идут в свои станицы, пришло в штаб Северного фронта белых сразу же. Подавить бунт немедленно военной силой надежды не было, и новый окружной атаман генерал Усачев решил собрать «экстренные станичные сборы для изыскания мер предотвращения дальнейшего разложения фронта».

Не успели Усачев и Дронов выехать в Казанскую и Мигулинскую, как 12 января в Вешках узнали, что 28-й полк договорился с красными о мире на условии выдачи офицеров с одной стороны и «жидов-комиссаров» — с другой. Теперь полк шел в Вёшенскую, чтобы устранить единственное препятствие для заключения такого мира — разогнать штаб фронта и «избить всех офицеров». Разведка, посланная навстречу бунтовщикам, донесла, что действительно три пешие сотни 28-го полка (500 штыков, 24 пулемета) находятся в хуторе Решетовке в 15 верстах от станицы.

14 января в обеденное время генералы Иванов и Зембрицкий, командующий и начштаба Северного фронта, наблюдали из окна штаба, как три пешие сотни 28-го полка вступали в станицу Вёшенскую и выстраивались на площади.

Первым делом прибывшие разоружили караул у гауптвахты и выпустили 25 арестованных, затем вызвали коменданта станицы и потребовали квартир. Иногда на площади слышалась брань в адрес офицеров.

К бунтовщикам был послан войсковой старшина Малюгин — узнать претензии. Казаки потребовали окружного атамана (одни говорили, что выскажут претензии лично ему, другие грозились оторвать ему голову).

В тот же день командование полка завернуло обоз со снарядами, следующий в Хоперский округ. Фомин размашисто подписывал отпускные свидетельства, и возчики, благословляя «новую власть», торопились в обратный путь.

Вечером Иванова вызвал к прямому проводу командующий Донской армией генерал Денисов. Пришлось докладывать о безобразиях, творящихся в станице: «Вошли в станицу спокойно, в порядке, прекрасно и тепло одетые, без офицеров, остановились на площади, потребовали квартир и разошлись. Намерения их неизвестны, но обещали прислать ко мне делегацию с вопросами».

Иванов знал, что положение у него на фронте критическое. В ближнем тылу белого фронта, в районе Калача, скопилась масса оставивших позиции частей, которые смешались с вновь прибывшими полками и в течение нескольких дней топтались на месте в нерешительности, не зная, что предпринять.

14 января при появлении красной разведки панически бежал из Нижне-Текучева 32-й Вёшенский полк. В 12 часов дня бросила окопы застава конных сотен 28-го полка, после того как в перестрелке потеряла одного раненого.

Весь этот «табор» без боя оставил Калач и в метельную ночь на 15 января двинулся на слободы Криуша — Подгорная. Генерал Дукмасов, начальник боевого участка, окрестил этот поход «наполеоновским». Многие казаки и офицеры перепились, немало их замерзло в дороге. Крестьяне при приближении пьяной орды разбегались. Оставшиеся заламывали тройные цены за продукты, фураж, подводы, отказывались брать «донские» деньги. Пьяные казаки овечьими ножницами разрезали рулоны «керенских», совали, не считая, жителям, тащили лошадей, подводы, грузили раненых вперемешку с «трофеями». «Наши ряды будут таять по мере оставления хуторов и станиц, — доносил генерал Дукмасов. — Казак, побывавший на фронте, имеет в среднем до 50 — 100 000 рублей, и он больше не нуждается в захвате “трофеев”, этим и объясняется стихийное движение дойти до дома и передать семье деньги». Северо-Западный отряд белых развалился окончательно.

В Вёшенской назревали события. 15 января в 6 вечера фоминцы пришли в казармы инженерной сотни и потребовали сдать оружие, но саперы отказались, и после непродолжительного спора с руганью и угрозами казаки 28-го полка ушли. В этот вечер они выставили караулы к артскладам в хутор Базки, к мосту через Дон и к телефонной станции. К чему они стремились? Что собирались делать?

П.Н. Кудинов в своей «Заключительной главе к “Восстанию верхне-донцов”» писал: «Еще раз должен повторить, что верхне-донцы, бросив фронт в декабре 1918 года, никогда не имели в виду измену и предательство, и поэтому, несмотря на возводимые на них обвинения, они никогда не сожалели о сделанном и никогда не раскаивались ни перед кем, тем более ни перед какими донскими сановниками. Верхне-донцы были требовательны к своим вождям, ждали от них служения казачеству, и видя у них только дебоширства, бестолковые распоряжения, всевозможные хищения и заедание всяких штабных передвигателей флажков, решили твердыми мерами исправить положение... Своим актом мы хотели исправить произвол в нашем тылу». Эта характеристика настроений несомненно верна для какой-то части казаков 28-го полка. Основная же масса фронтового казачества Верхне-Донского округа хотела мира («без аннексий и контрибуций», — заявляли казаки) и всеми доступными средствами стремилась сместить генералов и офицеров — виновников осточертевшей войны. «Партия мира» ополчилась на «партию войны» — вот что творилось в округе в это время. Но небольшая группа революционно настроенных казаков и пленных красноармейцев подбивала Фомина и других командиров идти еще дальше: взять власть, а там... Единства среди мятежников не было. Группа активистов в 40 человек сплотилась вокруг своих выборных командиров, остальные медленно, но верно откалывались и разбредались по домам. Были посланы гонцы в конные сотни своего полка, в Мигулинский и Казанский полки с приглашением идти в Вёшенскую, но те пока не торопились.

16 января казаки 28-го полка выставили караул к казначейству и складам. В полдень приставили было часового к телеграфу, тот покрутился на морозе и ушел куда-то. К вечеру поползли по станице слухи, что фоминцы собираются убить Иванова, Зембржицкого и всех офицеров штаба. Но слухи остались слухами, на штаб так и не напали. «Это опять была бы война, а воевать они не хотели», — подметил Краснов.

Как только стемнело, несколько вооруженных казаков ворвались в помещение окружной стражи, забрали конфискованную у местных самогонщиков «дымку» и самогонные аппараты.

«Пусть сам любезнейший Петр Николаевич разбирается с этой сволочью», — решил Иванов. Еще 15-го он запросил Новочеркасск, собираются ли Краснов и Денисов в Вёшенскую, как обещали, и сообщил, что, несмотря на заносы, автомобили от Миллерово до Вёшенской дойдут.

Теперь случай давал Иванову возможность самому разобраться с верхне-донцами. «Они перепьются, господа. Надо ночным налетом разоружить полк». Организовать налет поручили полковнику Овчинникову и есаулу Степанову.

Впервые увидеть Афанасия Ефремовича Степанова (Стефанова) автору удалось в 1959 г. Он только что вернулся из Франции. Мне тогда было всего четыре года, и мужчина в черном костюме, белой рубашке и при галстукe (вид для хутора Базковского в то время необычный) показался мне просто огромным. После этого я не видел его лет двадцать. Жил он неподалеку, за Доном, всего час ходьбы, сестры его часто ходили в Вёшки на базар и всякий раз заходили к нам. Но как-то так получалось, что говорили о чем угодно, только не о нем. За все время я лишь раз услышал, что пенсию Афанасий Ефремович получает из Франции, пенсия маленькая, на наши деньги — 30 рублей в месяц.

Потом как-то случайно (я уже учился в институте) на фильме «Человек-оркестр» я четко и ясно вспомнил сцену нашей с ним встречи. Луи де Фюнес (всех сыгранных им героев я называл именем актера) искал родителей брошенного ему ребенка и нарвался на какого-то итальянского маркиза. И вот, увидев на

экране этого маркиза, я подумал, что такого же величественного, даже лицом схожего человека я давным-давно видел в Базках. После этого я внимательно выслушал один из традиционных рассказов бабушки, пропускаемых обычно мимо ушей...

Дед Афанасия Ефремовича — Илья Васильевич со службы принес много золота. Хозяйство его быстро пошло в гору, и на старости лет он решил, что если не детей, то внуков своих он обязан вывести в люди. «Афоньку выучу на попа, — решил дед, — а Тихошку (второго по возрасту внука — Ельпидифора — из-за тихого нрава дед звал Тихошей) — на офицера». И после того как будущие поп и офицер отбыли какое-то время в Усть-Медведицкой гимназии, дед отправил одного в семинарию, другого в Воронеж, в кадетский корпус, чтобы он сдал там экстерном экзамены на права вольноопределяющегося.

Но мечтам деда не суждено было сбыться. На первых же каникулах бабка Анисья Григорьевна заметила неладное и не преминула поделиться своими сомнениями: «Дед, ты куда деньги-то посылаешь? Афонька без креста приехал». Действительно, на другой день будто бы случайно дед подсмотрел, как Афонька умывается, и на груди его под расстегнутой рубахой креста не увидел. На вкрадчивый вопрос: «А где ж твой крест, Афоня?» — «семинарист» бойко ответил: «А я, дедушка, как умываться — так его снимаю». На следующее утро, пока будущий служитель культа умывался, бабка перерыла всю его постель, но креста так и не нашла. «Гляди, дед, — сказала она мужу, — брешет чего-то Афонька, нет креста. Так и до беды недалеко».

Вынужденный держать ответ Афонька сказал: «Дедушка, я не хочу на праздники ходить по дворам, и чтоб собаки тягали меня за полы». Выяснилось, что оба внука сбежали из мест, определенных им дедом, и оба учатся в Новочеркасске: старший — на инженера, младший — на землемера. Потрясенный дед сначала не знал, что и делать, но Афанасий живописал ему грядущий расцвет техники, посулил как-нибудь покатать на автомобиле, и дед, повздыхав, согласился, не доверяя до конца ни техническому прогрессу, ни посулам старшего внука...

Вот так создаются легенды.

По документам я определил, что Афанасий об учебе «на инженера», видимо, только мечтал. Перед Первой мировой войной он успел закончить лишь учительскую семинарию. С двоюродным братом — «Тихошкой» — у них была разница в пять лет, и когда младший, Ельпидифор, в 1916 г. отправился в Воронеж, Афанасий уже закончил ускоренные курсы Новочеркасского юнкерского училища и воевал на Кавказском фронте.

Когда началась Гражданская война, старший внук уверенно пошел «в белые» и с ними попал за границу, где работал таксистом, а младший (мой родной дед) дважды — 1917 г. и 1918 г. — начинал учебу на 1-м курсе землемерного училища (ныне Новочеркасский мелиоративный институт), и оба раза учеба прерывалась — то красные город занимали, то белые мобилизацию проводили. Дед участвовал в Вёшенском восстании (приехал на каникулы, а тут — красные и восстание...), был направлен в Новочеркасское Атаманское училище, куда направляли всех со средним образованием, отстал от своих под Новороссийском и, в конце концов, среди тысяч преданных и брошенных на Черноморском побережье казаков оказался в армии Буденного.

Занявшись вплотную историей восстания, я решил на всякий случай навестить «эмигранта». На всякий случай — потому что одна из сестер его сказала мне, что в восстании Афанасий Ефремович не участвовал. «В отступление, помню, метель была. Афанасий домой заехал, в башлыке... Конь под ним здоровенный, гнедой, весь заиндевел... Побыл и уехал... за Донец...»

Афанасий Ефремович все это время жил со своими сестрами. Когда я пришел к нему в гости (это был 1980 г.), он рвал в саду вишню. Из сада он пришел веселый и внешне благожелательный. Оказалось, что он одного со мной роста, немного сутуловат (как-никак ему перевалило за 80), но в плечах шире. Квадратное загорелое лицо с маленькими глазами и тонкими губами было выбрито, седые густые волосы — коротко острижены.

Тогда он уже страдал от склероза, и за время нашей беседы несколько раз переспрашивал, кто я такой. Мы прошли в его комнату с кроватью, столом и пустой этажеркой. Бутылку виноградного вина, принесенную мной в подарок, он сразу же раскрыл, налил две крохотные рюмочки, остальное запечатал и спрятал. Чтобы не оставаться в долгу, он тут же отдал мне, дал единственную книгу в комнате — потрепанный самоучитель французского языка.

Разговаривать со стариком, страдающим склерозом и взбодренным вином, было трудно. Несколько раз он начинал с жаром говорить о необходимости патриотического воспитания молодежи и при этом хитро посматривал на меня, дескать, знаю, что тебе надо, а не скажу. Какое-то неуловимое движение, когда он, подбоченившись, наклонялся вперед и чуть заметно морщил нос, удивительно молодило его и подчеркивало какую-то скрытую энергию. Я несколько не удивился бы, если б оказалось, что в 80 лет он физически сильнее меня.

О Гражданской войне он говорил неохотно, сразу же переспрашивал, кто я, как мое имя. Зато о «германской» вспоминал со странным удовольствием и гордостью («Немцы нам объявили войну. Я Родину защищал. Это была такая же война, как и последняя, Отечественная»). Он был взят в армию рядовым, в 12-й полк, награжден Георгиевским крестом («По-вашему, я вроде как Герой Советского Союза»), ранен, Харлампий Ермаков под огнем вынес его, раненого, с поля боя. После госпиталя он попал в Новочеркасское юнкерское училище («Командовал училищем генерал Попов, тот, что в Степном походе командовал. Знающий генерал»).

С увлечением Афанасий Ефремович вспоминал об эмиграции.

10 лет он проработал шахтером в Болгарии, 25 — таксистом в Париже. На стене у него висел почетный диплом от парижского профсоюза таксистов. В Париже у него была жена... Все бросил и вернулся домой.

О Гражданской войне я все же узнал, что лучшим генералом у белых был Гусельщиков, что сам Афанасий Ефремович одно время был у него в штабе («Я — войсковой старшина. По вашему, — подполковник»), что он прекрасно знал П.Н. Кудинова и Х.В. Ермакова, руководителей восстания («Харлампий Васильевич хотел автономную область в составе всей страны... Евреи помешали...»). Во время всего нашего разговора он задал лишь один вопрос: как у нас относятся к Троцкому. Я сказал, что Троцкий — злейший враг советской власти, был выслан из страны... Он криво усмехнулся: «Власть не поделили?.. Мы как город займем — два портрета: Ленин и Троцкий».

Если б я знал в то время, что передо мной — бывший командир сотни 32-го Вёшенского полка, старший цензор штаба Северного фронта белых, замначальника оперативного управления штаба фронта и последний командир 28-го Верхне-Донского Непобедимого полка, я бы «допрашивал» его каждый день. Но я еще не знал... А через год Афанасий Ефремович умер.

Но вернемся в Вёшенскую. Овчинников и Степанов направились в инженерную сотню и в пришедшую недавно обозную команду Гундоровского полка. Но офицеры инженерной сотни сказали, что казаки ненадежны и в случае налета скорее поддержат 28-й полк, а не штаб. Гундоровцы же, трусливо переглядываясь, заявили, что «во внутренние дела станицы» вмешиваться не хотят. Послали шифровку Гусельщикову, чтоб прислал хотя бы две сотни с орудием. Гусельщиков обещал недели через две. Вернувшиеся ни с чем Овчинников и Степанов требовали у Иванова совершить налет силами офицеров штаба. Иванов колебался. А если 28-й полк в ответ разгромит штаб фронта? Как тогда управлять операциями на всем севере области? Что же, сидеть и ждать? Нет, ждать не годится. Создается впечатление, что все безобразия в станице творятся с санкции штаба. Выход оставался один — послать за помощью в Каргинскую, где сход под давлением атамана Лиховидова высказался

за осуждение 28-го полка. Кого послать? «Выедем мы с Виктором Александровичем, — решил Иванов. — С собой берем сотрудников оперативного отдела. Строевой и хозяйственный отдел пока останутся в Вёшенской. Связь по телефону. Если не удастся собрать силы, постепенно без ущерба для работы переведем в Каргинскую весь штаб».

Ночью с 16 на 17 января Иванов, Зембрицкий и несколько офицеров благополучно миновали заставы 28-го полка и бездорожно через лес вышли к переправе, где их ждала подвода. Овчинников, Степанов и бывший в это время в Вешках генерал Рытиков за Ивановым не последовали, справедливо полагая, что Краснов за все эти дела «задаст чертей» незадачливому командующему. Они решили бежать в станицу Еланскую, где «в отпуску» жил опальный генерал Алферов, возможный претендент на место Иванова, которое казалось господам офицерам уже вакантным.

Обиженный на весь свет З.А. Алферов с прибытием гостей из Вёшенской оживился и начал действовать. Подробно обсудив за ночь план спасения Тихого Дона и собственного возвышения, генерал направил утром 17-го Степанова обратно в Вёшенскую вести разлагающую работу среди казаков, а Рытикова и Овчинникова — в Каргинскую, чтобы держать в поле зрения Иванова и компанию. Сам он после этого явился на еланский станичный телеграф и вызвал к прямому проводу полковника Кислова, начальника оперативного управления Донской армии. Кислову Алферов сообщил, что командование фронта бежало из Вёшенской из-за неоправданных слухов.

Кислов затребовал на связь Вёшенскую. Оттуда войсковой старшина Малюгин сообщил, что с 14 часов фронт управляется генералами по телефону Каргинская — Вёшенская. Есть связь с Северо-Западным отрядом. Эвакуировать штаб из Вёшенской невозможно.

Однако сам по себе факт работы штаба уже не мог изменить положения на фронте. Конные сотни 28-го полка разложились окончательно. Казаки кричали, что им надо идти на соединение

к своей кадровой пехоте (т.е. в Вёшенскую), приказания офицеров не исполняли. Командир полка Сергеенков сидел в станице Мигулинской, самовольно продлив себе отпуск. Заместитель его, войсковой старшина Филиппов, завершил свой рапорт командованию словами: «Я совершенно измучился и нравственно, и физически». 16 января конные сотни полка самовольно перешли границу области и расположились в пограничных донских хуторах. Вёшенский и Слащевский полки, боевой состав которых к тому времени достигал всего 200 шашек, последовали за 28-м («Другие уходят, а мы остаемся, надо и нам уходить»).

Итак, разложившиеся полки верхнедонских казаков выполнили первую часть намеченной программы — с территории «русской» ушли на территорию «донскую». Теперь от них следовало ждать переговоров с предложениями мира.

С бегством белого командования из Вёшенской Фомин даже растерялся поначалу. Но местные большевики (на всю станицу их нашлось лишь двое — гимназист Чепуркин, которого все почему-то принимали за студента, и один из учителей гимназии) воспрянули духом. По их настоянию казаки 28-го полка заняли все учреждения. Офицеров без бумаг от 28-го полка из станицы не выпускали.

18 января в станице собрался запланированный сбор и окружное совещание членов Круга. На совещании занимались в основном личными дрызгами. Чтобы не допустить к власти явившегося из Еланской Алферова, Дронов и его сторонники устроили перевыборы окружного атамана Усачева, который как поехал в Казанскую уговаривать фронтовиков, так и канул. «Бремя власти» возложили на помощника окружного атамана, т.е. на Дронова. Заявившегося на совещание Фомина осаждали несколькими едкими вопросами. Пришедшие с Фоминым вооруженные казаки в полемику не вступали, молча всматривались в лица записных краснобаев, будто бы запоминали. Члены Круга струхнули и поспешили разъехаться.

Приехавшие на станичный сбор из хуторов старики вели себя уклончиво. Яростные выступления Фомина и его адью-

танта красноармейца Кароля, направленные против офицеров, встретили внешне сочувственно, но и только.

В конце концов представители от хуторов под председательством станичного атамана и в присутствии трех членов станичного правления заслушали казаков 28-го полка «по поводу оставления ими фронта» и вынесли приговор: «1) Просить казаков 28-го Донского казачьего пехотного полка послать теперь же из своего полка делегацию на Северный фронт для переговоров по поводу перемирия с красными. Кроме того, послать делегацию по этому вопросу в Красную гвардию. 2) Немедленно упразднить полевой суд. 3) Упразднить милицию. 4) Привлечь к несению гарнизонной службы к 28-му Донскому казачьему пешему полку 2-ю и 3-ю пешие сотни. 5) Границы Донской области впредь до выяснения о перемирии с красными открытыми не оставлять. 6) Карательные отряды упразднить...»²⁴. Эти пункты постановления, построенные несколько вразнобой, подписали 33 выборных (согласные с казаками 28-го полка), всего же на сборе присутствовало 111 выборных, 40 человек вообще проигнорировали сбор и не явились.

Итак, 22 % присутствовавших на сборе высказались за перемирие с красными и упразднение органов красновской военной диктатуры, 52 % выборных воздержались, но противоположного постановления не вынесли, 26 % на сбор не явились. Подобное разделение голосов почти полностью совпадает с классовым расслоением казачества юго-востока России.

Приговор не имел законной силы, его подписали меньше половины выборных, но фоминцев это не остановило. Тотчас же были выбраны делегаты и посланы на фронт и в соседние станицы сказать, чтоб казаки «отошли на свою границу и начали переговоры о мире».

«Ну, гляди, герой, не сегодня — завтра придет в Вёшки Краснов, он тебе покажет», — проворчал, уходя с площади,

---

²⁴ Борьба за власть Советов на Дону. Ростов-на-Дону. 1957. С. 406—407.

один старик. Но Краснова Фомин особо не боялся. Он немедленно послал гонца в Казанский полк, именем революции требуя помощи против немецкого наймита Краснова, приезд которого ожидается. Казанцы знали, что с Красновым шутки плохи, и дружно взялись за оружие, приготовились обороняться.

Петр Николаевич Краснов собирался провезти союзников по Северному фронту, побывать 15 января в Алексеевской, 16-го в Урюпинской (устроить смотр гундоровцам и стрелковой бригаде Моллера). Тревожные вести из Вёшенской задержали его, и он решил посетить станицу Каргинскую, где, согласно донесению Иванова, ныне находился штаб фронта. Иванова в Каргинской застать не удалось. Он не смог наскрести в станице достаточно сил для подавления мятежа, плюнул на все и уехал в Новочеркасск «для личного доклада атаману». По дороге они разминулись.

Краснов, прибыв в Каргинскую, начал разбирательство. «Разваливала верхне-донцов агитация генерала Алферова», — заявил Каргинский атаман Лиховидов, возобновляя прежние интриги. Новое следствие по делу Алферова, закончившееся оправданием генерала и посрамлением его злопыхателей, лишь затянуло дело. Попытки увещевать Фомина по телеграфу ни к чему не привели. «Нам с вами не по пути», — отстучали из Вёшенской. Фомин лично от себя добавил пару-другую непечатных слов. Ошеломленный Краснов оказал ему великую честь. Выступление 28-го полка он в панике сравнил с Каменским съездом фронтового казачества. «...И думается, не идет ли вместо Голубова из Усть-Медведицкой станицы Миронов и вместо Подтелкова казак 28-го полка Фомин из Вёшенской станицы». Краснов ошибся. Миронов был более крупной фигурой, чем авантюрист Голубов, а Фомину было далеко до Федора Подтелкова. Приезд Донского атамана штыков в Каргинской не прибавил, оба лагеря ударились в агитацию, стремясь заполучить себе побольше сторонников среди мятущихся местных казаков. «В Каргинской не настоящий атаман, а самозванец, — надрывался Фомин, — и с ним ряженые офицеры под француза и англичанина, и нам надо его выманить сюда и здесь посмотреть — какой есть. Здесь и

рассудим — или к стенке его поставим с союзниками, или препроводим для суда в Москву, или своим судом здесь накажем. Оборвем погоны и изобличим переодетых союзников».

Надежды на помощь союзников до определенного времени держали развалившийся казачий фронт, вселяли уверенность в благополучном исходе войны. Иногда эти надежды носили довольно странный характер. 15 января Краснов телеграфировал на фронт: «Весной, 8 апреля, 14 англо-французских дивизий начнут поход на Москву. Явится возможность казакам отдохнуть [в] своих домах». Под давлением союзников и учитывая катастрофическое положение на фронте, Краснов признал 8 января верховную власть генерала Деникина. Но внутреннее положение в странах Антанты не способствовало посылке войск в Россию, и союзники отказались прислать солдат. Поводом послужил отказ Краснова признать верховную власть генерала Франше д'Эспирэ и оплатить французским гражданам, проживающим в «районе “Донец”», все убытки за период с 1914 г.²⁵

19 января в Каргинской на сходе, где Краснов расписывал зверства красных и призывал покарать изменников из 28-го полка, казаки задали вопрос: «А где же союзные войска?» Атаман вынужден был ответить, что он якобы «от помощи живой силой отказался и просил союзников помочь казакам техническими средствами». Казаки зашумели, на сходе произошел раскол. Были выбраны делегаты и направлены к действующим частям с предложением закончить войну.

Лазутчики, посланные из Вёшенской, по возвращении сказали, что атаман подлинный и союзники с ним настоящие, но в Каргине раскол и единства нет. «Ага, настоящий атаман... Вязать надо Яшку Фомина», — зашептали уже кое-где по углам. «Ага, раскол в Каргине, — сказали приверженцы Фомина. — Яша, надо брать офицеров».

Вечером 19 января Фомин с казаками пришел в здание штаба фронта. «Экуироваться запрещаю! — и ткнул ногойкой

---

²⁵ Донская летопись. № 3. Белград. 1924. С. 131—132.

в офицеров: — Разоружай их!» Казаки стали хватать и разоружать офицеров. Посадили под замок заведующего гаражом хорунжего Лобова, который испортил легковой автомобиль и не дал Фомину с шиком прокатиться по станице. Туда же упрятали подпоручика Пряслова, который разобрал радиостанцию и спалил помещение. Охотились за однофамильцем командира полка сотником Фоминым, членом военного суда, и за хорунжим Кружилиным, командовавшим расстрелом мятежников из 2-го Верхне-Донского полка.

Краснов писал в мемуарах, что хотел лично ехать в Вёшенскую и навести порядок, но, мол, холод и ночь, да и союзники не захотели... Короче, Донской атаман не солоно хлебавши уехал в Новочеркасск, пригрозив, что со временем сотрет Вёшенскую с лица земли.

Тем временем по всем казачьим полкам шло оживленное обсуждение вопроса о мире и переговорах. 20 января казаки Казанского полка, узнав, что Краснов уехал в Новочеркасск, отслужили молебен и направили делегатов в Богучар предложить красным мир на условии неприкосновенности границ Донской области.

Красноармейские части местного формирования, выйдя на границу Донской области, также утратили наступательный порыв. Мобилизованные крестьяне, освободив свою территорию, не хотели идти «к казакам». Разведка велась слабо. О том, что в казачьих полках разложение и стремление к миру, что целые части бросают фронт, командование 8-й армии и Южного фронта узнало лишь после 20 января, после приезда в Богучар делегации из Казанской. Пока донесения из передовых частей шли в штабы, 112-й Богучарский полк заключил с казаками «перемирие с обещанием не вступать в пределы Донобласти». Казаки же обещали, что сами установят у себя советскую власть.

Бежавший из Вёшенской полковой адъютант 28-го полка сотник Каргин рассказывал белогвардейцам, что видел в штабе у Фомина телеграмму из Казанской. От красных, дескать, при-

шел пакет с сургучной печатью, где красные предлагают мир при условии признания Советской власти.

«Надо брать власть в свои руки и заключать мир», — потребовали активисты из 28-го полка. 22 января делегация от полка явилась к окружному атаману Дронову и потребовала, чтобы он подписал им полномочия на ведение переговоров о мире и поездке на Северный фронт. Дронов отказался подписывать какие-либо бумаги и вскоре бежал из станицы. В Вёшенской на несколько часов установилось формальное безвластие.

«Приказ № 1 по 28-му Донскому конному полку и станице Вёшенской. 9 (22) января, ст. Вёшенская.

Ввиду того, что с приходом нашего полка в ст. Вёшенскую вся власть посаженного нам немцами предателя трудового казачества и крестьянства Краснова позорно бежала, чувствуя всю вину своей предательской политики, и все трудовое казачество, крестьянство и рабочие брошены на новые испытания темных личностей... станица Вёшенская не должна больше исполнять предательские распоряжения Краснова, а до созвания окружной власти исполнять распоряжения полка...

Всем гражданам станицы соблюдать тишину, порядок и спокойствие, дабы было возможно мирно ликвидировать гнездо предателей, грабителей, мародеров-красновцев, им места нет между честных людей родного Дона...

Так пусть же будет наша власть трудового казачества, крестьянства и рабочих, с нами бог правды, справедливости, равенства и братства.

Командир 28-го полка казак Фомин»²⁶.

22 января 1919 года 28-й Верхне-Донской Непобедимый полк взял власть в станице в свои руки.

Со взятием власти 28-м полком в Вёшенской наступило время собраний и митингов. Новая власть наложила запрет на операции окружного казначейства, установила своих контролеров на почте, телеграфе, в интендантстве и на артиллерийских

---

²⁶ ЦГВА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 693. Л. 2—2 об.

складах, запретила издавать «пробрежавшуюся газету “Верхне-Донской край”». Против станицы Каргинской были выставлены заставы с пулеметами. Это было признание Советской власти с оговорками об установлении ее мирным путем, что диктовалось нежеланием и боязнью развязать войну внутри округа, сознанием собственной малочисленности.

Бегущие в Каргинскую офицеры сообщали, что въезд и выезд из Вёшенской свободны, Каргинской ничего не угрожает, казаки 28-го полка из Вёшек постепенно расходятся, кто сам, кого увозят жены и родители.

Посланные к красным и в полки делегации возвращались поредевшими, многие, не доехав до Вёшек, уезжали на хутора. Конные сотни 28-го полка были распущены белым командованием по домам, чтоб не увеличивать силы мятежников.

Массы казачества вполне устраивало положение, сложившееся в округе в результате отмены органов красновской военной диктатуры. Их удовлетворяло стремление сторонников Фомина действовать в союзе со всем населением станиц. Отныне на первое место для них стала задача не допустить вступления Красной Армии на территорию округа, и они приняли самое активное участие в мирных переговорах, пользуясь разобщенностью недавних активистов, которые бросали восставшие полки и расходились по домам. Это было стремление казаков установить классовый мир на севере области. «По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов», — очень верно подметил Ленин²⁷. Иллюзии о своем особом пути охватили очень многих казаков.

Штаб 28-го полка в это время напоминал многопартийный парламент. Здесь заседали Фомин и Мельников («командир и комиссар») в окружении друзей и соратников, здесь собирались пленные красноармейцы, вооруженные Фоминым, сюда же были призваны его приказом несколько офицеров из простых казаков, среди них и П.Н. Кудинов. Ругань стояла с утра до вечера.

---

²⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. С. 7.

Перемирие между Богучарским полком Красной Армии и Казанским казачьим полком еще не было миром. 24 января новая делегация — два казака — под конвоем (чтоб не помешали свои контрреволюционеры) поехала в Богучар заключать мир. Поехали, ясное дело, наиболее революционно настроенные и, презрев наказы станичников заключить мир на условии неприкосновенности границ, в Богучаре заявили: «Мы постановили братскую войну кончить и пойти против кадетов». Один делегат (Булаткин) был направлен в штаб 12-й дивизии красных, а второй с двумя коммунистами Богучарского полка вернулся в Казанскую. Во время переговоров Казанский полк снял свои заставы против Богучара и перенес их в свой тыл. Оставшиеся в строю казаки соглашались перейти на сторону красных или сдать оружие. Стариков, которые кляли «изменников» и напоминали о постановлениях сходов, не слушали.

Реввоенсовет 12-й дивизии ответил казакам: «...выслушав заявление от имени фронтовиков станицы о желании прекратить войну с Советской властью и признать Советскую власть, пришел к следующему: 1) заявление принять к сведению... 2) Казаки и полки, которые пожелают перейти на сторону Красной Армии, будут приняты по-братски. Полки могут переходить с командным составом. С того момента, как полк перейдет на сторону Советской власти, полк считается на положении советского полка... 3) РВС 12-й дивизии предлагает всем казачьим частям с оружием в руках и командным составом переходить на нашу сторону... Полки должны переходить со всем имуществом, оружием и представить списки тех, кто уклонился от перехода на сторону Советской власти; если командиры будут препятствовать переходить казакам на нашу сторону, они должны быть казаками арестованы и выданы Советской власти; 4) для дальнейших переговоров и передачи инструкций и приказа переходить на нашу сторону полкам командиром назначается член военно-революционного совета дивизии...»²⁸.

---

²⁸ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 631. Л. 218.

«РВС Южфронта, копия РВСР, копия предсовобороны Ленину.

Военная, вне всякой очереди... из штарма 8, 26 января, 3 ч 45 мин.

(Копия донесения из 12-й дивизии с постановлением).

РВС армии просит сделать указания о степени правильности отношения к происшедшему военсовета 12 дивизии и испрашивает о немедленной присылке инструкций на будущее время о порядке и характере сношений с изъявляющими желание перехода на нашу сторону частями казачьих войск. Реввоенсовет Вестник, Базилевич»²⁹.

Переговоры осложнялись радикальными изменениями в казачьей политике.

В конце 1918 г. у командования и политического руководства Южного фронта сложилось мнение, что «по станицам и хуторам Донской области почва для Советов весьма благоприятная и прочная»³⁰. 20 декабря Донское бюро РКП(б) докладывало в ЦК: «...контрреволюция будет взорвана изнутри, и ее место займет страстно ожидаемая народными массами Советская власть». Донбюро предупреждало, что массы эти боятся лишь одного: «повторения тех неладов, безответственных выступлений, хаотического хозяйничания всяких проходимцев, что имело широкое место на Дону». Соответственно предупреждались воинские части. «27/1—19 (от имени Реввоенсовета и политотдела армии циркулярно приказываю всем политработникам принять категорические меры (по) устранению при занятии территории Дона явлений, влекущих недовольство населения советвластью: массового террора, незаконных реквизиций, вообще бесцельных насилий. Завполитотделарм 9 Поволоцкий»³¹.

Даже вышедшая впоследствии в белогвардейской газете статья под броским названием «Зверства большевиков» вы-

---

²⁹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 631. Л. 218.

³⁰ РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 40.

³¹ Там же. Д. 108. Л. 19.

нуждена была признать: «Первые эшелоны красных войск вели себя удовлетворительно»³².

Следует учесть, что внешнее и внутреннее положение Советской Республики в январе 1919 г. изменилось. Стремительное продвижение советских войск на запад и юг (их даже называли «2-м триумфальным шествием Советской власти»), всплеск повстанческого движения на территории, оставляемой германской оккупационной армией, пробудили надежду на скорейшую победу и перенос военных действий в Европу. И тут только остатки казаков цеплялись за сапоги победоносной Красной Армии...

24 января 1919 г. Оргбюро ЦК издало директиву об отношении к казачеству. Директива предписывала «беспощадный массовый террор» к казакам, принимавшим «прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»³³. Против среднего казачества (директива старалась выдерживать классовый подход) предлагалось применять меры, гарантирующие от каких-либо попыток нового выступления против Советской власти, конфисковать и свезти на сыпные пункты все излишки хлеба, в станицах разоружить всех казаков, оружие выдавать лишь надежным людям из иногородних, уравнивать казаков и иногородних в распределении земли, оказывать всяческую помощь переселенцам-беднякам. «Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания»³⁴.

Принята директива была «под влиянием отдельных членов ЦК, которые в конце 1918 — начале 1919 г. побывали на юге страны»³⁵. Свою роль, видимо, сыграли и доклады Донбюро РКП (б) о настроении масс, «алчущих теперь восстановления

---

³² Приазовский край. 1919. 30 мая (12 июня).

³³ Известия ЦК КПСС. № 6. 1989. С. 178.

³⁴ Там же.

³⁵ *Спирин Л.М.* Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968. С. 323

Советской власти»³⁶, так как на обострение классовой борьбы можно было пойти лишь в условиях, максимально благоприятных для этого. Конкретной подписи под директивой («Циркулярным письмом») не было, но Организационным бюро ЦК РКП (б) в то время руководил Я.М. Свердлов.

Согласно большевистской логике, это циркулярное письмо имело еще одну функцию — расслоение казачества. В статье «Ценные признания Питирима Сорокина» В.И. Ленин говорил о том, что начался переход части мелкобуржуазных масс на сторону пролетариата, но переход этот — неизбежное следствие дальнейшего расслоения этих масс. «...Часть перейдет на нашу сторону, часть останется нейтральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам...»³⁷. Чтобы середняцкие массы казачества начали переход на сторону пролетариата, их необходимо было расколоть. Так же как колебания и расслоение средних слоев подталкивает крайние общественные группировки к активным действиям, так и обострение классовой борьбы между крайними группировками является радикальным способом расслоения промежуточных слоев.

Говоря по-простому, террор должен был сплотить идейных и бескомпромиссных противников большевиков (а таковых всегда меньшинство) и запугать большинство, которое, спасая свою жизнь, переметнулось бы под большевистские знамена.

Выход директивы совпал с переговорами верхне-донцов с частями Красной Армии. Когда в штаб 12-й дивизии явился проторенной дорогой посланец 28-го полка Бабаев с постановлением Вёшенского станичного сбора от 18 (5) января, смысл директивы еще не был известен на Южном фронте. Посылая донесение о переговорах с 28-м полком, член РВС фронта И.И. Ходоровский одновременно сообщил: «Директиву ЦК о линии поведения по отношению к казачеству не получили... Дорог каждый момент, прошу немедленно ответить запиской

---

³⁶ Борьба за власть советов на Дону... С. 390

³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 193.

по проводу. Ходоровский». Ответ: «Высылаю с Мехоношиным, выезжающим завтра. Свердлов»³⁸.

Ответ запоздал и практического значения для казаков Вёшенской станицы уже не имел. События развивались быстрее, чем можно было ожидать.

Слухи о мирных переговорах в Казанской, об их условиях, о намерении красных перейти границу будоражили весь округ. Чтобы отстоять неприкосновенность границ, нужна была военная сила, а остатки полков таяли, как снег под солнцем. Части низовых казаков стремились уйти с территории Верхне-Донского округа домой, подальше от греха, укрыться на родной земле. Меньшинство фронтовиков из бедноты яростно выступило за признание советской власти, за мир на любых условиях. Большинство затягивало переговоры, искало несуществующий компромисс и потихоньку разбрелось по домам, прятало оружие.

27 января командарм 8-й армии Тухачевский приказал начдиву 12-й дивизии занять Казанскую, не ожидая переговоров с казаками. Однако стронуть с места местных красноармейцев, вкусивших прелестей мирной дипломатии, было нелегко. 28 января одновременно собрались сборы в Казанской и Мигулинской станицах. Было объявлено, что красные перейдут границу и будут наступать по казачьей территории. В Мигулинской на сборе объявили, что красные уже заняли пограничные казачьи хутора Казанской станицы, нарушили соглашение. Фронтовики отмалчивались, выжидали. Беженцы из хутора Шумилина страшали станичников поголовными грабежами и насилиями, какие якобы претерпели в родном хуторе от красных. «Вы забыли, небось, Тираспольский отряд. А красные не забыли... Они вам напомнят!» — кричал Дрынкин. Вновь забурила Мигулинская. Угроза подействовала. Сбор вынес постановление защищать родную станицу совместно с Мигулинским полком до последней капли крови. Лишь 22 казака, вконец разругавшись с остальными, оседлали коней и уехали навстречу крас-

---

³⁸ РГВА. Ф. 100. Оп. 2 Д. 224. Л. 155—155 об.

ным — сдаваться. По дороге смущение стало одолевать и их. И наконец, в районе хутора Дударевского они были разоружены красным разездом.

В Казанской в это время многочисленные делегации от всех слоев общества осаждали представителей Богучарского полка, напоминали о прежнем соглашении не переходить границу, согласны были на все что угодно, на какую угодно власть, лишь бы мир «без аннексий» и красные не вступали на казачью территорию. Богучарцы обещали посодествовать, а заодно и устроить в Казанской «показательную» советскую власть. «Сделаем у вас коммуны. Тащите весь хлеб в общественный амбар», — предложили они. После этого казаки 7-й сотни еле отбили красноармейцев у толпы.

30 января командование 12-й стрелковой дивизии сообщало: «В 12 часов получены сведения, что в ст. Казанской никакой власти нет. Казанский полк разошелся по станицам с оружием. Организованный временно ревком, не имея сил, установить порядок не может. Население и казаки грабят военные склады. Большая часть населения ждет прихода советских войск. Приказал занять станицу двумя полками, разоружить население, захватить имеющуюся там батарею... Любимов, Сырцов»³⁹. В тот же день Богучарский полк занял станицу Казанскую. Тогда же 33-й полк Московской рабочей дивизии вступил в северные хутора округа и выслал разведку на Вёшенскую.

Разведчики-делегаты были встречены с честью. В штабе 28-го полка красноармейцам стали рассказывать, что, мол, у казаков с советской властью мир, что договорились не переходить границы... «С кем это вы договорились? — спросили прибывшие. — Ах, с богучарцами... А мы из Московского рабочего. У нас приказ...» Впрочем, намерение москвичей идти на белых по территории округа было встречено Фоминым и его окружением как должное. Многие из оставшихся в станице казаков полка поняли, что обратной дороги нет, меж двух стульев не усидишь...

---

³⁹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 386. Л. 84—84 об.

После митинга и отъезда делегации казаки полка и собравшиеся жители опять заспорили. Известие, что мира как такового нет, что будет он лишь «по уничтожению гнезда», а пока красные, не спросясь, идут по территории области, поколебало ряды сторонников Фомина. Силы его таяли. Еще раньше по приказу явиться 26-го в станицу из конных сотен полка прибыло лишь 30 человек. Поползли слухи о первых конфликтах советских войск с местными казаками.

Красные, вступив на территорию округа, двигались медленно, как по болоту. Сопrotивления не было, врага впереди не было, зато в каждом дворе каждого хутора были молодые с прекрасной выправкой казаки, на водопой выгоняли табуны строевых коней, почти в каждом доме были винтовки, а кое-где и пулеметы. Командир 1-й бригады 15-й стрелковой дивизии писал начдиву 25 января: «Необходимо отдать в приказе по дивизии об аресте всех находящихся на хуторах казаков, способных носить оружие, так как на хуторах имеются спрятанные винтовки и патроны, и нам могут ударить в тыл, и кроме того мы лишим возможности противника выступить весной»⁴⁰. 26 января был отдан приказ по бригаде: «При занятии казачьих хуторов не пить воды, молока и не есть пищи, не попробованной самими владельцами»⁴¹.

Настроение в хуторах стало постепенно меняться. Колеблющиеся казаки настояли, и Фомин приказал раздать жителям все деньги из окружного казначейства (часть денег Мельников все же сохранил «на всякий случай»). Давали всем, «платили красновские долги». Офицеры в штабе 28-го полка сразу подметили, «что важно, так это — изъятие денег и распределение их между казаками с целью сохранить казачье достоинство от поползновения красных. Значит, мир с красными — мир “внешний”, да и то заключенный вынужденно»⁴².

---

⁴⁰ РГВА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 109. Л. 18.

⁴¹ Там же. Л. 27.

⁴² Кудинов П. Указ. соч. // Вольное казачество. № 79. С. 8.

31 января Фомин издал грозный приказ № 4.

«§ 1.

Приказываем всем станичным и хуторским советам, и если еще где таковых не образовано, то атаманам станиц и хуторов Верхне-Донского округа, всем проходящим советским войскам оказывать полное содействие и помощь, за неисполнение сего приказа или ведение агитации, направленной против Советских Армий, виновные будут предаваться беспощадному суду»⁴³.

Но советские войска, особенно 8-я армия, продвигались медленно. Путь от Калача до Казанской, пройденный дезертировавшими казаками за три дня, красные, не имея перед собой боеспособного противника, прошли за три недели.

1 февраля на Южный фронт полетела директива главного командования: «Противник против войск Южного фронта разбит и отступает за Дон. Казаки расходятся по станицам. В краснонских войсках полное разложение». В связи с этим конечной целью ставилось овладение Новочеркасском и Ростовом-на-Дону.

Но директивы пока лишь писались, приказы по войскам готовились, красноармейцы вглубь округа не шли, освещали местность разведкой, а над головой Фомина и его сподвижников собирались тучи. Атаман Краснов слов на ветер не бросал, и в Каргинской уже скапливались карательные отряды, чтобы идти на Вёшенскую и покарать бунтовщиков. 31 января в Каргинскую прибыл состоявший из текинцев и осетин карательный отряд войскового старшины Икаева.

Каспулат Икаев формировал свою «Терскую сотню» под Ростовом и страшно полюбился ростовскому градоначальнику Грекову, который веселил ростовчан приказами и распоряжениями, полными казарменного юмора. Об Икаеве Греков высказался в одном из приказов с одобрением: «Он не юрист, но дело понимает». «Понимание дела» заключалось в том, что Икаев на свой страх и риск карал налево и направо всех подозрительных в нарушение всех существующих законов, в том числе и

---

⁴³ РГВА. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 687. Л. 103.

красновских. Судебные власти открывали следствие по следам его «подвигов»: «Донской военный суд в распорядительном заседании, состоявшемся 2 октября 1918 года, рассмотрел дело о казни есаулом Икаевым в п. Азове четырех человек: Трута, Казименко, Бондарева и Макаровского, определил: настоящее дело дальнейшим производством прекратить за отсутствием в происшествии признаков преступления или проступка...» (приказ № 546 по Войску от 18 марта 1919 г.). Лихому осетину все сходило с рук. В этом он чем-то напоминал известного героя польской истории пана Самуила Лаща, который как-то явился на бал к королю в шубе, подбитой судебными постановлениями по его собственному, пана Лаща, адресу. Генерал Денисов, главнокомандующий и управляющий военным отделом правительства, приказом № 193 от 4 ноября 1918 г. передал повышенного в звании Икаева с его отрядом в распоряжение Ростовского градоначальника. Ростовская эпопея войскового старшины Икаева кончилась тем, что его заподозрили в ограблении не то банка, не то ювелирного магазина, и Икаев с сотней спешно отбыл на фронт.

1 февраля перебежчик от Фомина рассказал, что красные в 30 верстах от Вёшенской. Времени терять было нельзя, и полковник Овчинников, опираясь на карателей Икаева, объявил мобилизацию.

Прознав о мобилизации в Каргинской, Фомин ударил тревогу. Оказалось, что воевать с «кадетами» желающих мало. Спешно были посланы гонцы к красным с просьбой наступать быстрее, в самой станице Фомин вооружил всех пленных красноармейцев, был также отпечатан приказ о мобилизации против Краснова всех казаков, могущих носить оружие.

2 февраля был самый напряженный день. Толпа на станичной площади ждала прихода красных. Активисты 28-го полка поехали в Еланскую проводить мобилизацию против карателей. Там сбор станицы мобилизацию не утвердил. Казак хутора Кочетовского Губанов, прибывший из красного плена для агитации с полномочиями от комиссара по казачьим делам М. Макарова,

неожиданно выступил на сборе и рассказал, что в России голод и страшная разруха, виновата в ней советская власть, и если установить ее в Еланской, то кончится тем же — голодом и разрухой. После сбора две трети казаков разложившегося было Еланского полка оседлали коней и ускакали — одни в Каргинскую, другие в Усть-Медведицкий округ к генералу Гусельщикову.

В Каргинской в полдень были собраны готовые к походу части. Ровно в полдень текинцы Икаева выступили на хутор Токин, чтобы занять его к вечеру и вести разведку на Базки, а на рассвете 3 февраля атаковать Вёшенскую. Мобилизованные казаки должны были выступить следом, но замитинговали. Вслед за Икаевым пошла лишь офицерская дружина.

В станице Вёшенской в полдень конная разведка Московской рабочей дивизии галопом вылетела на площадь. Толпа местных иногородних, собравшихся здесь с утра, разразилась криками приветствий, несколько старушек в первых рядах стали бить земные поклоны. Стая галок, вспугнутая шумом, шархнула со станичной колокольни. Заприседали и стали дыбиться кони под красноармейцами. К вечеру в станицу вступила пехота — 33-й и 37-й полки Московской дивизии.

Под Мигулинской в этот день 103-й советский стрелковый полк был встречен перекрестным огнем и криками: «Вас сюда кто звал?» Как оказалось, перед этим в Мигулинскую приезжали офицеры и сказали, что в Казанской население вырезано. Бой в Мигулинской шел три часа. Казаков отгеснили до хутора Подгорского, где бой вспыхнул с новой силой. В нем принимали участие местные жители, и многие ушли с отступающими казаками. Последующие три дня почти все хутора Мигулинской станицы брались с бою.

Отряд Икаева (130 сабель) не решился атаковать Вёшенскую и вернулся в Каргинскую. Там уже хозяйничал карательный отряд Романа Лазарева.

Роман Лазарев — любимец Краснова (в начале Первой мировой войны они служили в одном полку), кавалер ордена Святого Георгия, сподвижник Чернецова, участник Ледового

похода, командир карательного отряда из староверов Усть-Белокалитвенской станицы, алкоголик и мародер. «В бою незаменим, в тылу невыносим», — писали о нем сами белые. Краснов ценил в Лазареве исконно донскую лихость и писал о нем в приказах «милый моему сердцу, но беспутный Роман Лазарев».

4 февраля в Каргинскую прибыли еще две калмыцкие сотни, суровыми мерами стали наводить порядок. Ох, и притихла станица Каргинская...

В Вёшенскую в это время вступали свежие части выведенной из резерва Инзенской дивизии. Пока окрыленный Фомин мобилизовывал еланцев, упорно не желавших воевать с «кадетами», офицеры из штаба 28-го полка умудрились «юридически» оформить сложившееся положение. С командованием Инзенской дивизии «офицеры из народа» П.Н. Кудинов, Х.В. Ермаков, К.Е. Медведев, П.Н. Ушаков и Г.М. Богатырев заключили соглашение: «Во-первых, казаки открывают фронт красным, но остаются при оружии и разъезжаются по домам. Во-вторых, казаки будут содействовать Красной Армии против монархистов — Деникина, Врангеля, Краснова — и готовы вступить в Красную Армию. В-третьих, Красная Армия в донском крае не будет чинить репрессии за то, что мы служили у белых»⁴⁴. Впрочем, существование подобного договора официальными документами пока не подтверждается. Единственное свидетельство — письмо П.Н. Кудинова из Болгарии.

Инзенская дивизия не ждала противника, а нанесла опережающий удар. Красная пехота вечером заняла хутора Верхне-Лиховидов, Грачев и Наполов, а конница (13-й кавалерийский полк) — Кружилинский и Грушевский. Ночью конники подходили к Каргинской, но были обстреляны и, взяв левее, связались с митингующими казаками станицы Боковской.

6-го утром Краснознаменный полк Инзенской дивизии начал наступление на Каргин со стороны Лиховидова. Первая атака была отбита. Казаки-староверы станицы Усть-Белокалитвенской

---

⁴⁴ *Прийма К.И.* С веком наравне. Ростов-на-Дону. 1981. С. 155.

из отряда Лазарева даже взяли 8 пленных и пулемет. За первой атакой последовала вторая. Со стороны Боковской показалась конница красных, грозя окружением. В 12 часов каратели и оставшиеся в строю каргинские казаки начали отход на хутор Пономарев. 13-й кавалерийский полк, пополненный недавно сдавшимися хоперскими казаками, гнал их семь верст, вылавливая в ярах отстающих и здесь же наводя им суд «короткий и немилостивый». 9 февраля красноармейцы доносили из Каргинской: «Вчера хоронили здесь убитых в последнем бою казаков, насчитали 18 гробов, но еще не собрали всех».

Казаки Мигулинской и Мешковской станиц дрались, пока не были вытеснены с территории своих юртов. У хутора Вяжа они остановились и думали посылать делегацию к красным. Советское командование опередило их. «По занятии Мешковской, — вспоминал командир Богучарского полка, — мы объявили о всеобщем прощении тем, кто положит оружие и вернется домой. После этого, с нашего разрешения, в погоню за мужьями на санях выехало много казачек. Двигаясь на слободу Дегтево, мы встречали на дороге обозы с возвращающимися казачками, везущими по домам своих и других мужей».

Расходившиеся по домам верхнедонские казаки выносили резолюции одна революционнее другой: «Горячий привет тебе, Владимир Ильич, непреклонный борец за интересы трудового народа. Мы становимся безоговорочно под Красное знамя, находящееся в твоих руках» (казанцы); «Обещая безусловную поддержку нашей Советской власти во всех ее начинаниях, мы, со своей стороны, приложим все усилия к проведению в жизнь всех распоряжений и декретов СНК и ВЦИК...» (боковцы); «Мы все как один готовы в любой момент встать на защиту Советской власти от злостных покушений ее врагов, как внутренних, так и внешних...» (чернышевцы).

По хуторам Вёшенской станицы советские части прошли без выстрела. С 28 января по 4 февраля Московская рабочая дивизия не потеряла ни одного человека. Однако дивизионная разведка докладывала 3 февраля: «Некоторые из полков, хотя

ВЁШЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

и желают Советской власти, но с условием, если будут сохранены у них правлением вольности и мелкая собственность, в противном случае будут снова организовываться без офицеров и продолжат борьбу».

Теперь мне кажется, что, когда я начинал поиски, в основе моих чувств лежала естественная в 23 года жажда сенсации. Я искал злую волю отдельных личностей, повергнувших мою станицу в пучину бедствий, и не находил ни «злой воли», ни «отдельных личностей». Зато все виднее становилась огромная цепь причин и событий, связывающая все, что творилось на Вёшенской земле, со всей страной, со всем миром. Я вдруг увидел, что исход бунта, поднятого казаками, во многом зависел от событий в той же Франции или Германии. Становилось понятно, что иного пути и иного конца у всех мятежей волнений и быть не могло, а предстояло испытать еще больше.

Большинство верхнедонских казаков, проявивших в то время активность против Краснова, не могли сделать зимой 1918—1919 гг. окончательного выбора, так как имели о советской власти самое туманное представление, основанное на опыте формальных «Советов» весны 1918 г., где зачастую сидели бывшие атаманы. Подобная «Советская власть» ничего общего не имела с диктатурой пролетариата в условиях военного коммунизма, которая должна была установиться в округе в феврале 1919 г. Пока что позиция бунтующих казаков по отношению к советской власти была нейтральной: временно благожелательной, а это не удовлетворяло до конца ни самих казаков, ни советские органы.

ГЛАВА 2

«...Дабы вызвать расслоение казачества»

(Из инструкции Реввоенсовета Южного фронта)

Развал Северного фронта и отступление Донской армии вынудили П.Н. Краснова оставить пост Донского атамана. Пернач перешел в руки Африкана Петровича Богаевского.

Богаевский был избран на пост атамана 239 голосами (52 голоса были поданы за Краснова, еще один претендент — генерал Попов снял свою кандидатуру) и сразу же отдал соответствующий приказ:

«Волею Большого Войскового Круга сегодня я избран Донским Атаманом. В печальные дни принял я пернач... Снова, как год тому назад, мрачные тучи нависли над Тихим Доном; померкла доблесть воина в сердцах многих казаков, и, как испуганное робкое стадо, начали они быстро уходить с фронта перед разбойничьими шайками изменника Миронова и других злодеев, бросая родные станицы, стариков, отцов, матерей и жен, детей малых — на страшную смерть и муки, дома и достаток свой на разграбление и гибель... И хоть бы враг-то был силен: ведь еще так недавно те же казаки везде побеждали его и захватывали огромную добычу!

Опомнитесь, родные донцы! Ведь вы сражаетесь за свою же семью и достояние, за право жить по своему обычаю, за свободу и вольность казачью! Оглянитесь назад на брошенные вами

родные станицы, что сделали с ними те, кто говорил вам, что воюет не с вами, трудовым казачеством, а с буржуями и богачами.

Мужайтесь, родные! Уже недалеко помощь, уже родные братья наши кубанцы идут к нам, добровольцы уничтожили все красные полки на Кубани и Тереке и теперь бьют их в районе Дебальцево — Луганск. Уже партизаны генерала Семилетова из Новороссийска пришли в родную мне Каменскую, горя желанием вступить в смертный бой с подлыми изменниками и грабителями; главнокомандующий всеми вооруженными силами на Юге России доблестный генерал Деникин посетил наш Войсковой Круг и обещал всеми силами помочь Дону.

Пройдет немного времени, — и я верю, что казачьи полки с новой силой неудержимо погонят врага с родной земли!

Далеко зашел он, не званный и не прощенный, и теперь уже сам чувствует тревогу за свой беспорядочный грабительский тыл: ведь там позади его скоро, скоро горячие лучи весеннего солнца растопят лед старого Дона, Хопра и Медведицы, и в их бурных волнах найдет свою могилу тот, кто не успеет вовремя уйти».

Текст приказа попал к большевикам 27 февраля (12 марта). «Вывод: если верить витиеватым словам ат. Богаевского, то можно думать, что упорство казаков еще не сломлено, и что они еще будут вести борьбу с целью возвращения Донской области», — отметили красные штабисты⁴⁵.

Красные продолжали давить. Красное главное командование отмечало: «...Необходимо было развивать зимнюю кампанию с полной интенсивностью с тем, чтобы использовать наше выгодное положение как стороны, наступающей пехотными частями, более приспособленными к ведению зимней войны против казаков, которые, воюя против нас на конях, к продолжительной зимней кампании были совершенно неспособны. Продолжительные зимние бои должны были совершенно уничтожить казачью конницу и вывести казаков из строя, что

---

⁴⁵ РГВА. Ф.100. Оп. 3. Д. 335. Л. 96.

большей частью и случилось»⁴⁶. Вацетис заявил это 4 (17) апреля 1919 г. Но, как показали дальнейшие события, уничтожить казачью конницу не удалось.

Новый Донской командарм генерал Сидорин писал: «Наша армия без всякого сопротивления, без боев, от каждого выстрела неумолимо отходила, расстраивалась все более и более. Развал был настолько велик, что когда я в первый раз после моего назначения... ознакомился с положением, то картина развала даже на меня произвела удручающее впечатление. Когда я впервые столкнулся с командным составом, то уже у всех опустились руки. Даже не делалось попыток, чтобы привести воинские части в порядок, и дело считалось совершенно проигранным»⁴⁷.

Казаки продолжали разбегаться по домам: «Мы, люди вольного Дона, любим природу и свободу»⁴⁸. Офицеры еще держались. Приказ № 13 от 21 января (3 февраля) перечислял офицеров, самовольно покинувших строй. Таковых нашлось 124, в основном — из Южной армии и неказаки из Донской.

Впрочем, не все было так плохо. Под Луганском с 12 (25) января держался с 2-й Донской дивизией генерал П.И. Коновалов. В день открытия Круга — 1 (14) февраля — под Маньково-Березовской казаки Гусельщикова разбили преследующие верхне-донцов левофланговые части 8-й армии красных.

Верхне-Донские казаки, сбитые с линии Чира, отступали под командованием произведенного в полковники Р. Лазарева. Инзенская дивизия преследовала их. Отряд Гусельщикова, потрепанный в Усть-Хоперской и бросивший раненых в Усть-Медведицкой, на подводах совершил переход до Обливской, а оттуда через Милютинскую поспешил навстречу отступавшим верхне-донцам и подоспел им на помощь. Прикрывавший отступление Верхне-Донского отряда Роман Лазарев послал

---

⁴⁶ Из истории Гражданской войны в СССР. Т.2. М., 1961. С. 84.

⁴⁷ Цит. по: *Дедов И.И.* В сабельных походах. Ростов-на-Дону. 1989. С. 82.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 7. Л. 158.

Гусельщикову донесение: «Доношу, что красные, переправившись через реку Березовка, наступают со стороны Грекова. Удерживаться на занимаемой мною позиции без посторонней помощи трудно, а потому прошу Ваше Высокопревосходительство дать в мое распоряжение 2—3 пушки и не забыть, что я не двужильный». Гусельщиков ответил: «Будем держаться. А жил много у казачества»⁴⁹. Гусельщиков объединил силы:

23-й Гундоровский пеший полк — 690 штыков.

48-й Луганский пеший полк — 221 штык.

Богучарский отряд — 260 штыков.

Каргинские добровольцы — 110 штыков.

Отряд Лазарева — 86 штыков, 300 шашек.

Верхне-Донской полк — 500 шашек.

Каргинская пешая сотня — 183 штыка.

Милютинская сотня — 170 штыков, 50 шашек.

Всего: 1550 штыков, 850 шашек.

Бой у хутора Петровского южнее указанной слободы носил встречный характер. Гусельщиков отбросил 4 полка пехоты и полк кавалерии красных в слободу Маньково-Березовскую. Второе наступление красных было встречено контратакой, дело дошло до штыков, и красные бежали в Селивановку и слободу Саринovu. Казаки взяли 15 пулеметов и 200 пленных. Командир Гундоровского полка войсковой старшина Фетисов был ранен. Фетисова произвели в полковники, Гусельщикова, руководившего боем, — в генерал-лейтенанты.

В критической ситуации замены невозможно было провести ни в командном составе, ни в структуре армии. Спасать ситуацию приходилось на бегу, подручными средствами.

Из-за изменения стратегической обстановки поменялись планы красного командования. 14—15 (27—28) января Добровольческая армия активизировалась в Донецком бассейне, силы ее здесь возросли втрое. В результате 31 января (13 февраля) последовала директива сосредоточить главный удар в

---

⁴⁹ *Слодох С.* История одной казачьей станицы. М., 2005. С. 255.

Луганском направлении. 8-я и 9-я армии поворачивались на Ростов — Новочеркасск, а 10-я армия должна была ударить на Великокняжескую.

Для перестроения нужно было время, а пока на Луганск перебрасывались свободные резервы. Армии же смещались медленно и постепенно. 8-я армия главный удар наносила в районе Миллерово и должна была выйти к Донцу на участке от Гундоровской до речки Калитвы. 9-я армия растягивалась на 200 верст. Левый фланг ее спешил на Нижне-Чирскую, в тыл Мамонтову, стоявшему под Царицыном, а правый должен был, сменив части 8-й армии, ударить на Гусельщикова. Между двумя крыльями, растянувшись, шла мионовская конница.

Исходя из этого, у донцов сразу определились два узла сопротивления: Гусельщиков в Маньково-Березовской, оказавшийся на стыке 8-й и 9-й армий красных, и части недавно созданного Западного фронта — против узловой станции Миллерово. Между ними «на расстоянии 100—150 верст фронта не было»⁵⁰.

Левифланговые части 8-й армии красных, потрепанные Гусельщиковым, приняли вправо (в сторону Миллерово), а на Гусельщикова навалились 16-я и 23-я советские дивизии, сведенные в одну Ударную группу под командованием Миронова. 4 (17) февраля красные, рискуя, вклинились вдоль разлившегося Чира меж Гусельщиковым и хоперцами. Четыре дня шли бои. Под угрозой быть отрезанным Гусельщиков отступил верст на 40 с речки Березовой на Гнилу и вниз по Гнилой на Быструю. Ему отбили приказ «ради спасения Дона» остановиться у слободы Скасырской, но 9 (22) февраля оказалось, что он уже в слободе Карпово-Обрывская, и фронт оголен на много верст.

10 (23) февраля Сидорин запросил помощи у Деникина.

«В.срочно. Оперативная. Екатеринодар. Генералу Деникину.

...Больше резервов нет, и нечем подкрепить нашу группу, прикрывающую Звереву — Лихая с севера. Таким образом, создается уже непосредственная угроза этому узлу, с потерей которого

---

⁵⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М. 1991. Т. 4. С. 139.

совершенно нарушается управление и питание остатков Донской армии, а следовательно, обнажается Новочеркасск. Нужны экстренные меры для подачи резервов в район Звереве — Лихая и закрепления этого узла за нами. О последующем прошу уведомить. Командарм Сидорин. 10 февраля. № 849/к»⁵¹.

Деникин обещал перебросить Кавказскую армию на Воронежское направление. Первую дивизию — в район Дебальцево — Алексеево — Леоново не ранее 14 (27) февраля; посадка второй дивизии в эшелоны должна была начаться 12 (25) февраля и сосредоточение ее на линии Новочеркасск — Миллерово планировалось не ранее 22 февраля (7 марта). На следующие две дивизии надо было отвести еще 10—12 дней.

Пока шла ожидаемая помощь, разгорелись бои у Карпово-Обрывской. Красные по правому берегу речки Быстрой вышли к хутору Маслоу. 11 (24) февраля отряд Гусельщикова отразил запутавшиеся в тумане мироновские полки. Красные впоследствии писали, что бой шел с переменным успехом, но после обеда «густой туман настолько спутал все наши части, что пришлось отступить на свои исходные позиции».

Белые заявляли, что это была редкая победа. За бой под Карпово-Обрывской 783 казака Гундоровского полка впоследствии были произведены в подхорунжие.

Но 12 (25) февраля от Морозовской по железной дороге навалили красные бронепоезда, а 13 (26) февраля красные стали обходить Карпово-Обрывскую с запада. Гусельщиков, прикрывшись метелью, отскочил, открыв фронт на 60 верст. Штаб Северного фронта, оказавшись под угрозой окружения, отдал приказ всем частям уходить за Донец, а Гусельщикову — держаться у Погорелово — Грачи до 24 часов 14 (27) февраля.

Железная дорога до Лихой была забита. Штаб фронта из Тацинской смог добраться лишь до разъезда Грачи и провел ночь без сна практически на боевой линии. На другой день штаб каким-то чудом успел переправиться и стал на станции

---

⁵¹ Трагедия казачества // Вольное казачество. № 151. 1934. С. 12.

Репной. Опасаясь быть отрезанными, стали отходить за Донец части Западного фронта от Миллерово и отошли 17 февраля (2 марта).

После ухода за Донец началось следствие по действиям Гусельщикова. Многие считали, что одной из причин этого была прощальная поздравительная телеграмма Краснова, где он упоминал двух донских героев — Гусельщикова и Лазарева.

Впрочем, казачеству нужен был народный герой вроде Гусельщикова. И следствие закрыли. Более того, контуженного Гусельщикова 24 февраля (9 марта) чествовали на Круге как героя Дона. Круг вынес постановление о награждении его орденом Святого Георгия.

Красные стремились на плечах отступающего противника перейти замерзающий Донец и ударить на Новочеркасск. Впрочем, Новочеркасск уже рассматривался как второстепенная цель. Донская армия считалась разбитой. 17 февраля (2 марта) главком Вацетис указал командованию Южного фронта: «Прошу обратить внимание на более энергичные действия частей 8-й и 9-й армий в направлении на станцию Лихая и оттуда в тыл частей противника, сражающегося в Донецком районе и севернее»⁵². Но и на Новочеркасск и на Лихую путь лежал через Донец.

13 (26) февраля 9-й армией был получен приказ захватить ко 2 марта по новому стилю (17 февраля) линию реки Донец по линии Богураев — Ясиновский — Синегорский — Виноградный.

16 февраля (1 марта) красные вышли к Донцу у станции Екатерининской, перешли реку и заняли хутор Синегорский. Казаки отошли к хуторам Семимаячному, Грушевскому и Чернышеву. 17 февраля (2 марта) красные атаковали Усть-Белокалитвенскую, но были отбиты. 18 февраля (3 марта) они из Синегорского двинулись к хутору Мечетному, чтобы обойти Усть-Белокалитвенскую с тыла, и атаковали хутор Семимаячный. Фактически линия Донца была прорвана.

---

⁵² Южный фронт (май 1918 — март 1919). Сборник документов. Ростов-на-Дону. 1962. С. 364.

Дальнейшим движением вдоль линии железной дороги части 9-й армии красных могли отрезать казаков в Калитвенской и Каменской и занять Лихую. Положение казаков стало критическим. Вдобавок 15—18 февраля (28 февраля — 3 марта) восстали крестьяне 13 волостей Таганрогского округа.

Донские части, противостоящие этому наступлению, были обескровлены. Полковник Фолометов, временно командующий Гундоровским полком, 19 февраля (4 марта) доносил Гусельщикову: «Прошу покорно дать от своего имени телеграмму командующему Донской армией с просьбой отдать категорическое приказание окружному атаману Донецкого округа и станичному атаману Гундоровской станицы о немедленной высылке в Георгиевский полк всех казаков, высланных в станицу для сопровождения больных и раненых, а также по другим причинам выбывшим временно из полка.

Славный Георгиевский полк легендарного отряда народного героя генерала Гусельщикова не должен распасться и погибнуть от недостатка людей.

Считаю своим долгом доложить, что вверенный мне отряд, неся службу на сторожевых участках большого протяжения, сильно переутомился и страшно уменьшился в количестве бойцов»⁵³.

Помощи от «добровольцев» пока что не было. 16 февраля (1 марта) генерал Романовский сообщил штабу Донской армии, что Кавказская Добровольческая армия будет переброшена в район Дебальцево — Чистяково — Александро-Грушевск, но «главнокомандующий категорически запретил до окончания сосредоточения всей кавказской армии вводить в бой дивизии по частям»⁵⁴.

У донского командования оставался последний резерв — 1-я Донская дивизия, стоявшая гарнизонами в Ростове, Таганроге и Новочеркасске. 14 (27) февраля дивизию стали

---

⁵³ *Сполох С.* Указ. соч. С. 256—257.

⁵⁴ Вольное казачество. № 151. 1934. С. 13.

грузить в эшелоны, чтобы отправить на Донец. 18 февраля (3 марта) 1-я бригада дивизии («Донская гвардия») без дивизиона Атаманского полка прибыла в хутор Грушенский, где размещался штаб командующего хоперскими войсками Савватеева.

Хоперские полки были деморализованы, боеспособность сохранил один Бузулукский полк. Кроме того, удалось мобилизовать стариков местных станиц — Морозовской, Ермаковской и Усть-Белокалитвенской — и свести в отряд полковника Овчинникова. Однако с приходом 1-й бригады 1-й Донской дивизии, то есть донской гвардии, командующий здесь войсками Савватеев решил атаковать красных.

На рассвете 19 февраля (4 марта) пешие сотни гвардейской бригады от хутора Грушенского повели наступление на Семимаячный, а конные от хутора Дубового на Ясиноватый. Правый фланг бригады был прикрыт отрядом Овчинникова.

Семимаячный был взят с ходу, затем гвардейские казаки (пешие сотни) под огнем, неся потери, преследовали красных до станицы Екатерининской, где передали преследование отряду Овчинникова.

Конные сотни бригады вышли к хутору Мечетному и южнее его столкнулись со 199-м стрелковым полком мирановцев.

Может быть случайно, а может быть по аналогии с событиями февраля 1918 г. (тогда большевики, наступая на Новочеркасск, первыми двинули вперед красных казаков Голубова), но в последний рывок через Донец пошли красные казаки и иногородние мирановской дивизии.

Под хутором Мечетным 1500 красных были атакованы лавой в 200 всадников. Согласно донесению полковника Фарафопова, было взято 3 орудия, 7 пулеметов, 150 снарядов, 130 винтовок, 38 пленных, много имущества. На поле боя осталось около 400 трупов и много несобранного оружия. Казаки потеряли 2 офицеров и 2 казаков убитыми, 13 казаков и 13 лошадей ранеными.

Занятый красными плацдарм был ими очищен.

«Выдвинутая на фронт молодая гвардия, и главным образом казаки ближайших станиц, 19 февраля (4 марта) дают первый отпор противнику», — констатировал донской историк⁵⁵.

Наступательный порыв красных заметно угас. Командующий Ударной группой Ф.К. Миронов переводился за Западный фронт и 21 февраля (6 марта) прощался с дивизией в слободе Карпово-Обрывской.

22 февраля (7 марта) Богаевский тем не менее заявил: «Сегодня положение, быть может, еще тяжелее, чем было вчера». Неожиданный мороз сковал Дон и Донец. Реки не могли служить препятствием. Герой Дона — генерал Гусельщиков — был контужен. Надежда оставалась на гвардию.

22 февраля (7 марта) 1-я Донская дивизия, пополненная дивизионом атаманцев, 3-м Калмыцким полком, Донским учебным полком и четырьмя батареями (1, 2, 6-й гвардейской и 27-й), повела наступление на Усть-Быстрианскую, занятую 16-й стрелковой дивизией красных. Красные контратаковали и даже сбили Учебный полк. Бой закончился вничью, но ночью красные ушли за Донец.

В тот же день, 22 февраля (7 марта), сменивший Миронова начдив Голиков отдал приказ о новой переправе через Донец.

Чуть западнее, у станицы Каменской, Донец пыталась форсировать 12-я стрелковая дивизия красных. 21 февраля (6 марта) вечером красные по льду перешли Донец и заняли хутор Рыгин и Каменскую, но утром 300—350 семилетовских партизан подошли от разъезда Северо-Донецкого, ворвались в Каменскую и в бою со 101-м советским полком отбили мост через Донец.

Подхлестывая рвущихся через Донец красноармейцев, штаб Южного фронта 23 февраля (8 марта) отдал приказ 8-й армии овладеть районом Лихая — Звереве и не позже 12 марта выйти на линию Таловый — станция Провалье — станция Черевко-

---

⁵⁵ *Добрынин В.* Борьба с большевизмом на Юге России. Прага, 1921. С. 69.

во — Малый и Большой Федоровские, то есть развернуть фронт против Александро-Грушевска. 9-я армия должна была пристроиться к 8-й с востока от хутора Садки до устья Донца⁵⁶.

Но организованной общей переправы у красных не получилось. 24—25 февраля (9—10 марта) очередные попытки взять Каменскую и Гундоровскую были отбиты.

На участке 9-й советской армии красным повезло больше. 24 февраля (9 марта) с 7 утра они повели наступление через Усть-Белокалитвенскую переправу, через железнодорожный мост ниже по течению Донца и через хутор Какичев (последняя колонна через Какичев направлялась на станицу Екатерининскую). Противостоявший им Гундоровский полк опирался на хутор Бугураев. Там, возле Бугураева, 23 февраля (8 марта) сошел с рельсов белый бронепоезд «Иван Кольцо». Красные пытались его захватить, гундоровцы — отстоять. «Партизаны полковника Корнилова, юные мальчики в количестве полтораста человек, присланные на помощь, потеряв около сорока человек убитыми, разбежались», — вспоминал Фолометов⁵⁷. Гундоровцы, дравшиеся под командованием В.Н. Усачева, отбивая атаки красных, потеряли в этот день 170 казаков и 17 офицеров. Под Фолометовым было убито три лошади. К концу дня гундоровцы отступили, оставив тела погибших на поле боя. Красные тоже ушли за Донец.

Однако после ряда боев 25 февраля (10 марта) 250 матросов 202-го полка 23-й стрелковой дивизии под командованием В. Грота форсировали Донец около Усть-Белокалитвенской станицы, сбили два обескровленных полка — Гундоровский и Луганский, — захватили 4 пулемета и заняли хутор Мечетный.

В разгар боев, 24 февраля (9 марта), донское командование обратилось к «добровольческому»: «Части Донской армии, особенно Северного фронта, вследствие огромной убыли уби-

---

⁵⁶ Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 2. М., 1972. С. 221.

⁵⁷ *Словох С.* Указ. соч. С. 278.

тыми, ранеными и больными, ослаблены до крайности. Малейший нажим со стороны противника даже небольшим кулачком на фронте от ст. Усть-Быстрианской до ст. Калитвенской может привести к созданию такого положения, которое вынудит нас отдать приказ об отходе к югу от р. Донец и бросить Зверевский узел, дабы уберечь войска Западного фронта. Резерва, которым можно было бы парировать удар противника на участке Северного фронта, нет. Кризис может назреть настолько быстро, что всякое сношение с Вами окажется запоздалым. Ввиду изложенного и по приказанию командарма, прошу с доклада главнокомандующему уведомить срочно, разрешает ли главнокомандующий в случае крайности использовать для боя его резерв, сосредоточенный ныне в окрестностях и к северу от Новочеркасска. № 1225/к. Кельчевский»⁵⁸.

Резерв, собираемый Деникиным, был значителен. 18—21 февраля (3—6 марта) из района Дебальцево в район Шахтная — Александро-Грушевск «в резерв главнокомандующего» была переброшена Кавказская дивизия. 21 февраля (6 марта) было приказано разместить в районе Персиановки 1-ю и 2-ю бригады 1-й Кубанской дивизии (2-й и 3-й Сводно-Кубанские полки, 2-й Уманский полк и 2-й Запорожский полк) и 1-я и 4-я Кубанские батареи. В районе Кривянской разместили 3-ю бригаду 1-й Кубанской дивизии (2-й Лабинский и 2-й Черноморский полки) с артиллерией. В самом Новочеркасске стали штаб корпуса, Гвардейский дивизион и гаубичная батарея 1-й Кубанской дивизии. В Персиановке разместился авиационный отряд в 8 аэропланов.

Но 26 февраля (11 марта) Романовский телеграфировал в штаб Донской армии, что Кубанский корпус сосредотачивается в районе Александро-Грушевска не для прикрытия фронта, а для крупной стратегической операции, и что донцы должны прикрыть фронт своими силами⁵⁹.

---

⁵⁸ Вольное казачество. № 151. 1934. С. 13.

⁵⁹ Там же.

Поскольку резервов не было, 28 февраля (13 марта) на Мечетный с юга повела наступление Гвардейская донская бригада, пешие сотни — на хутор, конница — в обход с юго-востока. Красные, не принимая боя, ушли за Донец. Впоследствии в наградных документах они отметили, что все это время — с 25 по 28 февраля (10—13 марта) — они три дня пробивались из кольца.

Потеряв плацдарм, красные, как считали казачьи историки, потеряли «возможность нанести удар по кратчайшему направлению на решающую линию Новочеркасск — Ростов, причем в момент, критический для Донской армии»⁶⁰.

Как бы не веря в спасение, донское командование 1 (14) марта передало в войска: «Командующий войсками Северного фронта приказал продержаться еще три-четыре дня и не пустить противника на западный берег Донца. Дать возможность нашим братьям казакам кубанцам и терцам, а также горцам закончить сосредоточение в районе станции Шахтная для нанесения удара по красным и организации наступления всех наших войск на Донском фронте»⁶¹.

Приказ вступить в бой с красными денкиинцы получили лишь на царицынском направлении. Именно на царицынском направлении впервые вступили в бой с красными прибывшие на Донской фронт кубанцы. Еще 3(16) февраля кубанские эшелоны со станции Кушевка были направлены на Царицын. 2-й Кубанский конный полк 11—12 (24—25) февраля занял позиции у хуторов Чекунова и Подстепного на левом берегу Дона у станицы Есауловской. Конница Буденного встретила кубанцев 17 февраля (2 марта).

Еще 16 февраля (1 марта) красное командование отметило: «Стремительность отступления противника несколько уменьшилась»⁶². Тогда же пришло сообщение, что «части...

---

⁶⁰ *Оприц И.Н.* Лейб-гвардии казачий Е.В. полк в годы революции и Гражданской войны. 1917—1920. Париж. 1939. С. 164.

⁶¹ Цит. по: *Сполох С.* Указ. соч. С. 259.

⁶² РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 331. Л. 320.

ведут упорный бой за обладание станцией Жутово, противник, поддерживаемый все время подходящими кубанскими частями, оказывает упорное сопротивление, переходя в контратаки»⁶³.

17 февраля (2 марта) красные отметили: «С прибытием кубанских и кавказских частей противник стал проявлять активность»⁶⁴.

19 февраля (4 марта) был отдан приказ донским и кубанским войскам отойти за Сал с целью сократить фронт и образовать маневренный резерв. 27 февраля (12 марта) красная конница вышла к Салу и заняла станцию Ремонтная.

Донские войска, отошедшие за Донец и Сал, были крайне малочисленны. По данным на 21 февраля (6 марта) 1919 года:

Западный фронт — 377 офицеров, 1061 штык, 2423 шашки, 33 орудия, 294 пулемета;

Северный фронт — 7956 штыков, 4072 шашки, 46 орудий, 37 пулеметов;

Восточный фронт (без 8-го корпуса, в который были сведены отряды Татаркина и Голубинцева бывшего Северо-Восточного фронта) — 2408 штыков, 1285 шашек.

Таким образом, под рукой командования было 20 965 штыков и 7780 шашек. Армии удалось сохранить 108 орудий и 441 пулемет⁶⁵.

Качество отступивших за Донец и Сал войск было низким.

Большевистское командование подводило итог к 16 февраля (1 марта) 1919 г. За 4 месяца из 56 000 Донской армии (большевики, видимо, не брали в расчет «Молодую армию») открытое возмущение проявили 9000 (16 %), перешли на сторону большевиков 16 000 (28,5 %), были расформированы 15 000 (27 %), остались надежными 16 000 (28,5 %) ⁶⁶.

---

⁶³ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 331. Л. 321.

⁶⁴ Там же. Л. 323.

⁶⁵ *Бугураев М.* Поход к восставшим // Родимый край. № 104. 1973. С. 14.

⁶⁶ *Какурин Н.* Как сражалась революция. Т. 1. М., 1990. Диаграмма.

На Круге новый командующий Донской армией генерал В.И. Сидорин говорил: «Весь Черкасский округ заполнен дезертирами со всех округов, и собрать их — задача чрезвычайно трудная»⁶⁷. Местные станичные власти не обращали на дезертиров никакого внимания. «Под шумок правящие сферы сплавляли из Новочеркасска свои семьи...»⁶⁸.

В феврале на вокзале в Ростове скопилось 800 раненых, которых не могли распределить по госпиталям. Всего раненых и больных насчитывалось 12 000, из них 30 % — симулянты.

Командование 14-й советской дивизии вспоминало: «Что ни дом — то лазарет, что ни амбар — то горы трупов. Страшный сыпной и возвратный тиф косил остатки Донской армии, заражая и наши части...»⁶⁹.

Главное командование армиями Антанты, изучая материалы о возможности интервенции в России, 6 марта 1919 г. дало Донской армии следующую характеристику: «Солдаты устали от борьбы, пали духом, наблюдается пассивное безразличие, растущая дезорганизация войск; недавние поражения, в результате которых Донская армия отступила к Новочеркасску, создают критическую ситуацию. Армия не способна к победе. Мало оснований для того, чтобы полагаться на нее при действиях в России»⁷⁰. Добровольческое командование, судя по всему, разделяло мнение союзников.

Советское командование в это же время, 8 марта, заявляло: «Донской армии, как боевой силы, не существует, фронт держится исключительно добровольцами». Всего на Донском фронте из 44 000 белых 17—18 000 были добровольцами⁷¹.

---

⁶⁷ Хмелевский К.А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 — март 1919). Ростов-на-Дону. 1965. С. 217.

⁶⁸ Добрынин В. Дон в борьбе с коммуной на Донце и Маныче (февраль — май 1919 г.). Прага. 1922. С. 11.

⁶⁹ Цит. по: Хмелевский К.А. Указ. соч. С. 220.

⁷⁰ Из истории Гражданской войны в России. М., 1961. С. 22—23.

⁷¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 9. Л. 102 об.—103.

Однако уже 13 марта советское командование констатировало: «Отмечается решительная настойчивость Донского командования по воссозданию армии»⁷².

Прежде всего, с выходом советских войск к железной дороге Лихая — Царицын и к линии Донца изменилось настроение местного населения. В этой местности уже имелся опыт жизни «под Советами», здесь весной 1918 г. уже шли бои с войсками Ворошилова. Кроме того, многочисленное местное крестьянское население, поддерживая красных, стало грабить казачьи станицы. Так произошло в станице Луганской: «Бери, бери, — говорили хохлы. — Цэ ж наше риднэ. Понаграбили козаки повнисенки дома и сундуки усякого добра, но цэ все наше — бери...»⁷³.

Разведсводки красных стали все тревожнее: 5 (18) февраля «все бежавшие из плена единогласно свидетельствуют, что хохлацкое население сочувствует большевикам, казаки же настроены к ним враждебно»⁷⁴. Так, 10 (23) февраля станица Усть-Белокалитвенская приняла решение вооружиться всем и дать отпор советским войскам⁷⁵. Но оказать сопротивление разрозненными станицами при бегущей армии было невозможно. Поэтому началось первое массовое отступление казаков, ставшее, правда, массовым лишь для некоторых станиц. И все же красная разведка доносила: 7 (20) февраля «все казачье население с приближением наших войск покидает от старого до малого свои хутора и станицы, оказывая совместно с регулярными казачьими частями отчаянное сопротивление»⁷⁶.

Подтягивалась дисциплина. Чтобы не раздражать раздетые и голодные войска, 7 (20) марта решением Войскового Круга были закрыты театры и кино, кафе и рестораны преобразованы в столовые, в общественных местах запрещались музыкальные

---

⁷² РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 9. Л. 122 об.

⁷³ ГАРФ. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 10. Л. 28.

⁷⁴ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 346. Л. 125.

⁷⁵ Там же. Д. 334(1). Л. 209.

⁷⁶ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 346. Л. 141—142.

и танцевальные вечера, закрывались все клубы, запрещались карты и лото⁷⁷.

В Новочеркасске висели воззвания: «Не покидайте Тихий Дон!»⁷⁸.

Вслед за местным населением стало меняться настроение в войсках. 26 февраля (11 марта) штаб 9-й армии доносил, что с 15 февраля по 11 марта опрошено лишь 6 перебежчиков⁷⁹. 28 февраля (13 марта) штаб Южного фронта отметил: «Главным образом противник несет потери от боев, процент дезертирства заметно уменьшился»⁸⁰.

Восстановив в какой-то мере дисциплину и боеспособность и укрывшись за Донцом и Салом, донское командование оказалось перед проблемой наращивания сил, увеличения численности армии. Увеличить численность армии планировалось «вначале созданием партизанских отрядов учащейся молодежи и добровольцев казаков, потом путем постепенной мобилизации»⁸¹. Когда положение восстановится, учащуюся молодежь планировали демобилизовать, что и случилось впоследствии.

Мобилизация шла все время, и в рассматриваемый период, помимо приказов по Войску, она проводилась решением станиц, когда приближались красные. Так, 3 (16) февраля 1919 года Нижне-Чирская, Суворовская, Есауловская, Потемкинская, Верхне-Курмоярская, Нагавская мобилизовали молодежь и «стариков» 1884—1890 годов переписи включительно⁸². Но это зачастую были разрозненные приговоры станиц, и пополнения в войска поступали мелкими партиями, что не могло ни существенно увеличить количество войск, ни создать перелом в настроении.

---

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 81. Л. 38.

⁷⁸ Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 605.

⁷⁹ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2274. Л. 110.

⁸⁰ Там же. Ф. 100. Оп. 3. Д. 334(1). Л. 230—231.

⁸¹ Родимый край. № 103, 1972. С. 13.

⁸² ГАРФ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

Кроме того, началась мобилизация иногородних (до 36 лет) и даже пленных. 2 (15) апреля Большой Войсковой Круг принял постановление: в целях привлечения на свою сторону стараться не расстреливать за службу «Совдепии», а пороть; пленных очищать от коммунистов, комиссаров «и других вредных лиц — добровольцев, китайцев, латышей, евреев и проч.»; уничтожать этих лиц «при помощи самих же пленных»⁸³.

Пленными и крестьянами пополняли даже семилетовские (студенческие) части, и те, попадая опять к красным, рассказывали, что у Семилетова «дисциплина не строгая — не бьют»⁸⁴.

В результате подтягивания дисциплины и мобилизаций количество бойцов в армии увеличилось. 2 (15) марта командование стран Антанты считало, что в Донской армии 57 000 (из них 30 000 кавалерии)⁸⁵.

В начале 1919 г. началась реорганизация структуры армии. В январе, в период развала на Северном фронте и горячих боев на Восточном, отряды стали сводить в корпуса и дивизии. 23 февраля (8 марта) фронты преобразовали в армии. Восточный фронт — 1-я армия; Северный фронт — 2-я армия; Западный фронт — 3-я армия.

Были упразднены разошедшиеся по домам полки. В Верхне-Донском округе это были 28-й, 30-й — 38-й. Вместо них под теми же номерами создавались другие.

Приказом № 408 от 26 февраля (11 марта) 1919 г. среди прочих был сформирован 33-й Донской казачий полк из отступивших казаков Краснокутской и Боковской станиц и Каргинской конной сотни.

Лазарева и Икаева отстранили от командования отрядами. Отряд Икаева вообще расформировали. Сам П.Х. Попов, глава нового Донского правительства, приказал отряд «расформировать и исключить из состава частей» с 25 февраля (старого стиля) 1919 г. (приказ № 72 от 30 марта (13 апреля) 1919 г.).

---

⁸³ ГАРФ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 81. Л. 86, 86 об.

⁸⁴ РГВА. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 272. Л. 5.

⁸⁵ Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 2. М., 1961. С. 23.

Поневоле слег в госпиталь «стопобедный генерал» Гусельщиков. Его любимый Гундоровский полк был отдан под командование полковнику В.В. Фолометову и в боях под Усть-Белокалитвенской понес большие потери, так что его пришлось свести в батальон. Контуженный Гусельщиков обозвал Фолометова трусом, в ответ на это Фолометов выстрелил Гусельщикову в грудь из револьвера и сам был арестован 19 марта (1 апреля). Такая вот первоапрельская шутка. На гауптвахте Фолометова уже ждал «милый сердцу» свергнутого атамана Краснова, «но беспутный» полковник Роман Лазарев.

Снабжение войск ВСЮР взяли на себя союзники. Уже к 12 (25) апреля они поставили оружия и снаряжения на 100 000 бойцов — 205 пушек, 75 гаубиц, 60 мортир «Штока», 2000 пулеметов, 100 000 русских винтовок, 12 танков, 100 самолетов (с парками), 1000 телефонов, 2000 мулов. Готовились поставки еще на 150 000 бойцов⁸⁶. Но все это подлежало распределению между всеми Вооруженными силами Юга России, а не предназначалось одному Дону.

Тем не менее и Дону досталось немало.

Военные операции Донской армии должны были отныне развиваться в контексте планов командования ВСЮР. Реальное военное сотрудничество, по идее Деникина, должно было складываться следующим образом. Донская армия сохранялась. В оперативном отношении она подчинялась Главкому (Деникину), но ни одна часть не могла быть уведена с Дона, если Дону угрожала опасность («операционные линии Дона соответствуют идее его обороны»). Возможен был увод донской конницы, но при компенсации ее «добровольческой» пехотой, а также увод свободных резервов, где это необходимо. Предполагалось невмешательство в бытовые казачьи особенности⁸⁷.

Такие предложения выдвигались Деникиным, когда у власти был Краснов. Но после того как многие члены Круга потребо-

---

⁸⁶ Из истории Гражданской войны... Т. 2. С. 43.

⁸⁷ Вестник первопоходника. № 25. 1963. С. 15.

вали установления единого командования (Окружное собрание членов Большого Войскового Круга от Верхне-Донского округа потребовало срочно фактически осуществить единое командование над всеми вооруженными силами Юга России еще до открытия круга, 28 января (10 февраля) 1919 г.)⁸⁸, а во главе Войска стал сподвижник Деникина А.П. Богаевский, влияние «добровольцев» на дела Донской армии возросло. Даже по поводу награждения Гусельщикова орденом Святого Георгия Богаевский советовался с Деникиным⁸⁹. Что касается военных планов Деникина, то ещё в январе 1919 г. на военном совещании в Минеральных водах он решил, опираясь на Донецкий бассейн, «главными силами развивать действия в общем направлении на Харьков»⁹⁰, поскольку харьковское направление было кратчайшим «к главному объекту действий — Москве»⁹¹.

Однако при огромном превосходстве сил противника военные действия в феврале — марте 1919 г. сводились к «затыканию дыр» на фронте.

Советское командование, лишившись плацдарма на правом берегу Донца на фронте 9-й армии, производило перегруппировку, перебрасывало войска западнее, где фронт (у Луганска) уже пролегал за Донцом. 11 марта Командюж Гиттис отдал приказ «в центре совершать перегруппировку с целью, воспользовавшись оборонительной линией реки Донец, частям 9-й армии сменить 8-ю, сосредоточить ее для атаки из района Веселогорск — Луганск вдоль правого берега Донца в направлении на Новочеркасск — Ростов». 9 армия должна была частями 23-й дивизии сменить 8-ю армию к 5(18) марта⁹².

Таким образом, красные концентрировали войска на правом берегу Донца в районе Луганска, чтоб оттуда «по сухому» ударить на Новочеркасск, и считали, что «в районе за-

---

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 140. Л. 1.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 40, Л. 2–3.

⁹⁰ Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Т. 1. С. 183.

⁹¹ Там же. С. 184.

⁹² Директивы командования фронтов... Т. 2. С. 223.

паднее линии Лихая — Новочеркасск и должен быть разыгран решительный бой»⁹³.

«Добровольцы» и донцы стягивали войска для встречного удара. Фактически должно было развернуться протяженное по площади и длительное по времени встречное сражение. Важным фактором в этом сражении стало восстание казаков на Верхнем Дону в тылу у Красной Армии.

Настроение казаков на территории, занятой советскими войсками, также меняется к весне 1919 г. Мечты о немедленном улучшении благосостояния со свержением местных органов красновской диктатуры не осуществились. Более того, с приходом советских войск казаки должны были разделить все тяготы Гражданской войны вместе с голодающим народом России.

Начиная наступление на Юге большевики надеялись облегчить положение страны. 3 апреля 1919 г. В.И. Ленин говорил: «...все завоевания, которые наша Красная Армия сделала на Украине и на Дону... дадут самое существенное облегчение для внутреннего положения, дадут хлеб и уголь, продовольствие и топливо»⁹⁴. На территории, занятой советскими частями, вводилась продразверстка, которая изымала «излишки» хлеба по существу без компенсации их промышленными товарами.

Неоднородность состава населения области внесла свои особенности в советское строительство на Дону. Малочисленное красное казачество в это время пошло на обострение борьбы. Красновские указы за переход к красным лишали казачьего звания и пая земли. Весной и летом 1918 г., во время установления красновской власти, осатанелые старики нещадно поносили сочувствующих Советам на сходах, всячески издевались. Но все равно находились смельчаки и бежали в Красную Армию, и немало из них, выпоротых и обесчещенных, грозило вернуться и «поликовать» над обидчиками, с четырех сторон зажечь родимый хутор.

---

⁹³ Директивы командования фронтов... Т. 2. С. 226.

⁹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 245.

Уходя к большевикам, казак автоматически становился сельским пролетарием, был гораздо надежнее мобилизованных крестьян и превосходил их по военной подготовке. Даже белые считали: «Эти изменники представляют собою лучшие боевые части красных»⁹⁵. Председатель Казачьего отдела ВЦИК докладывал, что «красные казаки ненавидят своих станичников, находящихся в рядах Краснова, отлично знают, кто из них служит насильно, а кто добровольно, и пощады тем, кто погнался за звездочками и лычками, продав за это родного брата, не будет никакой».

У многих были личные счеты, и теперь, вступая в родные места победителями, предвкушали они «расплату с довеском». А впереди уже летела молва, что такой-то идет с таким-то отрядом и грозился тому и тому первым головы срубить, а такому-то лучше бы и на свет не родиться — под землей найдет и живого съест.

В хуторе Большом Усть-Хоперской станицы казаки-мирововцы из 1-го Донского революционного полка таскали за бороды, а затем изрубили «за злостную агитацию» 20 стариков, которые пытались их «усоветничать» и «наставить на путь истинный». В Нижнечирскую, окружную станицу 2-го Донского округа, красные казаки вступили первыми, разбили лавки и раздавали имущество, а затем своим судом стали карать местную «контру», и если б не политкомы, залили бы Нижнечирскую кровью.

Но не в этом была беда. Красные казаки пришли и ушли со своими полками дальше, к Донцу — «топить гидру в Черном море». Перетрухнувшие их «знакомцы» вылезли из погребов и уже на радостях сулили скрывавшим их соседям и родственникам золотые горы. Но далеко до покоя было. Ох, как далеко!

Разложение и ослабление белого казачества подталкивали донское крестьянство на его борьбу с привилегированными землевладельцами-казаками. Борьба обострялась тем, что советская власть помещичьей земли крестьянам здесь, на Дону,

---

⁹⁵ Новая донская жизнь. 1918. 12 (25) ноября.

не дала — все имения были преобразованы в совхозы. Весной 1919 г. член Донбюро РКП (б) С.И. Сырцов докладывал: «Ненависть против казаков, на которых крестьяне привыкли смотреть как на классовых врагов, только теперь находит свое выражение... Победы Красной Армии вдохнули уверенность в крестьян, и они начинают расправу с казачеством»⁹⁶.

Несмотря на то что стихийное движение крестьянства нарушало классовый подход к решению вопроса, носило «антиказачий» характер и иногда выражалось в неприкрытых грабежах станиц, группа работников во главе с Сырцовым считала, что крестьяне в массе (за исключением небольшого процента отъявленных кулаков) представляют тот элемент, на который партии в борьбе с казачеством придется опираться.

Эти настроения нашли свое отражение и во взглядах ряда донских ответственных работников, а отзвуки этих настроений проявлялись даже в верхах командования Красной Армии. В январе 1919 г. в «Известиях ВЦИК» появилась статья «Борьба с Красновым», в первых числах февраля та же статья, но озаглавленная «Борьба с Доном», печатается в нескольких номерах «Известий Народного Комиссариата по Военным и Морским Делах». Автор, подписавшийся «И. В-с», сообщил, что «мимо внимания трудового народа проходит незамеченным такое явление, как титаническая борьба наша против Дона... Дон выступил против нас, против русского революционного трудового народа, и выступил в своей прежней исторической роли разбойника, душителя всяких свободных начинаний в России» (2 февраля). После реверанса в сторону революционной части казачества («Говоря о казачестве, сражающемся против нас на Дону, мы не имеем совершенно в виду трудовой казачий народ, казачий пролетариат, тот, который пламенеет жизнью революции» (4 февраля), И. В-с между прочим объявил читателям: «Казачья масса еще настолько некультурна, что при ис-

---

⁹⁶ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Т. 7. М., 1971. С. 261.

следовании психологических сторон этой массы приходится заметить большое сходство между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира» (8 февраля). Примеры? Пожалуйста: «В ухе у казака обыкновенно серьга, а то иногда их даже две. Иногда приходится видеть казака, у которого даже в носу проделана дырка для вставления особого сорта кольцеобразного приспособления» (6 февраля). Вывод гласил: «Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции. Стомиллионный русский пролетариат не имеет никакого нравственного права применить к Дону великодушие... Дон необходимо обезлошадить, обезоружить и обезногаить и обратить в чисто земледельческую страну» (8 февраля).

Автору хотелось бы поделиться мыслями об этих статьях. «Лихой парень был этот И. В-с. Фантазер. Кольцо в носу — до этого надо додуматься» — вот первое, что приходит в голову при прочтении этой статьи. Кстати, кто он? «Мальчишка какой-нибудь. Щелкопер. В струю хотел попасть», — подумал я тогда. Ан не мальчишка! Как-то, перелистывая книгу о жизни и деятельности одного из видных наших военачальников, обнаружил я перечень печатных трудов его. И среди статей по стратегии, тактике, военной истории увидел и эти: «Борьба с Доном» (Известия Народного Комиссариата по Военным и Морским Дела. 1919. 2, 4, 6, 8 февраля), «Борьба с Красновым (Известия ВЦИК. 1919. 28, 31 января, 1 февраля). А называлась книга — «Главкомандующий всеми Вооруженными Силами Республики И.И. Вацетис» (Сборник документов. Рига, 1978).

У партийных и советских работников, связанных с Доном, единого мнения об организации власти на освобожденной территории не было. Группа советских работников, казаков по происхождению, признанным лидером которой был В.С. Ковалев, переоценивала революционность казачества, настаивала на политике соглашения с ним. Во главе области предлагалось поставить известных казакам лиц, хотя бы они были «беспартийные»; в окружные ревкомы — выдвигать лиц, избранных ка-

заками ранее в исполкомы, предоставить право на общем съезде казачества установить земельные порядки. Группа работников во главе с С.И. Сырцовым, сосредоточенная в Донбюро РКП (б), недооценивала революционные элементы казачества и находила нужным во главе Донревкома, окружных ревкомов ставить партийных товарищей, которые могли бы в кратчайший срок и без шатаний провести ряд мероприятий, подрывающих силу казачества, и тем самым покончить с казачеством. Сырцов в письме, полученном ЦК 7 февраля 1919 г., писал: «Принимая во внимание то, что значительная часть Днобласти по самой природе своей враждебна социалистической власти, отдельные сочувствующие единицы тонут в море темной невежественной буржуазной казачьей массы («трудовое революционное казачество» больше существует как агитационная формула, чем на самом деле), — предоставить самой массе, почти однородной в экономическом отношении, строить местные органы власти было бы ошибкой. Казачество, придавленное и терроризированное, пассивно воспримет «советы и комитеты», но эти советы будут вывеской для старых станичных управлений... Необходимы в этих местах комитеты, назначенные из людей, прошедших школу Советской власти, с привлечением туда тех отдельных единиц, лояльных и сочувствующих, которые изредка будут попадаться на местах».

Вопрос упирался также и в форму центральной временной власти в области. Исходя из неясности обстановки и неподготовленности условий для создания аппарата управления, вплоть до особого распоряжения вся военная и гражданская власть на Дону передавалась в ведение Реввоенсовета Южного фронта. «Донскому бюро, Френкелю. Общее руководство работой поручается товарищам военсовета Южного фронта. Никакого Донского исполкома, никакого Донского правительства. Даны точные указания Ходоровскому и Мехоношину», — телеграфировал 29 января Я.М. Свердлов.

Как писал в докладе комиссар Хоперского округа В. Ларин, «Ревсовет, имея смелость перед ЦК настоять на не-

обходимости сдачи Днобласти под его высокую руку, по существу ограничился в своем законодательстве отделом «Граждупра», не имеющим ни самостоятельности, ни денег, ни работников».

«Граждупр», или Отдел Гражданского Управления при РВС Южфронта, был образован приказом № 317 Реввоенсовета от 3 марта 1919 г. Главными задачами отдела были: а) создание ревкомов и инструктирование их в деле беспощадной борьбы с контрреволюцией; б) содействие ревкомам в деле формирования специальных воинских частей; в) проведение срочных мер земельного характера, в частности, касающихся весенней запашки и охраны крупных экономии, коневодства и лесов; г) организация финансовых органов на местах и руководство их деятельностью.

Скоропалительность, с которой военные взяли управление областью в свои руки, имела свои отрицательные черты. То, что во главе «Граждупра» стоял член Донбюро и его идейный вдохновитель, давало гарантию, что военная власть будет проводить политику, рекомендуемую Донским бюро. Отсутствие у РВС фронта определенных навыков в работе такого рода, нехватка средств и работников заставили его часть работы переложить на Донбюро, которое для более четкой связи переехало в ставку РВС Южфронта — город Козлов. Обстановка запутывалась недостаточно четким разграничением обязанностей между Донбюро и «Граждупром».

С мест настоятельно требовали создания единого советского центра на Дону. 5 марта 1919 г. Сырцов писал Свердлову: «Самым настойчивым образом встает вопрос о создании областного ревкома или исполкома... Ликвидация казачьего землевладения, организация переселения хотя бы в огромных масштабах немыслима без аппарата. РВС Южфронта для выполнения задачи руководства местными органами думал воспользоваться бюро. Помимо того, что наша попытка приспособить себя для этой роли отразилась на партийной работе, мы парализовали себя переходом в Козлов. Козлов оторван и от-

дален страшно от Донской области... Создание ревкомов на местах протекает без участия РВС, его назначения опаздывают... До сих пор аппарат Донского бюро был приспособлен лишь к партийной, главным образом нелегальной работе...»

Но с созданием центральной донской власти не торопились, так как планировалось расчлнить Днобласть. Основным инструктивным документом об организации работы на Дону была директива Оргбюро ЦК от 24 января 1919 г. Директива, за исключением 1-го пункта, не рекомендовала ничего, выходящего за рамки общей политики партии и правительства, известной впоследствии под названием «военного коммунизма». Необычным был первый пункт — о массовых репрессиях.

Еще до выхода директивы ряд видных работников Южного фронта высказал свое мнение по этому вопросу. С. Сырцов: «Иной политики, кроме политики быстрого и решительного обезвреживания контрреволюционеров, кроме террора, положение не могло диктовать...»⁹⁷. Член ЦК и член РВС Южного фронта Г. Сокольников: «...Массовый террор в занимаемых областях совершенно нежелателен и недопустим, помогая красновскому запугиванию, затрудняя наше продвижение. Террор применять только к выдающимся деятелям белогвардейского лагеря, подозрительные и ненадежные элементы подлежат аресту и отправке в Борисоглебск и Балашов» (инструкция политорганам 9-й армии 22 января 1919 г.).

Оргбюро ЦК поддержало линию Сырцова. Еще до того как директива дошла до армейских политорганов, Я.М. Свердлов ответил на многочисленные запросы с мест о линии поведения на Дону: «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость недопустимы.

---

⁹⁷ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 665. Л. 25.

Полагаю, что приведенная мною выдержка ясно и точно отвечает на все ваши вопросы»⁹⁸.

В первых числах февраля директива достигла фронта и сразу же была разслана высшему политическому руководству армий.

Это сейчас мы привыкли к потоку бумаг. А тогда бумажка много значила. Как шарахнут декрет сверху, умри, но выполни. От одного слова, одной запятой кое-кого в дрожь бросало. Вернут ли Дону статус республики или область между губерниями поделят? Автономия или федерация? Своих комиссаров посадят или из Москвы пришлют? Как в бумажке напишут? «Активное»? А может, «прямое или косвенное»? У многих от таких тонкостей жизнь зависела. И хватались казаки неграмотные за бумажки казенные. Декретов, положение дел объясняющих, как откровения ждали. Каждую букву на зуб пробовали. Вот она — «сила печатного слова»...

Вообще-то в детстве меня к бумажкам не тянуло, я мечтал быть пастухом. Когда мы с бабушкой ходили на базар, часами смотрел на коров и лошадей. Я еще застал время, когда с хуторов на станичный базар приезжали на быках.

Настоящий праздник начинался, когда мы с бабушкой уезжали на хутор к ее сестре. Дядьки мои, особенно двое младших, которые были всего на два и четыре года старше меня, изо всех сил старались, чтобы мне у них понравилось. И верхом скакали, и коней на спор на дыбы поднимали, и из самопалов стреляли. И наконец вытащили из хаты настоящее ружье и вверх пальнули, за что на следующий день старший брат лупил их чем попадая.

Отличались они большой любознательностью. Учились плохо, но был у них сундучок деревянный, где хранились потрепанные учебники истории, по которым еще предстояло учиться, несколько книг про казаков («Степан Разин», «Тихий Дон», «Кочубей») и вообще про войны и подвиги.

---

⁹⁸ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 1.

Вечера там нравились мне меньше. В центральной комнате полумрак. Все рассаживаются вокруг стола, на котором стоит керосиновая лампа, да и лампы из-за спин не видно. В других комнатах совсем темно. И на улице темень непроглядная, ни одного огонька. Ночь — так уж ночь.

Баловаться нельзя. Идет разговор. О чем? Бабушка с сестрой не виделись с 1933 г. по 1959 г. Об этом времени в основном и говорилось. О коллективизации, о «саботаже», о последней войне... Сожалели, что давно не были у брата Федора. Тот сохранил портрет отца, увеличил, на стену повесил. «Переказывал», чтоб старший из племянников приехал. Хочет он его рядом с портретом поставить: похож ли на деда?

О чем еще говорили? Не помню. Нудился я, бегать хотелось. Помню общий тон. Беды и несчастья воспринимались как должное. Как испытание на стойкость. Высшей доблестью почему-то считалось, когда казаки, «тягаемые» по судам и следствиям, упорно твердили: «Не был. Не знаю. Не видел. Никого не помню». Если и кляли кого, то местных «дураков», рвавшихся к власти по крови хуторян. Иногда проскальзывало удивление: «Его-то за что? Он ведь в красных был».

Потом уже, работая в архивах, натолкнулся я на один документ, который много мне объяснил. Была то сводка о настроении местных жителей. А местные жители говорили: «Мы проиграли войну. Что поделаешь? Надо терпеть». Дескать, сами виноваты. Надо было лучше воевать...

Ну а тогда горела на столе лампа. Женщины говорили, «дядюшки» мои сидели молча и сосредоточенно перед собой смотрели, и как только я начинал елозить по лавке, бабушка клала мне на голову ладонь и говорила: «Тихо... тихо...», а потом добавляла слова из старинной казачьей песни: «Тихо ехал казак над рекою. Молодой донец-донец. Пистолеты его заряжены, весь мундир его в пыле...»

Вернемся к нашей истории. Как только Директива прибыла на Юг, местные партийцы надавили по своей линии:

«В целях скорейшей ликвидации казачьей контрреволюции и предупреждения возможных восстаний, Донское бюро предлагает провести через соответствующие Советские учреждения следующее:

1. Во всех станицах и хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях (уличенные, согласно директиве ЦК, должны быть расстреляны), и отправить как заложников в районный революционный трибунал...

3. В состав ревкома ни в коем случае не могут входить лица казачьего звания некоммунисты.

4. Составить по станицам под ответственность ревкомов списки всех бежавших казаков (то же относится и к кулакам) и всякого без исключения арестовывать и отправлять в районный трибунал, где должна быть применена высшая мера наказания»⁹⁹.

5 февраля 1919 г. Реввоенсовет Южного фронта отдал приказ № 171. «Интересы Российской Социалистической Республики требуют проведения самых быстрых и решительных мер по борьбе с контрреволюцией на Дону. Учреждая в этих целях военно-революционные комитеты и наделяя их чрезвычайными полномочиями, РВС Южного фронта впредь до образования повсеместно на Дону таких органов приказывает в видах немедленного осуществления мероприятий по борьбе с контрреволюцией создать временные полковые военно-полевые трибуналы на нижеследующих основаниях:

1. При каждом полку учреждается временный трибунал, который движется вместе с наступающим полком.

2. Трибунал действует как на пути продвижения части, так и в месте ее расположения, в данный момент являясь органом суда и расправы со всякими контрреволюционными элементами, не принадлежащими в данный момент к составу полка.

---

⁹⁹ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 1 об.

3. Трибунал состоит из политкома полка, являющегося председателем трибунала, и из двух членов и одного кандидата из состава полковой партийной ячейки...

4. Опрос свидетелей может иметь место в том случае, если трибунал находит это необходимым.

5. Приговоры трибунала обжалованию не подлежат.

6. Материалы по всем делам полковые трибуналы должны препровождать в соответствующие окружные ревкомы через политотделы дивизий.

Приказ вводится в действие по телеграфу.

РВС Южного фронта И. Ходоровский, В. Гиттис. Управделами РВС Южного фронта В. Плятт».

Инструкция Реввоенсовета фронта, составленная в не менее решительной форме, была переслана армейским органам 8 февраля. По получении ее некоторые работники в опасении провокации выслали копии Ленину, как председателю Совета Оборона, и наркомвоенту Троцкому¹⁰⁰.

Реакция на все эти документы последовала незамедлительно.

«Москва, Ленину, Свердлову.

Филоново, 10 февраля 1919 г.

Директива ЦК нуждается дополнением, учитывающим необычайное обострение отношений (между) стариками и молодыми. Необходимо удалить старые года, для чего провести трудовую мобилизацию...

Пункт первый директивы не может быть принят ввиду массовой сдачи казаков полками, сотнями, отдельными группами. Сокольников»¹⁰¹.

Своевременная реакция с мест позволила поставить вопрос на ближайшем пленуме ЦК. Но пока что вопрос о терроре был самым «дискутабельным». На многочисленные запросы писались обстоятельные ответы. Понемногу стало складываться

---

¹⁰⁰ РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 224. Л. 172.

¹⁰¹ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 1.

впечатление, что вопрос о терроре — главный в настоящее время, а террор — основа политики советской власти на Дону. Казаков-перебежчиков отныне в Красную Армию не принимали. 24 февраля Троцкий и Вацетис телеграфировали Реввоенсовету Южного фронта по этому вопросу: «Требовать безусловной сдачи оружия и выдачи своих командиров. О приеме в нашу армию не может быть и речи».

Каковы же были результаты подобной политики в округах Донской области, занятых советскими войсками? В. Ларин, комиссар Хоперского округа, отметил в своем докладе: «Основы кулачества, сливок в округе не осталось. Все более или менее известное съезжало, а осталась мелкая рыбешка... которую по существу надо было бы самое большее выслать из пределов округа в рабочие батальоны. Однако разъяснения Южфронта предписывали расстрелы... Купчики, просидев месяц, другой, пристраивались в качестве специалистов в совнархозы, в совхозы и т.д., остались на поверхности плавать. Нашу карающую руку в большинстве испытали только бывшие хуторские атаманы да непроглядная темнота, падкая до чужой собственности, тащившая хозяйство красноармейцев. В революционной политике расслоения трибунал сыграл плачевную роль».

Не террор был главным в завязывающемся узле новых противоречий. Были причины и поглавнее.

С установлением советской власти в освобожденных районах начались социалистические преобразования. Войсковая собственность на землю отменялась. Помещичьи имения превращались в советские хозяйства, был создан ряд коммун и артелей. Было запрещено хранение и использование всех денежных знаков, кроме советских. Приказ № 239 от 16 февраля 1919 г. по Южному фронту предписывал «всех виновных в дальнейшем распространении незаконных денежных знаков рассматривать как врагов Советской власти и предавать суду революционных военных трибуналов». Все предметы первой необходимости брались на учет, на основные продукты была

введена карточная система. Борьба обострялась решительными мерами по изъятию «хлебных излишков», причем брали и у «кулаков», и у «трудящихся».

Положение усугублялось отсутствием достаточного количества работников и слабым контролем со стороны Донбюро и Гражданского управления. Даже в мае 1919 г. посланный с проверкой от ВЧК И.И. Скрамэ докладывал, что в Хоперском и Усть-Медведицком округах советская власть на местах в зачаточном состоянии. Нет работников, отсутствуют какие бы то ни было инструкции из центра.

Во главе ревкомов, окружных и станичных, ставились «элементы, наиболее пострадавшие от Краснова...», которые, «вспоминая прежние обиды, допускали ряд безобразий, оказывались сплошь и рядом людьми нечистоплотными, бандитски настроенными»¹⁰². Посланный в Хоперский район для организации совнархозов коммунист Нестеров докладывал в Казачий отдел, что в местных органах власти сидят бывшие правые эсеры и бундовцы, «причем часто этими элементами инструкция о терроре понималась как полное уничтожение казачества», а руководящим принципом служило: «чем больше вырежем казачья, тем скорее утвердится Советская власть на Дону».

Агитация казачества считалась делом важным, но на должную высоту поставлена не была. Зато белые агитаторы промашки не дали. Раскрыв рты, слушали ошалевшие казаки, что «большевики казаков непременно хотят расказачить, землю у них всю отобрать и отдать петроградским рабочим, а казаков выселить в Сибирь; коммунисты же хотят выстроить большой дом длиною от Черного до Белого моря, посередине будет коридор, а сверху железная дорога, все церкви переделают на театры, на иконы будут делать налоги: на Спасителя — 200 рублей, а на богородицу — 150 рублей»¹⁰³.

---

¹⁰² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 82. Д. 15. Л. 320.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 82. Д. 15. Л. 122.

Во всех докладах с мест повторялось, что настроение казачества подавленное, но оппозиционное, оно твердо лелеет мысль о неизбежной борьбе с коммунистами.

Новые колебания казаков, их недовольство политикой военного коммунизма создали условия, а перегибы и откровенные зверства органов власти и белое подполье послужили детонатором для вспышки в месте, наиболее благоприятном для мятежа.

Местом этим был Верхне-Донской округ, где большинство бывших красновцев (подлежавших репрессиям согласно директиве) с оружием в руках разошлись по домам и остались в тылу Красной Армии.

9 февраля в станицу Вёшенскую въехал штаб Инзенской дивизии. Остатки 28-го Верхне-Донского полка были выстроены на площади. Советское командование благодарило их за помощь, объявило, что мобилизации в Красную Армию не будет, но добровольцам будут рады, после чего казаки были распущены по домам. Добровольцев было мало.

Тем временем новая линия по отношению к казачеству стала проводиться в жизнь. 9 февраля в Воронеже на совещании Донбюро был утвержден ревком Вёшенского района в совершенно новом составе, а также бюро РКП (б) района. Председателем ревкома был назначен Иван Васильевич Решетков, комиссар-инструктор 12-й стрелковой дивизии, в прошлом рабочий обувной фабрики, членами — Ф.В. Векин, В.А. Калюжный, А.Г. Падун, П.В. Луценко, А. Дорошев, Бирюков. В бюро РКП (б) вошли Грачев, Решетков и Дорошев.

Фомина на посту военного комиссара округа сменил Василий Архипович Калюжный, в прошлом командир батальона войск ВЧК в Могилеве. Фомин удовлетворялся должностью помощника военного руководителя.

На следующий день после вступления штаба Инзенской дивизии в Вёшенскую был отдан приказ № 16/79 о сдаче населением оружия в 24 часа под страхом расстрела. 13 февраля частям Инзенской дивизии был объявлен приказ РВС Южного фронта об организации полковых трибуналов. Но полки дивизи-

зии в это время были уже далеко на юге, ни один полковой трибунал на территории Верхне-Донского округа не действовал. Однако всех добровольцев из 28-го полка направили в комендантскую команду при дивизионном трибунале, да и трибунал позадержался в Вёшенской, хотя штаб дивизии с 17 февраля выехал из станицы вслед за наступающими частями. Фронт прошел. В станицах остались «гражданские власти» и трибунал, который должен был выловить и наказать активных контрреволюционеров. Станица уже не была едина. Одних должны были привлечь к ответу за прошлые «злодеяния», другие должны были в них стрелять. Меж тем надо было строить новую власть, наводить порядок. Проходящие части оставляли на своем пути и ревкомы, и комбеды, и выборные Советы. Все это теперь надо было привести к общему знаменателю. За дело взялись рьяно. В окружном исполкоме и на местах организовали отделы управления, культпросвета, продовольственные, жилищно-хозяйственные. Появилась временная ЧК. Открылись клубы-читальни. При помощи политотдела Инзенской дивизии начали издавать окружную газету, и некто под псевдонимом «Песчаник» уже тиснул там «Марсельезу красных казаков» —

Мы, вольные птицы широких степей,
Не хотим, свободные, рабства
И ржавое иго господских цепей
Утопим в крови генеральства...

Начали брать на учет хлеб и другие продукты. Были открыты советские лавки в Мигулинской, Казанской и Мешковской, намечали открыть в Вёшенской. С торговлей дело, однако, не ладилось. Донские и иные деньги были запрещены. На станицы проходящие части налагали контрибуции. С одной Мигулинской потребовали 3 млн рублей. Советских же денег, за исключением тех, которыми проходящие красноармейцы расплачивались за пищу, ночлег и фураж, не было. Политотдел 8-й армии доносил: «В Донской области в районе станиц Вёшенская, Ка-

занская... благодаря объявлению красновских денег недействительными и отсутствию советских, на рынке громадный наплыв продовольственных продуктов, хлеба, скота. За отсутствием средств у местных ревкомов и отсутствием закупочных комиссий из центра, население сбывает продукты кулакам».

Окружной ревком «постановил конфисковать землю и земледельческие орудия у богатых слоев населения. Обработку земли передать земельным отделам». Жилищно-хозяйственный отдел стал брать на учет жилища бежавших. «Буржуям» оставляли одну комнату на семью, а кое-кому и одну смену белья на человека. Наложили на них трудовую повинность. «Буржуйки» мыли полы в тифозном лазарете и в общественной бане, а «буржуи» кололи дрова для лазаретов, бани и электростанции, чистили лазаретные дворы и клозеты.

1 марта из Москвы в РВС фронта вернулся Ходоровский, выезжавший за инструкциями. Замещавший его Сырцов 2 марта приступил к своим непосредственным обязанностям председателя Донбюро. 3-го было создано (как мы помним) Гражданское управление, а 5-го в ближайшей к железной дороге станции округа — Казанской — узнали, что назначен ряд расстрелов местных жителей, обвиняемых в контрреволюции. По хуторам, говорили, послана бумага со списками и предупреждением, чтоб никого не выгораживали и не защищали.

Казанцы издревле привыкли к «суду неправедному», еще до революции писали они жалобы, что их станичный «суд без могарычей судить не может ввиду своих судейских предков». Но то, что началось в станице в первых числах марта 1919 г., их перепугало. За казака хутора Бессонова Якова Андреевича Коршунова просило все «хуторское общество». Все 35 седобородых «просителей» получили по две недели принудработ, вырубали изо льда баржи и выволакивали на берег. В хуторе Гармиловском взяли под стражу 24 человека за то, что они собрались в потребиловку для учета.

Пребывавший в Вёшенской трибунал Инзенской дивизии, который к тому времени успел приговорить лишь одного «конт-

рика» — известного своим двурушничеством полковника Калиника Дунаева, — немало встревожился. Явных контрреволюционеров в округе трибунал не видел, считал, что все они сбежали. Но общее настроение населения доверия не внушало. Вдобавок и крупных сил под рукой не было. Последовали тревожные запросы и предупреждения. Смысл их сводился к одному — сейчас трогать казаков нельзя. Но линия Донбюро и «Граждупра» на проведение террора была непоколебима.

6 марта приказом № 333 РВС Южного фронта упразднил «казачье-полицейское» деление области. Отныне она делилась на районы. Верхне-Донской округ после значительной урезки был переименован в Вёшенский район в составе Казанской, Мигулинской, Вёшенской, Еланской, Усть-Хоперской и Краснокутской станиц. Параграф 3-й приказа обязал районные ревкомы принять меры к созданию волостных и станичных ревкомов, при недостатке работников возможно было временное назначение в станицы и волости комиссаров. Параграф 4-й переименовывал Краснокутскую станицу в Подтелковскую волость, а хутор Ушаков Боковской станицы в хутор Кривошлыков. Вёшенскому ревтрибуналу приказано было провести расследование обстоятельств гибели подтелковской экспедиции и всех причастных к злодеянию предать беспощадному революционному суду.

Грозным окриком прозвучал вышедший на следующий день приказ РВС фронта № 343, подписанный Гиттисом и Сырцовым. Воинским учреждениям: военным советам армий, дивизий, политотделам — запрещалось вмешиваться в деятельность и распоряжения революционных комитетов на местах.

Вдобавок ко всему вездесущий Иван Георгиевич Мельников раскрыл в Вёшенской заговор, за что был впоследствии предан повстанцами вечному проклятию и в их донесениях проходил как единственный и самый главный враг казачества из всех жителей станицы.

Проведение террора началось. В Вёшенскую приехал новый «чрезвычайком». Трибунал Инзенской дивизии оттеснили, часть

членов его предали «товарищескому суду» — изругали за ослабления — и начали чистку станицы. С.И. Сырцов докладывал: «В районе проводились массовые расстрелы. Точных цифр не имеется (свыше 300). Настроение у казачьего населения с самого начала было подавленное, но оппозиционное. Намечавшийся заговор был раскрыт, участники расстреляны. Проведению террора мешало противодействие 8-й армии»¹⁰⁴.

Количество расстрелянных (300) впоследствии подтвердили повстанцы в письме к белогвардейцам. Правда, они написали «около 300». Однако есть основания думать, что и Сырцов, и мятежники цифры слегка завысили. П. Григорьев, беженец из Мигулинской станицы, привел в белоэмигрантской печати такие данные: в Казанской — 87 человек, Мигулинской — 64, Вёшенской — 46, Еланской — 12. Бывший окружной атаман З.А. Алферов подтвердил, что в Вёшенской, «конечно, не обошлось и тогда без расстрелов, но расстреляны были на этот раз только единицы». Генерал считал, что из жителей самой станицы расстреляли всего 10 человек. Посылая белогвардейцам списки расстрелянных, мятежники вывели под графой «Вёшенская» 12 фамилий. Среди них был полковник Дунаев, сын прежнего каргинского атамана гимназист Картин, отличившийся во время расстрела подтелковской экспедиции. Остальными, видимо, были участники заговора, выданного И.Г. Мельниковым. Тринадцатым пострадавшим в список попал святой отец Федор Протопопов, которого по «наложению конституции» (как писали повстанцы слово «контрибуция») выслали в Тамбовскую губернию на принудительные работы.

В своих воззваниях повстанцы писали, что в Казанской было расстреляно 260 человек, в Слащевской арестовано — 400, в Вёшенской предполагалось арестовать 800 человек, и тов. Решетков затребовал у председателя Казанского ревкома Костенко 35 человек с пулеметом для этой цели. Как видим, количество расстрелянных опять-таки не превышает 300.

---

¹⁰⁴ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 6. Д. 81. Л. 19.

В станице Слащевской на самом деле было арестовано около 100 человек¹⁰⁵, а сидевший в Слащевской «тигулевке» член Войскового круга Топольсков вообще говорил о 30 арестантах. Что касается станицы Вёшенской, то заявление мятежников о предполагаемом аресте 800 казаков похоже на правду.

Если в станице Казанской населения было в два раза меньше, чем в Вёшенской, если из Мигулинской ушли многие активные контрреволюционеры и Мигулинский полк сохранился у белых как войсковая единица, то из многолюдной Вёшенской казаки почти не отступали, рассеялись по хуторам, а между тем в одном лишь октябре 1918 г. более 200 казаков Вёшенского полка были награждены Красновым «Георгиями» и медалями. Теперь все они, несомненно, проходили в ревкомовских бумагах как «активные контрреволюционеры» и подлежали репрессиям. Пока же Вёшенскую своими силами ревком трогать боялся.

Возможно, и даже наверное, количество репрессированных достигло бы значительной цифры, но на самом деле к моменту восстания их было около 300, а если учесть, что округ населяло 170 000 жителей, из каждой тысячи расстреляли двоих.

Роль сыграла сама установка власти на террор, жертвой которого мог стать практически каждый, кто до этого служил у белых.

Тишина нависла над Доном. Нехорошая тишина. Лишь ночью в песчаных бурунах за Вёшенской да в Казанской за мельницей, где жгли кирпичи, сухо трещали выстрелы. Разболтавшиеся за 17-й и 18-й годы местные горлопаны испуганно приоткрыли рот, когда нескольких из них взяли «за агитацию».

Потащили было и учителя Чикинова, женатого на дочери местно богатея Сербича, но вскоре выпустили, и он впоследствии, в 1920-е годы, гордо записал в анкете, что сидел «по доносу за контрреволюцию (по личным мотивам)», но освобожден по распоряжению трибунала Инзенской дивизии, мол, уж если

---

¹⁰⁵ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 24. Л. 394.

в такое время и такой орган признал меня чистым перед новой властью, то лучшей рекомендации и быть не может. Перепуганная станичная интеллигенция терялась в догадках, «рассказы о терроре заставляли думать прямо противоположное о задачах партии, вплоть до мысли, что толстосумая буржуазия подкупает людей с тем, чтобы через террор и беспорядки так или иначе сорвать революцию и посадить царя»¹⁰⁶.

Вдобавок ко всему, 8 марта командарм-8 Тухачевский предписал Вёшенскому ревкому поставить для армии повозки с лошадьми или волами, «с тем чтобы вся тяжесть этого предписания легла исключительно на кулацкую и богатую часть населения», а 10 марта приказ РВС фронта № 369 потребовал конфисковать «седла у казаков, бывших ранее “в белых”». Обстановка накалилась до предела. Попытки разрядить ситуацию были разрозненными и успеха не имели.

9 марта член РВС фронта и 9-й армии Г.Я. Сокольников уехал в Москву. Как член ЦК он должен был участвовать в работе съезда партии и предшествующего ему пленума. Сокольников вез материалы, доказывающие необходимость отменить или хотя бы приостановить проведение в жизнь директивы Оргбюро по казачьему вопросу. 11 марта приказ № 2 по ревкомам Донской области запретил взимать со станиц контрибуцию, а собранные деньги предписал отнести в счет чрезвычайного налога. Председатель Вёшенского ревкома И.В. Решетков был отозван и заменен Дисницким. Но было уже поздно.

---

¹⁰⁶ ГАРО. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 146. Л. 6.

ГЛАВА 3

«...Скоро, скоро горячие лучи весеннего солнца растопят лед старого Дона...»

(Из приказа Донского атамана А.П. Богаевского)

Подробного отчета о подготовке и начальном этапе восстания пока не обнаружено. Командующий повстанческой армией П.Н. Кудинов позже в мемуарах писал, что восстание вспыхнуло стихийно. Однако уже в ходе восстания появились сведения о подпольной организации, готовившей выступление.

В апреле 1919 г. советская разведка доносила: «Жители говорят, что восстание было подготовлено заранее, для чего оставлялись целые части под видом сдавшихся в плен или не желавших воевать».

Хрисанф Митичкин, милиционер Усть-Хоперской станицы, побывавший у повстанцев, рассказал, что когда он был в «стане», расспрашивал вёшенских казаков, как началось восстание, имеется ли связь с кадетами. Одни отмачивались, «другие сказали, что восстали против коммуны, расстрелов, грабежей и насильников-коммунистов, но за Советскую власть. Когда им сказали, что в некоторых хуторах жители коммунистами все вырезаны, то они все восстали. Руководителями-зачинщиками были Алферов — подьесаул, Кудинов, который у них сейчас командующий Вёшенским округом. Некоторые же говорили, что

восстание было задумано раньше, центр его был в Мигулинской, где велась подготовка. Тогда, когда они восстали, к ним прилетал аэроплан и сбрасывал (они говорят) орудийные замки»¹⁰⁷.

Возможно, ключом к загадке является сообщение Краснова, что 27 января (9 февраля) «командующим армией был составлен следующий план действий, одобренный атаманом. В районе станиц Каменской и Усть-Белокалитвенской генерал Денисов сосредоточивал ударную группу в 16 000 при 24 орудиях, в которую должны были войти лучшие части молодой армии и старые, испытанные в боях войска (в том числе и Гундоровский Георгиевский полк). По сосредоточении, примерно, к 5—6 февраля, группа эта должна была ударить на слободу Макеевку, совместно с частями генерала Фицхелаурова сбить 12-ю дивизию и, действуя во фланг и тыл 13-й и Уральской дивизий, идти в Хоперский округ оздоравливать и поднимать казаков. Такое движение сулило бы быстрый успех и возможное очищение Хоперского округа даже без помощи добровольцев, на которую атаман уже особенно не рассчитывал»¹⁰⁸.

Если прочертить на карте прямую линию от Каменской на Макеевку и далее на хоперские станицы, она пройдет через территорию Верхне-Донского округа. Чтобы устремиться в такой рейд (как минимум 350 верст), надо было иметь гарантии, что по дороге рейдирующая группа получит поддержку и подпитку. Между донецкими станицами, от которых предстояло выступать, и хоперскими, куда предстояло прийти, лежали многочисленные, враждебно настроенные «хохлацкие» слободы и «разложившиеся», но все же казачьи Верхне-Донские станицы.

И здесь, на Верхнем Дону, и на Хопре часть сохранивших верность казаков, как мы уже знаем, была оставлена специально.

В разгар шатаний на фронте генерал Зембрицкий начал организовывать в штабах и этапных хуторах контрразведыва-

---

¹⁰⁷ РГВА. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 16. Л. 2—2 об.

¹⁰⁸ Трагедия казачества. М., 1994. С. 174—175.

тельные пункты для борьбы с красными агитаторами и с подстрекателями из своих. 3 января 1919 г. полковники Одноглазков и Волков организовали контрразведывательные пункты в пограничных донских хуторах, занятых войсками Северо-Западного отряда, и при штабе генерала Рытикова, начальника этого района.

Волна бегущих с фронта казаков, а затем волна наступающих советских войск прокатились и ушли к югу. Часть пунктов была разгромлена, часть бежала со штабами. Некоторые контрразведчики были выявлены, избиты и выданы самими казаками. Но кое-кто затаился, выжидал, чтоб в назначенный момент выступить и нанести удар в спину. Мятеж вспыхнул именно в месте сосредоточения этих пунктов, вблизи пограничного хутора Шумилина.

Возможно, заговорщики имели запасной план действий на случай, если они восстанут, а рейдирующая группа не подойдет.

Центр заговора располагался в Мигулинской, наиболее надежной станице. Если другие станицы на Верхнем Дону встречали красных без сопротивления, то каждый хутор в Мигулинской красные брали с боя¹⁰⁹.

Впоследствии донская газета «Жизнь» писала: «Трудно установить, кто являлся организатором восстания в Верхне-Донском округе, ибо в каждой станице, в хуторе было по одному, по два человека, которые заранее подготавливали восстание. Всех таковых насчитывается до 200 человек. Из них же более популярны у повстанцев — подхорунжий Беляев, М.С. Шумилин, два брата Булаткины, сотник Егоров, хорунжий Прохоров, подхорунжий Коренюгин и хорунжий Колычев»¹¹⁰. Показательно, что здесь названы казаки не Мигулинской, а Казанской станицы. Егоров в восстание командовал 3-й повстанческой дивизией, Прохоров был у него начальником штаба, Колычев командовал отдельной бригадой.

---

¹⁰⁹ РГВА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 71. Л. 429, 429 об.

¹¹⁰ *Стукалов Ник.* Верхне-донцы // *Жизнь.* № 14. 1919. 10 (23 июля).

Вероятно, была согласована и дата выступления, чтобы подержать рейдирующую группу. Интересно, что именно в день восстания, 26 февраля (11 марта) 1919 года, газета «Военный листок», выходящая за 300 с лишним верст от места событий и отделенная от него линией фронта, писала: «На фронте ходят слухи о начавшихся восстаниях станиц в тылу красноармейцев. Очень упорно говорили о восстании в Мигулинской станице Верхне-Донского округа»¹¹¹.

Непосредственно перед восстанием, 24 февраля (9 марта), «Донская волна» выходит с портретом З.А. Алферова на одной из последних страниц. «Организатор восстания на донском севере (последнее фото)» — гласила надпись. А после начала восстания, но задолго до того, как белые узнали о нем из трофейных документов, «Донская волна» № 12 (40) вышла уже с портретом на титульном листе: «Генерал З.А. Алферов, организатор казачьего восстания в Верхне-Донском округе». Правда, речь идет о восстании в апреле 1918 г., но совпадение вряд ли случайное.

К этому времени как раз относится новый «взлет» карьеры Захара Акимовича. Из опального, находящегося под следствием генерала он превращается в начальника войск Ростовского округа, возглавляет делегацию Войскового круга к генералу Деникину, а затем... возглавляет «Донское правительство», где служит своего рода громоотводом, постоянно скандалит с «казачьими социалистами» — Агеевым и Дудаковым.

Мы помним, как сменивший Краснова на посту Донского атамана А.П. Богаевский в первом же своем «обращении к народу» — приказ № 282 от 6 (19) февраля — обнадежил объятых паникой соратников: «Далеко зашел он (враг. — А.В.), незванный и непрошенный, и теперь уже сам чувствует тревогу за свой беспорядочный грабительский тыл: ведь там, позади его, скоро, скоро горячие лучи весеннего солнца растопят лед старого Дона, Хопра, Медведицы, и в их бурных волнах найдет свою могилу

---

¹¹¹ Военный листок. 1919. 26 февраля (11 марта).

тот, кто не успеет вовремя уйти». Вряд ли атаман так уповал на половежье. О Донце, к которому приближался фронт и разлив которого действительно мог сорвать наступление красных, не сказано ни слова. Зато речь очень напоминает место из воззвания казаков Мигулинской станицы в 1918 г.: «Скоро, скоро наступит то время, когда мы, казаки, скажем свою волю открыто».

Уж не начальник ли войск Ростовского округа готовил для Богаевского приказ о том, что «скоро, скоро» вспыхнет мятеж в верховьях Дона?

По случайности приказ этот стал известен в штабе Южного фронта 12 марта, на следующий день после начала мятежа, но и тогда он не вызвал каких-либо раздумий и подозрений. Начоперуправления фронта Перемытов, начальник разведки Панкратьев и политком штаба Житомирский, прочитав его, сделали, как мы помним, самый общий вывод: «Упорство казаков еще не сломлено, и они... еще будут вести борьбу с целью возвращения Днобласти».

И наконец, в докладе Центральному Комитету член Донбюро С.И. Сырцов, опираясь на данные разведки, указал, что восстание подготовили полковник Алферов и два есаула.

Мы помним, что 16 января, когда 28-й полк митинговал в станице Вёшенской, генерал Рытиков, полковник Овчинников и есаул Степанов побывали в Еланской у находящегося «не у дел», но имеющего огромные связи в округе генерала Алферова, тогда же у него появляются первые представители контрреволюционно настроенных казаков из Вешек, недовольных действиями 28-го полка.

Именно здесь, в Еланской, и были связаны в узел контрразведчики генерала Рытикова и «местные кадры» генерала Алферова. Местом базирования «подпольного центра» была выбрана станица Мигулинская, где в то время все еще верховодил небезызвестный Дрынкин.

Непосредственно З.А. Алферов в восстании, как мы видим, не участвовал. Он организовал и уехал. А «двух есаулов» мы сами вычислим путем несложных расчетов.

Среди повстанцев офицеров в чине есаула изначально не было. Были два подьесаула — родственник Алферова, подьесаул 33-го Еланского полка Алексей Семенович Алферов и подьесаул Илья Гурьевич Сафонов, бывший начальник разведотдела войск Верхне-Донского округа, имевший выход на всю красновскую тайную агентуру в округе и близлежащей Воронежской губернии.

Начало репрессий почти совпало с намеченной датой восстания. Более того, именно репрессии сделали восстание массовым. Один из членов Реввоенсовета Республики И.Т. Смилга признавал: «Советское правительство совершило безусловно громадную политическую ошибку в начале 1919 года, когда после ликвидации Краснова бросило лозунг о “расказачивании” казачества и физического истребления “верхов” и тех казаков, которые активно участвовали в борьбе против нас. Эта политика, продиктованная, к сожалению, зноем борьбы, скоро дала свои губительные результаты. Положившее оружие казачество восстало почти поголовно...»¹¹².

Возможно, ничего не подозревающие об оставленном подполье казаки сами стали группироваться. В пользу этой версии говорит письмо, написанное уже в эмиграции офицером Емельяном Федоровичем Кочетовым П.Н. Кудинову о том, как казаки готовились восставать, но не знали, кого поставить во главе. «Этот вопрос был самым жгучим. Я предложил казакам, что у меня есть сослуживец по 12-му полку, боевой офицер, который находится в станице Вёшенской. Тут же казаки посылают меня к вам, но сами знаете, случай не дал мне поговорить с вами, ибо комиссары следили за всеми зорко. Я повернул от вас и поехал в станицу Еланскую к сослуживцу И.Ф. Голицыну. А потом на хутор Дударевский к подхорунжему Прокофию Благородову. Но и с последним поговорить мне не удалось. Во время восстания они оба играли не малую роль...»¹¹³ (Голицын

---

¹¹² ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 665. Л. 19.

¹¹³ Казакия. № 2 (8). 1936. Январь. С. 35.

и Благородов во время восстания командовали Еланским и Дударевским полками).

Как видим, казачье население и без Алферова с Сафроновым само по себе готовилось, организовывалось, присматривало надежных людей. Большое внимание уделялось молодым офицерам из казаков, казакам, которые от имени взбунтовавшихся против Краснова полков вели переговоры с советской властью и тем самым заработали себе репутацию просоветски настроенных.

Какая-то часть заговорщиков была схвачена. Советское руководство сообщало: «Настроение казачьего населения с самого начала было подавленное, но оппозиционное. Начавшийся заговор был раскрыт, участники расстреляны»¹¹⁴. Донцы впоследствии опубликовали перехваченные документы и среди них письмо председателя Вёшенского ревкома Решеткова председателю Казанского ревкома Костенко от 23 февраля (8 марта) 1919 г., в котором Решетков просил прислать в Вёшенскую 35 человек с пулеметом «как можно скорей, чтоб завтра они были здесь». «У нас уже контрреволюционеры работают всюю. Даже тайные заседания делают — одно из них арестовано, но некому смертные приговоры выполнять. А потому еще раз прошу не отказать»¹¹⁵.

В трибунал потащили для дознания всех подозрительных, в том числе работника райвоенкомата П.Н. Кудинова, и тот, известный краснобай и остро слов, желал потом всем своим недругам испытать такое же удовольствие. От заговорщиков же Кудинов решительно «отмежевался» и вообще сумел выйти сухим из воды.

Провал «подполья» в Вёшенской не обескуражил казаков. Более того, тела расстрелянных возились по хуторам, над ними устраивались митинги. Так было в хуторе Андроповском Еланской станицы, где хорунжий М.И. Зотьев над телом одного из заговорщиков объявил запись в отряд...

---

¹¹⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 81. Л. 19.

¹¹⁵ Жизнь. № 64. 1919. 10 (23) июня.

Слухи о предстоящем выступлении ширились, по всем станицам ждали чего-то страшного, жизнь замерла. Многим казалось, что достаточно одной искры, и округ, как стог сухого сена, полыхнет невиданным бунтом. Не выдержав напряжения, за два дня до начала событий бежали из Казанской член ревкома Сиротин и чекист Ковальский.

«Подпольный центр» в Мигулинской, видимо, был обескровлен. В числе 64 расстрелянных ревтрибуналом наверняка были и многие заговорщики, и первые активные действия мятежники начали в северных пограничных хуторах Казанской станицы, в месте бывшего сосредоточения контрразведывательных пунктов Донской армии.

Позже «Донские ведомости» писали, что первые повстанцы были в хуторе Шумилине Казанской станицы. Во время своей поездки на север Дона летом 1919 г. Донской атаман Богаевский «смотрел дом, где вспыхнуло восстание в хуторе, где был схвачен гарнизон большевиков с пулеметом»¹¹⁶. Красные считали, что «первыми восстали хутора Горниловский (Гармиловский. — А.В.) и соседние»¹¹⁷.

Таким образом, получается, что подготовленное выступление совпало со стихийной вспышкой протеста казаков против массовых расстрелов.

Следует помнить, что война приняла невиданно жестокие формы. На территории Воронежской и Саратовской губерний белые казаки особой гуманностью не отличались. Грабили, насиловали. Пленных, особенно с наступлением холодов, раздевали до исподнего, а потом рубили, «чтоб не мучились от холода». И долго по белогвардейским штабам ходили телеграммы об исчезновении тысячных колонн пленных, которые из одной станицы вышли, а в другую не пришли. Теперь же озлобленные воронежские и саратовские мужики пришли на донскую землю...

---

¹¹⁶ Донские ведомости. 1919. 4 (17) августа.

¹¹⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 81. Л. 19.

Председатель Московского Совета П. Смидович говорил в сентябре 1918 г. с трибуны ВЦИК: «...Эта война ведется не для того, чтобы привести к соглашению или подчинить, это война — на уничтожение. Гражданская война другой быть не может». Отразилось это и на методах, которыми проводилась политика «нейтрализации середняка» в этих районах (а по отношению к казаку-середняку она проводилась в целом дольше, чем к середняку-крестьянину). На VIII съезде партии В.И. Ленин сказал ясно: «Без дисциплины железа, без дисциплины, осуществляемой, между прочим, пролетариатом над средним крестьянством, ничего сделать нельзя»¹¹⁸.

В августе 1919 г. комиссар Хоперского округа В. Ларин писал комиссару по казачьим делам М. Макарову: «Сейчас Сырцов, Дорошев заплевываются (на них льется вся грязь — все бессмысленные расстрелы и т.д.). Но одно ясно, что они являются тем элементом, который смотрит на Донщину не с точки зрения “казачьей колокольни”, а с точки зрения российского пролетариата».

Как оценивали причины восстания сами повстанцы? Вот их листовка: «...Тяжелые повинности по наряду подвод, реквизиция хлеба и скота и проч. все более и более вызвали недовольство среди населения, но недовольство это пока проявлялось в виде глухого ропота; наконец, конфискация (отобрание) имущества и последних средств к жизни, а также незаконные, ни с чем не сообразные аресты и расстрелы невинных мирных жителей, и аннулирование казачьих денег, тяжело огразившееся главным образом на трудовом казачестве, переполнили чашу терпения, и население восстало и свергнуло коммунистическую власть». Если не считать натяжек насчет «невинных мирных жителей», то это протест против тягот «военного коммунизма».

Как предотвратить восстание? Вот рецепт популярнейшего среди казаков Филиппа Кузьмича Миронова, в то время начальника ударной группы 9-й армии: «...В данный момент не

---

¹¹⁸ Ленинский сборник, XXXVII. С. 137.

нужно бы брать на учет живого и мертвого инвентаря, а лучше объявить твердые цены, по которым и требовать поставки продуктов от населения, предъявляя это требование к целому обществу данного населения...», т.е. опять-таки не вводить продразверстку, не вводить «военного коммунизма», а если вводить, то постепенно, учитывая исторический, бытовой и религиозный уклад жизни казаков, дать им право строить власть самостоятельно, под руководством опытных политических работников... Эх, вашими бы устами, дорогой товарищ!.. Но голод не тетка. Голодающий Север требовал быстрых и решительных мер, а проводники политики советской власти высокой политической культурой отнюдь не отличались и казачество, мягко говоря, не любили.

Следует вспомнить, что тогда же, в марте 1919 г., началось восстание в Симбирской губернии под лозунгом: «Мы ничего не имеем против большевиков, мы идем против коммунистов», той же весной — мятеж в Ставропольском уезде Саратовской губернии, в Задонском уезде Воронежской губернии. По данным А. Буйского, за первые годы существования советской власти имели место свыше 400 восстаний и мятежей, из них, по данным Д. Кина, 238 приходится на начало 1919 г. на три черноземные губернии: Курскую, Воронежскую и Орловскую.

Вот письмо Антонова-Овсеенко в Совнарком Украинской Республики (апрель 1919 г.): «Население провоцировано действиями продотрядов... Сначала организуйте местную власть, потом с ее помощью выкачивайте хлеб. Части Григорьева и он возбуждены до крайности... политика, проводимая на местах, создает обиду, возбуждение против центрвласти вовсе не кулацких, а именно всех слоев населения». И вскоре — григорьевщина.

При той продовольственной политике восстание на Верхнем Дону все равно началось бы, имели ли место репрессии или нет, как начался мятеж Григорьева, как начались сотни других мятежей в ответ на реквизиции, без которых население центральных и северных городов страны вымерло бы от голода. Такие уж порядки установила в стране новая власть.

А политика террора в Верхне-Донском округе лишь сплотила казачество и придала восстанию ожесточенный характер войны до конца.

Один из участников восстания, К.Е. Чайкин, казак станицы Казанской, позже вспоминал, что 20 февраля (5 марта) он получил известие от «верного человека», что назначен ряд расстрелов, что в списке он, Чайкин, и 15 его хуторян, а жить им осталось до 27—28 февраля (12—13 марта).

Чайкин объехал ближайшие хутора и узнал, что всюду идет волнение и ожидается восстание. 15 хуторян, попавших в списки, были им предупреждены и решили или убить коммунистов, или разбежаться. У них были винтовки и 9 ящиков патронов. Чайкин «сговорился» с заговорщиками в самой Казанской и «ждал дня, когда позовут». Кто должен был позвать, он не упоминает. Но позже в газете «Жизнь» было опубликовано, что 25 февраля «на последнем заседании» в хуторе Солонцовском казаки решили выступить. «На 27 февраля было назначено выступление». Но «26-го утром на хуторе Гармиловском “чекой” станицы Казанской было арестовано и приговорено к смерти 25 казаков. Казаки решили восставать днем раньше, чтобы спасти арестованных»¹¹⁹.

В распоряжении ревкомов и исполкомов Мигулинской, Казанской и Вёшенской станиц были 2 заградительных отряда (120 человек), боевая дружина из александрогрушевских и сулинских рабочих (40 человек) и милиция из местных казаков и иногородних. Как сообщали партийные органы, «отсутствие реальной силы — вот причина наглого открытого выступления казачества»¹²⁰.

В ночь с 25 на 26 февраля (10—11 марта) Чайкина и его товарищей «позвали». За ними приехал казак и сказал, что дружина повстанцев собрана и пора выступить. Вскоре подошли три подводы и забрали имевшиеся у Чайкина ящики с патронами.

---

¹¹⁹ Ник. Нинский. Верхне-донцы // Жизнь. № 65. 1919. 10 (23) июля.

¹²⁰ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Т. 7. М., 1973. С. 270.

Прибыв к Казанской, Чайкин и товарищи увидели, что там уже собраны 500 человек, «не все с винтовками, но большинство»¹²¹. По другим данным, на питомнике у Казанской в сумерках собрались 300 человек — 200 пеших и 100 конных — под командованием подхорунжего Беляева. На разведку в Казанскую отправился подхорунжий Коренюгин¹²².

В это же время происходят выступления в хуторах Шумилинском и Гармиловском. В Шумилинском группа казаков из Казанской станицы предупредила местного подхорунжего И.К. Ширяева, что через час подойдет отряд для захвата власти. Ширяев, в свою очередь, предупредил подхорунжего К.Е. Медведева. Им удалось собрать 30 местных казаков и напасть на квартиры «штаба» красных и карательного отряда. Красные успели оказать сопротивление, но с помощью «разбуженного» хутора их уговорили сдать. Перебив или пленив немногочисленные гарнизоны красноармейцев, казаки в конном строю поспешили туда же, к Казанской, охватывая ее со всех сторон.

В 2 часа ночи станица была окружена, телеграфные провода, связывающие ее с внешним миром, перерезаны. В 5 утра повстанцы ворвались в станицу, надеясь застать гарнизон и советских работников врасплох. Но как раз красные были в сборе, так как отправляли партию арестованных в 130 человек. Одновременно к станице подошел обоз в 200 подвод с оружием для фронта в сопровождении сильного конвоя¹²³. Завязался бой.

Около 8 утра 1-й и 2-й заградительные отряды, видя, что окружены, прорвались в поле и, преследуемые повстанческой конницей, отступили к деревне Глубокая. Политком 1-го заградительного отряда Наупфассер погиб.

До 10 утра в станице шли аресты и убийства коммунистов и советских работников. Схваченных топили в речке Гущевке. Многие были застигнуты врасплох. Ночной бой был почему-

---

¹²¹ Донские ведомости. 1919. 21 мая (3 июня).

¹²² Жизнь. № 65. 1919. 10 (23) июля.

¹²³ РГВА. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.

то принят ими за маневры. То и дело вспыхивали перестрелки. Долго отстреливался в своем доме коммунист Алексей Лукин. Они с товарищем успели сжечь на чердаке дела местной ЧК и только после этого застрелились.

Около 1000 конных повстанцев преследовали красных в сторону Воронежской губернии. Примерно 250 казаков двинулись к станции Мигулинской. К обеду 4 сотни казаков Казанской станицы и хуторов Варваринского и Дубровского окружили Мигулинскую. Около 3 часов дня 26 февраля (11 марта) казанцы атаковали станицу с запада, с другой стороны, от хутора Чигонацкого, показались цепи местных казаков.

В Мигулинской в этот день было совещание председателей и секретарей хуторских и станичных советов, собралось около 400 человек. Все они, видимо, были захвачены. Повстанцы взяли 3 пулемета.

Далее силы повстанцев разделились. Командир Казанского полка Егоров с Казанской, Водянской и Богомоловской сотнями утром 27 февраля (12 марта) двинулся на хутор Мешков. Другая часть отряда — казанцы и мигулинцы под командой хорунжего Анистратова и подхорунжего Семина — еще вечером 26 февраля (11 марта) двинулась к станице Вёшенской, с ее приходом сразу же восстали хутора по речке Решетовке.

В ночь с 26 на 27 февраля (11—12 марта) 100 всадников Решетовской сотни (хутора Солоновский, Зубковский, Ермаковский, Антиповский и Чиганацкий лежали на реке Решетовке) под командованием старшего урядника Емельяна Васильевича Ермакова вместе с казанцами и мигулинцами выступили «с целью захватить врасплох окружной ревком и трибунал»¹²⁴. Фланги объединенного отряда шли по обдонским хуторам — Перевозный, Пигаревка — и по хуторам Черновским и Гороховским (к северу от станицы). Несколько казаков были посланы на правый берег Дона в хутор Базковский. По другим

---

¹²⁴ *Кудинов П.Н.* Восстание верхне-донцов. // Вольное казачество. 1931. № 80. С. 8.

данным, захватом Вёшенской руководил вахмистр Атаманского полка Антипов с 300 всадниками, вместе с ним командовали вахмистр Илья Ушаков и подхорунжий Афанасий Ломакин¹²⁵.

Силы, защищавшие Вёшенскую, были невелики. Именно в эту ночь отряд в 30 красноармейцев отправился из Вёшенской в Еланскую, где якобы был обнаружен заговор. Окружные власти, узнав каким-то образом о приближении повстанцев, присоединились к этому отряду. В самой Вёшенской оставалось не более 30 красноармейцев.

В 8 утра 27 февраля (12 марта) повстанцы вышли к станции и, спешившись, завязали бой с заставой, прикрывавшей ее с запада. Другие в конном строю стали обходить Вёшенскую с севера.

Красноармейцы и советские работники бросили 2 пулемета и бежали по льду за Дон. Там они были обстреляны у хутора Базковского, но счастливо миновали хутор.

Их надо было преследовать, но конные повстанцы, захватившие Вёшенскую, всю ночь провели в степи и замерзли. Кроме того, в окружной станции сразу же начался дележ власти. Так что вёшенцы остались в Вёшенской, где собрался огромный митинг, и лишь немногие мигулинцы «проводили» остатки красной караульной роты, которые бежали 60 верст до хутора Каменского.

В тот же день вспыхнуло восстание в хуторе Красноярском Еланской станции, как ответ на аресты, проводимые прибывшим из Вёшенской отрядом. После перестрелки с красноармейцами командир местных повстанцев урядник Константин Атланов послал в Вёшенскую за помощью. Однако из-за ряда причин помощь из Вёшенской была послана через два дня.

27 февраля (12 марта) из Боковской в Вёшенскую был двинут отряд из состава 23-й советской дивизии в 100 всадников, 125 пехотинцев, 3 орудия и 5 пулеметов во главе с комиссаром Лихачевым. Вечером отряд, проделав марш в 30 верст, вышел к

---

¹²⁵ Родимый край. № 88. С. 3.

хуторам Кружилин и Чукарин. У хутора Чукарина в 10 верстах от Вёшенской отряд остановился и выслал вперед конную разведку, которая под хутором Токиным столкнулась с повстанцами. Это были казаки правобережных хуторов Вёшенской станицы во главе с хорунжим Х.В. Ермаковым и мигулинцы. Красные открыли огонь из орудий по хутору Токину. Повстанцы не отвечали.

П.Н. Кудинов в своих мемуарах описывает события так. После нескольких орудийных выстрелов Лихачев лично выехал на разведку со взводом кавалерии. Цепи повстанцев, лежащие северо-восточнее Токина, в темноте пропустили разведчиков без выстрела и быстро сомкнулись за их спиной. Едва Лихачев, миновав цепь, выехал на пригорок, сзади раздался крик: «Стой!» С криком «Разойдись, стреляю!» комиссар с разведчиками бросился на прорыв. Командир повстанцев Харлампий Ермаков командовал: «Взвод, пли!» Раненный в левое плечо и шею, Лихачев упал с лошади. Лишь двум разведчикам удалось пробиться и ускакать¹²⁶.

Однако свидетели, привлекаемые по делу Х.В. Ермакова в 1927 году, показали, что комиссар был захвачен Ермаковым во время переговоров.

Лишившись руководителя, красноармейцы вновь открыли огонь из орудий. Глубоким обходом со стороны хуторов Архиповка и Лиховидов повстанцы принудили их отступить.

Возможно, «обходом» лихачевскому отряду показалось возвращение от хутора Каменского мигулинских казаков, которые преследовали вёшенских милиционеров, а теперь вернулись и оказались в тылу у лихачевцев. А может быть, эту роль сыграли 30 мигулинских казаков, которые утром 27 февраля (12 марта) двинулись по речке Тихой на Мешков, а от Мешкова свернули на восток и через хутора Брехов (Верхне-Чирский), Наполов и Грачев вышли к Каргинской.

Вскоре отряд Лихачева, потеряв 2 убитых и 4 раненых, побежал на Боковскую, бросив все орудия и пулеметы (с двух

---

¹²⁶ Кудинов П.Н. Указ. соч. // Вольное казачество. 1931. № 80. С. 9.

орудий успели снять замки). Преследуя красных, казаки заняли станицу Каргинскую, где, собственно, и были захвачены орудия лихачевского отряда.

И наконец, 1 (14) марта, после организации в Вёшенской окружной власти (о чем ниже), 1-я Решетовская сотня (170 шашек) только что созданного 1-го Вёшенского полка (этот полк и пеший дивизион были сформированы в Вёшенской 28 февраля — 13 марта) двинулась во главе с подхорунжим Афанасием Ломакиным на Еланскую и заняла станицу.

Сами еланские повстанцы формировали свои силы севернее, в хуторе Попове. Туда в день занятия Вёшенской прибыла сотня из казаков Солдатовского, Алимовского, Ушаковского и Ващавского хуторов Вёшенской станицы под командой подхорунжего Белова. Местным казакам было передано письмо от подесаула Алферова, одного из наиболее заслуженных офицеров 33-го Еланско-Букановского полка. «Писал нам, казакам, что вы дремлете, мы уже восстали и находимся в бою с красными. Это письмо воодушевило местных казаков»¹²⁷. В хуторе Попове собрались делегаты от еланских хуторов (по 4 от хутора) и выбрали командный состав будущего Еланского полка. Командиром назначили хорунжего Ивана Федоровича Голицына, помощником — Василия Илларионовича Сидорова, адъютантом — Василия Никитича Кочетова. Пока что Голицын объединил в сотню казаков хуторов Верхне- и Нижне-Вязового и поставил командиром старшего урядника Сергея Гортынова, а из казаков хутора Попова собрали Ново-Поповскую сотню под командованием Никона Ивановича Кочетова. Одновременно юнкер Видинеев Виктор Васильевич организовал казаков хуторов Солонцовского, Андроповского, Кочетовского, Терновского, Севастьяновского, Захаровского, Моховского и Безбородовского (практически всех левобережных хуторов станицы)¹²⁸.

---

¹²⁷ Ковешникова И. Командир «Первого Еланского полка» // Тихий Дон. 2002. 14 ноября.

¹²⁸ Там же.

Таким образом, за 4 дня повстанцы заняли основную часть территории Верхне-Донского округа.

Все это время шла организация власти — параллельно гражданской и военной.

«Учитывая данный момент и принимая во внимание склонность жителей к народоправству, решено было создать окружную власть в окружном совете», — доносили впоследствии повстанцы донскому командованию¹²⁹.

Приказ по Верхне-Донскому округу № 1 от 1 (14) марта сообщал: «По постановлению представителей от хуторов ст. Вёшенской, Еланской, Казанской, Мигулинской избран впредь до окружного съезда Временный Окружной Совет в составе следующих лиц: председатель Совета гр. Никанор Петрович Данилов, товарищ председателя гр. Емельян Васильевич Ермаков. Члены Совета: Куликов, Благородов, Мельников».

Все названные лица были казаками станицы Вёшенской. Донская печать характеризовала их кратко: «Никанор Петрович Данилов — председатель окружного совета — казак х. Верхне-Ермаковского Вёшенской станицы, 35 лет, урядник 12 полка, участник европейской войны.

Емельян Васильевич Ермаков — товарищ председателя — казак того же хутора, 40 лет, урядник 15 полка, участник японской и европейской войн, имеет несколько боевых отличий»¹³⁰. Е.В.Ермаков был командиром Решетовской сотни, остальные члены совета — командирами Дубровской, Черновской и Вёшенской сотен.

Давайте отвлечемся и ознакомимся с одним интервью (магнитофонная запись 1984 года).

— Баба Саня, а ты знала Данилова Никанора Петровича?

— Был такой, Данилов, был... Точно, Никанор Петрович...

— А чем он занимался?

— Данилов? Я, ей-богу, не знаю. Они с соседом нашим в Сибирь ездили на священников учиться. Поехали и застряли

---

¹²⁹ Донские ведомости. 1919. 1 (14) мая.

¹³⁰ Донские ведомости. 1919. 24 мая (6 июня).

там. Дают телеграмму: «Не можем выехать. На дорогу не хватает 14 рублей. Высылайте». Ну, дед им выслал.

— Чей дед?

— Да Данилова дед. Бабка ему говорит: «Вышли, а то и до дому не доберутся. Померзнут где-нибудь в Сибири». Выслали, приезжают. Священниками они чегой-то так и не были. А тут — хлоп! — дед помирает. Похоронили, потом через какое-то время слышим — шум! Этот наследник, молодой-то, имущество дедово делит, бабку с хаты выгоняет... А бабка так тыщщится, так тыщщится (возможно — ругается тысячным матом. — А.В.): «Выписали идола на свою голову за 14 рублей!»

— А после гражданской войны куда он делся?

— Я, ей-богу, не знаю... Отступал...

— Ну а Ермакова Емельяна Васильевича знала?

— Да кто ж его не знал? У него сын сейчас живой, Николай, в Черновке живет. А может, уж и помер... Омельян Васильевич красивый был, черный такой, геройского вида. Жена у него была — ох и гулёна! «Сорокой» дражили. Завеется где, он ее поймает — бьет, бьет, а ей — хоть бы хны... Что твоя Аксинья! Ты у бабки спроси, у бабы Малаши. Ее как замуж отдавали, она с ними рядом жила. Вот он ее раз застукал за чтой-то, Сороку свою, — хватъ за шашку! А она от него под койку хорониться. Только головой — а там тыклы... Застряла... А он ее шашкой по ж..., по заду плашмя — хлобысть... хлобысть! Она потом рассказывает, смеется...

Вернемся к восстанию. Во время боя на улицах станицы председателем окружного «Совета» Даниловым Никанором Петровичем была объявлена мобилизация. Но тут обычная тактика мятежников не сработала. «Вкусившая демократии» во время восстания 28-го полка Вёшенская замитинговала.

Правобережные хутора станицы Вёшенской, до которых еще не докатился красный террор, на призыв восставших отвечали нерешительно, открыто раздавались голоса, что борьба с армией бесполезна. Как вспоминал очевидец событий П.П. Лосев: «С... трибуны выступали казаки, призывая к восстанию против

расстрелов, грабежей и коммунистов за Советскую власть». Все выступали с обращением “Товарищи!” Но одни воинственно размахивали палашиами против красных, доказывая, что они перебьют всех казаков, что они нарушили мирный договор; другие, главным образом казаки 28-го полка, предостерегали против братоубийственной войны, призывали мирно договориться с красным командованием, послать от верхне-донцов делегацию к Ленину, чтоб он вступился за казаков».

Определенный диссонанс вносили те самые «офицеры из народа», которые уже достаточно проявили себя во времена восстания 28-го полка и переговоров с советской властью. Теперь они яро агитировали за восстание, но, с другой стороны, учуяв запах жареного, яростно лезли к власти, оттесняя агентов генерала Алферова и их ставленников.

На митинге Кудинов требовал у собравшихся положительного ответа, кричал, что «страшная участь постигнет не только тех, кто поднял оружие против насилия, но и тех, кто будет отговариваться своей непричастностью. Я вас не уговариваю, а приказываю...». Призывал казаков к восстанию и Харлампий Ермаков. «...Его слова были какими-то взрывами высокого накала, — вспоминал П.П. Лосев, — примерно в таком духе: “Братушки, и чего ж вы стоите тут, раздумываете! А расстрелы и грабежи в это время продолжают комиссары. Опомнитесь и стройтесь по сотням в поход!” Но огромная толпа казаков топталась на площади на месте, не подавая признаков готовности к походу. Лишь немногие голоса выкрикивали: “В поход, в поход!”

Ермаков в безнадежном отчаянии бросается с трибуны на коня и с места в намет скачет в сторону Еланской... Вскоре Ермаков вернулся со стариком из хутора Красноярского, тот срывающимся голосом, краснея от натуги, вопил: “Красные в еланских хуторах хватают всех стариков и гонят на расстрел. Ваших отцов и дедов убивают, а вы топчетесь, как индюки. Вы забыли, что вы казаки! Красноярцы восстали и захватили свою Еланскую станицу. Казаки! Вынимайте шашки из ножен, спасайте Дон!” И этот оратор ускакал в ту же сторону... А на

трибуне вновь вразумляющие голоса пробольшевиcтски настроенных казаков: «Братцы, не верьте этим крикунам. Неужели мы не договоримся со своими русскими братьями, чтоб не проливать братскую кровь. Выберем из фронтовиков окружной исполком Советов, и няхай он устраивает мир на нашей земле. Скоро хлеб нужно сеять. Мы — хлеборобы. Да здравствует Советская власть!» И вдруг к трибуне вновь подлетает на коне всадник... Это опять Ермаков. И вновь его пламенные призывы о спасении казачества, своей жизни, жизни стариков, имущества. Он тоже призывает к советской власти из казаков-фронтовиков. Нет, и на этот раз Ермаков скачет на коне-птице на восток, а огромная инертная толпа вооруженных казаков остается на площади, и митинг продолжается... Моя память тринадцатилетнего подростка удержала лишь наиболее яркие картины этого митинга на площади».

Эти колебания и разногласия подтверждаются первым воззванием повстанческого руководства: «Свободным гражданам станицы Вёшенской и ее хуторов! К вам, станичники, я обращаюсь с призывом прекратить бесполезные разговоры, не приносящие ничего, кроме вреда, для нашего общего дела — освобождения от гнета коммунистической власти... Так что же дальше? Неужели мы должны собираться в кучки на площади, без толку месить грязь и попусту расточать бесполезные слова?.. Обсуждать, кто за нас и кто против нас?.. А мы все стоим на площади в грязи и обсуждаем, кто нас обмундирует, вооружит, накормит... Ну, дело ли это, казаки? Довольно слов, пора и за дело: время не ждет». Воззвание подписано заведующим Вёшенским военным отделом, в прошлом окружным агрономом, Ильей Андреевичем Суяровым. Пока станичники «топтались в грязи, как индюки», активные повстанцы уже «распределяли портфели». В том же военном отделе нашлось место и для Кудинова.

Даже посторонним сущность восстания была ясна с самого начала. Когда повстанцы в конном строю ворвались на улицы Вёшенской, какой-то старик — беженец с Украины — кричал

им из-за плетня: «Давай, давай, петлюровцы!», явно намекая на схожесть движений.

Они четко знали, кто и за что восстал, но не знали, насколько это совпадает с программой различных политических группировок России. Неясность возможной расстановки сил, соотношения союзников и противников, отсюда — неясность исхода дела и были одной из причин «топтания на площади». Неслучайно воззвание долго расписывало, «кто за нас, кто — против».

Митинг закончился, когда в Вёшенскую прискакал раненый в ногу предводитель красноярских мятежников Атланов. С криками «Посторонись! Дай дорогу!» он пробился к трибуне и от имени Еланской станицы просил помощи, обещал, что все еланцы присоединятся к мятежникам. В это же время были вывешены захваченные списки казаков, которых ЧК и ревтрибунал предполагали арестовать. Казаки пошли собираться в поход...

Советская разведка сообщала: «Советы встали из казаков организаторов и вдохновителей восстания»¹³¹. В то же время очевидцы вспоминали: «За редким исключением, председатели Советов, избранные до восстания, остались на своих местах».

Донское бюро РКП докладывало: «Многие хуторские революционные комитеты (составленные по назначению, но из местных людей) остались на своих местах. Более того, некоторые хуторские ревкомы Мешковской станицы явились ячейками восстания. Приказ о восстании и мобилизации был ими получен, обсужден, на этом приказе они делали пометку о том, что принят ими к сведению и посылается в соседний ревком»¹³².

В Казанской станице, первой поднявшей восстание, Советы большой роли не играли. Советская разведка сообщала, что в Казанской во главе правления «комендант Чайкин, известный богач»¹³³.

---

¹³¹ РГВА. Ф.100. Оп. 3. Д. 188. Л. 308.

¹³² Переписка Секретариата ЦК... Т. 7. М., 1973. С. 269.

¹³³ РГВА. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 17 об.

Окружной совет все силы направил на мобилизацию и организацию жизни округа в новых условиях. Учебным заведениям приказывалось продолжать занятия, санитарному отделу по борьбе с эпидемией сыпного тифа продолжить работу, станичным советам приказывалось заняться заготовлением печного хлеба и фуража. Был провозглашен лозунг: «За Советскую власть, но против коммуны, расстрелов и грабежей». Сохранилось обращение «товарищ».

Что касается военной власти, то за нее сразу же разгорелась борьба. Во время боев за Вёшенскую хорунжий П.Н. Кудинов, до этого месяц служивший у красных, «учитывая цену связи и объединения, телефонограммой № 1 подчинил себе военные отряды станиц Казанской и Мигулинской и приказал формировать боевые отряды на местах властью командиров действующих частей»¹³⁴.

Однако военная власть на первых порах сосредоточилась в военном отделе Окружного Совета, военный отдел возглавлял казак Казанской станицы, чиновник Г.А. Суяров.

По освобождении станиц Еланской (то есть 1 (14) марта) и Каргинской был организован штаб, руководящий военными действиями. Начальником штаба был назначен подъесаул Алексей Семенович Алферов. Должности командующего пока не было, так как повстанцы, подобно многим народным движениям, отдавали временную дань коллективному руководству.

Алексей Семенович Алферов, казак станицы Еланской, дальний родственник Верхне-Донского окружного атамана генерала З.А. Алферова, закончил в Пензе учительскую семинарию, офицер военного времени, участвовал в Мировой войне в рядах 38-го Донского полка. Гражданскую войну он начал хорунжим, за полгода боев в рядах 33-го Еланско-Букановского полка заслужил четыре ордена и два внеочередных производства. Это, действительно, был один из храбрейших и заслуженных офицеров округа.

---

¹³⁴ Кудинов П.Н. Указ. соч. // Вольное казачество. 1931. № 80. С. 9.

Видимо, личность А.С. Алферова не удовлетворяла рядовых казаков, среди которых все еще были сильны антиофицерские настроения.

7 (20) марта П.Н. Кудинов, возглавивший к этому времени военный отдел Окружного Совета, снова попытался подчинить себе повстанческие войска и разослал очередную телефонограмму: «Ко всем действующим отрядам восставших казаков. Братья казаки! Мы окружены со всех сторон сильнейшим врагом; борьба отдельными отрядами без своевременной поддержки и взаимной выручки в бою приведет нас к неизбежному поражению и сраму. Чтобы не быть разбитыми, необходимо верить общее командование восставшей армией одному лицу. Вашей волей требуется избрать себе командующего, которому вы, с сознанием воина, должны доверить свою жизнь. Ответ об избрании телефонограммой к 12 часам 8 (21) марта. Нач. военного отдела П. Кудинов»¹³⁵. В воспоминаниях Кудинов писал, что воинские части единогласно высказались за его кандидатуру¹³⁶. Уже в эмиграции один из участников восстания — Емельян Федорович Кочетов — писал Кудинову, что во время восстания «казаки нашли Вас как единственно достойного казачьего офицера»¹³⁷.

Окружной Совет вынужден был издать приказ № 4 по Верхне-Донскому округу о назначении Кудинова командующим отрядами станиц Вёшенской, Мигулинской, Еланской и Каргинской. Казанская станица, где вспыхнуло восстание, в приказе не упоминается. Видимо, казанцы Кудинова не признали.

Вопрос о военном командовании вновь встал на съезде представителей станиц Верхне-Донского округа и представителей от армии, который проходил 12—13 (25—26) марта 1919 г. По итогам решений съезда был отдан приказ № 10 от 14 (27) марта 1919 г. по Верхне-Донскому округу. В нем говорилось: «...Временно командующий армией гр. Алферов А.С. отстраняется от

---

¹³⁵ Вольное казачество. № 81. С. 6.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Казакия. № 8 (2). 1936. С. 35.

занимаемой должности, прикомандировать его к Вёшенскому Совету впредь до особого распоряжения. 3) Начальнику штаба командующего армией Алферову сдать должность Сафонову И.Г. 4) Назначается с 13 марта начальником штаба командующего войсками армии гр. Сафонов И.Г., которому принять должность от Алферова»¹³⁸.

Кандидатура П.Н. Кудинова на посту командующего, видимо, не оспаривалась, поскольку именно в дни съезда он отражал наступление большевиков (о чем ниже), хотя позже интриги вокруг этой должности продолжались. По крайней мере, советская разведка добыла еще один приказ № 13 от 14 (27) марта, где говорилось, что «командующим войсками вместо гр. есаула Алферова назначен гражданин Сафонов»¹³⁹.

По всей вероятности, тандем Кудинов — Сафонов был компромиссом между подпольщиками, готовившими восстание, и поднявшимися массами казаков.

Павел Назарович Кудинов (1891—1967) — был человеком, не ведающим предела своим возможностям. За писание стихов он брался так же уверенно, как за затыльник пулемета. Казак хутора Дударевского Вёшенской станицы (сын хуторского атамана), образование начальное, участник Первой мировой войны, полный георгиевский кавалер. В 1916 г. закончил ускоренные курсы Иркутского военного училища, а в 1917 г. (во времена Керенского) — какие-то курсы агитаторов в Петрограде.

Весной 1918 г. — комендант станицы Вёшенской. Мобилизован в 32-й Вёшенский полк, начальник пулеметной команды. Хорунжий. В первом же бою, 2 (15) июля 1918 года, ранен разрывной пулей в левую руку, за что награжден орденом Святого Станислава III степени. Лечился. Когда в Вёшенскую пришли советские войска, поступил на службу в караульную часть. Во время восстания перешел на сторону повстанцев и стрелял в спину красноармейцам, бегущим через Дон.

---

¹³⁸ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 113. Л. 526.

¹³⁹ Там же. Ф. 100. Оп. 3. Д. 192. Л. 92.

Судя по внешнему проявлению, восстание застало его враг-сплох. П.П. Лосев вспоминал: «В час восстаний в Вёшенской красноармеец караульной роты Василий, живший со мной во флигеле... отступая от восставших, выполняя, по-видимому, приказание командования, забежал в дом (где жил Кудинов. — А.В.) и крикнул: “Товарищ Кудинов, контра восстала!” (Кудинов был в это время советским военнослужащим.) Василий побежал через Дон, а я остался в переулке. Я видел, как торопливо выбежал из дома вооруженный Кудинов. Он был в полушубке, крытом зеленым шинельным английским сукном, серой папахе, в высоких офицерских сапогах... Увидев Василия уже далеко на льду реки, Кудинов вскинул винтовку к плечу и выстрелил. Скоро красноармеец упал на лед, а Кудинов исчез с поля моего зрения».

После Гражданской войны в эмиграции активно занимался политикой. Возглавлял движение «казаков-националистов», публиковался во многих сборниках, в том числе вместе с Деникиным, Лукомским, Богаевским, и сам издавал журнал, в котором радовали глаз и ласкали слух строки:

Невесть какая сильная держава
Кубыть и был, и есть Великий Тихий Дон,
Но всему свету чутна его слава.
Ты славой вечною велик, Родимый Дон!
Твой сын, донской казак,
как сокол встрепыхнулся,
и в бой за свой присуд
пошел бесстрашно он...»

Писал очень слабые подражательные стихи —

Спи, младенец мой прекрасный!
Баюшки-баю!
Как возрастешь, казак (ом) станешь.
Помни родину свою!

Дорожи свободой, волей,
Степь как мать родную чти
И от врагов, злодеев лютых,
Смотри, сын мой, береги...

В борьбе за власть П.Н. Кудинов пользовался массовой поддержкой рядовых казаков, поскольку вторым в полку (12-м Донском казачьем, где служили казаки Казанской, Мигулинской и Вёшенской станиц) стал полным георгиевским кавалером. Первый полный кавалер полка, И.В. Мельников, погиб в 1918 г., третий полный кавалер — казак Мигулинской станицы Брехов — по неграмотности к власти не стремился. Таким образом, в глазах восставших казаков П.Н. Кудинов был наиболее достойным претендентом на пост вождя народного восстания.

Илья Гурьевич Сафонов (1894 —?) — казак хутора Лебязе-го Вёшенской станицы, ветеринарный фельдшер по образованию, офицер военного времени, служил обучающим офицером в казачьих лагерях, где, по жалобам современников, белой перчаткой проверял чистку лошадей и нещадно ставил нарушителей дисциплины «под шашку мордой на солнце». В 1917 г. перевелся в 46-й Донской полк и участвовал в боях под Ростовом в декабре 1917 г.

В 1918 г. — начальник разведки штаба войск Верхне-Донского округа, затем — командир сотни 32-го Вёшенского полка, офицер для особых поручений при окружном атамане. Подъесаул. Особой популярностью у казаков не пользовался. 12 (25) апреля 1919 г. вместе с Кудиновым произведен в есаулы. После Гражданской войны в эмиграции возглавлял труппу цирковых джигитов.

Выдвижение рядовыми казаками своих представителей в верхи повстанческой власти самым серьезным образом нарушало планы организаторам восстания.

Восстание готовилось для взаимодействия с Донской армией. Еще до соединения повстанцев с Донской армией, до прибытия

первого гонца с Верхнего Дона, донская пресса заявляла: «Цель восставших захватить в свои руки линию Чертково — Миллерово и пробиться на соединение с нашими частями»¹⁴⁰. Большевистское руководство сразу же после начала восстания докладывало, «что восставшие хотят захватить Чертково и перерезать дорогу»¹⁴¹. Советская войсковая разведка подтверждала: «По словам командующего казачьими отрядами сотника Егорова, казаки намерены перейти в наступление с тыла на наши части»¹⁴².

Войска сотника Егорова, состоявшие из казаков Казанской станицы (до 3000 бойцов), сначала не подчинившиеся Кудинову, действительно, заняли фронт Шумилин — Медвеженский — Колодезный — Матюшинский — Рубежный — Мешковская — Сетраков и повели наступление на Ольховском и Макеевском направлениях¹⁴³, в сторону железной дороги Чертково — Миллерово.

В случае удачи захват важнейшей магистрали в тылу большевиков отрезал бы зарвавшийся большевистский фронт от баз снабжения. Для полного успеха необходим был решительный натиск Донской армии навстречу повстанцам, что разрушило бы весь Южный фронт красных. Но поскольку в тот момент Донская армия к наступлению была неспособна, то в ее интересах повстанцы должны были прорываться за Донец вдоль линии железной дороги, взрывая склады и громя тылы большевиков. Соответственно «обрабатывались» рядовые казаки. 7 (20) марта агентурная разведка из Казанской и Мигулинской станиц сообщала о слухах среди казаков, что восстание поднято по согласованию с красным фронтом, что большевики вместе с казаками против коммуны, фронт по согласованию будет отодвинут до Миллерово. «В случае же отказа красных, будем сами прорываться через фронт к кадетам»¹⁴⁴.

---

¹⁴⁰ Донские ведомости. 1919. 4 (17) апреля.

¹⁴¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 81. Л. 19 об.

¹⁴² РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1320. Л. 5.

¹⁴³ Донские ведомости. 1919. 17 (30) апреля.

¹⁴⁴ РГВА. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 37.

Но поднявшиеся на восстание казаки в массе своей не гонели желанием соединиться с «кадетами», с Донской армией, из которой они только что дезертировали. В традициях всех народных восстаний они склонялись к оборонительной борьбе. В лучшем случае они стремились поднять на восстание соседний казачий округ — Хоперский.

Движение на Хопер шло под лозунгами «За Советы без коммунистов». Посылались листовки: «Советы, оставайтесь на местах и работайте, никто на вас не посягнет»¹⁴⁵.

Как альтернативный рассматривался вариант прорыва за Донец, но не вдоль железной дороги через враждебно настроенные крестьянские слободы, а кружным путем, по казачьим станицам Усть-Медведицкого, 2-го Донского и 1-го Донского округов.

Обе затеи, как мы увидим ниже, провалились. Советская разведка доносила 22 марта (4 апреля): «Определены намерения казаков защищать границы. Настроение, в общем неуверенное, особенно сказалось после потери надежды на присоединение хоперцев»¹⁴⁶. Однако еще и в апреле поступали сведения, что повстанцы «стараются прорваться между Краснокутской и Усть-Медведицкой для соединения с кадетским фронтом»¹⁴⁷. Но в целом настрой был оборонительным. Во многом он был вызван жестокостями экспедиционных войск. Прорваться и уйти означало для казаков оставить свои семьи на милость жестокого победителя. В мемуарах Кудинов писал: «В критический момент армия восставших могла бы прорвать фронт красных там, где бы она захотела, и с успехом отыскать новое поле для нового боевого счастья. Но не об армии болела казачья душа, а о тех несчастных детях...» и т.д. В общем, Кудинов «решил драться до последней возможности, а подготовленный план прорыва иметь в запасе»¹⁴⁸.

---

¹⁴⁵ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3, Д. 670. Л. 14.

¹⁴⁶ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 188. Л. 141.

¹⁴⁷ Там же. Л. 308.

¹⁴⁸ Вольное казачество. № 83. С. 17.

ГЛАВА 4

«Братья казаки! Мы окружены со всех сторон...»

(Из обращения повстанческого командования)

Оборонительная война повстанцев могла растянуться на долго. Естественно, вставал вопрос о средствах для ее ведения. Средства на содержание армии были резко ограничены. Рассчитывать приходилось только на трофеи и внутренние ресурсы.

В день восстания в Казанской сотник Егоров захватил артиллерийский транспорт в 200 подвод с полумиллионом ружейных патронов, 15 пулеметами и 700 винтовками¹⁴⁹. Тогда же был захвачен с 500 000 рублей армейский казначей Пекарев¹⁵⁰. У 2-й саперной роты Московского инженерного батальона повстанцы захватили 1 автомобиль, 14 мотоциклов, 28 пудов пироксилину¹⁵¹.

Там же, в Казанской, казаки захватили 4 орудия и 600 снарядов, а в хуторе Базки Вёшенской станицы — артиллерийское имущество и 4000 винтовок. В хуторе Шумилине был взят транспорт обмундирования для Инзенской дивизии

---

¹⁴⁹ Чуев И.И. За родную власть // Против Деникина. Сб. восп. М., 1969. С. 151.

¹⁵⁰ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 188. Л. 306.

¹⁵¹ Там же. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1320. Л. 3—4.

и транспорт с сахаром, который следовал в Московскую дивизию¹⁵².

Трофеи в первые дни были обильные и зачастую не имели военного значения. Мигулинцы в первые же дни захватили 600 пудов сахара, 1000 пудов говядины, 1000 пудов консервов, 1000 пудов колбасы¹⁵³.

Арсенал повстанческой армии был составлен из личного извлеченного из тайников оружия и трофеев. 5 (18) апреля разведка войск 8-й армии насчитывала у повстанцев 6 орудий (1 неисправное), 27 пулеметов и другое вооружение вплоть до охотничьих ружей¹⁵⁴. Сами повстанцы в своих воспоминаниях называли 30 пушек и около 200 пулеметов¹⁵⁵. Березняго-Лопатинский полк захватил трактор, переделанный в танк, с пушкой «Гочкиса» и 250 снарядами. В отчетах повстанцы называли его «полутанк»¹⁵⁶.

Чтобы оружие стреляло, нужны были патроны и снаряды. В Вёшенской был захвачен 1 млн холостых патронов, слесарь Т.П. Долгополов делал из них боевые. Всего в Вёшенской вырабатывалось 6000 боевых патронов в сутки. В Еланской — по 1000 патронов в сутки. Этого было явно недостаточно. «Командующий войсками Кудинов говорил, что снаряды, оружие и вообще все — впереди. У врага надо отбивать»¹⁵⁷.

Количество боеприпасов быстро сокращалось. В Вёшенской пешей сотне в конце апреля на пулемет было 300 патронов, на стрелка — 50, но дальность полета пули от самодельных патронов была 300 шагов, а из 5 снарядов рвался один¹⁵⁸. 18 апреля в Казанской на складе оставалось всего 15 000 патронов и 40 ящиков снарядов.

---

¹⁵² РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 1320. Л. 5.

¹⁵³ Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 4.

¹⁵⁴ Там же. Ф. 100. Оп. 3. Д. 192. Л. 18 об.

¹⁵⁵ Григорьев П. Указ. соч. С. 11.

¹⁵⁶ Сириус. У восставших казаков // Народная газета. 1919. № 86 14 июля.

¹⁵⁷ РГВА. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

¹⁵⁸ Там же. Оп. 2. Д. 611. Л. 13, 19.

1-й Мигулинский пеший полк получил с Вёшенского оружейного склада:

30 апреля (13 мая) ..... 1200 патронов (2 патрона на бойца)
4 (17) мая ..... 900 патронов
14 (27) мая ..... 600 патронов (1 патрон на бойца)

То есть за две недели примерно по обойме на казака.

Положение с одеждой и обувью тоже было очень тяжелым. 30 апреля (13 мая) начальник штаба повстанческой армии прислал в 1-й Мигулинский пеший полк 4 пары ботинок, 1 пуд и 16 фунтов подошв. Все это не раздавалось, а продавалось казакам. Ботинки — 110 рублей, подошва — 6 рублей. Деньги требовали слать в штаб.

Крайне скудным было оснащение госпиталей. Английский офицер, побывавший в Вёшенской уже летом 1919 г., отмечал: «Госпитали здесь находились в жутком состоянии, и, когда мы ходили по ним в самое жаркое время после полудня, меня чуть не стошнило». Однако именно в Вёшенской английскому офицеру предложили привиться от тифа. Местный врач объяснил англичанину, что у него есть немного сыворотки, которую он сделал из крови человека, который только что умер¹⁵⁹.

На содержание армии нужны были деньги. Всего в первые дни у большевиков отбили 4 066 298 рублей, которые потратили на покупку продовольствия для армии. Когда деньги закончились, продукты стали реквизировать. 18—19 апреля (1—2 мая) 2-й окружной съезд принял решение: «1) установить налог на имущий класс народонаселения по ставкам подоходного налога, увеличив их доходность против 1916—1917 годов в 10 раз; 2) произвести беспроцентный заем. Обратив в этот заем всю денежную наличность в кредитных учреждениях, потребительских обществах и церковного капитала и 3) произвести обще-

---

¹⁵⁹ Уильямсон Х. Прощание с Доном. Гражданская война в России в дневниках британского офицера. 1919—1920. М. 2007. С. 101.

ственный принудительный заем в 5 000 000 рублей»¹⁶⁰. Последний заем разверстали по 100 рублей на земельный пай или по 33 рубля 33 копейки на душу.

Белые источники сообщали: «Жалование все восставшие, как лица командного состава, так и рядовые казаки, получают одинаковое — 100 рублей в месяц»¹⁶¹. Однако советская разведка доносила, что «жалования казаки не получают, а довольствие получают путем реквизиций. Ежедневный паек хлеба — 2 фунта»¹⁶².

Армия была сформирована путем мобилизаций. К этому средству организаторы восстания стали прибегать с первых же дней. Мобилизацию проводили, опираясь на первых добровольцев. Так, 27 февраля (12 марта), на второй день восстания, красными была перехвачена телеграмма из Казанской в хутор Шумилин на имя урядника Симонова: «Нами высла-но 40 человек для организации. Произведите мобилизацию, будьте наготове»¹⁶³.

В тот же день была объявлена мобилизация в Вёшенской, на что станица ответила грандиозным митингом. Наконец, удалось поставить в строй 800 казаков, которых красные собирались репрессировать как активных контрреволюционеров (это выяснилось из захваченных списков).

При слабости власти мобилизации объявляли несколько раз. Под Вёшенской вторая мобилизация была объявлена 6 (19) марта после неудачного боя казаков с 5-м Заамурским полком. В районе Казанской — в преддверии первого наступления большевиков на этом направлении. 6 (19) марта советская разведка донесла, что у повстанцев проходит мобилизация от 16 до 60 лет¹⁶⁴. Общая мобилизация по всем станицам округа от 19 до 45 лет включительно была объявлена 14 (27) марта съез-

---

¹⁶⁰ Донские ведомости. 1919. № 106. 7 (20) мая.

¹⁶¹ Приазовский край. 1919. 7 (20) мая.

¹⁶² РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1320. Л. 130.

¹⁶³ Там же. Л. 5.

¹⁶⁴ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 15 об.—16.

дом представителей станиц округа. Для содействия мобилизации был создан отряд особого назначения, названный «летучим отрядом Верхне-Донского округа». На севере юрта Казанской станицы в хуторе Шумилинском (600 дворов) и окрестных хуторах мобилизацию объявили с 18 до 55 лет¹⁶⁵. Мобилизация шла до первых чисел апреля. Так, 22 марта (4 апреля) от принудительной мобилизации перебежали к красным 23 казака хутора Грушенского. Медицинского освидетельствования не проводилось, не брали лишь явных калек.

По мобилизации в повстанческую армию призывались все иногородние призывного возраста. Так, 5-я сотня Вёшенского полка (верхняя часть станицы) состояла из иногородних, один из них — Руф Бондаренко — был даже взводным командиром.

По словам повстанцев, их армия была создана за 23 дня с момента начала восстания¹⁶⁶.

Количество личного состава постоянно менялось: возрастало в минуты опасности и резко падало в дни затишья на фронте.

5 (18) апреля, сразу после неудачного наступления красных, разведка экспедиционной дивизии 8-й армии донесла, что в рядах повстанцев мужчины от 12 до 60 лет и женщины-добровольцы, всего вооруженных сил до 30 000 «пехоты и преимущественно кавалерии, которая дает им возможность бить по нашим флангам»¹⁶⁷.

К моменту первого контакта с Донской армией (конец апреля — начало мая 1919 г.) у повстанцев было 29 455 бойцов¹⁶⁸.

Возможно, это был списочный состав, так как первый связной, добравшийся до повстанцев, сотник П.Г. Богатырев, 28 апреля (11 мая) донес, что «численный состав восставших до 25 тысяч человек»¹⁶⁹. Характерно, что этот состав был сразу после отражения очередного наступления большевиков.

---

¹⁶⁵ Сириус. Указ. соч.

¹⁶⁶ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 113. Л. 522.

¹⁶⁷ Там же. Ф. 100. Оп. 3. Д. 192. Л. 18 об.

¹⁶⁸ Григорьев П. Указ. соч. С.10.

¹⁶⁹ Донские ведомости. 1919. 30 апреля (13 мая).

К 1 мая (по новому стилю), до начала наступления, по данным советской разведки, против войск 9-й армии повстанцев было 8700 человек, против войск 8-й армии — 7150. Всего — 15 850 человек. Советский военачальник А.И. Егоров тоже называл эту цифру — «до 15 тысяч».

Когда передышка на фронте совпадала с полевыми работами, силы повстанцев сокращались еще больше. Так, по одним данным, 1-я повстанческая дивизия насчитывала 3500 человек, а по данным на 21 апреля (4 мая) — время мирных переговоров повстанцев с красными — в районе расположения дивизии три полка по пять сотен, в сотне — 40—50 человек, оружие — 2 винтовки на 3 человека, в цепь ставятся безоружные юноши 15 лет¹⁷⁰.

В зависимости от ситуации менялось и количество неказков в повстанческой армии. Так, по данным разведки, в селе Березняги, которое примкнуло к восстанию 11 (24) марта, находился полк казаков в 400 пеших и 200 конных бойцов и 250 местных добровольцев, но 1 мая (нового стиля) красные начали наступление, и 3 мая (нового стиля) их разведка донесла, что к казакам в Березняги за два дня пришли еще 1000 добровольцев. В результате в Березнягах был создан полк из крестьян в 1200 стрелков¹⁷¹.

Сначала, в первые дни восстания, полки формировались полнокровные, 6-сотенного состава. Так, с 27 февраля (12 марта) был сформирован Шумилинский полк из 900 пеших и 200 конных казаков¹⁷². Позже, когда повстанческие части были развернуты в дивизии, полки стали формировать из 4 сотен. Так, в конце мая в Усть-Хоперском полку было 4 сотни, в сотне — 120 человек, 20 шашек, 40 винтовок. 10 (23) мая на ягоднинском направлении — 2 полка (1-й Вёшенский и 2-й Еланский) по 4 сотни (в Вёшенском — 3 конные и 1 пешая), в сотне 100—106 человек.

---

¹⁷⁰ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 192. Л. 82.

¹⁷¹ Григорьев П. Указ. соч. С. 11.

¹⁷² РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1320. Л. 6.

Командный состав в подавляющем большинстве был выборным. Исключение составляла Казанская станица. 27 февраля (12 марта) красными была перехвачена телеграмма из Казанской в Шумилинский уряднику Симонову: «Я назначен высшими властями командиром Казанского полка. Вы назначаетесь командиром Шумилинского полка. Произведите полную мобилизацию и учет нашего оружия и снаряжения. Есть ли у вас пулеметы? Ожидайте дальнейших распоряжений. Егоров»¹⁷³.

Дисциплина была своеобразной. Кудинов писал в мемуарах: «Ни суровой подневольной дисциплины, ни смертных приговоров у меня не было». Военно-полевые суды, карательные отряды, контрразведка «были исключены». «У меня была полная свобода политического мнения, — писал Кудинов, — каждый казак мог исповедовать какую угодно идею, мог открыто говорить, и никакого преследования на него со стороны других не было. Для провинившихся у нас был народный суд: провинившегося судили сами казаки в той части, в которой проступок был совершен»¹⁷⁴.

Повстанцы решили: «Мы восстали против расстрелов, а потому у себя полевых судов не вводить»¹⁷⁵.

Подобная дисциплина на первых порах отрицательно сказывалась на боеспособности. Так, хутор Панкратов, присоединившийся к восстанию, получив приказ выслать разъезд в сторону Слащевской, собрал хуторской сбор, долго обсуждал приказ, затем выслал двоих добровольцев в санях, запряженных одной лошастью.

Повстанческое руководство стало подтягивать дисциплину. Приказ № 32 по Верхне-Донскому округу от 27 апреля (10 мая) 1919 года гласил:

«Второй окружной съезд представителей станиц и фронтовых частей в заседании своем 18 и 19 сего апреля между про-

---

¹⁷³ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1320. Л. 5.

¹⁷⁴ Вольное казачество. № 101. 1932. С. 13.

¹⁷⁵ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 655. Л. 76.

чим обсуждал вопрос о частичных наших неудачах на фронте. Обменом мнений было установлено, что неудачи эти по большей части объясняются не превосходством сил противника и не его стойкостью в бою, а нашей неорганизованностью и разрозненностью действий наших боевых частей.

Неорганизованность наша замечается с самых малых боевых частей, с сотен.

Граждане сотни, избравши себе командира, не считают своей обязанностью всецело подчиняться ему и беспрекословно исполнять его боевые распоряжения, а напротив, стремятся боевые распоряжения делать скопом — с согласия всей сотни». Съезд постановил образовать суды сотенные, полковые и дивизионные, которые избирались из трех человек и секретаря. Высшим судебным органом в округе считался Народный суд¹⁷⁶. Ему были подсудны дивизионные командиры и даже командование повстанческой армии. Подсудимые приговаривались к порке от 15 до 50 розог и до 100 розог, «если провинившийся допустил преступление, которое послужило причиной лишней потери бойцов или неудачей в бою»¹⁷⁷. Высшим наказанием считались розги и выселение с конфискацией имущества из пределов области¹⁷⁸.

Опираясь на этот документ, командный состав потребовал полноты власти, «низы» сопротивлялись.

Интересен документ: «13/5. Начдивом 1 дивизии Ермаковым был отдан приказ о введении в войсках строгой дисциплины и предоставления неограниченной власти военному совету, комсоставу. На что части дивизии в своих постановлениях высказались за строгую дисциплину, но против предоставления полноты власти командному составу. Причем наказание за все проступки, совершенные казаками или командным составом, налагаются сотней»¹⁷⁹.

---

¹⁷⁶ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 137. Л. 3 об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 4.

¹⁷⁸ Там же. Л. 8.

¹⁷⁹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 192. Л. 147 об.

В своих листовках, подбрасываемых в красные части, казаки писали: «У нас свобода, равенство, братство. Жалования у нас нет ни командирам, ни рядовым. Вот это равенство и братство трудового народа»¹⁸⁰.

2 (15) апреля приказом № 23 по Округу был объявлен единый для всех «приварочный оклад», «провиантский оклад» и «фуражный оклад»:

Говядины — 1 фунт.

Сала — 10 золотников.

Крупы пшенной — 24 золотника.

Подболточной муки — 6 золотников.

Хлеба — 2 фунта.

Крупы пшенной — 24 золотника.

Овес и ячмень — 12 фунтов.

Сено — 10 фунтов.

Военнопленным:

Говядины — 24 золотника.

Сала — 5 золотников.

Крупы — 12 золотников.

Хлеба — 1 фунт.

Крупы смешанной — 12 золотников¹⁸¹.

Напомним, что фунт равен 400 граммам, а золотник составляет $\frac{1}{6}$ часть фунта — 4,266 грамма.

Приказом № 34 от 1 (14) мая по округу из провиантского оклада и казаков и военнопленных крупу убрали, оставили лишь хлеб из смешанной муки¹⁸².

Казаки Верхнего Дона восстали под белыми повязками, о чем свидетельствуют очевидцы 27 февраля (12 марта) — «У многих на фуражках нашита белая лента»¹⁸³ — и приказ № 11 (14) марта 1919 года по Верхне-Донскому округу: «Приказываем гражданам снять белые повязки впредь до распоря-

---

¹⁸⁰ РГВА. Ф. 192. Оп. 2. Д. 275. Л. 11 об.

¹⁸¹ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 137. Л. 7 об.

¹⁸² Там же. Л. 9.

¹⁸³ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1321. Л. 5.

жения Военного отдела, которому поручается установить отличия, характеризующие настоящее народное восстание»¹⁸⁴.

Пока окружной военный отдел разрабатывал новые знаки отличия, часть казаков ударились в другую крайность. 15 (28) марта член РВС 8-й армии Якир докладывал, что повстанцы выходят в бой с красными повязками¹⁸⁵.

Возможно, в итоге появились красные и белые повязки (белая сверху), возможно, нашивки крест-накрест, что означало «конец кровопролитию и скорейший переход к мирному труду»¹⁸⁶. К красному флагу были пришиты белые ленты. Очевидцы говорили, что нашивки на рукаве были «клином».

Можно установить время введения новых знаков различия. 22 марта (4 апреля) советская разведка донесла: «Повстанцы носят на рукаве красные и белые нашивки»¹⁸⁷. Казанцы и мигулинцы с красными повязками ходили дольше. 16 (29) апреля разведка экспедиционной дивизии 8-й армии докладывала: «Казаки заменили красные повязки на рукавах красно-белыми, местами офицеры надевают погоны»¹⁸⁸.

Упорядочены знаки различия были в приказе № 13 по войскам Верхне-Донского округа от 10 (23) мая 1919 г. с довольно сумбурной мотивировкой: «Ввиду того, что во время боевых операций везущие экстренное донесение, которое должно прочитываться командиром другой части, а последнего трудно отыскать, объявляя знаки отличия командного состава: начальникам дивизий околыш фуражки обшить красной и белой лентой — белой сверху и красной снизу; командирам бригад — на левом рукаве белый круг с косым красным крестом в середине; командирам полков — левый рукав обшить белой и красной лентой, белой сверху и красной снизу. Командирам сотен — косой красный крест на околыше в белом кругу»¹⁸⁹.

---

¹⁸⁴ Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

¹⁸⁵ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 4.

¹⁸⁶ Григорьев П. Указ. соч. С. 10.

¹⁸⁷ РГВА. Ф.100. Оп. 3. Д. 188. Л. 146 об.

¹⁸⁸ Там же. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 100 об.

¹⁸⁹ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 137. Л. 5 об.

И, наконец, когда повстанцы соединились с Донской армией, 27 мая (9 июня) 1919 г. последовал приказ № 15 по войскам Верхне-Донского округа: «Ввиду неоднократных просьб войсковых частей разрешить им ношение погон, кокард и лампас, т.е. строго установленной формы войск Всевеликого войска Донского, приказываю всем воинским чинам и их начальникам одеть таковую с 28 сего мая сего года»¹⁹⁰, помимо приказа рекомендовалось производить приветствие воинских чинов «по мере возможности».

Казачьи правобережных хуторов Вёшенской станицы сохранили с первых дней восстания белое знамя с надписью «Восставшие казаки Вёшенской станицы 1-го конного полка» (хотя полк еще в марте 1919 г. был перенумерован в 4-й)¹⁹¹.

Тактика казаков повстанческой армии оставалась прежней с поправкой на то, что бои они вели у своих хуторов и зачастую не отрывались от жизни хутора. Советская разведка доносила: «13/5. Казаки на полевых работах, перед наступлением играют сбор, все берутся за оружие и идут в бой. Чтобы произвести впечатление, берут в цепь всех мужчин до 15 лет. Оружия мало. Цепь в 100—150 человек имеет 40—50 винтовок»¹⁹².

В цепи использовалась артиллерийская поддержка. «Артиллерия шла с цепью. Снаряды жалели и стреляли наверняка», — отмечали сами повстанцы.

Широко практиковались повстанцами ночные набеги. «Инициаторами набегов на хутора, занятые нами, — докладывали красные, — являются казаки этих хуторов, ушедшие в стан белогвардейцев и оставившие свои семейства и хозяйства в занятых нами хуторах. Установлено, что большую часть банды, совершающей набег, составляют казаки этого хутора, на который совершается набег»¹⁹³.

---

¹⁹⁰ Там же. Л. 6.

¹⁹¹ РГВА. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 244. Л. 21.

¹⁹² Там же. Ф. 100. Оп. 3. Д. 192. Л. 75.

¹⁹³ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 2629. Л. 120.

После первых боев советское командование отмечало, что у казаков «прекрасная живая связь и осведомленность о всех передвижениях и действиях наших войск в районе повстанцев», что работают «лазутчики, выдвинутые мятежниками в различные и зачастую необстрелянные наши войска»¹⁹⁴.

Согласно мемуарам Кудинова, армия еще 10 (23) марта была реорганизована и сведена в 5 дивизий и одну конную бригаду. В «Заключительной главе к “Восстанию Верхне-донцов”» Кудинов дал список командного состава армии (не полный) на 20 марта (2 апреля) 1919 г. Опираясь на него и привлекая другие воспоминания и архивные документы, попытаемся воспроизвести организационную структуру армии и список ее командного состава:

Командующий армией — хорунжий (с 12 (25) апреля — есаул) П.Н. Кудинов.

Начальник штаба армии — подъесаул (с 12 (25) апреля — есаул) И.Г. Сафонов.

Адъютант по оперативной части — подпоручик Иван Никифорович Бахметьев (однако есть приказ № 10 по округу, что адъютантом по оперативной части с 13 (26) марта назначен сотник И.Г. Выпряжкин).

Бахметьев — фамилия явно не донская, сотник Выпряжкин — из казаков Каргинской станицы.

С 3 (16) мая 1919 г. в связи с болезнью И.Г. Сафонова И.Н. Бахметьев исполнял обязанности начальника штаба (приказ № 13 по войскам Верхне-Донского округа от 10 (23) мая 1919 г.)¹⁹⁵.

Адъютант по строевой части — Б.М. Сербич (из богатых иногородних станицы Вёшенской, формально назначен с 20 апреля (3 мая) 1919 г. приказом № 15 от 27 мая (9 июня) 1919 г.).

Завхоз штаба — чиновник А.Е. Земцов (назначен тем же приказом и с того же времени, что и Сербич).

---

¹⁹⁴ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 70. Л. 5—7.

¹⁹⁵ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 137. Л. 5 об.

Перечень частей лучше начать с Отдельной бригады: командир — хорунжий Дмитрий Колычев (однополчанин и друг Кудинова), станицы Казанской; начальник штаба — «опальный» подьесаул А.С. Алферов.

1-й Еланский полк — подхорунжий Григорий Матвеевич Богатырев (однополчанин и друг Кудинова). В полку в конце мая 1919 г. 4 сотни по 90 человек. Полк назывался еще «2-м Еланским».

2-й Вёшенский «смешанный» полк из казаков поселения самой Вёшенской станицы (в полк входили иногородние этой станицы) — вахмистр Ванифатий Назарович Кудинов (родной брат командующего). Формально о назначении В.Н. Кудинова командиром полка с 18 (31) мая 1919 г. было объявлено в приказе № 15 уже после соединения повстанцев с белыми. В полку 3 конные сотни и 1 пешая сотня (1-я Вёшенская конная, 1-я Вёшенская пешая, Сингинская и Максаевская), здесь же были вёшенские иногородние, названные 5-й сотней. В конце мая 1919 г. в конных сотнях по 70 шашек, в пешей — 150 штыков.

Позже в бригаду была включена Усть-Хоперская сотня (в конце апреля — 74 шашки), которая была развернута в 1-й Усть-Хоперский полк — командир подхорунжий Митичкин. Известно, что в полк входили Ягоднинская сотня и 4-я Горбатовская сотня — командир Горбатов Василий Иванович (в конце мая сотня перешла к большевикам).

Кроме того, в конце апреля в бригаде была «партизанская сотня» в 70 шашек.

Наличие этой сотни приоткрывает завесу над поздним назначением В.Н. Кудинова на должность командира Вёшенского полка. Дело в том, что 18—19 апреля (1—2 мая) 1919 г. в Вёшенской проходил 2-й съезд представителей станиц и фронтовых частей, и среди его решений есть пункт 16: «Заслушав рапорт вр. исп. долж. командира 1-го Вёшенского смешанного полка гр. Куккель о сформировании партизанской сотни из добровольцев, постановил: разрешить Куккель сформировать сотню для распространения налетами народного восстания,

для выполнения боевых задач и для скорейшего, по возможности, соединения с Донской армией»¹⁹⁶. Номер «1» смешанного полка не должен смущать, почти все полки Верхне-Донского округа в момент своего формирования выбирали себе такой номер. Название «смешанный» и задача соединиться с Донской армией указывает именно на Вёшенский полк отдельной бригады (еще один полк — 1-й Вёшенский конный 5-й дивизии — держал фронт на северо-востоке округа на берегу Хопра и не мог получить задачу на соединение с Донской армией). Таким образом, до вахмистра В.Н. Кудинова Вёшенским смешанным полком командовал «гр. Куккель». Поиск среди активных действующих лиц времен Гражданской войны на Дону позволил выявить лишь одну (и единственную) подходящую кандидатуру — штабс-капитан Богучарского добровольческого отряда Генрих Иоганнес Куккель.

В конце мая 1919 г. бригада была преобразована в 6-ю повстанческую дивизию. Приказ № 15 по войскам Верхне-Донского округа от 27 мая (9 июня) 1919 г. гласил: «Из 2 Вёшенского, 2 Еланского и Усть-Хоперского полков сводится 6 дивизия. Начальником назначается сотник Богатырев П.Г. с 18 мая сего года»¹⁹⁷. Сотник (затем — есаул) Петр Григорьевич Богатырев был первым офицером, прилетевшим на аэроплане на связь с повстанцами.

Бригада (а затем дивизия) занимала позицию на правом берегу Дона на границе Верхне-Донского и Усть-Медведицкого округов.

1-я конная дивизия была сформирована из казаков Каргинской и Боковской станиц и из казаков правобережных хуторов Вёшенской станицы. Командовал дивизией хорунжий Х.В. Ермаков. Начальник штаба — сотник М.Г. Копылов. Адъютант штаба — Бондаренко.

3-й конный полк — подхорунжий П. Боков.

---

¹⁹⁶ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 137. Л. 13 об.

¹⁹⁷ Там же. Л. 6.

4-й конный полк — подхорунжий Иван Платонович Рябчиков.

5-й конный полк (Боковский). Возможно, полком командовал подхорунжий Иосиф Алексеевич Фаддеев. Позже — есаул Алифанов.

6-й пеший полк — вахмистр Иван Александрович Зыков.

Дивизия занимала позиции на юго-восточном направлении в районе станицы Каргинской.

2-я конно-пешая дивизия состояла из казаков Мигулинской станицы. Командовал дивизией сотник Митрофан Терентьевич Меркулов; начальник штаба — хорунжий А.В. Чайкин; адъютант — сотник В.Г. Сидоров. Командир 1-й бригады — Яков Рыбников.

Связь с дивизией была плохая, о чем свидетельствуют два приказа по войскам Верхне-Донского округа: № 12 от 30 апреля (13 мая) 1919 г.

«Утверждается мною: ...

5) в должности начальника штаба 3-й дивизии с 29 апреля 1919 Л.В. Чайкин»¹⁹⁸; № 13 от 10 (23) мая 1919 г.: «Во изменение приказа № 12 утверждается начальником штаба Чайкин не Л.В., а Ал. В., и не 3-й, а 2-й дивизии» (Чайкин Алексей Васильевич, 1891 года рождения, учитель Гусынко-Климовской школы Вёшенской станицы, в 1917 г. хорунжий 47-го Донского казачьего полка).

О командном составе дивизии Кудинов почти не пишет, но по архивным документам этот командный состав можно установить.

1-й пеший полк — с 23 апреля (6 мая) хорунжий Петр Савельевич Прибытков.

Наиболее полные сведения содержатся в архивах именно по этому полку. Полк был сформирован 10 (23) апреля 1919 г. из казаков, присланных из других полков дивизии: из 1-го конного полка — 264, из 2-го конного — 119, из 4-го конного — 339, из района хуторов Вяжинский — Ольховский — 163.

---

¹⁹⁸ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 137. Л. 3.

Помощник командира полка — Щербуняев Афанасий Терентьевич (с 5 (18) июня — хорунжий Абакумов Митрофан Андреевич из 2-го конного полка).

Адъютант полка — подхорунжий Мрыхин Афанасий Карпович.

Завхоз полка — Борщев Роман Дмитриевич.

1-й батальон — Соболев Степан Николаевич (затем Щиров Тит Ефимович).

1-я сотня — Меркулов Иван Куприянович.

2-я сотня — Кривцов Алексей Иванович (затем Фролов и Дерябкин Сергей Иванович).

3-я сотня («Затонская») — Калмыков Елизар Евдокимович (затем Моисеев и Губарев Захар).

2-й батальон — Сергеев Василий Дмитриевич (убит 27 апреля (10 мая), вместо него назначен Меркулов).

4-я сотня — Вяликов Григорий Егорович (затем Бабкин и с 13 (26) мая Меркулов Тимофей).

5-я сотня — Анистратов Федор Григорьевич (затем А. Насонов).

6-я сотня — Егоров Тимофей Егорович (ранен 22 апреля (5 мая), затем Богатырев Иван с 20 мая (2 июня) и подхорунжий Афанасий Бирюков с 5 (18) июня).

7-я сотня — Меркулов Алексей Капитонович (с 8 (21) мая избран Иван Земляков).

Пулеметная команда — Кузнецов Константин Яковлевич.

О других полках дивизии известно меньше.

1-й конный полк — подхорунжий Егоров. После отправки пеших казаков в 1-й пеший полк в 1-м конном полку осталось 2,5 сотни казаков.

2-й конный — подхорунжий Филимонов, адъютант Колычев (позже командир — вахмистр Сетраков, за адъютанта Гладков).

3-й конный — командир неизвестен. На начало июня в полку числилось 6 конных и 3 пешие сотни. 6-й конной сотней в это время командовал сотник Удовкин.

4-й конный полк — подхорунжий Рыбников, адъютант Липодаев.

Дивизия занимала позиции на южном и юго-западном направлении, прикрывая станицу Мигулинскую.

3-я дивизия формировалась из казаков Казанской станицы. Командовал дивизией сотник Афанасий Арсентьевич Егоров; начальник штаба — хорунжий Сидоров.

1-й конный полк — подхорунжий Башкин.

2-й конный полк — подхорунжий Агафонов.

В архивных документах встречаются командиры полков Цыганков и Гладилин.

Партизанский отряд — хорунжий Д. Шумилин.

Дивизия прикрывала западное направление и район станицы Казанской.

4-я дивизия состояла из казаков Казанской и Вёшенской станиц и крестьян Воронежской губернии. Командовал дивизией подхорунжий Кондратий Егорович Медведев; начальник штаба — подхорунжий Иван Корнеевич Ширяев.

Изначально дивизия была сформирована из трех полков: Шумилинского пешего, Шумилинского конного и Дудоро-Ежовского. Позже дивизия приняла следующий вид:

Шумилинский полк — урядник Симонов. Полк иногда назывался «10-й Шумилинский».

Дударевский полк — прапорщик Иван Константинович Благородов. На 9 (22) мая в полку 200 шашек, 100 штыков.

Колодезно-Березняговатский полк (по другим данным — Березняго-Лопатинский) из казаков и крестьян — фельдфебель Климов (затем подхорунжий Разогреев).

9 (22) мая в расположении дивизии значится 11-й Ежовский полк — командир фельдфебель Климов, адъютант — унтер-офицер Зарубин. Возможно, это один и тот же полк.

Дивизия прикрывала северо-западное и северное направления. Части ее, будучи из казаков разных станиц и крестьян Воронежской губернии, обычно действовали разрозненно. Еще 12 (25) апреля советская разведка сообщала о самостоятель-

ных отрядах Благородова (в хуторе Ежовском) и Медведева (в хуторах Бабьев и Николаевка). Последний имел 400 конных, 400 пеших и 1 орудие. А также сообщалось о некоем отряде «семеновцев» в хуторе Макаров из 1000 человек, 3 легких орудий и 1 мортиры.

5-я дивизия состояла из казаков левобережных хуторов станции Вёшенской и Еланской и из казаков хоперских станиц.

Командовал дивизией хорунжий Пантелей Иванович Ушаков. Начальник штаба — сотник Михаил Иванович Зотьев.

1-й Вёшенский полк — прапорщик Николай Васильевич Дарин. Дарин (как и Г.И. Куккель) до восстания служил в Богучарском добровольческом отряде, в пулеметной команде, и отнюдь не был казаком или хотя бы уроженцем станции Вёшенской.

В полк, по воспоминаниям очевидца, командира сотни, входили Ушаковская, Колундаевская, Гороховская, Черновская, Решетовская, Лебяжинская сотни. Красная разведка называет несколько иной состав: сотни 1-я Решетовская, 3-я Кобызевская, Черновская, Ушаковская, Дубровская. Это был единственный полк полного состава в дивизии¹⁹⁹.

2-й Еланский полк — хорунжий Иван Федорович Голицын.

Известно, что в полк, помимо других, входили Терновская сотня (командир — Борис Яковлевич Макаров) и Кочетовская сотня (командир — Василий Семенович Кочетов).

Недавно было обнаружено следственное дело И.Ф. Голицына, расстрелянного в 1930 г., из его материалов следует, что в полку было 4 сотни. Командовали ими: Макаров Борис Яковлевич (хутор Кочетов), Голицын Степан (хутор Терновской), Тарасов Михаил Егорович (станции Еланской), Мельников Иван (хутор Солонцовский)²⁰⁰. Но после боя под Еланской с Московским полком в Еланском полку было уже 6 сотен²⁰¹.

---

¹⁹⁹ РГВА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 611. Л. 35—36.

²⁰⁰ Ковешникова И. Командир «Первого Еланского полка» // Тихий Дон. 2002. 14 ноября.

²⁰¹ Там же.

3-й Калиновский полк (Слащевской станицы) — подхорунжий Митичкин, затем подхорунжий Гришин (по материалам указанного следственного дела полком командовал учитель Орешкин). Помощник командира полка — Михаил Сиволобов.

В конце мая в полк входили 1-я Калиновская, Глуховская, Подская, Поповская смешанная, Евсеевская и Подковская сотни. Иногда в сводках красных встречается Калиновский пеший полк урядника Ульянова (видимо, речь идет об одном и том же полку).

В начале мая были попытки развернуть полк в дивизию из казаков Хоперского округа. Были временно созданы Калиновский, Краснополовский, Панкратовский и Глуховский полки по 250—350 человек, по 1—2 пулемета на полк. Позже появился Шакинский добровольческий полк²⁰².

4-й Букановский полк — сотник Белов.

Полк был очень малочисленным, иногда упоминается лишь Букановская пешая сотня — 180 человек.

В дивизии был карательный отряд Шмелева.

Дивизия прикрывала северо-восточное и восточное направления на левом берегу Дона.

Кроме названных частей в ряды повстанческой армии входили полки, перешедшие из Красной Армии. Такими были Сердобский полк и части Федосеевского казачьего полка.

4-й (а затем — 204-й) Сердобский полк Красной Армии был сформирован в конце июня 1918 г. в Саратовской губернии из крестьян Сердобского уезда, переживших «чехословацкую оккупацию». Весь командный состав состоял из местных офицеров старой армии. Командир полка — Виталий Иосифович Врановский, штабс-капитан, с конца сентября 1918 г. состоял в рядах РКП (б). Комиссаром полка был Козьма Чернышев, помощниками комиссара — Поляков и Лавров.

Полк сражался на Уральском фронте, причем особой дисциплиной не отличался — устраивал митинги и подвергался

---

²⁰² РГВА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 611. Л. 35—36.

чисткам. Командир не пользовался особым авторитетом. 4 декабря 1918 г. на митинге бойцы назвали его саботажником²⁰³.

5 декабря полк прибыл с Восточного фронта в составе Уральской дивизии. В первом же серьезном бою 3 (16) декабря под Красненьким, когда отряд Гусельщикова (37-й и 38-й конные, 23-й Гундоровский пеший полки и Богучарский добровольческий отряд) разбил 3-й кавалерийский Курский, 5-й Заамурский конный и 6-й Московский полки, сердобцы отличились, хотя и потеряли 200 человек пленными. В плен попал и комиссар полка Чернышев.

Казачи искали среди пленных добровольцев, инородцев и коммунистов и расстреливали. Из попавших в плен 5 коммунистов были выданы двое, но Чернышева солдаты не выдали. Тем не менее ночью он попытался покончить с собой, так как пьяные офицеры всю ночь заставляли играть попавший в плен оркестр Сердобского полка. 18 (31) декабря Чернышеву удалось бежать из плена (впрочем, мытарства его на этом не кончились)...

Сердобский полк заработал репутацию стойкого полка. 24 декабря РВС Южного фронта просил ВЦИК наградить полк Красным Знаменем.

Уральская дивизия была влита в 23-ю стрелковую («Мионовскую»). Сердобский полк, бывший на переформировании в родном городе, получил номер «204».

3 марта сердобцы выехали на фронт и 5 марта были инспектированы инспектором пехоты 9-й армии Захаревичем. Внешний вид полка произвел на проверяющих «очень хорошее впечатление», боевая подготовка была признана удовлетворительной²⁰⁴. Кроме того, инспектирование показало: «Полк политкомиссара не имеет, функции коего исполняет председатель комячейки. Бывший комиссар Чернышев арестован без предъявления обвинения в городе Сердобске начальником гарнизона. Комячейка есть, но небольшая. Отсутствует литература.

---

²⁰³ РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 11. Л. 204.

²⁰⁴ РГВА. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 112. Л. 70.

Лекторов и агитаторов нет, и политических собеседований не проводилось»²⁰⁵ (однако позже Чернышева в Сердобске освободили, и он догнал полк).

К акту инспектирования прилагался список командного состава полка²⁰⁶.

Должность	Имя	Звание в старой армии	Место жительства
Командир полка	Врановский Виталий	штабс-капитан	Сердобск
Помощник	Волков Виктор	поручик	Сердобск
Адъютант	Агриков Павел	прапорщик	Сердобский уезд
Помощник	Петров Василий	чиновник	Сердобск
Начхоз	Есаулов Александр	штабс-капитан	Сердобск
Командир 1-го батальона	Смирнов Сергей	поручик	Вольск
Командир 1-й роты	Кочкин Александр	прапорщик	Сердобск
Командир 2-й роты	Щетинин Павел	прапорщик	Сердобск
Командир 3-й роты	Калачев Александр	подпоручик	Сердобский уезд
Командир 2-го батальона	Дзернейко Константин	поручик	Сердобск
Командир 4-й роты	Костин Варлаам	прапорщик	Сердобск
Командир 5-й роты	Степанкин Родион	подпоручик	
Командир 6-й роты	Дзернейко Иосиф	прапорщик	Сердобск

²⁰⁵ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 24. Л. 31.

²⁰⁶ Там же. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 112. Л. 81.

ВЁШЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Командир 3-го батальона	Дубровин Роман	поручик	Сердобск
Командир 7-й роты	Бычков Федор	подпоручик	
Командир 8-й роты	Оголихин Георгий	фельдфебель	
Командир 9-й роты	Аникин Константин	прапорщик	Сердобск
Начальник пулеметной команды	Феоктистов Александр	подпоручик	Сердобский уезд

14 марта полк стоял на берегу Донца в хуторах Бородин, Муравлев, Кудинов Калитвенской станицы, откуда и был направлен на подавление восстания как один из надежных.

Однако надежность полка была уже показной. В марте 1919 г. в Поволжье, в частности, в Сердобском уезде, начались восстания под тем же лозунгом — «За Советы без коммунистов». Солдаты знали о восстаниях и имели среди восставших родственников. Один из сердобцев показал впоследствии, что адъютант Сердобского полка Агриков «слышал, что в Саратове восстание»²⁰⁷. В воззвании, выпущенном впоследствии изменниками-сердобцами, есть слова: «Да здравствует Советская Свободная Россия и наши восставшие отцы»²⁰⁸. Вряд ли слово «отцы» относится к восставшим вёшенским казакам.

В результате половодья экспедиционные части 9-й армии были разделены. Командир полка Врановский был назначен начальником боевого участка на правом берегу Дона. В его участок кроме Сердобского полка входили еще 2-й и 3-й заградительные отряды. На передовых позициях стояли Сердобский полк (хутора Затонский — Крутовской) и 2-й заградительный отряд (хутора Чеботарев — Девяткин). 3-й заградительный отряд был в тылу. Неподалеку, в хуторах Маноцков и Лапин стоял батальон лыжников.

²⁰⁷ РГВА. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 16. Л. 4 об.

²⁰⁸ Там же. Оп. 2. Д. 94. Л. 23.

2 апреля Врановский докладывал: «На моем участке вся инициатива в моих руках; мои разведчики с гораздо меньшими силами все время сбивают заставы противника, конная разведка все время находится под хуторами Матвеев — Ягодный. В общем замечается у противника неуверенность в действиях; необходимо энергичное наступление для закрепления инициативы в наших руках»²⁰⁹.

Однако вскоре неустойчивость полка стала проявляться. 9 апреля полк вел наступление на хутор Матвеевский. Прикрывавший левый фланг 2-й заградительный отряд отошел, фланг оголился. Казаки Отдельной повстанческой бригады перешли в контратаку, и в прошлом надежный полк бросился бежать, бросая шинели и ботинки.

К этому времени в полку уже был составлен заговор с целью перехода на сторону повстанцев. Во главе заговора стоял командир полка Врановский, его помощник Волков, командир 3-го батальона Дубровин. Комиссар полка Чернышев не проявил бдительности.

Впоследствии выяснилось, что во время боев 9—10 апреля «кадеты посылали делегатов к сердобцам и говорили, за что воюют». Во время переговоров Врановский поставил условие, что в случае перехода к повстанцам он останется командиром полка. «На это кадеты согласились»²¹⁰.

Еще до сдачи, 11 апреля, заговорщики арестовали комиссара и вечером отправили его в Еланскую, в распоряжение казаков. В ночь с 11 на 12 апреля произошел «переворот». «Командир 3-го батальона Дубровин... собрал батальон и объяснил, что полк окружен, иного выхода нет, кроме как сдаться в плен»²¹¹.

Расследование установило причину перехода: «Агитация командного состава, в частности командира полка Врановского и командира 3-го батальона Дубровина. Они открыто,

---

²⁰⁹ РГВА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 94. Л. 3.

²¹⁰ Там же. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1333. Л. 249.

²¹¹ Там же. Л. 251.

в конце концов, приказывали переходить на сторону казаков. Агитация заключалась в лозунгах: «Мы и казаки за Советы, но против коммунистов-грабителей, против коммуны, расстрелов. Восставшие кругом нас казаки — не кадеты. Да здравствует свобода слова, печати и народное правление»... Указывалось одному батальону, что другой-де уже перешел на сторону казаков. Не все сердобцы-красноармейцы хотели переходить на сторону восставших, было брожение»²¹².

Мятежники захватили Усть-Хоперскую, хутора Рыбный, Боерак-Попов и переправу у хутора Ярского.

Сердобцы арестовали командира находившейся рядом противосамолетной батареи. Были арестованы, пытаны и расстреляны три комиссара Особого отдела: Меркулов, Серебров и Буланцев и предревкома Усть-Хоперской станицы Грачев. Все это производилось «своими силами». Некий «Юзик», ординарец и разведчик, пытал их, вставлял в рот нагайку и вертел.

Комбриг Л.И. Лозовский, ехавший по сдаче должности в Усть-Медведицкую через хутор Ярский, был арестован на переправе и расстрелян после допроса конными разведчиками Сердобского полка (предварительно избит прикладами).

Местных коммунистов — всего 15 человек — сердобцы выдали повстанцам, но пока тех пригнали в Вёшенскую, в живых осталось 5 человек²¹³.

В Усть-Хоперской сердобцы перехватывали все телеграфные разговоры между штабом фронта (г. Козлов), штабом 9-й армии (станция Морозовская) и штабом экспедиционных войск 9-й армии (станция Усть-Медведицкая).

Еще 11 апреля 2-й заградительный отряд получил приказ Врановского, как командира боевого участка, занять хутор Ярский. Хутор был занят, но через три часа оставлен, так как отряд не получил поддержки, причем солдаты отряда бросили 20 винтовок и 2 ящика патронов.

---

²¹² РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 113. Л. 249.

²¹³ Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 224 об.

Ночью отряд получил приказ Врановского перейти в Усть-Хоперскую. Около 7 часов утра он был окружен там сердобцами под командованием командира 1-го батальона Слезкина. Слезкин предложил сдать оружие и после разоружения сказал, что ночью полк вошел в соглашение с казаками, и предложил присоединиться²¹⁴.

Следствие выяснило, как происходило разоружение. Утром к штабу 2-го заградительного отряда подъехали 4 ординарца Врановского, спросили, здесь ли штаб, и уехали. Потом приехали другие ординарцы, выставили 3 пулемета возле штаба и велели командиру отряда Голубинскому следовать за ними.

Комиссар отряда и помощник командира смешались с толпой, которую агитировал один из батальонных командиров Сердобского полка, вышли на улицу и пошли в разные стороны. Помощник командира пришел в Усть-Медведицкую, в штаб экспедиционной дивизии, комиссар исчез.

Сердобцы шли по квартирам с телегой и собирали оружие, угрожая гранатами. Кто бежал, того расстреливали.

Вечером сдавшихся бойцов 2-го заградительного отряда поставили в цепь через 3—4 человека между сердобцами, впереди стала казачья цепь, чтоб не перебежали²¹⁵.

После разоружения 2-го заградительного отряда в Усть-Хоперскую вошли две сотни казаков и устроили общий митинг, на котором предложили послать делегацию к гарнизону станицы Усть-Медведицкой с предложением перейти на сторону повстанцев²¹⁶. Командованию повстанцев была послана телеграмма: «Я, командир 4-го Сердобского полка, от имени всех солдат приветствую братьев — восставших казаков и ныне со своим славным полком присоединяюсь к рядам доблестной армии восставших. Ст. Усть-Хоперская занята мною. Комиссары

---

²¹⁴ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 321. Л. 7 об.

²¹⁵ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 113. Л. 249.

²¹⁶ *Вольнский С. «Рейдик» // Сборник воспоминаний непосредственных участников Гражданской войны. Кн. 2. М., 1922. С. 76.*

переловлены и расстреляны. Веду бой с красными. Жду распоряжений. Врановский»²¹⁷.

Далее Врановский послал за батальоном лыжников и 3-м заградительным отрядом, как бы прося помощи от мятежников, те выслали вперед разведчиков, которых Врановский уговаривал перейти на сторону повстанцев, говоря им, что будут воевать за советскую власть, но против коммунистов, грабежей и расстрелов. Прибывшие части не согласились перейти на сторону казаков, завязался бой...

Перешедшие сердобцы до 13 апреля старались скрыть факт измены и подтверждали в телеграфных разговорах с командармом-9, что 12 апреля вели бой, потеряли 50 бойцов убитыми и 60 ранеными, а Врановский — убит в бою²¹⁸. Лишь в ночь на 13 апреля бежавшие бойцы 2-го заградительного отряда сообщили: «Сегодня в ночь 204-й полк собрал митинг и решил перейти к казакам; батарея присоединилась к ним. Наш отряд разоружен...»²¹⁹.

С переходом полка силы повстанцев увеличились на 380 штыков, 10 пулеметов и 2 орудия²²⁰. Сердобский полк был пополнен пленными красноармейцами, находившимися в станице Еланской, и включен в состав 5-й повстанческой дивизии. Противосамолетной батареей, которую захватили сердобцы, командовал бывший адъютант полка Петров.

15 апреля перебежал обратно к красным начальник пулеметной команды и 9 пулеметчиков, они прихватили с собой 2 пулемета, 6 верховых лошадей, 4 повозки, 29 пулеметных лент. Беглецы сообщили, что Врановский жив и командует полком²²¹.

Развивая успех, 13 апреля 2000 конных и 2000 пеших повстанцев (3 полка) при 1 орудии атаковали 5-й Заамурский и Московский полки красных, но были отбиты с потерями.

---

²¹⁷ *Кудинов П.Н.* Указ. соч. // Вольное казачество. № 82. С. 15.

²¹⁸ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 321. Л. 2.

²¹⁹ *Вольнский С.* Указ. соч. С. 75.

²²⁰ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 192. Л. 18.

²²¹ Там же. Л. 19 об.

Сам переход четырех сотен солдат на сторону повстанцев ненамного увеличил их силы. Важен был агитационный момент. Перешел один из лучших полков армии, награжденный Красным Знаменем.

Сердобцы засыпали экспедиционные войска воззваниями, заявляя, что «постановили защищать Советскую власть до последней капли крови, но идем только против коммуны, против расстрелов, против реквизиций нашего последнего имущества, против бесчинств, которые творят коммунисты. Мы также будем бороться до последней капли крови против кадетов, против буржуазии, против капитала, как и против коммунии»²²² (примечательно, что ни в одном воззвании повстанцев-казаков не было призыва бороться против кадетов и капитала). Другой примечательной чертой сердобских листовок был пацифизм, призывы закончить войну.

Как боевая часть в рядах мятежников Сердобский полк оставлял желать лучшего.

Согласно донесению, в ночь с 18 на 19 апреля перешедшие на сторону повстанцев солдаты Сердобского полка, 2-го заградительного отряда и 24-го армейского этапа, 2 сотни казаков при 1 орудии и 17 пулеметах повели наступление на Усть-Медведицкую. Повстанцы Верхне-Донского округа на Усть-Медведицкую не пошли. Сердобцев поддерживали две сотни мобилизованных усть-хоперских казаков.

Батальон лыжников и 3-й заградительный отряд подпустили их на 400—500 шагов и открыли огонь. Сердобцы, бросив 3 пулемета, отошли на 1500 шагов и окопались.

На рассвете помначштаба эксвойск 9-й армии Полунов подъехал к неприятельской цепи и уговорил сдаться собравшихся вокруг него солдат 4-й роты 2-го батальона (50 человек с пулеметом). В образовавшийся прорыв была двинута незначительная часть красных — 10 сабель (Полунов со штабными ординарцами). Они рассеяли находившуюся на отдыхе сотню

---

²²² РГВА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 94. Л. 22.

*Карта области Войска Донского
с указанием очагов казачьих выступлений*

П.Н. Кудинов

Х.В. Ермаков

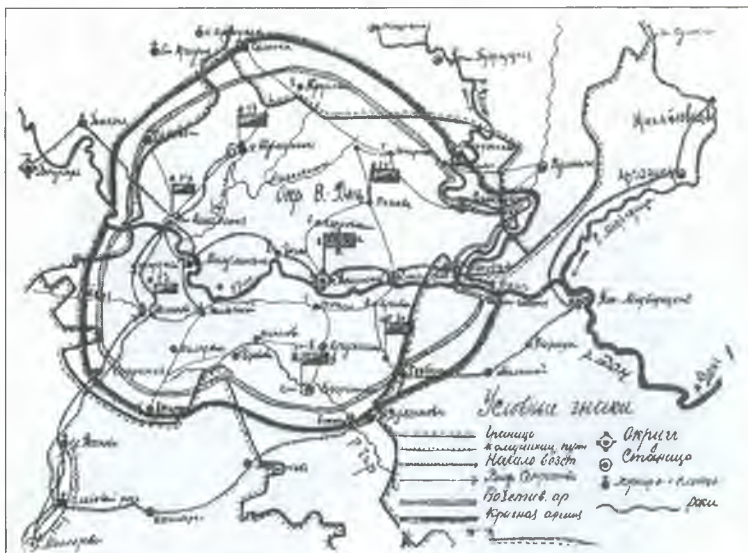
Листовка, изображающая изгнание красноармейцев из станицы

Л.Д. Троцкий

Ф.К. Миронов

Северный фронт.
 1) От станции Еланской до станции Федосеевской (первой включительно, второй исключительно): 5 Запурский кон. полк при двух батареях, одна четырех оружейная полевая, другая гаубичная.
 А) 1-й Московский рев. пех. полк. Б) 4-й казачий,

имени Ленина полк, сформированный из казаков станции Федосеевской и Зотовской. В) Дивизия Царицынской о конного в-ва под общим командованием тов. Лодовского, члена Высшего Рев. совета республики, который расстрелян Вранским „барак Синюткин“.
 2) Ст. Федосеевская включительно, дут. Шумилян

Расположение частей Красной Армии в районе восстания

Генерал П.Н. Краснов

Генерал А.П. Богаевский

Генерал В.А. Алферов

Генерал В.И. Сидорин

ВОЗСТАНИЕ ВЕРХНЕ-ДОНЦОВЪ
СВѢТЛЫЙ ВѢТНИКЪ ИЗЪ НОВОЧЕРКАССКА

*Листовка, изображающая встречу восставшими
самолета из Новочеркасска*

Казачи-ветераны Германского фронта

Казачи перед атакой

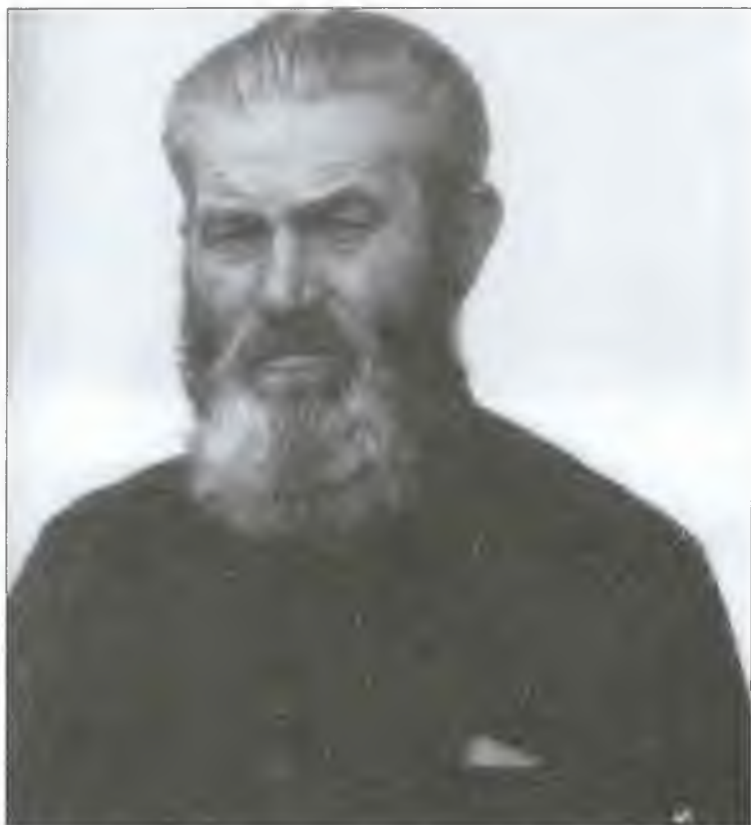

Китайцы на службе в Красной Армии

Красные кавалеристы

П.Н. Кудинов в 1956 г.

казаков, прошли на 7 верст в тыл повстанцев, заняли хутора Боерак и Сенюткин, захватили 1 орудие, 5 пулеметов, походную кухню, обоз и 300 пленных. Стоявший отдельно 1-й батальон сердобцев решил, что попал в окружение, и сдался после переговоров взводу красной пехоты²²³.

Красные части повели наступление на Усть-Хоперскую и 21 апреля заняли ее. П.Н. Кудинов писал в мемуарах, что сердобцы потеряли $\frac{3}{4}$ состава, и целый полк казаков был послан, чтобы прикрыть бегство оставшихся.

22 апреля «вторично» попавшие в плен (теперь уже к красным) сердобцы устроили митинг и просили позволить заглазить вино. Из 250 пленных сердобцев был сформирован батальон под командованием бывшего командира 133-го стрелкового полка Южина и 24 апреля вступил в Усть-Хоперскую в качестве гарнизона. 22 апреля стало известно, что комиссар полка Чернышев убит в плену.

18—19 апреля (1—2 мая) Второй съезд представителей станиц и воинских частей Верхне-Донского округа принял решение: «Рядовых 4-го Сердобского полка, желающих остаться на службе округа, влить в войсковые части партиями не свыше 30 человек, желающих же возвратиться на родину отпустить. Командный состав распределить по усмотрению командующего войсками по штабам дивизий, а желающих отпустить на родину»²²⁴.

Наименование «4-й Сердобский полк» сохранилось в агитационных целях у повстанцев, а затем и в Донской армии. Врановский стал адъютантом штаба 5-й повстанческой дивизии.

Федосеевский (по названию станицы) казачий полк был сформирован большевиками специально для подавления восстания. Приказ № 1 по Федосеевскому революционному полку вышел 2 апреля 1919 г. Командиром полка был назначен Ф. Абрамов, помощником командира — Щедров, адъютантом

---

²²³ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 142. Л. 151.

²²⁴ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 137. Л. 13 об.

полка — Каехтин. Комиссаром полка был назначен Митрофан Патрин. Командирами сотен стали: Кузнечиков Тихон, Потапов Федор, Сиволобов Михаил, Бочков Козьма, Буданов Иван.

Командирам сотен было предложено назначить себе помощников и взводных. «Как провиант, так и фураж брать у жителей под расписки и таковые предоставлять в штаб полка»²²⁵.

Объявлено было, что «полк будет распущен, когда будут уничтожены вёшенские бандиты»²²⁶.

При поступлении в полк казаки должны были взять у хуторского комиссара удостоверения о политической благонадежности. Объявлялось: если получивший удостоверение изменит, комиссар и его семья будут уничтожены. Так же на удостоверении должны были расписаться три благонадежных лица и тоже отвечать в случае измены²²⁷.

Оружие (винтовки и орудие) в полк было доставлено из 5-го Заамурского полка.

14 апреля вышел приказ № 15 нашить красные нашивки.

С 20 апреля полк называется «Федосеевский Красный имени Ленина полк».

Количество бойцов²²⁸:

1-я сотня	77
2-я сотня	97
3-я сотня	64
4-я сотня	111
5-я сотня	79

Вскоре 5-я сотня была расформирована, казаки влиты во 2-ю и 3-ю сотни.

Из всех федосеевских красных казаков повстанцы отметили почему-то одного Щедрова, помощника командира полка:

---

²²⁵ РГВА. Ф. 8584. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—2.

²²⁶ Там же. Л. 6.

²²⁷ Там же.

²²⁸ РГВА. Ф. 8584. Оп. 1. Д. 2.

«казак — сволочь — Щедров хутора Попова станицы Федосеевской как подлая гнида и Иуда предал своих братьев, взбаламутил казаков ленинской агитацией и перешел на сторону красной банды, сформировал 3 эскадрона хоперских казаков и был хорошо вооружен»²²⁹.

Видимо, Щедров действительно был инициатором формирования полка, а Ф. Абрамов, известный красный казак, в прошлом офицер, прибыл уже «на готовое».

Полк участвовал в боях с 5 апреля. В этот день 1-я сотня отбила наступление повстанцев на хутора Попов и Ольховый. 10 апреля на позиции выступил весь полк.

18 апреля полк ведет бой вместе с заамурцами у хутора Попова. 20 апреля благодарность за боевые действия получает 3-я сотня. 22 и 25 апреля — снова бои. Все это время Заамурский конный и Федосеевский казачий полки подстраховывают друг друга, выручают в трудные моменты.

В политотделе 9-й армии считали: «Эти казацьи формирования можно даже назвать батальонами смерти, так как они с бандитами могут драться только насмерть, ни те, ни другие в плен не берут. Такие казаки представляют великолепный боевой материал»²³⁰. Действительно, казаки-добровольцы усердно приглашались в Заамурский полк, «где все выдадут»²³¹.

Однако с 18 апреля начались побегии из полка к повстанцам. Первыми бежали три казака: Кругляков Евграф, Макаров Макар, Карев Иван. Затем, 27 апреля, уходит к повстанцам вся 2-я сотня полка и в тот же день выезжает на перестрелку с разъездами заамурцев. 28 апреля в Федосеевском полку «брожение на неизвестной почве». 29 апреля 3-я сотня федосеевцев выбита из хутора Попова повстанцами, но при помощи 1-й сотни Заамурского полка восстановила по-

---

²²⁹ Кочетов Е.Ф. Донские казаки. Летопись для потомков // Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах (3). 2010. С. 193.

²³⁰ РГВА. Ф. 192. Оп. 2. Д. 217. Л. 8 об.

²³¹ Там же. Ф. 8584. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

ложение. 30 апреля еще 15 казаков-федосеевцев перебежали к повстанцам.

«30/4. Комиссар Особого отдела Малкин передает, что в Федосеевском полку настроение враждебное, 2-я сотня перешла на сторону бандитов, идет усиленное братание с бандой, жители настроены враждебно, режут провода и столбы, развит шпионаж и предательство. Малкин передает, что Федосеевский полк необходимо разоружить»²³².

Но полк не разоружили. После перехода 2-й сотни в нем осталось 290 сабель. Личный состав полка постоянно сокращался. 9 мая — 197 сабель, 2 пулемета; 4 июня — 108 сабель. Комсостав был сменен. В июне полком командовал Щедров Емельян при политкоме Упмале Карле.

Перешедшие к повстанцам федосеевцы держали фронт против своей станицы. Красная разведка доносила 22 мая, что на хуторе Блинкове стоят вновь сформированные части и федосеевцы — 3—4 сотни при орудии.

Впоследствии конная сотня федосеевских казаков была придана 1-й пластунской бригаде Донской армии.

Таковы были, согласно отрывочным сведениям, силы повстанцев.

Гораздо более полное представление мы имеем о составе и количестве экспедиционных войск.

Маршал А.И. Егоров, автор одной из первых работ о Гражданской войне на Юге, писал, что из 8-й и 9-й армий были посланы по одной дивизии: из 8-й армии — дивизия Антоновича (6565 штыков, 1171 сабля, 28 орудий), из 9-й армии — дивизия Волынского (4661 штык, 1426 сабель, 71 орудие). Но силы эти подходили по частям и оформились в дивизии не сразу. Как сообщал посланный на Дон член ЦК Белобородов, в первый месяц борьба носила «кустарный характер», так как не был ясен «масштаб» восстания²³³.

---

²³² РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 24. Л. 571.

²³³ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 71. Л. 230 об.

В первые дни на мятежную Казанскую вместо затребованных двух полков выслали из Богучара роту трибунала и две комендантские роты.

Экспедиционные войска, направляемые из 8-й армии, концентрировались на трех направлениях. С юга (с фронта) подходили регулярные части 12-й стрелковой дивизии и группировались у слободы Журавка. С запада, от Богучара и Калача, по обеим сторонам Дона подходили тыловые части, которые были разделены на Богучарскую группу (правый берег Дона) и Калачевскую (левый берег).

Так, в Богучарскую группу вошли: отряд из разбитых заградотрядов 12-й и 13-й стрелковых дивизий, 1-й и 2-й роты политотдела и рота особого назначения 8-й армии, две комендантские роты города Богучара (эти комендантские роты отказались наступать на Казанскую и были разоружены), маршевые роты из добровольцев²³⁴. В конце апреля туда же, в Богучарскую группу, по предложению Троцкого²³⁵ прибыли две роты ВЧК из Воронежа (87 штыков, 1 пулемет) и рота ВЧК из Тамбова (96 штыков, 2 пулемета)²³⁶. 5 апреля на подавление восстания был послан 3-й Кронштадтский полк и прибыл к началу мая.

В конце апреля в состав эксвойск 8-й армии стали прибывать курсанты командных курсов. Первыми 19 апреля прибыли отряды из Тамбова (467 штыков, 6 пулеметов) и Рязани (432 штыка, 4 пулемета)²³⁷. 26 апреля из Козлова на Чертково были отправлены Калужские и Орловские курсы (700 штыков).

К концу апреля был сформирован штаб экспедиционных войск 8-й армии.

Таким образом, к концу апреля 1919 г. экспедиционная дивизия 8-й армии представляла собой довольно пестрое соединение (данные на 20 апреля)²³⁸:

---

²³⁴ РГВА. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 44.

²³⁵ Там же. Ф. 192. Оп. 3. Д. 313. Л. 4.

²³⁶ Там же. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 41.

²³⁷ Там же.

²³⁸ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 478.

Андрей Венков

	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
Журавская группа				
103-й стр. полк	703	57	40	4
104-й стр. полк	775	60	12	2
106-й и 107-й стр. полки	1721	120	42	8
Сводный кавдивизион		80	3	
2-й дивизион 2-й артбригады				4
2-й заградотряд	69	10	2	
3-й заградотряд	200			
Отряд курсантов	838		10	
Богучарская группа				
Правый отряд	474	30	5	3
Левый отряд	641		6	2
Калужский эскадрон		133		
1-й заградотряд 13-й стр. дивизии	87			
3-й заградотряд 12-й стр. дивизии	94			
Калачевская группа				
Правый отряд	480	84	4	
Левый отряд	430		6	2
1-й конный полк		316	2	
Отряд моряков	155		1	
Пензенско-Саратовский отряд	200		2	

Экспедиционные войска 9-й армии также подходили постепенно. С юга и юго-востока, чтобы быстро прикрыть самое опасное направление, концентрировалась конница — 1-й Саратовский конный полк, 11-й Камышинский дивизион, некоторое время в созданную группу входил 13-й кавалерийский полк из 8-й армии. С востока, прикрывая оба берега Дона и нижнее течение Хопра, были собраны надежные Московский губернский, 204-й Сердобский, 5-й Заамурский конный полки, батальон лыжников и несколько заградительных отрядов. С северо-востока подошли 10 маршевых рот и конный дивизион.

К 1 апреля 1919 г. экспедиционные войска 9-й армии, разделенные на 4 отряда — Дорохина, Загарина (Лозовского), Панунцева и Усть-Медведицкий, — достигли численности 7250 штыков и 2100 сабель. По другим данным — 6600 штыков и 2000 сабель при 14 орудиях.

Отряд Дорохина — 3000 штыков, 4 орудия.

Отряд Загарина (Лозовского) — 2500 штыков, 500 сабель, 13 пулеметов, 4 орудия.

Отряд Панунцева — 1500 сабель.

Усть-Медведицкий участок (батальон лыжников и 3-й и 4-й заградительные отряды) — 1100 штыков²³⁹.

Эти данные штаба Южного фронта явно завышены. Приняв командование экспедиционными войсками 9-й армии, начдив-15 Волынский 27 марта составил список подчиненных ему войск.

1-й Московский полк — 2500 штыков (на 6 апреля — 1100 штыков).

5-й Заамурский полк — 470 сабель.

204-й Сердобский полк — 400 штыков.

1-й, 2-й, 3-й заградительные отряды —?

1-й Саратовский конный полк — 300 сабель.

11-й Камышинский дивизион — 350 сабель.

Десять запасных рот — 1000 штыков.

Батальон лыжников — 600 штыков.

5-я конная батарея.

23-я противосамолетная батарея²⁴⁰.

Таким образом, реальных сил в экспедиционных войсках 9-й армии было примерно вдвое меньше.

Позже, чтобы усилить южное направление, конной группе были приданы Морской батальон из 23-й стрелковой дивизии, 2-й Интернациональный батальон и 5-й кавдивизион (бывший 3-й казачий полк имени Степана Разина) из 16-й стрелковой дивизии.

---

²³⁹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 478.

²⁴⁰ РГВА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 611. Л. 2.

Как и все мальчишки, я, насмотревшись фильмов, интересовался славными делами красной кавалерии, восхищался Буденным с его усами и ударом, «неповторимым по красоте и страшным по силе», и, ясное дело, сам выпрашивал и выпрашивал... Но помимо книжек узнавал я немного. Сосед Кузьмич, воевавший под Сталинградом, про последнюю войну рассказывал много, даже со стволом винтовочным, хранимым в сарае с хламом, давал поиграть, но про Гражданскую войну он не знал, родился в 18-м году. А бабушка, которую я донимал расспросами о войне и красной кавалерии, рассказывала только, как купали ранней осенью 1919 г. красные конники в пруду лошадей, потом в пруду купались хуторские девчонки и заболели коростой. Потом шла долгая история, как ее сестру Нюсю лечили от коросты, чем мазали, чем парили... Муж бабушки, мой родной дед, недоучившийся землемер, служил в 1-й Конной армии, но он умер в лагере под Миллерово в 33-м году, а из его рассказов бабушка помнила и передала мне лишь то, что в Польше Конную армию погнали так, что заскочил дед в одно местечко воды напиться и лишь на другой день свой полк догнал; потом где-то в Крыму взяли они очень много пленных, и дед был начальником конвоя, а когда переводили колонну пленных через мост, мост этот кто-то взорвал, и остался дед на одном берегу, а пленные и конвой на другом... Во всех этих рассказах было мало интересного и героического, хотя дед вернулся из армии взводным командиром с серебряным портсигаром за храбрость от самого Гришки Маслака. Впрочем, это для меня сейчас он «дед», а тогда, в 20-м году, на польском и врангелевском фронтах было ему 22 года.

Может быть, из-за этой обыденности и отсутствия героизма в рассказах я и заинтересовался всем тем временем так поздно?

Помню, спросил я как-то, знала ли бабушка красных казаков. Она сказала, что с дедом служил вместе Дмитрий Черников, но тот вроде иногородний, а потом вспомнила про Леона Ермакова. Леон был «политкаторжанин». В молодости он

служил в Атаманском полку, вернулся со службы и как-то по пьяному делу отлупил, и сильно отлупил, местного попа. Дали ему за это несколько лет каторги. В 20-м году Леона, как пострадавшего от старого режима, поставили председателем в хутор Чиганаки. Председательствовал он лихо и, невзирая на свирепствовавший в округе политический бандитизм, чувствовал себя вольготно, сам пил и секретарю, 17-летнему парнишке, щедро наливал. Сам Фомин, в то время главарь банды, решил его «пощупать» и послал пятерых мобилизованных малолетков, «ушаковских ребят», чтоб привели к нему Леона Ермакова. В лунную летнюю ночь приехали его брать. Один коноводил, один на крыльце остался, а трое в хату пошли... Двоих, вязавших ему руки, Леон шаракнул лоб об лоб, третьим открыл дверь, стоявшему на крыльце поднес так, что тот «аж перепрокинулся», но пятый стрельнул по Леону из винтовки, когда он уже прыгал через плетень, и попал. Раненный в грудь навывлет, прибежал Леон в Вёшки... Потом вроде поправился, вновь председательствовал, ну и «гудел» на ярмарках, которые начались с 22-го года.

Красные казаки, буденовцы, мионовцы, думенковцы, жлобинцы, блиновцы... Сколько полегло их от Саратова до Львова, от Воронежа до Туапсе. Малочисленная в привилегированном сословии беднота поддержала в глазах русской бедноты казачью славу борцов за свободу народа.

Но местные донские крестьяне казакам не доверяли. И красным — тоже. Когда в первых числах апреля из 9-й армии были посланы на подавление мятежа 2-й Интернациональный батальон и 3-й казачий имени Степана Разина полк (переименованный в эти дни в 5-й кавдивизион), неверно информированный Сырцов телеграфировал Ходоровскому и Колегаеву: «5/4. Сегодня прибыл Миллерово, узнал, что 3 казачьих революционных полка, 2-й пехотный из 16-й дивизии направлены усмирению восставших, настроение казаков антикоммунистическое. Крестьяне Миллеровского района обеспокоены и уверены, что

эти казаки перейдут на сторону восставших. Отправку казачьих частей на усмирение казаков считаю недомыслием, если не преступлением. Предлагаю срочно отменить». У командования 9-й армии затребовали объяснений. Члены РВС Барышников и Петров «утешили» Сырцова: «Южфронту давно известно, что антикоммунистическое настроение царит не только (среди) казаков, но и среди многих красноармейских частей». Реввоенсовет фронта (Гиттис, Сокольников) все же разрешил направить казаков против мятежников, «если настроение в 5-м дивизионе твердое».

Дивизион прибыл на повстанческий фронт 10 апреля, прикрывал стык экспедиционных войск 8-й и 9-й армий, нес большие потери (6 мая состав — 373 сабли, 10 июня — 270 сабель). Но это был проверенный, испытанный отряд, сформированный из хоперской бедноты еще летом 1918 г.

Тактика экспедиционных войск диктовалась задачами, которые перед ними ставились, и условиями, в которых приходилось воевать.

Предстояло ограниченными сборными силами подавить мятеж, охвативший территорию в 10 тысяч квадратных километров, от Хопра до Богучара, а на первых порах хотя бы локализовать его.

Поскольку с юга, запада и северо-запада от территории мятежа лежали крестьянские слободы, наиболее опасным направлением было восточное, где находились станицы Хоперского, Усть-Медведицкого и 2-го Донского округов. Командарму-9 сразу же было приказано «не допустить возможности распространения его (восстания. — А.В.) по Дону со стороны Вёшенской на станицы к востоку»²⁴¹.

Чтобы удержать соседние с районом мятежа хутора и станицы от выступления, их стремились запугать. 16 марта член РВС Южного фронта А. Коллегаев предписал экспедиционным войскам: а) сожжение восставших хуторов; б) беспощад-

---

²⁴¹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 100. Л. 15.

ный расстрел всех без исключения лиц, принимающих прямое или косвенное участие в восстании; в) расстрел через 5 или 10 взрослого мужского населения восставших хуторов; г) массовое взятие заложников в соседних хуторах; д) широкое оповещение населения, что со всеми вновь восставшими хуторами поступят так же²⁴².

17 марта Реввоенсовет 8-й армии (Якир, Вестник) отдал приказ, в котором говорилось: «Предатели донцы еще раз обнаружили в себе вековых врагов трудового народа». Предписывались карательные меры — «поголовное уничтожение», процентный расстрел, сожжение станиц. Заклучался приказ словами: «Всем частям, действующим против восставших, приказывается прорйти огнем и мечом местность, объятую мятежом»²⁴³.

Донское бюро РКП предлагало меры еще более жестокие: за каждого убитого красноармейца и члена ревкома расстреливать сотню казаков; выселить мужское население с 18 до 55 лет, за каждого бежавшего расстреливать пятерых²⁴⁴.

На попытки ряда хуторов «договориться» с красными был дан ответ 18 марта: «Никаких гарантий повстанцам не может даваться... Неуклонно должна быть проведена самая решительная расправа»²⁴⁵.

Военное командование вторило политическому руководству. На докладе о нехватке войск для подавления восстания командующий Южным фронтом начертал резолюцию: «Надо по занятии пунктов восстания не распылять сил (достаточными гарнизонами), а с корнем уничтожать все элементы восстания, чтобы силы направить для подавления других пунктов, тогда и малых гарнизонов будет достаточно»²⁴⁶.

Борьба сразу же приняла ожесточенный характер. Руководители доносили, что экспедиционные войска «крайне озлоб-

---

²⁴² РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 100. Л. 17.

²⁴³ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 15.

²⁴⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 81. Л. 18 об.

²⁴⁵ *Филипп Миронов*. Тихий Дон в 1917—1921. М., 1997. С. 165.

²⁴⁶ РГВА. Ф. 100, Оп. 3. Д. 192. Л. 284.

лены и ожесточены против мятежников»²⁴⁷. Со своей стороны казаки упорно сопротивлялись. «14/5. На запрос о силах восставших наштаюж приказал сообщить: «В восстании принимает участие все население с 15 до 45 лет, включая и женщин, причем восставшие нашим войскам оказывают самое упорное сопротивление»²⁴⁸. «4/4. После боя у хутора Горбатова взятые нами пленные отказались дать какие-либо показания. При нашем отступлении жители хутора Горбатова стреляли в отступающие наши части»²⁴⁹.

С.И. Сырцов тем не менее докладывал: «На Вёшенском фронте красноармейцы экспедиционных войск 8-й и 9-й армий, живя с казачками (мужья которых сплошь и рядом оказывались в войсках повстанцев), в несколько дней теряли боеспособность. Разложение доходило до того, что некоторые красноармейцы отдавали казакам патроны». Сырцов приводил пример, что в конной группе 9-й армии 1200 всадников за 3 недели израсходовали 900 000 патронов, причем за два дня, когда вообще не стреляли, израсходовано 10 000 патронов²⁵⁰.

В целом «взаимоотношения» были отброшены на уровень начального этапа Гражданской войны и отразились на отношении к пленным. Экспедиционные войска, как мы видим, пленных вообще не брали и иногда даже расстреливали перебежчиков. Зато со стороны красных пленных было очень много. Так, в первые дни восстания в Казанской попала в плен 2-я этапная рота 12-й стрелковой дивизии. 15 марта советская сводка гласила: «2-я саперная рота выступила из Казанской 11 марта, где находится — неизвестно (рота попала в плен. — А.В.). По слухам, прожекторную роту 10 марта разоружили казаки в Мешкове»²⁵¹.

---

²⁴⁷ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 71. Л. 230.

²⁴⁸ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 192. Л. 56.

²⁴⁹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 188. Л. 146 об.

²⁵⁰ *Филипп Миронов...* С. 214—215.

²⁵¹ РГВА. Ф. 964. Оп. 1. Д. 22. Л. 80.

19 марта, по данным советской разведки, в Казанской было уже 1500 пленных²⁵² в основном из тыловых и маршевых частей. В 20-х числах марта были сведения, что «красноармейцев, кроме заградительных отрядов, содержат под слабой охраной и кормят довольно хорошо»²⁵³.

В первом же приказе Окружного Совета повстанцев от 1 (14) марта предписывалось советские войска, сдающиеся без сопротивления, разоружать и отпускать по домам, сопротивляющиеся разоружать силой и направлять в Вёшенскую, «не подвергая насилию и расстрелу»²⁵⁴. Тогда же, в марте, красная разведка сообщала: «Пленных отпускают по 20 человек ежедневно, в первую очередь жителей Воронежской губернии». Значительную часть пленных отдали местным жителям в работники (и это впоследствии спасло этих пленных от смерти).

Первые столкновения с экспедиционными частями сделало отношение к пленным выборочным. Советская разведсводка 13 апреля — «Комиссаров и комсостав до взводных гонят в Мигулинскую, где их рубят»²⁵⁵. Затем так жестоко стали относиться ко всем без разбора. В апреле пошли сводки: «Пленных убивают на месте...»²⁵⁶. В конце апреля и особенно в мае, по воспоминаниям современников, пленных, содержащихся в Вёшенской, стали рубить систематически. Так был убит комиссар Сердобского полка, бежавший из плена, но заблудившийся в разлив на чужой лодке. Проводились «разгрузочные ночи» — из казаков гарнизона или ближайшего полка формировалась сотня, которая рубила специально отобранных ослабевших пленных. Называлось это — «отправить в Казанскую».

В мае 1919 г. белогвардейцы сообщали, что «в станице Вёшенской в настоящее время около 5000 пленных, употребляе-

---

²⁵² ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 15 об.—16.

²⁵³ РГВА. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 37.

²⁵⁴ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

²⁵⁵ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 192. Л. 45.

²⁵⁶ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 188. Л. 308.

мых для различных работ»²⁵⁷. Когда же в начале июня повстанцы соединились с Донской армией, пленных, по воспоминаниям местных жителей, почти не было.

В момент соединения 7 июня в Мигулинской было захвачено примерно 1000 пленных, 700 из них, видимо, бойцы Кронштадтского полка, были порублены из-за их черных бушлатов²⁵⁸.

На начальном этапе подавления у красных отсутствовало общее руководство, не было общей определенной задачи, что вызывало разобщенность действий. Экспедиционных войск было мало, на 10 верст фронта приходилось 500 бойцов. Между полками разрыв достигал 20—25 верст²⁵⁹. Поэтому наблюдалось стремление частей не вглубь района, к очагам восстания, а к непосредственной связи между собой, на что тратились время и силы.

В результате красные части зачастую были растянуты в нитку, которой повстанцы противопоставили кавалерийскую завесу и в точке удара всегда имели перевес сил²⁶⁰.

Многие экспедиционные части не были знакомы с методами партизанской борьбы. Так, 103-й Богучарский полк, опасаясь ночных налетов, ночами выходил из занимаемого хутора, ложился в цепь и ждал утра.

Сказывалось преимущество повстанцев в коннице: «Как общее правило, противник лобового боя не принимает, мы почти без препятствий занимаем хутора, в которых не находим ни одной живой души. Противник отходит и верстах в 10—15 балкой стекается и нас обходит большими силами кавалерии», — писал член ЦК Белобородов, посланный на подавление восстания²⁶¹.

Малочисленная красная кавалерия зачастую качественно превосходила повстанческую конницу, так как наполовину

---

²⁵⁷ Приазовский край. 1919. 7 (20) мая.

²⁵⁸ РГВА. Ф.191. Оп. 3. Д. 693. Л. 36.

²⁵⁹ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 71. Л. 230.

²⁶⁰ РГВА. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 43.

²⁶¹ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 71. Л. 230.

состояла из остатков старых кадровых полков российской императорской армии. В том же Камышинском дивизионе были бойцы, которые имели на счету 10 зарубленных (Свечников Владимир), Дмитрий Крылов в бою 3 (16) апреля зарубил троих повстанцев²⁶². Но против этой кавалерии повстанцы применили тактику изматывания (такая тактика, кстати, предполагалась еще перед Первой Мировой войной против регулярной германской и австро-венгерской кавалерии). Командир Боковской конной группы Панунцев докладывал: «Не было ни одного случая, чтобы противник принял бой или конную атаку. Благодаря этому операции наши сводятся постоянно к тому, что мы погоняем бандитов по горам и балкам, да и возвращаемся к себе обратно, так как люди и особенно лошади сильно устают»²⁶³.

Тактика выжженной земли давала сбои. Комбриг Богданов жаловался: «Идея идти одной колонной и все уничтожать на пути не нашла поддержки Антоновича (командир эксдивизии 8-й армии. — А.В.)... Когда я начал жечь хутора, т. Антонович потребовал от меня срочных объяснений о причинах этого, после чего я не решился подписать приказ об уничтожении хуторов. Скоро за этим последовал приказ Антоновича ничего не брать бесплатно в восставших хуторах, не губить имущества и т.д.»²⁶⁴.

Сменивший Богданова комбриг Ораевский вспомнил опыт русско-турецких войн XVIII века и предложил «коробочку» — каре. Пользуясь отсутствием боеприпасов у повстанцев, красная пехота попыталась в боевых порядках XVIII века провести концентрическое наступление на центр повстанцев — Вёшенскую. Пожалуй, это была единственная тактическая «новинка» в ходе подавления Верхне-Донского восстания.

Две дивизии пехоты и почти дивизия конницы давили мятеж и не могли подавить...

---

²⁶² РГВА. Ф. 32163. Оп. 1. Д. 39.

²⁶³ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 2629. Л. 118.

²⁶⁴ РГВА. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 43 об.

Подавление мятежа. Романтика миссионерства. Самоотверженность первых христиан. Пожарища, сотни трупов, ненависть в глазах пленных, испуг в глазах детей, проклятия сквозь зубы вслед. Беспрестанные бои, засады, погони, разбитые дороги, грязь. Два месяца кровавые драки за обгорелые останки одного и того же хутора. Нет газет, мало продовольствия, нехватка патронов. Может быть, и плакали злыми слезами среди своих бунтующих солдат и враждебно настроенного населения... Жгли хутора и расстреливали пленных. («Во имя социальной революции», — сказал Ф.К. Миронов.) «Именем революции!» — кричали они и командовали: «Пли!» «Во имя революции», — твердили они сами себе, проходя по сожженным хуторам. Может быть, в глазах прошедших через это и цена революции неизмеримо возростала?

Изучая все это, часто ловил я себя на мысли: «Как хорошо, что меня тогда не было». Это была ужасная война. Война на уничтожение, когда обе стороны без видимого внешнего успеха перемалывали силы друг друга.

Единственный станичный сумасшедший, которого я застал (говорят, их раньше больше было), тронулся после того, как в сосняке между двумя хуторами сотня казаков и «доброхоты» из местных вырубили колонну пленных красноармейцев. Он тогда был мальчишкой, пас телят как раз неподалеку и все видел.

Жители этих хуторов впоследствии воспринимали раскулачивание, «саботаж» и другие чистки как нечто закономерное, как месть власти за «невинно убиенных».

Около пяти тысяч пленных было уничтожено тогда казаками в песчаных бурунах по левому берегу Дона.

А что же большевистские верхи? О да! Восстание на Верхнем Дону серьезно повлияло на политику партии большевиков по отношению к казачеству.

14 марта из телеграммы РВС Южного фронта о восстании узнал В.И. Ленин. На бланке этой телеграммы он набросал за-

писку Троцкому: «Что это? Как это? Где это? У нас в тылу неразоруженные казаки???»²⁶⁵

16 марта 1919 г. состоялся пленум ЦК. Вот выдержка из протокола: «Сокольников поднимает вопрос о постановлении ЦК о казачестве и указывает, что постановление это невыполнимо для донского казачества и что в Донской области есть резкая разница между севером и югом, которая делает излишним вмешательство наше. Поднимается вопрос о несоответствии пятерки на Дону ее назначению.

Постановили: ввиду явного раскола между северным и южным казачеством на Дону и поскольку северное казачество может содействовать нам, мы приостанавливаем применение мер против казачества и не препятствуем его расслоению.

Передать вопрос о пятерке на Дону в бюро ЦК».

На VIII съезде партии доклад о деятельности Донбюро делал А. Френкель. Немалое место в докладе отводилось восстанию. С начала его не прошло еще и недели, поэтому причины были охарактеризованы поверхностно... ввиду немедленного проведения террора, ввиду трений между военными властями и ревкоммами, ввиду недопущения выборной власти, в которую проникли контрреволюционеры. Почему допустили такое безобразие? Перегруженность работой, часть работников разъехалась на места, и секретную директиву обсудить не успели. Выводы: одними террористическими методами не пособить делу. Необходима экспроприация казачества и массовое переселение их вглубь России с вселением на их место пришлых трудовых элементов. Это лучшим образом растворит казачество. Но эти мероприятия под силу только центру. И пояснение: во всех докладах с мест повторяется, что настроение среди казачества подавленное, но оппозиционное, оно твердо лелеет мысль о неизбежной борьбе с коммунистами, ибо «они против коммуны, а не большевиков».

Виновных, как вытекало из доклада, не было. Вернее, их было так много, что некого было наказывать. Немедленное

---

²⁶⁵ Ленинский сборник. XXXVII. С. 134.

проведение террора? Насчет террора было указано сверху. Трения между военными и ревкомками? Поди разберись теперь, кто прав, кто виноват, особенно в тылу наступающего фронта, когда разграничительные линии и полномочия органов власти меняются почти ежедневно. Не дали «контре» пролезть в органы власти? Так за это и обвинять не надо.

Френкель не плакался и не обвинял. Просил: «Помогите! Эти мероприятия под силу только центру». В этом ключе, собственно, и построен весь доклад. А мероприятия необходимы! В отличие от мнения Сокольниковца, согласно которому день назад приостановили директиву, из доклада Френкеля следовало, что казачество твердо лелеет мысль о неизбежной борьбе с коммунистами, все казачество, «во всех докладах с мест повторяется». И коль скоро террор себя не оправдал, давайте их растворим среди другого населения.

Пока съезд решал вопросы, коренным образом поменявшие впоследствии расстановку классовых сил в России, в заснеженных полях под Вёшенской гремели выстрелы, лилась кровь. Союзник ли средний крестьянин или его надо нейтрализовать, сознательные враги вёшенские мятежники или «овцы заблудшие» — на местах в тот момент особо не задумывались. Был мятеж, причины и движущие силы его до конца ясны не были, зато возможные результаты, особенно сейчас, когда фронт, как на стену, с разгона налетел на Донец, были ясны предельно. Мятеж надо было давить во что бы то ни стало.

В апреле 1919 г. очередная попытка форсировать Донец и добить белых на Юге провалилась.

Докладывая о причинах приостановки наступления, командование Южного фронта говорило о переброске противником частей с Кавказского фронта, о резкой оттепели, о преимуществе противника в транспортных средствах (железная дорога против санных обозов у красных), о слабости вновь сформированной 13-й армии, об оторванности от баз снабжения, об утомленности войск. «Дальнейшая борьба без влития свежих сил, новых подкреплений была немыслима, а их не было и не ожидалось

в ближайшем будущем. И здесь в сильнейшей степени начало сказываться влияние Вёшенского восстания уже не только в отношении политико-моральной поддержки белых войск, но как фактор, отвлекающий значительные силы с фронта... К тому же деятельность восставших... далеко не ограничивалась районом, очерченным на схеме. Повстанцы выходили на сообщения армий, грабя обозы, нарушая железнодорожные сообщения и затрудняя управление армиями, главным образом 9-й»²⁶⁶.

До столицы белоказачьего Дона — Новочеркаска — Южному фронту оставалось полсотни верст. Последние отчаянные удары из Донбасса и вниз по левому берегу Дона должны были окружить и уничтожить казаков и деникинцев. И тогда Южный фронт, все четыре армии, развернется на запад и двинет аж до Адриатики... Мир затаил дыхание. Вот она — мировая революция!

И в то же время наступление Колчака. Зловещей тучей с востока его сибирские полки в английских шинелях. Пламя казачьего восстания в уральских и оренбургских степях.

В один и тот же день, 12 апреля, Колчак отдает директиву сбросить советские войска в Волгу, а ЦК большевиков признает Восточный фронт главным фронтом республики.

А 17 апреля белополяки начинают наступление на Вильно.

Кто кого? Полыхнет ли на весь мир пролетарская революция, или волны колчаковцев, деникинцев, польской интервенции сомкнутся, зальют разрозненные очаги пожара?

В эти дни советское правительство приняло решение послать войска через Буковину на помощь венгерским революционерам, ведущим борьбу с чешскими и румынскими белогвардейцами.

Из телеграммы Ленина Раковскому в Киев 18 апреля: «Насчет военных задач еще раз напоминаю важнейшие две задачи: прорыв через Буковину и взятие Ростова»²⁶⁷.

---

²⁶⁶ Егоров А.И. Указ. соч. С. 88.

²⁶⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 283.

Последний рывок на Ростов не давался Южному фронту, части его втянулись в затяжные бои на Донце и Маныче, а тыл разъедало восстание. Лучшие силы были брошены на его подавление, но подавить не могли.

Вопрос о подавлении восстания и в целом о разработке новой политики по отношению к казачеству стал со всей серьезностью. Курс, взятый партией по этому вопросу, не был чем-то статичным, неизменным, он менялся в зависимости от конкретной исторической ситуации.

Заявление члена ЦК Г. Сокольников на пленуме Центрального Комитета 16 марта 1919 г. о том, что «пятерка» на Дону не соответствует своему назначению, было передано на рассмотрение бюро ЦК, но никаких организационных выводов по отношению к «пятерке» не последовало, видимо, Оргбюро ЦК, занимавшееся этими вопросами, сочло деятельность Донбюро в общем правильной. Как считали некоторые политработники, «непосредственных крупных политических ошибок в деятельности Донбюро не было. Донбюро можно обвинить, что оно недостаточно боролось с перегибами, допускаемыми местными властями...»²⁶⁸.

Существенно отразились на общем положении на Дону решения VIII съезда партии о союзе с середняком.

25 марта 1919 г. Сырцов телеграфировал в ревкомы: «Цека пересмотрел свою директиву и предписывает партийным работникам приостановить проведение массового террора. Совершенно не применять ничего, что может обострить отношения и привести к восстанию.

При невозможности вывезти продукты нет необходимости их отнимать и нервировать население. Изъятие отдельных вредных контрреволюционеров, конечно, необходимо».

Отменялись приказы об образовании полковых трибуналов, о конфискации у казачьего населения повозок с лошадьми и фуража, о конфискации седел. В тот же день приказ № 545 по

---

²⁶⁸ ГАРФ. Ф. 7898. Оп. 1. Д. 39. Л. 62.

Южному фронту разрешил «временное хождение так называемых Донских 10 и 25-рублевых кредитных билетов, с тем, что они подлежат обмену на общегосударственные денежные знаки в срок, который будет объявлен особо».

Однако все эти «послабления» стали делом временным. 8 апреля 1919 г. Донбюро РКП (б), та самая «пятерка», о несоответствии которой своему назначению говорил Сокольников, вынесло резолюцию об отношении к казачеству. «Политика центральных и местных (Донских) органов власти должна определяться положениями:

1) существование донского казачества с его экономическим укладом... стоит перед пролетарской властью неизменной угрозой контрреволюционных выступлений.

Положению Советской власти, угроза успешного наступлений на которую иностранного капитализма еще не устранена, наличие этого кадра живой силы контрреволюции грозит величайшей опасностью.

Все это ставит насущной задачей вопрос о полном, быстром, решительном уничтожении казачества как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества, активно контрреволюционных, распыление и обезвреживание рядового казачества и о формальной ликвидации казачества»²⁶⁹.

Донбюро предлагало упразднить войсковую собственность на землю, наделить войсковыми и юртовыми землями малоземельных крестьян и переселенцев «с соблюдением по возможности форм коллективного землепользования»; наложить контрибуции на отдельные станицы; провести чрезвычайный налог с таким расчетом, чтоб он главной своей тяжестью, наряду с крупной буржуазией, лег на казачество. Предлагалось переселение крестьянских элементов из Центральной России. «Необходимо широко провести вывод казаков за пределы об-

---

²⁶⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д.34. Л. 163—164.

ласти, для этого должна быть разработана система частных мобилизаций».

Сырцов повез эту резолюцию в Москву на рассмотрение ЦК.

Между тем к концу апреля в Москве, в Совете Оборона и Реввоенсовете Республики, сложилось мнение, что очень многое, в том числе и развитие некоторых аспектов большевистской внешней политики, упирается в исход восстания. С 20-х чисел апреля вопрос о подавлении восстания как непосредственной причины многих наших неудач на Юге и Западе, становится на повестку дня заседаний высших партийных, советских и военных органов.

Очень озабочен восстанием был В.И. Ленин. Известны около 20 его телеграмм и записок по поводу ликвидации этого выступления. Ни по одной операции нет такого количества документов, написанных его рукой, как по этой.

В верхах Южного фронта меж тем бушевали страсти. Член Реввоенсовета фронта Г.Я. Сокольников, контролирующий от РВС подавление Вёшенского восстания, будучи человеком обстоятельным и даже дотошным (впоследствии он был наркомом финансов), доискивался причин восстания, чтобы не просто подавить его, но и ликвидировать сами причины, порождающие подобные выступления казаков. «Восстание в Вёшенском районе началось на почве применения военно-политическими инстанциями армии и ревкомами массового террора по отношению к казакам, восставшим против Краснова и открывшим фронт Советской власти», — доложил Сокольников. Причем политика эта Донским бюро якобы продолжалась и после приостановки (по его, Сокольникова, инициативе) директивы об отношении к казакам.

Ажиотаж, возникший еще в январе вокруг вопроса о терроре, вспыхнул с новой силой. «Расстреливали», — говорили одни. «Не расстреливали», — оправдывались другие. «Расстреливали, но мало, — сожалели третьи. — Вот те, кого не успели добить, как раз и восстали». Самоуправство же и злоупотребления местных властей, видимо, считали неиз-

бежным злом, доставшимся в наследство еще с эпохи Рюриковичей.

18 апреля с Восточного фронта в Москву вернулся Троцкий. Возможно, он рассмотрел в восстании источник возможных подкопов под военное ведомство, им возглавляемое. Ведь установление советской власти на Дону взяли на себя военные, Южный фронт, и вдруг — нате вам! — восстание. Поэтому печатные органы наркомата о событиях на Верхнем Дону умалчивали, лишь раз, 25 апреля, «Известия» наркомата обмолвились о «бунтовщиках» — казаках Вёшенской станицы, да два месяца спустя, — 25 июня, некий Иринарх Зюзя туманно писал, что «уже несколько времени назад в тылу Красной Армии, Южного фронта в станице Вёшенской и других хуторах и волостях... началось и росло волнение среди донских казаков, направленное против Советской власти». Но от восстания, разъедавшего тыл Южного фронта, нельзя было отмахнуться.

В Москве искали те средства, которые могли бы не только погасить пожар мятежа, но и гарантировать от последующих вспышек в местности, «где 80 % населения относятся к Советской власти явно оппозиционно, угрожая постоянными восстаниями» (Коллегаев, Тарасов, Плятт 15 апреля Ленину)²⁷⁰.

Отдел гражданского управления Южного фронта в сводке № 6 сообщал, что бегство казаков за Донец, запустение станиц «побудило Отдел возбудить в центре вопрос об организации переселения в эти станицы».

В.И. Ленин петроградским организациям (во второй половине апреля 1919 г.): «Надо не дать остыть теперешнему подъему, а продержать его минимум 2 месяца и еще усилить. Иначе не кончим войны, а кончить ее надо во что бы то ни стало, ибо признаки усталости масс (100 000 дезертиров) все учащаются.

Следующие меры я обсудил с Троцким:

1) На Дон отправить тысячи 3 питерских рабочих, негодных к войне и невооруженных. Цель — наладить дела, обессилить

---

²⁷⁰ Переписка Секретариата ЦК... Т. 7. С. 520.

казаков, внутри разложить их, поселиться среди них, создать группы по деревням»²⁷¹.

22 апреля ЦК рассмотрел доклад Сырцова о положении на Дону и привезенную им резолюцию Донбюро, предлагавшую продолжить террор против активных контрреволюционных верхов казачества, распылить рядовое казачество посредством частных мобилизаций и начать переселение бедноты из центра на Дон. ЦК утвердил резолюцию Донбюро с добавлением, что крестьяне, живущие на Дону, должны быть вооружены, также и переселенцы. Отныне резолюция Донбюро стала документом, определяющим политику партии и правительства по отношению к казачеству на Дону. Фактически это и была пресловутая политика «расказачивания». Член ЦК А. Белобородов, известный тем, что в 1918 году подписал решение о расстреле царской семьи, был послан на Дон контролировать проведение в жизнь этих решений.

---

²⁷¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 295—296.

ГЛАВА 5

«Ввиду наступления темноты и крайней утомленности коней преследовать противника не представлялось возможным»

(Из донесения повстанческого командования)

Военные действия на повстанческом фронте свелись к отражению нескольких наступлений экспедиционных войск.

Но сперва были попытки (возможно, стихийные) создать «зоны мира» вокруг очага восстания. Так, в ночь с 2 на 3 (15—16) марта повстанцы из Еланской станицы захватили станицу Слащевскую Хоперского округа, но наутро сбор станицы Слащевской выразил недовольство этим, ругал повстанцев, что не предупредили местных казаков, и отказался восставать. К бежавшим «комиссарам» была послана делегация, чтоб они возвращались.

Повстанцы вынуждены были уйти из станицы. К восстанию присоединились лишь четыре хутора: Краснополов, Панкратов, Дубовой, Калинин.

О событиях в станице Слащевской, в то время входившей в состав Верхне-Донского округа, сохранился интереснейший документ — доклад четверых политработников 15-й дивизии: Левита, Котова, Бакулина и Милинского.

В Слащевской они находились по болезни и наладили контакты с советскими служащими и местными сочувствующими, состоявшими еще с 1917 г. в «Слащевской партии большевиков». «Большевики» из «Слащевской партии» жаловались на работника особого отдела Малкина, «комиссара обысков и арестов», как его здесь называли. Малкин якобы арестовал много невинных людей, держал их в сыром подвале, запрещал передавать одежду и еду. В числе других под замок попал и один из «Слащевской партии», «явный большевик», которого при Краснове провели в члены Войскового круга, чтоб он там защищал интересы новоявленной «партии». В Слащевской арестантов не трогали, «над ними суда не чинили», просто держали под стражей.

Когда в Слащевской узнали о начале восстания, местный комиссариат собрал 60—70 человек сочувствующих, вооружил их и вел разведку вокруг станицы. Повстанцы из Еланской приезжали в слащевские хутора и говорили: «Мы у себя свергли коммунистов и восстановили Советскую власть, сделайте у себя так же, а то коммунисты все казачество арестами переведут». Всего на мятеж удалось подбить четыре хутора: Краснополов, Панкратов, Дубовой и Калинин. «Новобранцам» выдали по одной винтовке на троих и в ночь с 15 на 16 марта повели штурмовать Слащевскую.

С криками «Ура! Да здравствует Советская власть!», стреляя в воздух, слащевцы атаковали свою станицу.

Политработники слышали ночью стрельбу, но когда она прекратилась, решили, что мятежники отбиты. В 8 утра Котов и Бакулин вышли на улицу и увидели вооруженных казаков. Казаки поглядывали на них подозрительно, но один из местных сказал: «Это ничего, это больные комиссары, они не убежали».

Политработники вернулись на квартиру. Вскоре пришли два казака с одной винтовкой — караулить. Так прошел день. Вечером пришли со схода казаки и сказали, что решено послать делегацию в Кумылженскую, куда бежали все учреждения, и

что с делегацией поедет один «комиссар». Ночью делегация (Левит, казак Родион Попов с хутора Панкратова и учитель Яков Кардаилов) приехала в Кумылженскую и пришла к слащевскому комиссару.

Переговоры закончились быстро. Слащевские и кумылженские коммунисты требовали сдать оружие и выдать зачинщиков, иначе, мол, сметут Слащевскую с лица земли огнем гаубичной батареи. Попов и Кардаилов просили, чтобы их «не заставляли жить коммуной». Им ответили, что никто их и не заставляет, и отпустили в станицу.

Утром 4 (17) марта мятежники Еланской станицы и четырех восставших хуторов по требованию местного схода ушли из Слащевской. Левит и другие политработники выехали в Усть-Медведицкую. Доклад Левита заканчивался словами: «Психология восставших казаков была такова: Советская власть идеально хороша, дело портят коммунисты, причем коммунистами считаются и продовольственные агенты, реквизирующие скотину, и комиссары обысков и арестов. О коммуне понятия не имеют».

Военные действия на «Слащевском фронте» пока что развивались ни шатко ни валко. 5 (18) марта казаки хутора Панкратова получили из Краснополова от командира повстанческого полка приказ выслать разъезд на Слащевскую. Приказ обсуждали на хуторском сборе, ехать никто не хотел. Наконец, двое, Брыкин и Топольсков (тот самый «слащевский партиец», проникший на Войсковой круг), запрягли в сани одну лошадь и поехали «в разъезд». В 13 верстах от Слащевской они встретили своих «коллег» — разъезд красных казаков Слащевской станицы, 20 всадников. Удирать было бесполезно, «отбрехаться», что едут в Слащевскую по своим делам, не удалось. Незадачливых «повстанцев» отправили под конвоем к станичному комиссару. Тот пригрозил: «На вас уже давно пуля готова» — и выслал в Михайловку, где трибунал влепил «страдальцам за народ» принудительные работы до конца войны и препроводил в Москву в 7-й рабочий батальон.

Между разрозненными в тот период повстанцами и такими же красными отрядами пролегла на какое-то время своего рода полоса нейтральных казачьих поселений.

Такая же ситуация сложилась на противоположном участке фронта, на западном направлении. Как только здесь появились первые карательные отряды, а хутор Мешков 3 (16) марта подвергся бомбардировке с воздуха, хутора Мешков, Калмыков и Назаров послали к красным в хутор Верхняков делегацию. Из хутора Сетракова красные получили резолюцию общего собрания, в которой жители хутора просили казачий отряд уйти, а советского коменданта вернуться. Командующий советским отрядом Антонович доносил: «В районе Журавка и Верхняков не было сделано ни одного выстрела по колонне наших войск»²⁷². Повстанческие разъезды, отступая, кричали, что восстали не против Советов, а против коммунистов и расстрелов²⁷³.

Первый серьезный бой произошел на восточном участке повстанческого фронта. 13 марта командующий Южным фронтом приказал: «Командарму 9 немедленно свернуть на походе 5-й Заамурский полк с конной батареей, кавдивизион Камышинской дивизии, направленные ранее в 13-ю армию, и направить в район станиц Краснокутской, Еланской, Вёшенской для полного подавления восстания в последней станице и предотвращения какой-либо возможности попыток в первых двух, а равно и Чернышевской...» Предписывалось отбирать оружие, «брать заложников преимущественно старших возрастов и всех лиц, могущих стать организаторами восстания, а всех замеченных на месте в антисоветском направлении и решительно всех, у кого будет обнаружено оружие, расстреливать на месте»²⁷⁴. 5-й Заамурский полк высадился на станции Себряково, Камышинский дивизион — в Морозовской.

1 (14) марта 5-й Заамурский полк получил приказ выступить в Усть-Медведицкую, оттуда выслать по полэскадрона на

---

²⁷² РГВА. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 38.

²⁷³ Там же. Л. 37 об.

²⁷⁴ Там же. Ф. 100. Оп. 3. Д. 100. Л. 14.

Чернышевскую, Краснокутскую, Усть-Хоперскую и Еланскую и два разезда на связь с Камышинским дивизионом и направить последний на Вёшенскую²⁷⁵.

Прибыв в Усть-Медведицкую, 5-й Заамурский полк получил новое задание: «17.3.19. Михайловка. Следователь Борисов донес, что наш отряд в 130 человек окружен в х. Крутовском. Примите самые энергичные меры к освобождению окруженных и уничтожению восставших. Химические снаряды вам высланы. Княгницкий, Барышников»²⁷⁶.

5 (18) марта Заамурский полк выступил на Крутовской. Советский отряд к тому времени пробился и ушел через хутор Затонский на Усть-Хоперскую. Перед командиром заамурцев оставалась задача «уничтожения восставших».

Разезды заамурцев своевременно донесли, что хутор Крутовской занят казаками. Эскадрон с пулеметом был послан обойти мятежников и прижать их к Дону. Основные силы пошли в лоб на хутор. Казаки, не дожидаясь, когда их обойдут, начали отход в направлении Еланской, «после чего полк перешел в атаку и разбил противника, где было много порублено бандитов, и часть забрали в плен»²⁷⁷.

Преследуя бегущих казаков, красноармейцы подошли к хутору Зимовнову, откуда заметили на противоположной стороне Дона в хуторе Еланском до двух конных сотен противника. Заамурская батарея открыла по хутору беглый огонь, и повстанческая конница умчалась на станицу Еланскую.

Как видим, повстанцы без сопротивления оставили территорию Усть-Медведицкого округа. Но дальше начинались земли Еланской станицы, и казаки правобережных хуторов, лежавших на пути Заамурского полка, стали обороняться. Однако это были разрозненные хуторские отряды. От хутора Тюковного (по донесению командира Заамурского полка в Тюковном красные убили 70 повстанцев) до хутора Плешакова они отхо-

---

²⁷⁵ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 2 об.

²⁷⁶ Там же. Л. 19 об.

²⁷⁷ РГВА. Ф. 32163. Оп. 1. Д. 31. Л. 18.

дили, отстреливаясь, под давлением одной авангардной сотни (2-й) Заамурского полка.

В хутор Плешаков от Еланской по льду подошло подкрепление — 300 казаков. Начался огневой бой, наступление замурцев было остановлено. 2-я сотня замурцев пропустила вперед остальные спешившиеся сотни полка и развернула фронт к Дону, опасаясь обхода со стороны Еланской.

Спешенные сотни Заамурского полка, поддержанные огнем батареи, наступали на хутор Плешаков. В разгар боя с левого фланга из глубокого оврага показались цепи казаков хутора Кривского. Положение стало критическим. Но 2-я сотня Заамурского полка развернулась кругом и в конном строю атаковала вязнувшие в снегу обходные цепи казаков. По донесению командира Заамурского полка, 80 казаков были зарублены, остальных загнали обратно в овраг²⁷⁸. 10 казаков, попавших в плен (из них четверо 16-летних), были также порублены. Видевшие всю эту сцену избиения повстанцы рассеялись, оставив поле боя за Заамурским полком.

Этой же ночью Заамурский полк ушел обратно в Усть-Хоперскую. Посланные им на Еланскую и Каргинскую разъезды донесли, что всюду идет мобилизация, силы повстанцев огромны, и дальнейшее продвижение полка на Вёшенскую невозможно.

Разгром под «Плешаками» действительно дал толчок новой мобилизации повстанцев. Как показал в 1927 году Х.В. Ермаков, его карьера в повстанческой армии началась «после разбега» (то есть после того, как повстанцы разбежались) 18 марта. На следующий день его избрали командиром отмобилизованной Базковской сотни.

Согласованных действий не было. Пока по всему округу шла мобилизация, боеспособные части пытались прорваться в соседние округа. 6 (19) марта «1-й Вёшенский восставший полк» выступил из станицы, имея задачу «поднять Хопер».

---

²⁷⁸ РГВА. Ф. 32163. Оп. 1. Д. 30. Л. 24.

В связи с этим 5-й Заамурский полк из Усть-Хоперской перешел на левый берег Дона и был двинут вверх по Хопру, чтобы воспрепятствовать прорыву вёшенцев в Хоперский округ.

В тот же день, 6 (19) марта, повстанцы с правого берега Дона волной пошли по хуторам Грушевскому, Василевке, Попову, Архиповке, Грачеву, Гусынкско-Климовскому, Яблоновскому, Каменскому, прошли ст. Каргинскую и двинулись на Боковскую.

Разрозненные отряды повстанцев проникали за Боковскую еще раньше. Еще 5 (18) марта начштаба 23-й стрелковой дивизии Голиков доносил: «Сообщаем для сведения, что повстанческие банды уже под Краснокутской, и по всей вероятности станица будет оставлена... Главная задача их — Чернышевская, как передаточный пункт идущих транспортов»²⁷⁹. Теперь на Боковскую шли достаточно организованные силы. Бывший там комиссар 23-й дивизии Артамонов с 38 кавалеристами и 2 пулеметами, отстреливаясь, бежал на Краснокутскую и дальше.

Здесь, между Краснокутской и слободой Чистяковка, повстанцев встретили два эскадрона Камышинского дивизиона. Контратакой камышинцы отбросили казаков обратно на Краснокутскую и дальше на Боковскую. Поскольку настроение боковских казаков было довольно неопределенным, повстанцы, вяло сопротивляясь, ушли из Боковской в Каргинскую. Камышинский дивизион 6 (19) марта занял Боковскую.

Сохранился доклад командира Камышинского дивизиона Дедаева: «19 марта... в 8 часов утра выступил из станицы Чернышевской с 1-м дивизионом конницы в 150 сабель при двух пулеметах на Краснокутскую. В 7 верстах от Краснокутской встретил отступавший в карьер отряд Гаврилова (бывшей Уральской дивизии) в сорок сабель и настигавшую его конницу мятежников-казаков до 5 сотен. Присоединив к себе отряд

---

²⁷⁹ Цит. по: *Сивоволов Г.Я.* «Тихий Дон»: рассказы о прототипах. Ростов-на-Дону. 1991. С. 78.

Гаврилова, вступил в бой с мятежниками. Опрокинув их стремительной атакой дивизиона, заставил их в беспорядке повернуть назад и в панике отступить на Краснокутскую. Заняв с боем Краснокутскую, хх. Евлантьев, Земцов, продвигался к ст. Боковской. Около нее мятежники пытались оказать упорное сопротивление, открыв артиллерийский и ружейный огонь пехотной роты на полуэскадрон 2-го эскадрона, пустив с фланга свою конницу. После ряда [наших] энергичных атак и заходом [нашего] левого фланга в тыл, противник в панике бежал за Боковскую — на Коньков, Латышев, Каргинскую.

Ввиду наступления темноты и крайней утомленности коней преследовать противника не представлялось возможным. После пятичасового упорного сражения, начатого в 2 часа дня и окончившегося в 7 часов вечера, были с боем заняты Краснокутская, Евлантьев и Боковская. Потери противника: 60 зарубленных и убитых, 35 раненых, 30 пленных. Наши трофеи: 50 снарядов, 4 лошади с седлом, 20 винтовок, 10 шашек, 2 повозки, 2 походные кухни. Наши потери: три раненых всадника, две лошади.

Ввиду большого перехода и пятичасового боя дивизион в конном строю действовать почти не может. Необходимо срочно подтянуть в район Боковской пехоту и артиллерию. Командир 2 Камышинского конного полка Ник. Дедаев»²⁸⁰.

Если даже Дедаев не преувеличивает, то на 60 убитых и, видимо, оставленных на поле боя и 30 пленных — 20 винтовок и 10 шашек явно мало. Либо $\frac{2}{3}$ повстанцев были вообще без оружия.

Таким образом, после первой декады восстания на восточном и юго-восточном направлении фронт временно установился по Хопру и в районе станицы Каргинской.

С 7 (20) марта загремели бои на западном направлении. Еще 28 февраля (13 марта) на повстанцев здесь были посланы

---

²⁸⁰ Цит. по: Сиволов Г.Я. «Тихий Дон»: рассказы о прототипах. Ростов-на-Дону. 1991. С. 79.

караульные части: одна группа под командованием Малаховского шла от Богучара по правому берегу Дона, вторая под командованием Чайковского по левому берегу Дона направилась на Березняги. Тогда же командарм-8 назначил лицо, ответственное за подавление восстания (Антонович). В его распоряжение был послан комбриг 12-й стрелковой дивизии Богданов со 106-м стрелковым полком, батареей и сводным кавдивизионом. Богданов двинулся от Миллерово на Шептуховку, имея приказ занять Журавку и атаковать Мешковскую, а дальше действовать по указанию Антоновича. Вслед ему был послан еще один полк — 103-й Богучарский. Кроме того, из Инзенской дивизии был послан на подавление 13-й кавалерийский полк, а из 9-й армии дополнительно — Саратовский кавалерийский.

Разведка 7 (20) марта донесла Богданову, что противник разобщен, организации в полки нет, казаки жалуются на отсутствие командного состава, но все, «начиная с молодых, кончая старыми, восстание находят правильным»²⁸¹.

8 (21) марта отряд Богданова вел бой. 103-й полк атаковал Сетраков, а 106-й — Верхняковский. Бой был неудачным. 106-й полк отошел от Верхняковского на 30 километров.

Сразу же 9 (22) марта последовал приказ выслать еще два полка из 12-й дивизии и наступать на Сетраков — Журавку.

Примерно в это же время повстанцы хутора Шумилинского отразили наступление красных караульных частей на Березняги и Колодезный. «Их встретили два полка, вооруженные винтовками, вилами и дубинами. Вышли даже бабы». Изначально у казаков было всего 60 винтовок. Красных подпустили на версту, охватили конницей, а пехота поднялась в атаку. Красные поспешно отступили, бросив 8 пулеметов и много винтовок. Казаки потеряли 1 убитого и 4 раненых. Большинство вооружилось трофейными винтовками, бросив свои вилы прямо на поле. Потом этих вил собрали два воза.

---

²⁸¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 37.

10 (23) марта 103-й полк вновь начал бой за Сетраков, но ввиду неравенства сил военные действия были приостановлены. Красные ждали подхода подкреплений.

Чтобы войска не разлагались, член РВС 8-й армии Якир 11 (24) марта распорядился: «Никаких переговоров с восставшими быть не должно»²⁸².

В тот же день наступление возобновилось. Калачовская группа с боем заняла хутор Медвежий, но потеряла хутор Кругловский. 103-й полк вновь повел наступление на хутор Сетраков, но отступил на Верхнюю Ольховку. В Ольховый Рог вступил 104-й стрелковый полк.

12 (25) марта Калачовская группа вступила в Березняги.

В этот день, возможно, чтобы отвлечь внимание, повстанцы ударили в южном направлении и захватили хутор Пономарев. В этом хуторе был склад боеприпасов, но, уходя, большевики успели его взорвать. Наступление повстанцев было отражено подошедшим с юга 13-м кавалерийским полком, который вернул хутор Пономарев и занял слободу Астахово и станицу Краснокутскую.

Тогда же, 12 (25) марта, командование экспедиционными войсками 8-й и 9-й армий было объединено в руках командарма-9 Княгницкого, так как 8-я армия направлялась в Донбасс и район восстания выходил из ее «сферы влияния».

Пока Княгницкий вникал в дела, Реввоенсовет 8-й армии попытался завершить начатую операцию. К 15 (28) марта планировалось ударом с двух сторон — Калачовской и Журавской группами — занять Казанскую и 16 (29) марта бросить на преследование конницу: 1-й конный (Воронежский) полк правым берегом на Ушаков — Черновский, а 13-й кавалерийский — на Фролов — Токин²⁸³.

14 (27) марта наступление началось. «27/III. Бой у Павловской и Ольховчика. Казаки оставили 218 убитых, меж ними

---

²⁸² ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 22.

²⁸³ Там же. Л. 21.

есть женщины. Красноармейцев убито 123, ранено 258, без вести 411, сдались в плен 250 человек»²⁸⁴. Повстанцы, вопреки ожиданиям, не побежали.

15 (28) марта Якир докладывал: «Вчера наши части не сделали того, что от них ожидали, то же, по-видимому, будет и сегодня»²⁸⁵. Экспедиционные войска заняли лишь окраинные хутора: «Заняты Мешковская — Скельный — Самсонов. После занятия Мешковской, преследуя отступающего противника, изрублено и расстреляно до 200, не считая убитых в бою. Из хуторов все мужское население бежало. Наши части понесли значительные потери»²⁸⁶.

13-й кавалерийский полк втянулся в бои у Каргинской (о чем ниже) и помощи Журавской группе не оказал.

На левом берегу Дона на помощь шумилинцам, отступавшим перед Калачовской группой красных, подошел Дударевский полк из Вёшенской станицы и фланговым ударом со стороны слободы Солонка отбросил красных на исходные позиции. Кудинов писал, что красные здесь потеряли 700 человек убитыми, казаки взяли 1600 пленных, 5 орудий и 38 пулеметов²⁸⁷. Сами шумилинцы сообщили, что взяли 3 орудия, 3 пулемета и всего 80 пленных.

16 (29) марта Якир уехал в Луганск. Боевые действия на западном направлении временно затихли.

Одновременно с боями на западном направлении экспедиционные войска 9-й армии нанесли удар с востока.

На поддержку 5-му Заамурскому конному полку со станции Себряково подошел 1-й Московский губернский полк. Полк был сформирован из большевиков, мобилизованных уездными комитетами Московской губернии. Зимой 1918—1919 гг. полк был разбит у хутора Зубриловского, уцелела

---

²⁸⁴ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 188. Л. 17.

²⁸⁵ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 4.

²⁸⁶ Там же. Л. 9.

²⁸⁷ Кудинов П.Н. Указ.соч. // Вольное казачество. № 81. С. 7.

лишь 1-я рота (120 человек). В феврале в полк прибыли подкрепления из Павлово-Посада, Орехово-Зуева, Богородска и других городов Подмосковья. Это была мобилизованная молодежь 1898 года рождения.

С 8 по 10 (21—23) марта полк очищал хутора Слащевской станицы, причем 9 (22) марта, по донесению командования полка, окружил у хутора Калинина 8—9 сотен вёшенских и еланских казаков, которые прорвались и ушли, но повстанческое командование почему-то на этот факт внимания не обратило.

По версии повстанцев, казачьи части в то время все еще действовали разрозненно, полковой организации не было. Сотня под командованием Е.Ф. Кочетова, сформированная в хуторах Верхне- и Нижне-Ушаковских и Ващаевском (в будущем Ушаковская сотня Вёшенского полка), встретила у хутора Краснополова Слащевской станицы отряд красных в 400 человек, который двигался на санях в сторону Еланской станицы. В сотне было 180 казаков, но почти не было патронов, и казаки просто пропустили красных «мимо себя».

11 (24) марта красноармейцы заняли хутор Севастьянов и выбили оттуда 6 сотен еланцев, и снова вёшенское руководство не встревожилось.

12 (25) марта оба полка — Московский и Заамурский — начали наступление на Еланскую. На подступах к станице у хутора Захарова Московский полк опрокинул повстанцев, те под артиллерийским огнем откатились за речку Еланку и на правом берегу были атакованы Заамурским полком. Повстанцы бросились врассыпную, заамурцы преследовали и, по донесению командира полка, зарубили 300 бегущих казаков. Вообще складывается впечатление, что красные командиры по старой доброй традиции («А что их, бусурман, жалеть!») увеличивали потери противника раз в десять.

В сумерках заамурцы и москвичи подошли к Еланской. Заамурцы стали обходить станицу с северо-запада, и казаки ее поспешно оставили.

Кудинов писал, что, заняв Еланскую, Московский полк установил связь с частями особого назначения, которые на правом берегу Дона отбросили на юг Отдельную повстанческую бригаду²⁸⁸.

Положение повстанцев было критическим. В 20 верстах от Еланской находилась ст. Вёшенская, где как раз проходил окружной съезд. Вся ночь ушла на лихорадочное стягивание повстанческих войск к станице. В отрядах левобережных хуторов вспыхнуло дезертирство. Правобережные, ушедшие к Каргинской и Боковской, обещали прислать помощь лишь к вечеру следующего дня. Впоследствии, в прощальном приказе по повстанческой армии главком П.Н. Кудинов упомянет один единственный день, как самый страшный день восстания...

Тем не менее командир Отдельной бригады получил приказ разбить правобережный отряд красных и, захватив переправы на Дону, ударить по Еланской с тыла. На помощь ему спешили конный полк и 2 орудия из 1-й дивизии от Каргинской.

13 (26) марта главком Кудинов лично выехал «на позиции» под Еланскую.

Московский полк, вопреки ожиданиям, активных действий не проводил. Сказывалась нехватка патронов²⁸⁹. С утра красные попытались выдвинуться вперед, но пошли напрямую, через пойму Дона и влезли в болото, после чего вернулись и залегли на буграх перед станицей.

3-й батальон занимал позиции западнее Еланской от берега Дона «до конца бугров» (как сказано в донесении), касаясь правым флангом 2-й роты 1-го батальона. Фактически все это пространство занимала цепь 7-й роты. Остальные две роты (8-я и 9-я) стояли на берегу Дона возле самой станицы Еланской.

Центр позиции занимала 2-я рота, правый фланг — 1-я и 3-я роты 1-го батальона. На оконечности правого фланга, в хуторе Антоновском, стояла 5-я рота 2-го батальона.

---

²⁸⁸ Кудинов П.Н. Указ. соч. // Вольное казачество. № 81. С. 7.

²⁸⁹ РГВА. Ф. 192. Оп. 2. Д. 217. Л. 8.

В резерве, в самой станице, стояли 4-я и 6-я роты 2-го батальона и пулеметная команда.

5-й Заамурский полк стоял за хутором Антоновским, прикрывая правый фланг Московского полка от обхода.

С 10 ½ часов по всей линии шла перестрелка со спешенной конницей повстанцев.

Кудинов утверждал, что Отдельная конная бригада в 8 утра разбила красных на своем берегу, захватила переправу и открыла огонь по Еланской. Советские источники не упоминают об этом факте.

В 13 часов командир Московского полка Милонов собрал батальонных командиров на «военный совет», «решал, что делать».

Примерно в это же время, в 14 часов, на позиции прибыл Кудинов и принял решение атаковать Еланскую в лоб. Командирам 1-го Вёшенского и 1-го Еланского полков приказано было стянуть части в кулак и готовиться к атаке.

К 15 часам к намеченному пункту подошли до 1000 всадников и 200 пеших казаков. 2 орудия открыли огонь по позициям Московского полка. Затем по команде казачья конница во главе с Кудиновым бросилась в атаку.

Здесь мы можем привести свидетельства с обеих сторон. Командир Ушаковской сотни Вёшенского полка Е.Ф. Кочетов вспоминал: «Кудинов собрал сотни, построил и выскочил вперед. “Ну, братцы, за мной!” — крикнул Кудинов и понесся вперед. Казаки рванулись за ним, но красные открыли повсюду убийственный пулеметный огонь. Казаки некоторые перевернулись, смешались и повернули назад, вскочили в буруны песков и остановились, тяжело дышат. “Ну, успокойтесь, сейчас еще пойдем”, — говорит Кудинов. Опять построил казаков для атаки и вторично вылетел на перед, крикнул: “Ну, с Богом, за мной!” и бросился на врага. Казаки кинулись за ним. Красные открыли вторично огонь, но казаки не смотрели ни на что, неслись вперед и вперед, кричали “ура”, пока не добрались до красной пехоты, которая смешалась, и по-

лучилась у них паника. Казаки добрались и начали рубить, не щадя никого»²⁹⁰.

А вот картина, которая вырисовывается по донесениям командования Московского полка. Центр позиции Московского полка в этот момент прикрывался одним взводом 2-й роты, два других, как только начался артобстрел, отошли к станичному кладбищу. Командир роты сидел на станичной колокольне и высматривал противника в бинокль.

Казаки в один миг затоптали и изрубили взвод 2-й роты. Часть повстанцев на плечах бегущих ворвалась на окраины Еланской, но большинство развернулось влево и вправо, заходя в тыл 7-й роте и 1-му батальону. Две сотни Еланского полка в конном строю пробрались через болото и ударили на 7-ю роту с фронта. Еще одна сотня налетела на хутор Антонов, была отбита огнем и повернула на юг, заходя в тыл 1-му батальону с другой стороны.

Треть Московского полка (три роты) оказались в окружении и, оставшись почти без патронов, отбивались штыками. 7-я рота, все 197 человек во главе с командиром Арнольдом Лексом, после боя была вычеркнута из списков полка полностью.

Командир 2-го батальона Кислов с 4-й и 6-й ротами пошел в контратаку на казаков, ворвавшихся на окраины Еланской, опрокинул их («часть попряталась в халупы, часть поспешно отступила») и преследовал.

Комиссар полка Прудов с пулеметной командой поспешил на помощь 1-му батальону. Тачанки с пулеметами вывернули из улиц станицы и, не успев развернуться, оказались в гуще схватки. Под комиссаром взрывом гранаты была убита лошадь. Пулеметы от захвата спасло лишь то, что на помощь 4-й и 6-й ротам пришли 8-я и 9-я. Казаки схлынули, угоняя многочисленных пленных.

2-й батальон преследовал казаков 5 верст и лишь в 19 часов в полной темноте получил приказ отойти.

---

²⁹⁰ Кочетов Е.Ф. Указ. соч. С. 191.

В 20 часов весь Московский полк, потерявший в бою 16 убитых, 108 раненых и 390 пропавших без вести (87 из 1-го батальона, 107 из 2-го батальона и 196 — 7-я рота 3-го батальона), ушел из Еланской и направился в Букановскую²⁹¹.

Кудинов утверждал, что казаки отбили еще и 7 пулеметов.

Командир Ушаковской сотни Е.Ф.Кочетов вспоминал, что казаки отбили 4 пулемета и орудие²⁹².

Повстанцы двинулись следом за Московским полком. Поздно ночью 13 (26) марта они вошли в оставленную Еланскую, а 15 (28)-го утром заняли Букановскую.

Советское командование считало (22 марта — 4 апреля), что «Московский полк утратил боеспособность, были случаи переговоров с повстанцами о прекращении огня, одна из рот требовала ухода за Хопер, командир роты арестован»²⁹³.

Попытка казаков ворваться на плечах отступающего противника в Хоперский округ снова не удалась. Началось таяние льда на Дону и Хопре. Дон тронулся 21 марта (3 апреля). 18 (31) марта, а затем 19-го (1 апреля) казаки неудачно пытались переправиться через Хопер. После этого временное затишье установилось и на восточном направлении. Повстанцы стали медленно продвигаться вверх по правому берегу Хопра. Как показал на допросе уже после войны командир Еланского полка И.Ф. Голицын, «из х. Глухова мой полк сделал набег на х. Рябов, занял его». Красные вытеснили Еланский полк из Рябова только через три недели.

Ледоход на Дону и последующий разлив разрезали пополам и силы повстанцев и экспедиционные войска. На правом берегу разлившегося Дона были собраны наиболее боеспособные, снятые с фронта части большевиков. Воспользовавшись этим, командование 9-й армии решило разгромить повстанческие части, расположенные к югу от Дона. Ключом позиции в таком

---

²⁹¹ РГВА. Ф. 192. Оп. 2. Д. 626. Л. 57. Ф. 3656. Оп. 1. Д. 21. Л. 146—149.

²⁹² Кочетов Е.Ф. Указ. соч. С. 191.

²⁹³ РГВА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 611. Л. 4.

случае становилась станица Каргинская, лежащая на правом берегу разлившейся речки Чир. Разлившаяся речка и Каргинская прикрывали собой с юга значительную территорию восставшего округа.

Под Каргинской были сосредоточены подошедшие раньше других кавалерийские части красных. Камышинский дивизион, как мы помним, 6 (19) марта отбросил повстанцев, пытавшихся прорваться в юго-восточном направлении, обратно на Каргинскую, а сам занял Боковскую. 7 (20) марта камышинцы отдыхали и вели разведку. 8 (21) марта они заняли хутора Коньков, Попов, Вислогузов, Латышев и вплотную подходили к Каргинской.

9 (22) марта камышинцы (180 сабель) и подошедший с юга 13-й кавалерийский полк (350 сабель) атаковали станицу, которую удерживали повстанцы силами 1000 конных, 500 пеших, 2 орудий. Командир камышинцев докладывал: «Сообщив командиру 13-го полка, что я наступаю, просил, чтобы и он переходил в наступление. При общем дружном ударе конной атакой заставил сняться артиллерию противника и выбил его из Каргинской, прогнав противника за Каргинские высоты, с тем, чтобы нашим укрыться и пустить 2 эскадрона во фланг противника и один эскадрон в тыл ему. Перешедший в наступление 13-й кавполк пошел на центр противника.

Выбив противника из Каргина и прогнав его за Каргинские высоты, ввиду крайней усталости коней преследовать не стали».

Через час казаки пошли в атаку. Их конница переправилась через Чир и пошла во фланг красным. Красные командиры договорились, что 13-й кавполк пойдет на конницу противника, а Камышинский дивизион в пешем строю отобьет атаку пехоты. Но 13-й полк, не выдержав боя, отошел на хутор Пономарев, казаки стали окружать камышинцев, и дивизион, предав огню захваченный склад, ушел на хутора Вислогузов и Попов. Трофеи: пулеметов — 6, японских патронов — 113 ящиков, бомб — 25 ящиков, снарядов — 15 ящиков. Казаков, по донесению, «порублено и убито до сотни». Потери: в бою ранено 2,

тяжело 1. В боях конный состав обессилел, требовался отдых на трое суток²⁹⁴.

Но отдохнуть камышинцам не удалось. Несколько хуторов Боковской станицы восстали, и повстанцы, пользуясь этим, силою до 1000 шашек 10 (23) марта вновь захватили Боковскую.

Подошедший с фронта Саратовский кавалерийский полк вместе с камышинцами восстановил положение.

14 (27) марта Саратовский полк и Камышинский дивизион в Боковской переправились через Чир и двинулись в обход Каргинской, отрезая повстанцев на правом берегу реки, «чтоб не рассеялись»²⁹⁵. Развернувшаяся кавалерийская дуэль закончилась не в пользу красных.

15 (28) марта из Пономарева подошел 13-й кавалерийский полк. Саратовцы и камышинцы вновь стали обходить Каргинскую с востока, а 13-й полк в пешем строю атаковал ее с юга и занял. Вечером повстанцы опять оттеснили красных, причем Камышинский дивизион понес потери.

Кавалерийские части, собранные под Каргинской, были сведены в Боковскую группу под командованием командира Саратовского полка Панунцева. Командир 13-го полка в группу войти отказался, поскольку полк входил в состав 8-й армии. В результате 17 (30) марта, когда 13-й полк повел наступление на Каргинскую, Панунцев его не поддержал, остался в Боковской.

13-й полк Каргинскую занял, устроил там повальный обыск и расстрелял 20 казаков, у которых было найдено оружие.

Повстанцы 13-й полк из Каргинской вытеснили, он отошел на хутор Гусынка-Климовский. Вёшенский ревком, пребывающий в частях 8-й армии, сообщил в Донбюро: «13-й кавалерийский полк после занятия Каргинской поголовно занялся грабежом...»²⁹⁶. В полку началось следствие...

---

²⁹⁴ Цит. по: Сиволов Г.Я. Указ. соч. С. 81.

²⁹⁵ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 313. Л. 66—67.

²⁹⁶ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 16.

Всякий раз в боях за Каргинскую советская кавалерия спешила, цепи ее занимали станицу, повстанцы бежали через Чир на Подгрушенскую гору, за которой лежала балка. Обычно несколько сотен занимали оборону на горе, а часть в конном строю по балке выходила во фланг или даже в тыл наступающим красным. У красных начиналась паника, занимавшие оборону сотни поднимались в контратаку и брали трофеи. Так повторялось семь раз²⁹⁷.

15 (28) марта Панунцев требовал: «Необходимы пехотные части для укрепления занятых кавалерией хуторов и станиц. Противник не имеет постоянного места нахождения и гуляет как ветер в поле. Нужны достаточные силы для окружения противника, а также необходима артиллерия»²⁹⁸.

На помощь группе Панунцева уже подходила пехота — Морской батальон из 23-й стрелковой дивизии. С другой стороны, от Усть-Хоперской на Крутовской, выдвигался 204-й Сердобский полк из той же дивизии.

19 марта (1 апреля) 16-я стрелковая дивизия направила на усиление Боковской группы особый 2-й Интернациональный батальон и 3-й казачий имени Степана Разина полк.

Известие о посылке на подавление восстания красных казачьих частей вызвало переполох у политического руководства, которое опасалось, что эти казаки перейдут к повстанцам. Но армейское командование гарантировало надежность красного казачьего полка, переименованного в 5-й кавдивизион.

На донском правобережье продолжались бои. 23 марта (5 апреля) к Каргинской подошли первые пехотные части — Морской батальон. Одновременно экспедиционные части 8-й армии, получив подкрепление — 104-й и 107-й стрелковые полки, — отбили натиск казаков на Мешковскую и, преследуя их, двинулись на Мигулинскую. Навстречу им вверх по правому берегу Дона от Усть-Хоперской надавили

---

²⁹⁷ Казакия. № 8 (2). Январь. 1936. С. 22.

²⁹⁸ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 2629. Л. 12.

204-й Сердобский полк, батальон лыжников и 2-й заградительный отряд.

Боковская конная группа, замыкающая район восстания с юга, стала растягиваться, посылая часть сил на связь с Сердобским полком. Камышинский дивизион и Саратовский полк начали бои за хутор Горбатов, который мог стать связующим звеном между сердобцами и конной группой.

Парируя этот маневр, 1-я повстанческая дивизия 24 марта (6 апреля) ударила на Боковскую. Саратовский полк сразу же оставил Горбатов и поспешил на звуки боя. Натиск казаков удалось отбить, расстреляв все патроны.

Камышинский дивизион, оставшись в одиночестве, вынужден был уйти на хутор Большой Усть-Хоперской станицы.

На 25 марта (7 апреля) намечалось очередное наступление на Каргинскую, но, предвосхищая его, в 4 утра повстанцы налетом заняли Боковскую и выбили оттуда Саратовский полк. Положение удалось восстановить лишь к вечеру, когда на помощь Саратовскому полку из Краснокутской подошел «Политический отряд» (Морозовский конный заградительный отряд силой в 150 сабель) под командованием Петушкова. В Камышинском дивизионе в этот день, как назло, вспыхнула эпидемия «испанки». В общем, наступление на Каргинскую было сорвано.

26 марта (8 апреля) экспедиционные войска 8-й армии усилили натиск. 103-й полк с боем занял хутора Скельный и Колодезный, 106-й — хутор Макаровский, 104-й — Горельский и Верхне-Чирский. 2-я повстанческая дивизия еле сдерживала натиск на Мигулинскую. 1-я дивизия направила ей на помощь из-под Каргинской один конный полк. Наступление красных удалось остановить. 29 марта (11 апреля) казаки даже совершили налет на хутор Скельный и отбили там у красных 30 тысяч патронов. Но из-за посылки помощи позиции 1-й повстанческой дивизии были ослаблены. Воспользовавшись этим, Камышинский дивизион 27 марта (9 апреля) закрепился в Горбатове.

Повстанцы отреагировали. На другой день в 15 часов казаки из Отдельной бригады силой до 1000 шашек при 1 орудии тремя колоннами пытались окружить Горбатов. В Камышинском дивизионе из-за эпидемии налицо было 100 сабель. По донесению командира дивизиона, после 4-часового боя пулеметным огнем и конными атаками наступление было остановлено, казаки, потеряв до 30 человек, ушли на хутора Бахмуткин и Рубашкин. В дивизионе потери — 2 убитых, 1 раненый.

В этот же день в штаб 9-й армии прибыл член Реввоенсовета Южного фронта Ходоровский — следить за подавлением восстания, а выдыхающиеся части 8-й армии были подкреплены подошедшими с Донца красными казаками (5-й кавдивизион) и Интернациональным батальоном.

С севера 30 марта — 1 апреля (12—14 апреля) группа Дорохина — маршевые роты и несколько эскадронов конницы — с боями вышла к границе Верхне-Донского округа, заняла хутора Андреянов, Политов, Рябов, Ежов.

В ночь на 30 марта (12 апреля) планировалось решающее наступление на Каргинскую. Саратовский и 13-й кавалерийские полки и Морской батальон должны были наносить фронтальный удар с юга, Камышинский дивизион ударом с востока из района Горбатова на хутора Грушенский — Лученский — Кружилин должен был отрезать путь отступления повстанцам²⁹⁹.

Были посланы гонцы в 204-й Сердобский полк, задачей которого было занять правобережные хутора Еланской станицы и ударить на Каргинскую с тыла, с севера³⁰⁰.

Ночью моряки внезапной атакой захватили хутора западнее Каргинской, на рассвете красные (два полка кавалерии и Морской батальон) ворвались в саму станицу. Повстанцы отхлынули за Чир на «Каргинские бугры» и начали перегруппировку.

---

²⁹⁹ РГВА. Ф. 7631. Оп. 1. Д. 17. Л. 40—40 об.

³⁰⁰ Там же. Ф. 192. Оп. 3. Д. 313. Л. 65.

Командир Камышинского дивизиона получил приказ о наступлении не ночью, а в 7 утра (гонец из Боковской был обстрелян, вернулся назад и повез пакет лишь утром). Немедленно было послано донесение в Сердобский полк, и камышинцы выступили. В 10 утра они вышли в намеченный район, где столкнулись со всеми четырьмя полками 1-й повстанческой дивизии, отступавшей из Каргинской: «Противник отступал по каргинским высотам в составе четырех колонн до 3-х тысяч»³⁰¹.

Появление камышинцев в этом районе было неожиданно. Повстанцы шарахнулись на северо-запад, но, опомнившись, навалились на Камышинский дивизион и загнали его снова в хутор Горбатов. Камышинцы легко отделались, потеряв всего 2-х раненых.

Сердобский полк в этот день перешел к повстанцам и наступления, естественно, не поддержал.

Командующий 1-й повстанческой дивизией Ермаков, уверенный, что с тыла ему ничего не грозит, отбросил Камышинский дивизион, а затем всеми силами ударил в стык экспедиционных войск 8-й и 9-й армий. Казаки прорвались до слобод Верхнее и Нижнее Астахово, оставили там заслон и повернули на восток, на Боковскую, отрезая советские части, занявшие Каргинскую.

13-й кавалерийский полк, оставив Каргинскую, бросился на Астахово и разгромил там заслон 1-й повстанческой дивизии. Красноармейцы атаковали спешившихся казаков Гусынко-Лиховидовской сотни, разогнали коноводов и порубили в буграх 35 казаков вместе с командиром сотни Афанасием Струковым.

В целом операция по захвату Каргинской провалилась. Фронтальные и фланговые атаки на нее были отбиты. Более того, благодаря измене Сердобского полка экспедиционные войска 9-й армии откатились к самой Усть-Медведицкой. Им понадобилось две недели, чтобы, проявив «храбрость и вынос-

---

³⁰¹ РГВА. Ф. 7631. Оп. 1. Д. 17. Л. 42—43.

ливость», вновь занять позиции, утраченные ранее Сердобским полком.

Центр борьбы переместился западнее. 31 марта (13 апреля) главнокомандующий Вооруженными силами Республики отдал приказ о ликвидации восстания, требуя «настойчивым наступлением по большой дороге вдоль правого берега Дона добиться разделения района восстания с целью облегчения его подавления по частям» (что уже совпадало с действиями экспедиционных войск).

Экспедиционные войска 8-й армии возобновили натиск, а Интернациональный батальон и 5-й кавдивизион, действующие вместе с Журавской группой, получили приказ ударом с юга на север выйти к Дону и рассечь тем самым 1-ю и 2-ю повстанческие дивизии. В случае успеха этого удара 2-я повстанческая дивизия оказалась бы в окружении.

Отвлекая 1-ю повстанческую дивизию, кавалерия Боковской группы 2 (15) апреля вновь захватила Каргинскую и даже отбила у повстанцев 1 орудие, но, опасаясь обхода, оставила станицу.

Однако наступление экспедиционных войск 8-й армии в этот день не состоялось — Интернациональный батальон и 5-й кавдивизион ушли из хуторов Поповского и Каменского в Пономарев и оголили правый фланг наступающих.

3 (16) апреля экспедиционные войска 8-й армии атаковали Мигулинскую, но были отбиты и отошли на линию Каменский — Пономарев — Вяженский — Ольховский — Колодезный — Мешковская — Калмыков.

4 (17) апреля наступление возобновилось, причем правый фланг экспедиционных войск, обходя Мигулинскую, двинулся на хутор Калиновский.

Части 2-й повстанческой дивизии с многочисленными беженцами, чьи хутора предавались огню, попытались пробиться на юго-восток к станице Каргинской на соединение с 1-й дивизией. Дорогу им преграждал хутор Верхне-Чирский, где успели закрепиться Интернациональный батальон и 5-й кавдивизион.

Повстанческая конница могла бы обойти хутор и уйти, не ввязываясь в бой, но у массы беженцев в весеннюю распутицу путь был один — по дороге через Верхне-Чирский.

Бой был жестоким. За один день Интернациональный батальон расстрелял весь запас патронов из обоза. Из Верхне-Чирского чехи ушли, как сказано в донесении, из-за отсутствия патронов, «что не давало возможности держаться против казаков, лезущих на пулеметы»³⁰². Командир батальона выбыл из строя, выводил батальон комиссар. Пришлось бросить 1 орудие и 70 снарядов.

На другой день надо было снова занять хутор, чтобы поддержать наступление частей 8-й армии, но потрясенные неожиданным отпором интернационалисты отказывались идти в бой без патронов. Два часа комиссар уговаривал их, что это маневр, а не наступление³⁰³.

6 (19) апреля экспедиционные войска 8-й армии заняли станцию Мигулинскую. На этом наступательный порыв их угас.

7 (20) апреля комиссар Артамонов, представитель Реввоенсовета 9-й армии при Боковской группе Панунцева, докладывал, что противник «неуязвим», он «слаб технически, но преобладает количеством, при этом превышает дисциплиной и тактикой... Противник знает, что он погиб, поэтому бьет на отчаянность»³⁰⁴. Артамонов потребовал прислать еще одну дивизию на помощь экспедиционным войскам. На его докладе командарм поставил резолюцию: «Артамонова в 16 с.д. (в 16-ю стрелковую дивизию. — А.В.). Панунцева отозвать, на его место Мухоперца. 21/IV — 19»³⁰⁵.

На левом берегу Дона экспедиционные войска преследовали неудачи. 26 марта (8 апреля) один из эскадронов эксвойск 8-й армии отказался идти в наступление и был разоружен.

---

³⁰² РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 24. Л. 247 об.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 24. Л. 198, 198 об.

³⁰⁵ Там же.

ВЁШЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

4 (17) апреля Шумилинский полк разбил 4-й особый армейский батальон 9-й армии (из маршевых рот).

Не везло Калачовской группе. После дня боев, 6 (19) апреля, она отступила от Старой и Новой Криуши на Богородицкое. А в ночь на 12 (25) апреля один из батальонов Калачовского полка был разбит налетом повстанцев, солдаты бросили 2 пулемета и 100 пар сапог. Докладывая об этом, командующий экспедиционными войсками 8-й армии добавил: «Командир будет расстрелян»³⁰⁶.

После апрельских боев командование экспедиционных войск составило сводку (явно неполную) потерь и трофеев с 13 марта по 2 мая 1919 г.

	Инструкторов	Красноармейцев	Комиссаров	Лошадей
Убито	16	854		30
Ранено	67	1152	2	11
Пленных	1	313		
Пропало без вести	1	130		

К сводке было добавлено: «Сдался 204-й полк, разоружил 2-й заградительный отряд и 2 роты Острогожского батальона.

Потеряно: 3-дюймовых орудий — 4, пулеметов — 34, винтовок — 2842, револьверов — 12, снарядов — 193, патронов — 500000, биноклей — 1, седел — 9.

Трофеи: пленных — 478, лошадей — 34, орудий — 1, пулеметов — 32, винтовок — 150, зарядных ящиков — 10, снарядов — 65, патронов — 113 ящиков, пик — 40, седел — 2, обоз — 100 подвод»³⁰⁷.

В 20-х числах апреля в связи с неудачами на Южном фронте посыпались телеграммы В.И. Ленина. Г.Я. Сокольникову (член ЦК, член РВС Южного фронта) 20 апреля: «Я крайне обеспокоен замедлением операций против Донецкого бассейна и Ро-

³⁰⁶ РГВА. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 32 об.

³⁰⁷ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 254. Л. 12.

стова... Верх безобразия, что подавление восстания казаков затянулось. Отвечайте подробнее»³⁰⁸.

Тому же Сокольникову 24 апреля 1919 г.: «Во что бы то ни стало надо быстро ликвидировать, до конца, восстание. От Цека послан Белобородов. Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгости, но если вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно. Нельзя ли обещать амнистию и этой ценой разоружить полностью? Отвечайте тотчас. Посылаем еще двое командных курсов»³⁰⁹.

Если уж великий вождь заговорил о «свирепой и беспощадной расправе», то понятно, на что были готовы экспедиционные части...

27 апреля в экспедиционные войска прибыл представитель ЦК Белобородов.

30 апреля последовал приказ командующего 9-й армией Княгиницкого: «Вследствие разрозненных действий наших экспедиционных частей ликвидация восстания затянулась, а район восстания даже несколько расширился на юг и северо-запад. Приказываю: 1) закрепиться и прочно удерживаться во что бы то ни стало на занимаемых местах частями, действующими на левом берегу Дона; 2) частями, действующими к югу от Дона, развить самое энергичное наступление из района Усть-Хоперской, Горбатова, Боковской, Верхне-Чирского и Тиховского, имея целью очистить от противника к 6 мая весь правый берег реки Дон...»³¹⁰.

С целью повысить боевой дух в экспедиционных войсках 8-й армии последовал приказ № 7 от 1 мая, что советы у повстанцев — советы мелких помещиков³¹¹; приказ № 9 от 3 мая, запрещающий принимать в ряды войск добровольцев из мест-

---

³⁰⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 283.

³⁰⁹ Там же. С. 289—290.

³¹⁰ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 254. Л. 31.

³¹¹ Там же. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 718. Л. 5.

ных жителей³¹² (приказ вышел в связи с изменой ряда дружин красных казаков) и приказ № 10 от 6 мая поднять дисциплину и расстреливать на месте за изнасилования³¹³.

Разрозненные части сводились в полки и бригады. Так, Богучарская группа сводилась в 1-й Богучарский полк, Калачовская группа — в 1-й Калачовский полк. 13-й кавалерийский полк был передан из Боковской группы в экспедиционные войска 8-й армии, а Интернациональный батальон и 5-й кавдивизион включены в состав Боковской группы. Экспедиционная дивизия 8-й армии под командованием Антоновича при политкоме А. Попове (сын писателя А.С. Серафимовича) сводилась в три бригады (расписание на 2 мая 1919 года).

1-я бригада (командир Ораевский, комиссар Михайлов):

103-й полк — 680 штыков.

104-й полк — 720 штыков.

Тамбовские курсы — 404 штыка.

Рязанские курсы — 428 штыков.

1-й батальон 3-го Кронштадтского полка — 454 штыка.

13-й кавалерийский полк — 308 сабель.

В бригаде 12 орудий, 99 пулеметов.

2-я бригада (командир Ширина):

106-й полк — 808 штыков.

107-й полк — 912 штыков.

1-й Богучарский полк — 576 штыков.

Сводный кавдивизион — 205 сабель.

Калужский эскадрон — 100 сабель.

В бригаде 6 орудий, 48 пулеметов.

3-я бригада (командир Сечко):

1-й Калачовский полк — 861 штык.

1-й конный (Воронежский) полк — 347 сабель.

2-й и 3-й батальоны 3-го Кронштадтского полка — 1325 штыков.

---

³¹² РГВА. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 718. Л. 6.

³¹³ Там же. Л. 11.

В бригаде 4 орудия, 41 пулемет³¹⁴.

Единственной боевой частью в 3-й бригаде изначально был 1-й Воронежский конный полк, остальные (1-й Калачовский полк) — комендантские команды. Поэтому для устойчивости в бригаду были посланы два батальона 3-го Кронштадтского полка.

Экспедиционные войска 9-й армии под командованием Волынского тоже были сведены в три бригады (расписание на 6 мая 1919 г.)³¹⁵.

	Инструкторов	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
1-я бригада (командир Дорохин)					
1-й, 2-й и 5-й батальоны особого назначения	103	1891		12	
Батарея					4
1-й и 2-й Московские эскадроны	25		234	10	
2-я бригада (командир Загарин)					
1-й Московский полк		1114		19	
5-й Заамурский полк			413	7	
Конная батарея					3
Батальон лыжников	29	911		10	
3-й заградотряд	не указано				
4-й заградотряд	не указано				
3-я бригада (командир Мухоперец, комиссар Прибоченко)					
1-й Саратовский конный полк	30		344	10	
5-й кавдивизион	27		373	3	
11-й Камышинский кавдивизион	44		62	5	
Морской батальон	35	232		9	

³¹⁴ РГВА. Ф. 192. Оп. 2. Д. 217. Л. 13.

³¹⁵ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 478.

ВЁШЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

2-й интернациональный батальон	25	513		10	
Всего:	318	4661	1426	95	7

По другим данным, в 3-м заградительном отряде было 70 бойцов. Интересен состав 4-го заградительного отряда (командир Дивиш, комиссар Марек). Отряд был создан на базе Интернационального батальона Коммунистической дивизии и команды матросов Особой группы южного фронта. Состав: мадьяр — 75, немцев — 55, поляков — 30, чехов — 8, румын — 4, рутэл — 12, словаков — 8, хорватов — 8, арабов — 10, итальянцев — 1, евреев — 8, турок — 8, русских — 35. Всего — 283. Коммунистов — 6, сочувствующих — 16. Команды подавались на немецком языке. 7 мая 1919 г. отряд был выведен из боев в связи с революцией в Венгрии и переведен на западное направление Южного фронта.

В ходе начавшихся боев батальоны экспедиционной дивизии 9-й армии были сведены в полки:

Морской батальон и 2-й интернациональный батальон — 1-й сводный полк.

Батальон лыжников, 2-й батальон особого назначения и 3-й заградительный отряд — 2-й сводный полк.

1-й и 5-й батальоны особого назначения — 3-й сводный полк.

Изготовившимся к наступлению экспедиционным войскам противостояли поредевшие из-за полевых работ части повстанцев. По данным советской разведки, против эксдивизии 9-й армии повстанцы располагались следующим образом:

5-я повстанческая дивизия					
Место расположения	Сабель	Штыков	Смешанных	Пулеметов	Орудий
Хх. Глуховский — Рябовский	600	900		3	
Евсеев — Астахов — Шакин	500				1

Андрей Венков

Вершинский — Остроуховский	1000				
Ст. Букановская — Еланская	500				
отдельная бригада					
Хх. Затонский — Зимовнов	100			несколько	
Ягодный — Бахмут- кин — Рубашкин	600	100			
Горбатов			1000		1
Хованский — Рыбинский	200			12	
1-я повстанческая дивизия					
Каргин — Попов — Ильинский			3500		

Против экспедиционной дивизии 8-й армии повстанцы располагались следующим образом³¹⁶:

Место расположения	Сабель	Штыков	Смешанных	Пулеметов	Орудий
4-я повстанческая дивизия					
Хх. Сохраннов — Ромашкин	100				
Богомоллов	100				
Шумилин			500		2
С. Березняги	500	300		2	
3-я повстанческая дивизия					
Дедовка — Глубокая	500				
Рубежный — Демидов	500				
Ст. Казанская	800	700		4	2
2-я повстанческая дивизия					
Хх. Мрыховский — Мещеряков	500				
Тиховской — Варваринский — Наполов	1000	1000			2

³¹⁶ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1320.

ВЁШЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

комендатура и подчиненные части				
Ст. Вёшенская			300	2

Подсчет сил дает 7500 сабель, 3300 штыков, 5000 бойцов в смешанных частях, 21 пулемет и 10 орудий. Всего — 15 800 бойцов.

Тогда же определился и дал о себе знать «верховный орган власти» в Верхне-Донском округе — Второй съезд представителей станиц и воинских частей, который собрался в Вёшенской 18—19 апреля (1—2 мая). Из опубликованного протокола³¹⁷ видно, кто представлял восставшие станицы и воинские части.

На съезд прибыли:

От Вёшенской — Благородов Иван (председатель станичного Совета) и Евланов Елизар (помощник председателя станичного продовольственного отдела).

От Казанской — Чайкин Филипп и Попов Павел.

От Каргинской — Щиров Семен и Власов Александр.

От Букановской — Попов Митрофан и Антонов Александр.

От Мигулинской — Качкин Семен (в 1917 году делегат Войскового Круга), Чайкин Михай (бывший станичный атаман) и Мрыхин Яков.

От Боковской — Кочетов Георгий и Лагутин Иван.

От Еланской — Кочетов Иван (председатель станичного Совета) и Мельников Матвей (товарищ председателя Совета).

От Краснокутской — Скачков Иван.

От 1-й дивизии — Ермаков Харлампий, Титов Прокофий...

Особо хочется рассказать о последнем. О Прокофии Семеновиче Титове, моем дальнем родственнике, я слышал историю, похожую на легенду. Прокофий («Проня») был женат на двоюродной сестре моего деда или — точнее — на родной сестре

³¹⁷ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 137. Л. 13—13 об.

уже упоминавшегося здесь Афанасия Ефремовича Стефанова. При крещении дали ей имя «Татьяна», но вся родня почему-то называла ее «Ташурой». Проня и Ташура женились по взаимной любви, что по тем временам было редкостью. Проня на нее надышаться не мог, помогал во всем, «и хаты мазал (обмазывал глиной перед побелкой. — *А.В.*) и пироги пёк». На службу он ушел в 11-й Донской полк, а из полка был направлен в Варшаву в какую-то школу, где обучали фехтованию. Курс Прокофий закончил первым по успеваемости и был направлен в родной полк инструктором по владению холодным оружием. Весной 1918 г. Проня сочувствовал Подтелкову и вроде бы собирал у себя в хуторе Водянском отряд идти навстречу Подтелковской экспедиции. Казаки и офицеры это помнили и Прокофия особо не выдвигали.

Когда началось восстание, Проню Титова, весь 18-й год бывшего в тени, избрали в Водянском командиром. Пришли к нему домой: «Восставать!...» Он смеялся:

— Не поеду. Я и на службе воевать ленился.

Казаки ему сказали:

— Мы тебя уьем прямо возле двора. Иди, принимай полусотню.

Деваться некуда, пошел. На прогоне казаки конные, кто в чем и кто с чем. Тут же большевика местного, Микишка, сторожат, убить хотят. Он в Бога не верил и вообще за красных был. Проня их в круг собрал и говорит:

— Как хотите отбивайтесь, а не рубить...

Микишка отпустили. И с Проней вроде все согласны. Но потом такое началось — куда там «не рубить»! И ездил Прокофий со всеми, бесстрашный и безрадостный. Бьют героев — они теряют осторожность. Прокофий себя героем не считал, сам оберегался и к Господу постоянно прибегал. В людях он всю жизнь не разбирался. За все время один верный выбор сделал — когда женился. И сейчас набрал себе в помощники черт-те кого. Федор Бирюлин, командир полка, его все больше в разведку или в охранение посылал.

В боях за Каргинскую с полусотней ребят 1-го и 2-го годов рождения (моложе не брали) прикрывал Прокофий стык меж двумя дивизиями и на неудобьях за сплетением изломавших землю буераков нарвался со своими на полусотню красных казаков. Ехали они в заломленных фуражечках, лето учуяли. Правились от хутора Каменка. Прокофий, первым выбиравшийся по отрожине, разглядел за хлестким сизым ольшаником какое-то движение и отскочил к развилке. Незаметно вывел своих под самый гребень, нутром рассчитал — красные саженья в сорока проедут, а потом вспомнил: шашки не у всех, патронов и вовсе нет. И казачата об этом вспомнили. Кто-то с визгливым восторгом:

— Ну, дай Бог деру!

И Прокофий, прикинув, что — поздно, с этими желторотыми далеко не убежишь, начнут их травить хоперцы по ярам, как зайцев, сдуру перепугал свое войско:

— Хочешь — не хочешь, а надо в атаку. Иначе так побьют. Те и побледнели.

Потянул Прокофий левой рукой у одного из ножен узкую шашку. У эфеса надпись: «Злауст 1868».

— Прокофий Семныч, как же так?

— Ничего. Слушайте, — примерил, встряхнул, вживаясь в вес, в длину оружия. Правой рукой свою шашку выхватил. — Ну, как махну, давай за мной...

Склонился Прокофий к гриве, из-за торчащих настороженно конских ушей наблюдал, а сам отчитывал проникновенно: «...Заступник мой еси и прибежище мое. Бог мой и уповаю на него...»

Ехали красные. У одного — ручной пулемет на груди, сошки покачивались. Взыгрывали кони, ветер сносил роскошные хвосты. Ехали... Небо за ними громадное, и цвет не от мира сего.

Хотел их Прокофий пропустить и налететь сзади. Только поравнялись — у Прони в отряде не то конь всхрапнул, не то еще чего... Махнул Прокофий, вылетел...

— Урра!..

А сзади — тихо... «Ах ты ж, Боже ж мой!...» Кони красных шарахнулись и вмиг — в полукруг, подковой. Холодно, с лязгом клинки оголились. «Хоть бы стрелять не начали!» Не начали. В лицах — азарт. Взять его решили.

В Варшаве в фехтовальной школе учили Прокофия владеть всеми видами оружия, белого, благородного, и он на выпускных состязаниях первый приз забрал. Похвалился как-то: «Моя смерть — пуля. Меня сорок человек на шашки не возьмут». Глядели хуторяне на его уши, лопухами торчащие, верили, но не до конца. А был Прокофий на поверку редким бойцом, рубакой на всю область. И подпустив его на сабельный удар, совершили красные хоперцы страшную ошибку, смертельную...

«...От сети ловца, от гибельной язвы...» Влетел Прокофий в середку, легко, как подарки раздавал, махнул влево — вправо, и покатилась чья-то фуражка, подпрыгивая, пружиня козырьком. «...и под крыле Его надеешься оружием обыдет ты — истина Его...» Прodelал коридор. Озлели хоперцы, полезли, мешая друг другу. Одного боялся Проня — пулеметчика. «...Ужасов в ночи, стрелы, летящей днем... Где ж он, с пулеметом?..» Подвел дончак хозяина: хотел, как лучше, и вынес под правую руку... Завалившись, головой вниз свисая, рвал пулеметчик с шеи ремень вместе с гимнастеркой, и Проня, качнувшись, чуть не вываливаясь — «Господи... подпруга...», — загасил его колющим под оголившиеся ребра. «Падут от страны твоя тысяща и тьма одесную тебя, к тебе же не приблизится...»

Глядели потерявшиеся малолетки, и сердце падало, как проваливался Прокофий, на мгновение опережая выстрел, и вновь взлетал в седле, и рядом кто-то проваливался. Уже навечно.

Кружанил Прокофий обезумевших хоперцев, расплескал отдельных всадников по бугру; крутились те, не зная, кого ж на мушку брать. Где он? И человек или нечистая сила?

Бросили хоперцы поле боя, стали уходить. Не вынесла душа накала рубки. Понесся Проня за ними, боясь оторваться. Знал:

оторвутся — залпами положат, и его и кобылу на сито изрешетят. «...На руках понесут тя, да не преткнешься о камень ногою своею...»

Спрашивали потом у молодых про ту погоню. Те, до се перепуганные, отвечали коротко: «Догоняет... как потянет до седла...»

Скатились ополовиненные красные в какой-то яр, стали стрелять, и Прокофий, упав на гриву, пустился обратно. Мимо тел бездыханных, мимо фуражек, плавающих в крови. «...Воззовет ко мне и услышу его...»

Малолетки, увидев его вблизи, на колени попадали: «Прокофий Семеныч, прости...»

Впрочем, вернемся лучше к Окружному съезду...

...Алимов Максим, Кривоносов Демьян, Федотов Зиновий, Зубков Тимофей, Токин Иосиф, Арнаутов Михаил, Майданников Иван, Аникеев Иван, Мельников Семен, Беззубов Афанасий, Асташов Трофим.

От 2-й дивизии никто не прибыл — дивизия вела тяжелый бой.

От 3-й дивизии — Мелихов Василий. Присутствие тоже минимальное, так как 3-я дивизия тоже вела бой.

Как видим, 2-я дивизия, сформированная в Мигулинской, где изначально был центр подготовки восстания, делегатов не прислала. 3-я дивизия, формировавшаяся в Казанской станции, втором центре подготовки восстания, прислала одного делегата, В. Мелихова, который в документах 1918 г. проходит как снабженец Сводного отряда Верхне-Донского округа. Этот отряд в 1918 г. пленил и уничтожил экспедицию Ф.Г. Подтелкова.

От 4-й дивизии — Писковатский (Песковатсков) Федор, Бессчетнов Григорий, Ширяев Андрей, Макушкин Павел, Колычев Андриан, Коршунов Иван, Топольсков Тимофей, Плачихин Михаил, Автономов Александр, Сидоров Лука, Карташев Яков, Медведев Кондрат.

От 5-й дивизии — Дейкин Иван, Барабанов Степан, Кочетов Никон, Гуров Михаил, Кочетов Михаил, Зимовнов Петр, Бурьянов Михаил, Благородов Павел, Зотов Алексей, Лапченков Степан, Седов Абрам, Ушаков Никифор, Батальщиков Михаил, Благородов Федор, Мельников Константин.

Как видим, воинские части прислали в 2,5 раза больше представителей, чем сами станицы, и простым большинством голосов могли диктовать свою волю. Ситуация в восставшем округе отражала таковую же среди донских антибольшевистских сил в целом.

Концентрация войск на небольшой свободной пока еще территории области привела к увеличению роли армии в общественной жизни Дона (при низкой политической культуре это могло привести к падению престижа гражданской власти). Иностранцы сразу же отметили: «Армия казаков, действующая на своей собственной земле, является здесь правительством»³¹⁸.

Среди представителей фронтовых частей нет практически ни одного, официально названного белой печатью организатора восстания. Совпадает лишь одна фамилия — Колычев. «Хорунжий Колычев» назван газетой «Жизнь», а Андриан Колычев — представитель от 4-й дивизии. Но среди донских офицеров по фамилии Колычев, а таковых набирается 9 человек, нет ни одного по имени «Андриан».

Из 41 представителя повстанческих частей идентифицировать удалось тоже очень немногих. В 1-й дивизии это, во-первых, Харлампий Васильевич Ермаков, хорунжий, депутат Войскового Круга 1917 г., начальник указанной дивизии, герой ряда исследований³¹⁹; Титов Прокофий Семенович — младший офицер 11-го Донского полка, инструктор по владению холод-

---

³¹⁸ Из истории Гражданской войны в СССР. Сборник документов. Т. 2. М., 1961. С. 22.

³¹⁹ Венков А.В. С Харлампием Ермаковым не все так просто // Донской временник. 2009. Ростов-на-Дону. 2008; Козлов А.И. М.А.Шолохов: времена и творчество. Ростов-на-Дону. 2005.

ным оружием; Аникеев Иван Степанович — младший урядник 33-го Еланско-Букановского полка Донской армии, георгиевский кавалер. В 4-й дивизии таковых тоже трое — Медведев Кондрат Егорович, подхорунжий, начальник дивизии; Макушкин Павел Петрович, подъесаул, уволенный атаманом Красновым из армии по несоответствию (приказ № 636 от 28.7.18); Песковатский Федор Васильевич, казак 32-го Вёшенского полка Донской армии, георгиевский кавалер. В 5-й дивизии идентифицировать удалось лишь двоих — Батальщикова Михаила Ефимовича, казака 46-го Донского полка, члена полкового комитета в 1917 году, и Благородова Федора Павловича, подъесаула 28-го Верхне-Донского полка Донской армии. Всего (вместе с В. Мелиховым) 9 человек.

Остальные 32 представителя фронтовых повстанческих частей, судя по всему, рядовые казаки, ничем себя до указанного момента не проявившие, «серая масса».

От окружного совета присутствовали — председатель Данилов Никанор Петрович, его товарищи Ермаков Емельян Васильевич и Выпряжкин Николай Георгиевич, члены Мельников Николай Тихонович, Куликов Василий Васильевич, Суяров Гавриил Андреевич, Благородов Сергей Меркулович.

От командования — командующий Кудинов Павел Назарович и начальник штаба Сафонов Илья Гурьевич.

От организации сношений тыла с фронтом (своего рода идеологический отдел) — заведующий отделом Суяров Илья и от Каргинского отдела Беланов Павел.

От Народного суда и следственной комиссии — председатель суда Асташов Иван и член комиссии Майданников Михаил.

Из четверых последних, осуществлявших агитационные и карательные функции, в документах того периода встречаются двое: Суяров Илья Андреевич, в начале XX века учительствовавший в Даниловском волостном сельском училище, баллотировавшийся в 1918 г. в делегаты Большого Войскового Круга от станицы Вёшенской, но не набравший достаточного количества голосов, и Майданников Михаил Иванович, учитель, изби-

равшийся от станицы Вёшенской на Круг в 1917 г. Как видим, агитацию, пропаганду, а также функции следствия взяли на себя вёшенские учителя.

Избраны были председатель съезда и секретарь. Председателем избрали Суярова Илью, секретарем Попова Митрофана. Дополнительно товарищами председателя избрали Ермакова Харлампия и Медведева Кондрата. Как видим, председателем стал идеолог восстания, а его товарищами два дивизионных командира.

Заслушав отчет председателя Совета и командующего войсками, съезд зафиксировал свои полномочия, приняв решение, что верховная власть принадлежит окружному съезду, а высшая власть управления округом — окружному Совету, избранному съездом.

«Военно-оперативные распоряжения» оставались в «компетенции командующего войсками и его штаба, которые, однако, о своих действиях докладывают окружному совету».

Сам Совет и командование войсками были оставлены на своих постах.

Съезд подтвердил мобилизацию жителей от 18 до 55 лет, причем 5 старших возрастов оставались в Вёшенской гарнизоне и для подводной повинности.

Съезд принял решение «обложить по ставкам подоходного налога имущих лиц, занимающихся торговлей и промыслами, увеличив их доход в 10 раз против дохода 1916—1917 годов», произвести «временный беспроцентный заем всей денежной наличности в кредитных учреждениях, потребительских обществах, в станичных и хуторских обществах и церковного капитала», провести принудительный заем в 5 миллионов рублей и разверстать его между станицами.

Пока окружной съезд вершил дела округа, верстах в сорока, в районе станиц Каргинской и Боковской, казаки начали переговоры с красными.

ГЛАВА 6

«В переговорах с противником выяснилось...»

(Из донесения)

В День международной солидарности трудящихся — 1 мая — экспедиционные войска 8-й армии двинулись в наступление. К 11 часам 1-я бригада вышла на линию Бреховский — Лиховидов — Гусынка — Климовка. Казаки упорно сопротивлялись: «2/5. По всем донесениям и рассказам казаки защищаются безумно»³²⁰.

К 23 часам бригада отступила на исходные позиции — Вяжин — Поповский, так как соседние части 9-й армии отошли, и казаки заняли Пономарев и Верхнее и Нижнее Астахово, нависая над флангом бригады.

2 мая наступление 1-й бригады экспедиционных войск 8-й армии снова было неудачным. Командир 5-го кавдивизиона (бывший 3-й казачий полк им. Степана Разина) из войск 9-й армии снова отказался поддержать соседей, ссылаясь на отсутствие патронов. Повстанцы двинулись на Астахово — Каменский, угрожая отрезать 13-й кавалерийский и 104-й стрелковый полки. Экспедиционные войска 8-й армии снова отступили³²¹.

---

³²⁰ РГВА. Ф. 192. Оп. 2. Д. 217. Л. 14.

³²¹ Там же. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 102.

Поведение командира красных казаков, дважды сорвавшего наступление, судя по всему, было не случайным, поскольку в этот день, 2 мая, восточнее, у хутора Вислогузова, начались мирные переговоры между повстанцами и экспедиционными войсками 9-й армии.

В эмиграции главком повстанцев П.Н. Кудинов откровенно сваливал на советское командование. «Красный штаб... применил систему переговоров, рассчитывая комедией братания выиграть время, чтобы подтянуть ближайшие части и тогда кровавым террором задушить...» и т.д.³²². В то же время мы полагаем документами, говорящими, что член РВС 8-й армии И.Э. Якир 11 (24) марта 1919 г. запретил какие-либо переговоры с повстанцами³²³.

13 (26) апреля командование эксвойск 8-й армии доносит о постоянных попытках казаков войти в сношение с частями в районе хуторов Наполов и Верхне-Чирский. Более или менее постоянные контакты поддерживались между повстанцами и красными казаками в составе экспедиционных войск. Участник боев с мятежниками, казак Каргинской станицы Я.Ф. Лосев вспоминал: «Мы много раз предлагали восставшим сложить оружие, выдать главарей, но, видимо, белогвардейские вожаки имели большую силу среди мятежников, наши предложения остались без ответа».

Все же удалось договориться с казаками о встрече. Посланцы мятежников предложили: «Приезжайте, товарищи, в хутор Грачев. Соберемся, перекурим это дело, глядишь, и договоримся». В назначенное время казаки собрались в школе «на общий кур». Советская сторона — Лосев и командир 13-го кавалерийского Домнич — тоже выехала, взяв из осторожности в прикрытие целый эскадрон. В это время в хутор приехал начальник повстанческой дивизии Ермаков. Узнав, что здесь «вершатся»

---

³²² Кудинов П. Указ. соч. // Вольное казачество. № 81. С. 6.

³²³ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 22.

мирные переговоры, он схватил винтовку и с несколькими верными ему казаками бросился на край хутора. Подъезжающую красную делегацию они встретили выстрелами. «А в это время до 200 казаков ждали нашего приезда в хуторской школе», — вспоминал Лосев.

Лихой Домнич, возмущенный коварством «миротворцев», в свою очередь скомандовал сопровождавшему эскадрону: «Шашки вон! В атаку марш-марш!» Красноармейцы с шашками наголо ворвались в хутор Грачев, а собравшиеся в школе «на переговоры» казаки, бросив кисеты, попрыгали в окна и разбежались, потеряв человек 20.

Все же настрой на переговоры существовал, и рано или поздно они должны были начаться.

Настоящие переговоры, начавшиеся 19 апреля (2 мая), возможно, были связаны с решениями окружного съезда повстанцев, который обложил население общественным принудительным займом в 5 миллионов рублей и т.п. Убоявшись окончательного разорения, часть казаков решила помириться с большевиками. Впоследствии, в эмиграции, казаки (особенно их руководство) утверждали, что инициатива переговоров исходила от большевиков.

К.М. Киреев, инициатор восстания в хуторе Конькове Боквской станицы, в своих воспоминаниях говорит, к заставе его сотни якобы пришла казачка и передала, что его, Киреева, кличет какой-то «комиссар». «Комиссар» заявил Кирееву: «Меня начальство наше прислало к вам, чтобы вести переговоры о мире». Командир полка мятежников, когда ему доложили о случившемся, от принятия решения уклонился. «Поезжайте сами и узнайте, в чем дело», — ответил он посланцу от сотни.

Руководство большевиков, наоборот, к переговорам относилось настороженно. Скорее всего, инициатива исходила «от низов». Как докладывал новый командир конной группы Мухоперец, «2 мая сего года наши разведчики съехались с разездом противника и завели переговоры, за что воюют. После разговоров решили с той и другой стороны выслать парламен-

теров для переговоров. На второй день с нашей стороны выехал комиссар группы и комиссары Морского и Интернационального батальонов в сопровождении красноармейцев. Переговоры велись несколько часов». Мухоперец, боясь разложения своих войск, просил прибыть члена Реввоенсовета армии и либо прекратить переговоры, либо вести их от имени Реввоенсовета³²⁴.

Со стороны повстанцев в переговорах участвовали в основном казаки Боковского полка, по два от сотни³²⁵.

Казаки предлагали дать им право выборов в Советы, не назначать никаких комиссаров, оставить при станицах часть советских и часть повстанческих войск поровну, а остальным с оружием в руках идти на фронт против белых³²⁶.

Ведущий переговоры комиссар конной группы Прибоченко сообщал: «Казаки согласны прекратить свой бунт, если не будут их расстреливать, и заявляют желание с вооружением идти на фронт под Новочеркасск. Я рассеял их опасения о расстрелах. Если они сдадутся мая 5-го дня. Казаки-кадеты обещали предоставить письменное согласие всех полков на сдачу. Выяснилось, что всего у них оперирует 10 полков». На докладе Прибоченко член РВС 9-й армии Ходоровский наложил резолюцию: «Сообщено Реввоенюжфронта, Ленину, Троцкому, Волынскому. 5/V. Ходоровский. Прибоченко предложено не давать казакам очередных обещаний, выяснить подлинную причину выступления казаков, усилить бдительность наших частей»³²⁷.

Таким образом, было установлено перемирие до 5 мая.

Штаб конной группы раздирали дразги. Вновь назначенные командир и политком не ладили друг с другом. Политком Стефан Прибоченко, человек вспыльчивый и неуравновешенный, обвинил командира в «киквидзевщине и мироновщине», в том,

---

³²⁴ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 113. Л. 279.

³²⁵ *Киреев*. К истории восстания верхне-донцов // *Казакия*. 7 (1). 1935. Ноябрь. С. 18.

³²⁶ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 113. Л. 279.

³²⁷ Там же. Л. 315.

что тот, приняв командование, протасил в штаб 20—25 «своих людей». Командир Мухоперец, как истый украинец, обиду за-таил и ждал момента, чтобы «показать» политкому.

Щекотливый вопрос о переговорах с восставшими казаками был воспринят ими с прямо противоположных позиций. Иначе и быть не могло. Дело осложнялось тем, что, согласно приказу от 30 апреля, части группы должны были к 6 мая очистить от повстанцев правый берег Дона. В связи с переговорами выполнение приказа конной группой откладывалось.

3 мая конные части Боковской группы оттянулись назад, вышли из соприкосновения с противником. Казаки, напротив, силою до 1500 всадников осторожно выдвинулись вперед и заняли слободы Верхнее и Нижнее Астахово, вклинились между эксвойсками 8-й и 9-й армий.

Экспедиционные войска 8-й армии в свою очередь двинулись вперед в районе хуторов Наполова и Верхне-Чирского, и казаки из Астахово 4 мая ушли в Каргинскую. Другие части экспедиционной дивизии 8-й армии продолжали напирать вдоль берега Дона. Перемирие между повстанцами и частями 9-й армии их как бы не касалось. Боевой 103-й полк еще 3 мая занял хутор Варваринский и поджег его, хутор горел всю ночь. Полк получил приказание наступать на Вёшенскую, не обращая внимания на появление кавалерии в тылу. 4 мая был убит помощник командира 3-го Кронштадтского полка. 5-го ранен командир 6-й сотни пешего Мигулинского полка Егоров.

На самом северном участке повстанческого фронта 4 мая несколько красных эскадронов из группы Дорохина совершили удачный набег на хутор Гремучий, где располагались 200 казаков с пулеметом. 28 казаков были взяты в плен, изрублено 48, убито 50, захвачен пулемет и часть обоза³²⁸. Возможно, свою роль сыграло то, что красные в конце апреля захватили полевою книжку с пропусками у командира одной повстанческой пешей сотни.

---

³²⁸ РГВА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 611. Л. 25.

Как видим, на остальных участках повстанческого фронта военные действия не останавливались. Начальник эксдивизии 9-й армии Волынский, кому непосредственно подчинялась Боковская группа, за все время переговоров лишь один раз упомянул о ее существовании в дневнике военных действий.

Командование конной группы донесло о переговорах с повстанцами непосредственно в штаб 9-й армии. Командир группы И.М. Мухоперец высказался о переговорах резко отрицательно. Комиссар же был сторонником переговоров и мирного разрешения конфликта, считал сдачу казаков вполне возможным делом. Продолжение переговоров заключалось в том, чтобы «с целью разведки... было позволено на одни сутки обменяться гостями». В лагерь повстанцев послали двух матросов, а в расположение Боковской группы привезли «кадета», казака Боковской станицы, чтобы он удостоверился в несправедливости слухов о зверствах красноармейцев. «Кадет» был уже известный нам Киреев.

Комиссар и «кадет» отправились в хутор Коньков, чтоб Киреев воочию убедился, что дом его цел, а родственники живы. Чтобы «посланец» не выведал расположения экспедиционных войск, его и не собирались держать где-либо вне родного дома. Жена Киреева, увидев своего мужа в окружении комиссаров и красноармейцев, почему-то решила, что его ведут зарубить у нее на глазах, и обмерла. Первый вопрос вернувшегося хозяина был о хозяйстве, и жена, малость отдышавшись, просто и ясно ответила: «Все забрали». Последующие разговоры с комиссарами о причинах восстания и об ошибке казаков, поддержавших мятежников, воспринимались Киреевым соответственно. Да и как иначе мог реагировать член Войскового круга, инициатор восстания на реквизицию своего скота красноармейцами? Прибоченко заметил настрой казака и в отчете указал, что «кадет» со всем соглашается и поддакивает, но ничему не верит — «коварством дышит».

В 9 утра 4 мая «делегат» был доставлен в штаб конной группы в станицу Боковскую. Перед тем как высказать представи-

телю повстанцев свои условия, Прибоченко задал несколько вопросов. На вопрос: «Почему казаки восстали и на кого надеются?» Киреев ответил: «Вы сами заставили» и стал приводить данные, что в Казанской красными было расстреляно 360 человек, в Мигулинской еще больше, в Вёшенской — до 500 («в Дон под лед пустили»), в Боковской якобы расстреляли 140 человек. Примечательно, что в тех же воспоминаниях Киреев рассказывал, как в Боковской станице лишь 8 человек, участников казни Подтелкова и Кривошлыкова, приказали расстрелять, но не успели. То есть во время переговоров посланец мятежников сознательно сгущал краски, сваливал ответственность за восстание на советскую власть.

На вопрос, откуда у повстанцев оружие, Киреев ответил, что все казаки в отпуск приезжали с винтовками, а уезжали в часть без оружия, затем, когда пришли красные, по одной винтовке сдали. На кого повстанцы надеются? На себя. «Все равно и так и так нас побьют».

Помимо прочего, Киреев выдал советскому командованию один тактический прием повстанцев. Его спросили, почему во время наступления красных на Каргинскую повстанцы всякий раз бегут за Подгрушенскую гору, и «парламентер» рассказал, что за горой есть балка, и всякий раз, когда экспедиционные войска наступают, казаки бегут к ее верховьям. Там одна сотня занимает оборону, а другая заходит по балке красным в тыл, у красных начинается паника, первая сотня нажимает с фронта и берет трофеи. Так было семь раз.

Условия командования Боковской конной группы в изложении Киреева звучали так: «Первым долгом, по случаю нашего перехода на левую сторону Дона, чтоб в Вёшенской все камаги (лодки. — *А.В.*) были в полном нашем распоряжении; бои сейчас же прекращаются; наступать не должны обе стороны», в станицах будет оставлено по 50 вооруженных казаков и красноармейцев, в хуторах — по 25. То есть командование Боковской группы было как бы согласно с условиями, выдвинутыми повстанцами (оставить в хуторах и станицах «для по-

рядка» поровну казаков и красноармейцев, а остальным идти на фронт под Новочеркасск), но для гарантии требовало сдачи мятежниками ключевых пунктов — станицы Вёшенской и переправ.

Киреев пообещал доложить об этих условиях полку и в сопровождении 13 конных красноармейцев был направлен на аванпосты для размена.

Возвратившиеся «из гостей» матросы доложили, что у противника перед фронтом конной группы в хуторах Лученском, Нижне-Кружилинском и Каргине по одному полку в три сотни, сотни — 50—40 человек, на три человека по две винтовки, патронов — 5—7 обойм на человека, получают патроны из Воронежа и Калача (этот факт Прибоченко особо отметил в докладе). «Большинство кадетов-казаков, старики из кулаков, твердо держатся — одни монархии, другие — кулацких советов, среди них имеется беднота, которую держат кулаки при помощи запугивания расстрелами, грабежами и пр. У казаков имеются офицеры, хотя командные должности выборные на сходе; при наших разведчиках состоялся митинг, было течение — кончить восстание сдачей, должны были выбрать делегатов в другие полки; старики-монархисты одерживали верх, когда наша разведка была удалена от собрания казаков...»³²⁹ Тут Прибоченко ударился в другую крайность и отметил в докладе: «На основании этих материалов полагаю, что течение на сдачу не может иметь практического для нас значения, хотя мы будем углублять раскол среди кадетов воззваниями и газетами», а как получим патроны, «пойдем выкуривать кадетскую рвань пулей и огнем, я намерен уничтожить огнем места прикрытия казаков — хутора Лученский, Грушевский, Латышев, а скот весь конфисковать... 4/V. Прибоченко».

Однако патроны запаздывали, да и срок, данный казакам на раздумья, истекал лишь 5 мая. Так что были еще попытки повстанцев продолжить переговоры. Тем временем повстанче-

---

³²⁹ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 48. Л. 112.

ское командование начало переброску в район переговоров надежных частей.

Со своей стороны казаки стали стягивать силы на пути наступления экспедиционных войск 8-й армии. 21 апреля (4 мая) 2-я повстанческая дивизия получила приказ стянуть пехоту в хутор Ейский и поддержать набег 3-й дивизии на хутор Варваринский, который намечался на 3 часа ночи с 21 на 22 апреля (4—5 мая).

Набег (атака 3-й Казанской дивизии через Дон на Варваринский и налет мигулинцев на обозы) состоялся, но был отбит 103-м полком красных.

5 мая ярые контрреволюционеры, встревоженные переговорами и пассивностью повстанческого командования, направили к белым двух гонцов — К.Е. Чайкина и Г.А. Мирошникова от Казанской и Мигулинской станиц. Повстанцы везли просьбу «дать им вождей», а заодно патроны и деньги.

Уполномоченный от ЦК и СТО Белобородов о переговорах с повстанцами вообще не знал. Он мыкался в поезде по разбитым веткам между группировками экспедиционных войск и слал Ленину телеграммы о плохом состоянии железных дорог.

Обострился конфликт в Боковской конной группе. Несдержанный Прибоченко, опасаясь шпионажа, поймал в здании штаба местную жительницу, некую «урядничиху Боркунову», которая ошивалась там «по своим делам», и выгнал ее плетью. Мухопереч пригласил фельдшера, и тот освидетельствовал потерпевшую. «Коллегия коммунистов Морского и Интернационального батальона на общем собрании 5/V постановила создать следственную комиссию из коммунистов и одного представителя местного исполкома по жалобе гражданки Боркуновой», на теле которой обнаружили 10 полос.

Перепуганный Прибоченко написал в РВС армии: «...Доношу, что штаб группы “своих людей” начал поход против меня способом интриг среди красноармейцев... Считаю свое пребывание на должности полезным при условии роспуска “штаба своих людей”...»

Между тем в верхах решался вопрос о переговорах с мятежниками. Член РВС фронта и 9-й армии И.И. Ходоровский получил донесение Прибоченко 3 мая, но хода делу не давал, изучал обстановку.

К переговорам советское командование готовилось. Среди мятежников распространялись листовки с призывом: «Так лучше опомнитесь теперь, выдайте всех офицеров, зачинщиков, подстрекателей». Естественно, сдаче в плен сопутствуют переговоры в той или иной форме, так что штаб эксвойск не удивился стремлению мятежников вступить в контакт, но от казаков ожидалось несколько иные предложения.

5 мая Мухоперцу и Прибоченко прислали шифровку: «До представления казаками официального заявления в письменном виде с Вашей стороны переговоров быть не должно. Никаких политических вопросов самостоятельно не разрешайте, обращайтесь в Реввоенсовет. Ходоровский... Никаких чрезмерных обещаний казакам не давайте. Княгницкий... Ни под каким видом не втягивайте красноармейцев в те или иные переговоры, о всяких шагах должны знать т. ком. группой Мухоперца и комиссар т. Прибоченко и лица ком. состава не ниже полковых комиссаров».

5 мая Ходоровский направил донесение из конной группы телеграфом вверх по инстанциям: «Троцкому по месту нахождения, Москва, Совнарком, Ленину, РВС Южного фронта, Козлов...» Ответ из РВС Южного фронта пришел поздно ночью. Гиттис и Сокольников дали четкие инструкции: «Переговоры с Прибоченко пока имеют лишь вид маневра со стороны повстанцев... Продолжение переговоров не должно никоим образом останавливать нашего наступления. Это приказываем категорически. Если будут продолжаться переговоры, они должны вестись только с теми частями повстанцев, которые находятся непосредственно на боевом участке. Переговоры могут сводиться только к предложению сдать в 24 часа на условиях выдачи командного состава, сдачи оружия и лошадей. Сдавшимся гарантировать сохранение жизни. При заявлении о желании

вести переговоры от общего имени всех мятежников разрешается предложить посылку делегации в Ревсовет 9. Делегации гарантировать неприкосновенность, но военные действия ни в коем случае, никоим образом на фронте не останавливать»³³⁰.

Дошли ли эти донесения до В.И. Ленина — неизвестно. Во всяком случае, в Биохронике о них не говорится. Зато известны две телеграммы Ленина от 6 мая: 1) Белобородову — «Крайне удивлен, что и во второй Вашей телеграмме ни слова о ходе порученного Вам дела. Ускорение абсолютно необходимо. Спешите и подгоняйте всех. Отвечайте подробнее»; 2) Сокольникову и Колегаеву — «Промедление с подавлением восстания прямо-таки возмутительно. Сегодня видел известие, что подавление не подвигается. Необходимо принять самые энергичные меры и вырвать с корнем медлительность. Не послать ли еще добавочные силы чекистов? Телеграфируйте подробнее. Проволочка с восстанием нетерпима»³³¹.

Условия РВС Южного фронта были переданы повстанцам. Сдача на условиях выдачи командного состава повстанческому руководству не улыбнулась. Отныне его ориентация резко изменилась. И все же часть повстанцев была готова продолжить переговоры и положить оружие.

23 апреля (6 мая) бои на повстанческом фронте вспыхнули с новой силой. Прибоченко доносил: «В наше наступление 6 мая к нашему разъезду вышел навстречу делегат от казаков, его направляют сегодня в РВС 9 для информации. В тот же раз выходила колонна казаков, как выяснилось потом, для сдачи, но наш пулемет и артиллерия обстреляли их на расстоянии 400—600 шагов, после чего завязалась перестрелка с обеих сторон из ружей и артиллерии»³³². 14 повстанцев было убито.

Повстанцы, видимо, были в смятении. В полках начались перевыборы командного состава. Так, 23 апреля (6 мая) был

---

³³⁰ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 113. Л. 469.

³³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 306—307.

³³² РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 113. Л. 468.

избран новый командир Мигулинского пешего полка — хорунжий П.С. Прибытков.

Сотрудники ЧК Смирнов и Балакирев сообщили, что восставшие желали послать своих представителей во ВЦИК для объяснения, но нашим штабом переговоры были запрещены, причем казачьи делегаты «понесли поранения» нашими снарядами, после чего «покаялись переговоров не вести и умереть всем с честью».

103-й полк красных, двигаясь вдоль Дона, вышел к хутору Белогорка и настиг там какой-то обоз, отступающий к Вёшенской. Но другие части — 104-й, 13-й кавалерийский полки и курсанты — к Вёшенской не вышли, увязли у Наполова и Верхне-Чирского, и 103-й полк вынужден был остановиться.

Чтобы отвлечь внимание повстанцев от направления главного удара, экспедиционные войска перешли в наступление от Усть-Хоперской, а на левом берегу Дона атаковали хутор Медвежий и слободу Солонка. Кронштадтский полк ударил на деревню Березняги.

Под Усть-Хоперской при помощи броневедомобиля «Фиат» красные, по их сведениям, «перебили несколько сот казаков». Но под Березнягами они потерпели поражение. Ставка делалась на Кронштадтский полк, его даже разделили «для устойчивости» фронта экспедиционных войск. Но «полк с выбитыми кадрами спешно перед отправкой на Дон был пополнен бородатыми дядями — ратниками Мировой войны... и молодняком, не успевшим познакомиться даже с запасными батальонами... И речи политрука о задачах пролетарской революции вызывали у них пока только тяжкие вздохи»³³³. В целом полк состоял «не из матросов, а из рабочих и отчасти штрафных (дезертиров)»³³⁴. Из штрафных состоял весь 3-й батальон полка³³⁵.

---

³³³ Буйский А. День в бою. Курсанты под Мигулинской. М., 1928. С. 12.

³³⁴ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 313. Л. 96 об.

³³⁵ Там же. Оп. 2. Д. 217. Л. 12.

При атаке на Березняги этот 3-й батальон был встречен контратакой и «позорно бежал», потеряв 120 человек и оставив 8 пулеметов. Благодаря стойкости комсостава и коммунистов удалось спасти остальные.

Повстанцы со своей стороны подтверждали, что под Березнягами «отбились от матросов» и взяли 120 пленных, но всех их расстреляли («Пленных тут же расстреляли, так как все казаки были очень озлоблены») ³³⁶.

Перейдя в наступление, повстанцы разбили под Новобородицком батальоны Калачовского полка и 2-й Богучарский полк (из караульных частей) на линии Лиманский — Глубокая.

24 апреля (7 мая) день неустойчивого равновесия. Боковская конная группа красных двинулась в наступление из района Грушевский — Ягодный, обходя Каргинскую с северо-востока, заняла эту станицу, но была выбита, потеряв 11 раненых.

Курсанты были окружены в хуторе Лиховидове. 13-й кавалерийский полк вел тяжелый бой за хутор Верхне-Чирский.

Красное командование планировало оттянуть 103-й полк обратно на Варваринский, а другими полками с севера ударить на Верхне-Чирский. Курсантам — прорваться на хутор Яблоновский, а дивизиону 13-го кавалерийского полка выдвинуться на Гусынку-Климовку. К Яблоновскому подтягивался 104-й полк, к Колодезному из Тиховского — 107-й. К 8 мая планировалось занять линию Яблоновский — Верхне-Чирский — Варваринский. То есть линия фронта выравнивалась, создавался подвижный резерв (107-й полк), конница прикрывала наиболее опасный правый фланг.

Как видим, в разгар боев идея таранных кулаков сменилась идеей выравнивания фронта, выдавливания.

Казаки в ожидании нового наступления концентрировали силы в районе хуторов Токин — Фролов — Водянской — Базковский. Сюда прибыл с Казанским конным полком (5 сотен) и

---

³³⁶ Сириус. Указ. соч.

партизанским отрядом хорунжего Шумилина командир 3-й повстанческой дивизии сотник Егоров, до этого дравшийся под Варваринским. Партизанский отряд сразу же был пополнен за счет казаков 2-й Мигулинской дивизии.

Сами мигулинцы концентрировали силы у хуторов Ейский (3 сотни — до 900 человек) и Наполов (2 пешие и 1 конная сотни — до 1 тысячи человек). Видимо, в эти особые сотни явились стар и млад из названных хуторов. Сюда же прибыли 3 конные сотни, 30 тысяч патронов и 1 пулемет из Каргинской, из 1-й повстанческой дивизии³³⁷.

25 апреля (8 мая) в 6 утра начали наступления экспедиционные войска 9-й армии. Батальон лыжников двинулся из Усть-Хоперской на хутора Чеботарев и Ягодный. Несмотря на это, с угрожаемого участка были сняты конная и пешая сотня Вёшенского полка Отдельной бригады и переброшены в хутор Меркуловский на поддержку казанцам и мигулинцам. Более того, 5-я повстанческая дивизия нанесла отвлекающий удар всеми четырьмя полками — попыталась прорваться в Хоперский округ, — но была отбита, оставив на поле боя, по данным красных, 100 убитых и 70 раненых.

Экспедиционные войска 8-й армии 25 апреля (8 мая) к 20 часам за день боев заняли линию Тиховской — Калиновский — Варваринский — Наполов — Лиховидов.

Повстанческая ударная группа из хуторов Водянского — Фролова — Базковского в сумерках бросилась вперед. Встречным ударом был отброшен наступавший на хутор Ейский 104-й полк. Казанская конница и партизанский отряд прорвались на хутора Провальский — Колодезный и достигли хутора Сетраков. Оттуда казанцы повернули и нанесли удар вдоль дороги Мешковская — Федоровский — Казанская. В станице Мешковской ими был захвачен и уничтожен штаб 1-й экспедиционной бригады, комиссар бригады Михайлов — зарублен. Связь между красными бригадами прервалась.

---

³³⁷ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 363. Л. 157.

2-я повстанческая дивизия навалилась на разрозненные красные части. Как сообщали красные, «упорство, доходящее до безумия, проявили казаки, когда возникала возможность захватить патроны»³³⁸. Утром 26 апреля (9 мая) курсанты и батальон Кронштадтского полка вновь оказались в окружении в хуторе Лиховидове и с трудом пробились на хутор Поповский. Красные оставили Мигулинскую и едва удержали от подходивших мигулинцев и вёшенцев Мешковскую.

Казанская конница, возвращаясь из рейда, вышла к своей станице, но на переправе через Дон была прихвачена 103-м Богучарским полком, который стремительно, но в порядке уходил из Варваринского и Мигулинской. После боя, доходившего до рукопашной, казанцы переправились, потеряв убитыми начальника партизанского отряда хорунжего Шумилина и одного из инициаторов восстания подхорунжего Алиманова.

Советское командование признавало, что только после прорыва 25—26 апреля (8—9 мая) у Мешковской было уделено должное внимание возможности прорыва повстанцев на соединение с Донской армией³³⁹.

27—28 апреля (10—11 мая) повстанцы вели упорные бои за овладение Мешковской и Скельным, где держали оборону курсанты. В бою погиб командир 2-го батальона Мигулинского пешего полка В. Сергеев. Под политкомом экспедиционных войск Колегаевым была убита лошадь, сам он сильно расшибся³⁴⁰.

28 апреля (11 мая) в штабе Южного фронта было получено ложное сообщение, что повстанцы прорвались на Миллерово, и последовал приказ экспедиционным войскам наступать с севера и востока, чтобы оттянуть силы повстанцев³⁴¹,

---

³³⁸ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 48. Л. 11.

³³⁹ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 665. Л. 37.

³⁴⁰ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 192. Л. 68.

³⁴¹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 192. Л. 65.

а 29 апреля (12 мая) — приказ экспедиционным войскам об обороне и удержании позиций. Наконец, 30 апреля (13 мая) пришло успокоительное донесение, что 28 апреля (11 мая) у Мешковской казаки понесли большие потери, а причина наступления — отсутствие патронов, которые они думали захватить в Мешковской³⁴².

Впрочем, наступление советских войск с севера было невозможно. 3-я бригада экспедиционных войск 8-й армии была расстроена, батальоны 3-го Кронштадтского полка отказались идти в наступление во второй раз после первого неудачного боя.

Северная группа экспедиционных войск 9-й армии 27 апреля (10 мая) заняла хутор Ежовский, но была там окружена и после 8-часового боя еле прорвалась и ушла на Усть-Бузулуцкую, в бою были потеряны 1 орудие и 6 пулеметов (еще 4 пулемета потерял конный дивизион), добровольческие отряды красных казаков «в бою предательски перешли на сторону повстанцев»³⁴³ (речь идет о входивших в северную группу с 13 (26) апреля дружинах Акишевской, Алексеевской и Усть-Бузулукской станиц).

Дороги на Акишевскую и Тишанскую для повстанцев были открыты. В близлежащих хуторах вспыхнуло восстание, но к вечеру было подавлено, причем был отдан приказ «зачинщиков расстреливать на месте, а не таскать по штабам»³⁴⁴.

Но казаки (их силы на этом направлении красные определяли в 7—8 полков кавалерии, 2 полка пехоты, 2 орудия, 4—5 пулеметов) на север не пошли.

Северо-восточный участок повстанческого фронта за весь период восстания оставался самым стабильным, «неподвижным», так как здесь красные удерживали на правом берегу Хопра станицу Слащевскую и рядом с ней хутор Крутовской,

---

³⁴² РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 192. Л. 70.

³⁴³ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 313. Л. 97 об.

³⁴⁴ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 313. Л. 107.

как своего рода плацдарм, с которого могли перейти в наступление вглубь Верхне-Донского округа. Сама станица Слащевская высилась на меловом косогоре, и доступ к ней был только с южной стороны. Взять ее было очень трудно. Бои шли в основном севернее Слащевской, где повстанцы и противостоящие им замурцы «упражнялись в наездничестве». Оставить Слащевскую без присмотра повстанческое командование не могло.

Во время разлива, когда Слащевская и Крутовской были отрезаны от левого берега и главных сил, повстанцы пытались захватить Крутовской. Ночной атакой хутор был взят, а защищавшие его красные казаки после рукопашной загнаны по пояс в воду. Однако, стоя в воде, красные оторвались от повстанцев, которые в холодную воду не полезли, и открыли огонь. Повстанцы, не имея патронов, сначала прятались за плетнями, но с рассветом «с большой досадой» ушли из хутора³⁴⁵.

Чтобы наступать на север или северо-восток, за Хопер, повстанцам так или иначе надо было брать Слащевскую. Атака была назначена на 29 апреля (12 мая). Ночью перед атакой из Слащевской к повстанцам пришли несколько казаков, сообщили пароль и указали место двух красных застав. Взвод вахмистра И. Ушакова обе заставы снял той же ночью без выстрела.

На рассвете Решетовская сотня Вёшенского полка под командованием вахмистра Антипова (300 казаков) в пешем строю пошла на Слащевскую. Остальные сотни полка стояли в резерве, так как местность не позволяла развернуть большие силы. Красная батарея из-за Хопра открыла огонь, с колокольни ударили красные пулеметы. Неся потери, повстанцы все же ворвались в станицу и сбросили красных в Хопер. По сведениям Е.Ф. Кочетова, в Слащевской было захвачено 4 пулемета и много патронов, красных убили больше 300, сами потеряли

---

³⁴⁵ Кочетов Е.Ф. Указ. соч. С.194.

около 200 убитыми. Из одной лишь Решетовской сотни было убито 63 казака³⁴⁶. По советским сводкам видно, что Слащевскую заняли в 18 часов. То есть бой шел целый день.

Судя по советским сводкам, красные Слащевскую удержали, убили 50 повстанцев и взяли в плен 24.

На следующий день Московский и Заамурский полки с батареей повели наступление севернее Слащевской от хутора Кузнечикова на хутор Шакин.

По версии Е.Ф. Кочетова, Ушаковская и Колундаевская сотни Вёшенского полка сдерживали это наступление. Колундаевская сотня спешила и залегла за Слащевским шляхом, а Ушаковская рассыпала лаву перед красными. Красные наступали цепями, имея на фланге 3 эскадрона кавалерии во взводных колоннах.

Ушаковская сотня перевалила шлях и укрылась в ложине, Колундаевская открыла огонь. Красная пехота остановилась, не доходя шляха, и стала окапываться.

Командир Вёшенского полка Дарин (которого Е.Ф. Кочетов в своих воспоминаниях характеризует: «туповатого толку (пехотинец)») приказал Ушаковской сотне атаковать красную пехоту. Кочетов указал ему на три эскадрона красной кавалерии. Дарин ответил, что на них ударит Белогорская сотня (из хоперских повстанцев), а ушаковцев поддержит Колундаевская сотня.

Е.Ф. Кочетов с Ушаковской сотней на рысях подошел к шляху, перевалил его и атаковал. «...Понеслись, как только могли кони идти. Доскакали до первой цепи, пехота побегла, побросала винтовки, поднявши руки. Пошли во всю мочь на вторую. В этот момент из Крутой балки выскочили три эскадрона конных красных казаков и с фланга сразу смяли мою сотню. Мы повернули назад, стали уходить как попало.

После этой атаки в сотне не доставало пять казаков, моих хуторцов. После оказалось, что этих белогорских сотен и не

---

³⁴⁶ Кочетов Е.Ф. Указ. соч. С. 196.

было. Да и Колундаевская сотня пока добегла до коноводов, села на коней, построилась... А тут все застыло. Ведь атака это момент: минуту опоздал, все пропадает»³⁴⁷.

5-й Заамурский полк в своих сводках подтверждает, что 30 апреля (13) мая две сотни полка провели атаку в конном строю, ударили в правый фланг наступающим повстанцам.

В целом бои за Слащевскую и севернее ее так и остались боями местного значения.

На восточном направлении экспедиционные войска и повстанцы обменялись не менее ощутимыми ударами. 27 апреля (10 мая) казаки повели наступление на Усть-Хоперскую, но были отбиты. Красные при помощи броневика «Фиат», преследуя, заняли хутора Бобровский, Зимовнов, Чеботарев и Девяткин, взяли 2 пулемета и пленных.

В ночь с 27 на 28 апреля (10—11 мая) казаки атаковали Боковскую и произвели налет на хутор Горбатов, но тоже неудачно. Наградные документы на Саратовский кавалерийский полк (полк был награжден почетным Красным Знаменем) гласят: «В мае месяце 1919 года на повстанческом Вёшенском фронте полк занимал хут. Горбатов. В ночь с 23 на 24 (дата дана ошибочно, с неверной поправкой. — А.В.) противник силою до 1500 сабель окружил его и, прорвавшись в хутор, разъединил полк на две части. Несмотря на это, красноармейцы быстро оправились, и завязался горячий бой. Отрезанные 1-й и 4-й эскадроны, врезавшись в гущу противника, пробились и соединились с остальной частью полка. Затем, отойдя за хутор, полк бросился в контратаку и выбил из него противника с большими для него потерями»³⁴⁸.

Повстанцы действительно оставили на поле боя 26 убитых казаков и командира 3-й сотни 2-го Вёшенского полка Баранова, 137 раненых были увезены в станицу Вёшенскую.

---

³⁴⁷ Кочетов Е.Ф. Указ. соч. С. 197.

³⁴⁸ Боевые подвиги частей Красной Армии. 1918—1922. М., 1927. С. 102.

Но все это были уже частные столкновения. Главным итогом боев 18—29 апреля (1—12 мая) 1919 года был срыв очередного наступления экспедиционных войск на повстанцев.

30 апреля (13 мая) П.Н. Кудинов отдал приказ № 12 по повстанческим войскам: «Приношу мою глубокую благодарность героям защитникам Тихого Дона и поруганных прав человечества от насилий и глумлений кровожадных банд коммунистов: 3-й славной дивизии за бои с 25 по 29 апреля с.г., 4-й и 5-й дивизии за бои с 27 по 29 апреля с.г. и неустрашимым героям 1-й отдельной бригады: 3-й конной Ягодницкой сотне и отдельно 5-й пешей сотне верхней части станицы Вёшенской за бой 27-го у х. Горбатова.

Верьте, что не только Батюшка Дон, но и поруганная и угнетенная Россия преклонится перед вашим мужеством»³⁴⁹.

В ходе боев большие потери понесли части экспедиционной дивизии 9-й армии. Почти вдвое сократился состав 5-го кавдивизиона и батальона лыжников (на 15 мая 1919 года — 486 штыков).

Наступавшая экспедиционная дивизия 8-й армии пострадала еще больше. В двух батальонах Кронштадтского полка, приданных 3-й бригаде, от 1325 штыков осталось 500, из них «половина ненадежных». Калачовский полк бригады характеризовался как «неустойчивый», а Воронежский конный — как «небоеспособный»³⁵⁰. 104-й стрелковый полк вообще разбежался.

В целом потери экспедиционных войск 8-й армии с 1 по 15 мая н.с. были следующие³⁵¹:

	Убитых	Раненых	Без вести	Дезертиров	Пленных
103-й полк	12	30			
104-й полк	62	152	412		

³⁴⁹ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 137. Л. 3.

³⁵⁰ РГВА. Ф. 192. Оп. 2. Д. 217. Л. 12.

³⁵¹ Там же. Ф. 100. Оп. 3. Д. 254. Л. 20—21.

ВЁШЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Тамбовские курсы	3	39	9		
Рязанские курсы	6	54	21		
106-й полк	4	28	2		
107-й полк	4	17			
3-й Кронштадтский полк	78	273	411	90	9
1-й конный	2	9	1		
1-й Калачовский	50	70	116	42	
<i>Из них командиров</i>	3	12	1		1
<i>Рядовых</i>	219	670	977	132	8

Кронштадтский полк потерял еще и 8 пулеметов.

Обманувшийся в своих предположениях политком Прибоченко тревожно доносил: «...Настроение красноармейцев таково, что готовы истребить даже мирных казаков, ибо считают их поголовно контрреволюционерами». Впрочем, Прибоченко было теперь не до переговоров. Реввоенсовет армии занялся инцидентом в штабе Боковской группы. На запрос Ходоровского о причинах и сути конфликта командир Мухоперец 8 мая ответил, что трений с комиссаром не было и нет, «были недоразумения насчет братания», во время которых штаб «стал в оппозицию». Относительно переговоров Мухоперец упрямо повторил, что «с бандитами можно говорить только пулеметами», а затем пространно изложил суть инцидента с «гражданкой Боркуновой». «Братание» — это уже было серьезно. И хотя испуганный Прибоченко оправдывался («Доношу, что никакого братания не было. При первом известии о стремлении мятежников завязать переговоры с красноармейцами мною отдан приказ № 125 политкомам всех частей не допускать таковых и самим не переговариваться с мятежниками под страхом расстрелов»), 13 мая РВС предложил политотделу армии найти замену политкому Боковской группы. 20 мая на место отозванного в распоряжение политотдела Прибоченко был назначен комиссар по мобилизации Чернышевской волости Язгур.

Срыв мирных переговоров нанес ощутимый удар по позициям «умеренного течения» среди повстанцев. Резко возросло число сторонников прорыва на соединение с белым фронтом.

В своих мемуарах сразу же за описанием всех этих боев и рейдов Кудинов заявил: «...В критический момент армия восставших могла бы прорвать фронт красных там, где бы она захотела, и с успехом отыскала новое поле для нового боевого счастья. Но не об армии болела казачья душа, а о тех несчастных детях...» и т.д. Короче, «...я решил драться до последней возможности, а подготовленный план прорыва иметь в запасе».

В разгар боев установилась связь между повстанцами и Донской армией — и начинается новый этап борьбы.

ГЛАВА 7

«Казачи очень сильно раскаиваются...»

(Из белогвардейских газет)

Все время восстания в Верхне-Донском округе отошедшие за Донец и Сал силы Донской армии продолжали вести бои.

После начала ледохода на Донце активные действия велись красными против 1-й Донской армии на реках Сал и Маныч и против 3-й Донской армии в Донецком бассейне.

Северный Кавказ был красными покинут. 13 (26) января командование Каспийско-Кавказского фронта докладывало главному: «Наступление, удачно начатое 11-й армией, не удалось по причине эпидемии сыпного тифа, уложившей в госпиталя до 60 тысяч человек, а также неустроенности частей и деморализации вследствие неорганизованности»³⁵². 28 февраля (13 марта) Каспийско-Кавказский фронт был вообще упразднен. Все это, как мы знаем, позволило Деникину развернуть «добровольцев», кубанцев и терцев на север, на помощь донцам.

Против 1-й Донской армии действовала 10-я армия красных. Ее конница под командованием Думенко и Буденного 3 (16) марта вышла на Сал и заняла слободу Мартыновку. Узнав, что штаб 1-й Донской армии расположился в Велико-

---

³⁵² Директивы главного командования Красной Армии. М., 1969. С. 272.

княжеской, Буденный 4 (17) марта перешел Сал, занял родную станицу Платовскую, а через день, обойдя с юга, захватил Великокняжескую, но столкнулся здесь с частями Кавказской Добровольческой армии и ушел обратно за Сал на речку Солоную в хутор Морозов.

В Донецком бассейне красные готовили кулак для удара на Ростов — Новочеркасск и сосредоточили здесь три армии: 8-ю (в районе Луганска), 13-ю (бывшая группа Кожевникова в районе Никитовки) и части 14-й (бывшая 2-я Украинская от Волновахи до Азовского моря). По мнению белых, здесь было сосредоточено до 70 тысяч солдат противника, настроенных непримиримо.

По советским данным, в 8-й и 13-й армиях было 26 000 штыков и 3000 сабель, еще ожидалась 12-я стрелковая дивизия в 10 000 штыков, а украинские советские части были в тот период представлены партизанами Махно — 10 000 человек. Всего до 40—50 000 бойцов³⁵³.

Что касается непримиримости, то действительно 11 (24) марта в Инзенскую дивизию из штаба 8-й армии пришла телеграмма такого содержания: «При вступлении наших частей в местности, населенные казаками, впереди которых находятся еще лица, готовые на все для организации белогвардейских сил в тылу Красной Армии, при занятии нами самых очагов донской контрреволюции громадное значение приобретает полнейшее уничтожение путем массового террора русского офицерства, юнкеров, бежавших на Дон, донского офицерства и помещиков. Обращаем самое серьезное внимание всех политических работников на необходимость проведения беспощадного организованного террора»³⁵⁴.

В конце марта очередное наступление красных через Донец было отбито. Донское командование настаивало на развитии успеха и ударе на Миллерово, навстречу повстанцам.

---

³⁵³ Какурин Н.Е. Указ.соч. Т. 2. С. 139.

³⁵⁴ РГВА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 675. Л. 50.

Слухи о начале восстания дошли до донского командования 9—11 (22—24) марта, а 19 марта (1 апреля) из трофейных советских документов существование восстания было установлено документально³⁵⁵.

22 марта (4 апреля) на связь с повстанцами вылетел первый самолет (летчик — поручик Федоров, наблюдатель — член Войскового Круга, вёшенский станичный атаман Н. Варламов). Посланцы везли письмо от Верхне-Донского окружного совещания, где говорилось, что Донская армия узнала о восстании из захваченных советских документов, в которых якобы было приказание уничтожать все мужское население Верхнего Дона от 12-летнего возраста. В письме был призыв: «идите на соединение к нам» и короткая неясная подпись «Донцы». По данным «Вольной Кубани» депутату Круга, помимо письма поручалось передать повстанцам «инструкции командования»³⁵⁶. Однако гонцы не долетели и вернулись из-за нехватки бензина.

Тем не менее 23 марта (5 апреля) Сидорин настаивал: «Удар на Миллерово приобретает особо важное значение»³⁵⁷. Операция намечалась на 24 или 25 марта (6—7 апреля), но после того, как будет разбита Луганская группа красных. В результате с 23 марта (5 апреля) донцы вновь начали наступление на Луганск. Бои затянулись до 28 марта (10 апреля).

Советское командование, потеряв инициативу в Донском бассейне, приняло решение изменить направление главного удара. 21 марта (3 апреля) командование Южного фронта отдало приказ нанести главный удар на участке 10-й армии через Сал и Маныч вдоль левого берега Дона. Ударная группа (полторы стрелковых дивизии и одна кавалерийская) должна была дойти до станицы Хомутовской и станции Каяла, что повлекло

---

³⁵⁵ Добрынин В. Борьба с большевиками на Юге России. Участие в борьбе донского казачества. Прага, 1921. С. 71.

³⁵⁶ Вольная Кубань. 1919. 29 марта (11 апреля).

³⁵⁷ Вольное казачество. № 219. С. 16.

бы «полное окружение и уничтожение противника». «Действия бригады Махно на Таганрог и частей 10 армии на Батайск дадут возможность произвести стратегическое окружение противника, энергичное наступление 13, 8 и 9 армий превратит это окружение в тактическое, а это последнее должно дать возможность полного уничтожения противника...»³⁵⁸.

Вновь загремели бои по Донцу и Манычу. На Донце отличились «партизаны» — студенческая молодежь, на Маныче (вернее — уже к югу от Маныча) кубанцы Врангеля остановили конницу Буденного. Буденный вспоминал об этом трехдневном бое так: «Сражение под Камышевахой осталось у меня в памяти как одно из самых тяжелых. Не только противник, но и мы понесли большие потери, пожалуй, самые большие за все операции 1919 года»³⁵⁹.

В результате операции, руководимой самим Деникиным, конница Буденного вместе с другими частями 10-й армии ушла за Маныч. Донские эмигранты впоследствии не без злорадства вспоминали, что после столкновения с корпусами Шатилова, Улагая и Мамонтова Буденный за 22 часа прошел 130 верст от Хомутовской к Платовской и Эльмуту³⁶⁰.

Пока кубанцы, терцы и приободрившиеся донцы теснили 10-ю армию красных за Маныч, на западном направлении — в Донецком бассейне и под Луганском — тоже назрел перелом.

Теперь главное внимание Донского командования было занято подготовкой операции по прорыву к Верхне-Донским повстанцам, что могло бы разрушить весь советский фронт на Дону.

Силы большевиков на Дону и Донце с начала зимнего наступления резко сократились. 8-я армия под Луганском сократилась до 12 000. 20-тысячная 9-я армия, состоявшая из трех

---

³⁵⁸ Директивы командования фронтов Красной Армии... Т. 2. С. 233.

³⁵⁹ Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1958. С. 161.

³⁶⁰ Родимый край. № 94. С. 12.

дивизий, растянулась на 200 километров по фронту³⁶¹. 10-я армия, более многочисленная, растянулась на 340 километров.

Причиной сокращения численности войск были эпидемии. Весной 1919 г. тиф вывел из строя 40—50 % личного состава 9-й армии³⁶². Пленные показывали, что красные полки, доходившие во время наступления до 2000—3000 штыков, сократились до 80—100 человек из-за сыпного тифа, испанки, многие погибли в боях.

На 2 (15) мая один из полков мионовской конной бригады состоял из 409 сабель, другой — побывавший на плацдарме за Донцом — из 119³⁶³. Командование признавало: «В полку стала сказываться усталость от непрерывных боев. Началась деморализация, побег из полка, переход на сторону врагов. Заколебалась вера в победу»³⁶⁴.

Не лучше была ситуация и по другую сторону фронта. Жители Черкасского округа жаловались, что красные были у них три дня и забрали часть хлеба, а погнавшие их кубанцы забрали и муку, и коров, и продовольствие, «и те и другие давали квитанции, по которым, конечно, денег не получишь»³⁶⁵. Кагальницкую станицу, куда красные не дошли, грабили хоперцы, кубанцы и терцы³⁶⁶. Калмыки Сальского округа жаловались: «Большак хлеб узял, кубан скот угнал, один солбод (свобода. — А.В.) остался»³⁶⁷.

Силы, которые донцы сосредоточили на Донце и Маныче, не превышали численности одной 9-й армии. По данным К.А. Мерецкова, войска 2-й Донской армии, стоявшей против 9-й со-

---

³⁶¹ Мерецков К.А. На службе народу. М., 1971. С. 36.

³⁶² Липецкий С.В. Ленинское руководство обороной страны (1917—1920). М., 1979. С. 188.

³⁶³ РГВА. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 112. Л. 436.

³⁶⁴ Боевой путь блинцев. История боев и походов 5-й Ставропольской имени товарища Блинова кавалерийской дивизии. Ставрополь, 1930. С. 31.

³⁶⁵ ГАРФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 14. Л. 26.

³⁶⁶ Там же. Л. 10.

³⁶⁷ Там же. Д. 19. Л. 37.

ветской, насчитывали 12 500 человек, а остатки 1-й Донской, ударившей по 9-й советской чуть позже, — 7500 человек³⁶⁸.

Казачьи полки, стоявшие против 9-й армии, численно не превышали красные полки — на 23 апреля (6 мая).

22-й пеший — 100 штыков, 5 пулеметов.

21-й пеший — 150 штыков, 5 пулеметов.

23-й конный — 150 шашек, 2 пулемета.

25-й и 26-й конные — по 100—110 шашек.

Исключение составлял 46-й Каменский полк — 4 сотни по 125 штыков, 4 орудия, 8 пулеметов.

Генерал Абрамов, начальник 1-й Донской дивизии, отмечал, что его полки тают в месяц на 50 %³⁶⁹.

Тяжелой оставалась ситуация с боеприпасами. Командующий артиллерией Донской армии сообщил англичанам, что у него всего около двухсот выстрелов в день на всю армию и пехоте приходится атаковать без артиллерийской поддержки³⁷⁰.

Настроение многих казачьих полков было шатким. Красная разведка доносила, что на станции Первозвановка в апреле стоял 34-й пеший полк, «большинство солдат из седых стариков-казаков и калмыков; старики при наступлении плачут, говоря, что офицеры их обманули, уверяя, что большевиков легко удастся победить, и обещая поддержку со стороны союзников, теперь же они сознают свою ошибку и жалеют, что начали позорную войну из-за чужих интересов»³⁷¹. Тем не менее нравственный перелом уже, видимо, произошел. Донские войска стали готовиться к прорыву. Красноармейцев с аэропланов засыпали листовками с подложными приказами Троцкого об отмене борьбы с дезертирством³⁷². От имени «дедов» — беженцев из Верхне-Донского округа, «ныне оторванных от сво-

---

³⁶⁸ Мерецков К.А. Указ. соч. С. 42.

³⁶⁹ Матасов В. Белое движение на Юге России. 1917—1920. Мнреаль, 1990. С. 101.

³⁷⁰ Уильямсон Х. Указ. соч. С. 41.

³⁷¹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 334 (1). Л. 419.

³⁷² Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 48. Л. 119.

их родных углов». Распространялось воззвание «К врагам и братьям», где «деды» втолковывали красноармейцам: «И вам и нам безразлично, если банки от одних жидов перешли или перейдут к другим жидам»³⁷³.

Донское командование готовило две конные группы. Одну (8, 11, 12-я конные дивизии), перебросив из-под Луганска, концентрировали возле станицы Гундоровской. Другая (4-я, 13-я и Атаманская конные дивизии и пешая дивизия Сутулова) пока «приводились в божеский вид» и вместе с войсками Кавказской Добровольческой армии должны были разбить сначала 10-ю армию красных на Маныче.

Операция по освобождению Донской области от большевиков строилась на идее прорыва частей Донской армии с Донца на соединение с повстанцами. Основная тяжесть ложилась на наиболее боеспособную конную группу, которая только что разбила красных под Луганском. Возглавлял ее генерал Ф.Ф. Абрамов. «Задачей отряду было, переправившись через Донец, идти в Северо-Западном направлении к станицам Вёшенской и Казанской к восставшим казакам, которые ничего не знали об этом»³⁷⁴.

В связи с походом необходимо было установить связь с верхнедонцами. Некоторые из повстанцев тоже стремились к этому.

С момента восстания на связь с Донской армией ими было направлено 12 «пешеходов», и ни один из них не вернулся назад³⁷⁵. 12 (25) апреля в расположение Донской армии прибыл казак Лобов Казанской станицы. Из его сообщения донское командование поняло, что во главе восстания стоят выбранные казаками «случайные люди», лозунг восстания не соответствует идеологии Донской армии и ВСЮР, и первоначальный план соединения вряд ли выполним.

---

³⁷³ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 218. Л. 1–1 об.

³⁷⁴ Бугураев М. Поход к восставшим // Родимый край. 1973. № 104. С. 16.

³⁷⁵ Кудинов П.Н. Указ. соч. // Вольное казачество. № 83. С. 17.

26 апреля (9 мая) на связь с повстанцами на самолете марки «Вуазен» вылетел хорунжий Тарарин и наблюдатель сотник П.Г. Богатырев, чей двоюродный брат Г.М. Богатырев был командиром полка, а затем бригады в повстанческой армии.

Сотник Петр Григорьевич Богатырев, так вознесенный впоследствии в белогвардейской прессе, был казаком хутора Сингина Вёшенской станицы. Образование он получил в станичной школе, в 1912 г. простым казаком ушел на службу в 12-й Донской полк. На войне он заслужил три георгиевских креста и был направлен в 1916 г. в Новочеркасское юнкерское училище. В 1918 г. он занимал должность начальника окружной стражи Верхне-Донского округа.

О Петре Богатыреве автору хочется сказать особо. Петр Григорьевич Богатырев, чью фотографию я видел в еженедельнике «Донская волна», был удивительно похож на моего друга Ромку. Стоял он, Богатырев, белобрысенький и круглолицый, в глубине площадки у лестницы с лепными перилами, под сенью дерев. Стоял вполоборота, голову повернул, будто на камеру равнение делал. На плечах погоны юнкерские, на груди кресты георгиевские. Фуражечка, чуть сдвинутая, сидела на голове его «косо и лихо». Но, невзирая на позу воинственную, был он странно светел и умиротворен. Только что его, простого казака, за «боевые геройства» зачислили в юнкерское училище. Обеспечен ему был среди хуторян вечный почет, и новые горизонты открывались...

И еще одно фото видел я — начала 30-х годов. Стоял Петр Григорьевич в толпе таких же, как он, казаков-эмигрантов, и потому видно было, что роста он ниже среднего. Тянулся Богатырев, напрягался, как будто в обеих руках по полному ведру воды держал. Изменился страшно — волосы потемнели, глаза ввалились, и если б не надпись, то не узнал бы я его. Рядом стоял двоюродный брат его — Григорий Богатырев, высокий и сутуловатый. Смотрел в сторону. Глаза с усталым прищуром как бы говорили: «И чего вы к нам, бедолагам,

привязались?» Был он лыс в свои сорок лет (то-то я и думал: «В «Тихом Доне» все казаки чубатые, один комбриг Богатырев голову круглую наголо бреет. К чему бы это?») и выглядел на все шестьдесят.

Около 12 часов дня казаки 1-й повстанческой дивизии увидели, как неизвестный аэроплан опустился в степи между хуторами Сингиным и Кривским на «ничейной» территории. К самолету направился полувзвод казаков, с другой стороны показался разъезд красных. Красноармейцы, заметив казаков, не приближались, но летчик, разглядев повстанцев, одетых далеко не по форме, засомневался и готов был уже поднять свой «Вуазен» в воздух. Спасло то, что один из казаков узнал наблюдателя и окликнул его: «Богатырев, да никак это ты...», после чего помогли дотащить аэроплан до хутора Сингина, где был дом сотника.

Факт посадки самолета возле дома наблюдателя, а не в станице Вёшенской, которая была неподалеку, придавал прилету вид «частного дела». Дескать, не навязываемся. Но командование повстанцев, не ожидая пощады от красных и не веря в собственные силы, встретило «связников» с распростертыми объятиями.

Богатырев сообщил Кудинову и Сафонову, что о восстании стало известно от казака Казанской станицы и что белогвардейское командование сосредоточило на одном из участков фронта кавалерию и ждет лишь подтверждения о существовании восстания, чтобы прорваться к нему на помощь.

Рассуждать было некогда. 11 мая хорунжий Тарарин вылетел обратно, увозя донесения Богатырева и Кудинова. «Председателю окружного Круга Верхне-Донского округа. Х. Сингин, 28 апреля, 13 ч 50 мин. Доношу господам членам Войскового Круга, что восстание есть. Восстали станицы Казанская, Мигулинская, Вёшенская, Еланская, Слащевская, Букановская, часть Усть-Хоперской, Боковской, Каргинской и слобода Березняги.

Численный состав восставших до 25 000 человек. Ощущается недостаток в командном составе, снарядах, патронах, полное отсутствие денежных знаков, табаку, спичек.

Дух восставших хорош. Очень сильное тяготение к Донской армии на предмет соединения.

Нужда в особенности в командном составе. Денег просим прислать незамедлительно. Желательно генерала Гусельщикова и есаула Матасова. Если можно, войти с ходатайством перед командармом Сидориним и ген. Деникиным о прорыве фронта, чему могут способствовать восставшие...

Ввиду отсутствия командного состава остаюсь на службе здесь... Восстание произошло на почве экономической, а в особенности террора...

Просим прислать побольше литературы, в особенности с декларацией генерала Деникина. Ваш верный слуга сотник Богатырев»³⁷⁶.

Командующий Кудинов послал донесение командующему Донской армией и копию председателю Войскового круга. С демагогами из окружного совещания (с некоторыми, возможно, у него были личные счеты) он связываться не хотел. К тому же, имея 25-тысячную армию и реальную власть в округе, он свысока смотрел на сидевшего за Донцом Верхне-Донского окружного атамана.

В донесении Кудинов писал, что силы повстанцев сведены в 5 дивизий по 4000 и одну бригаду в 2500 человек, имеют на вооружении 14 орудий, 1 гаубицу и 15 тыс. винтовок. Были приведены данные о расположении повстанческих дивизий и о силах экспедиционных войск против каждой из них. Сообщалось, что повстанцы перерезали коммуникационные линии красных Себряков — Усть-Медведицкая — Калитвенская и Большой — Миллерово, захватили 100 пулеметов и 15 орудий, 1 автомобиль, 8 мотоциклов (но нет бензина).

Кудинов писал о нехватке комсостава, патронов (патронный завод производит всего 2000 патронов в день). Просил

---

³⁷⁶ Донские ведомости. 1919. 30 апреля (13 мая).

5 млн рублей на содержание армии. Что касается настроения казаков, то «наблюдается большая склонность на соединение с Донской армией».

Прилагался маршрут в случае прорыва повстанцев к белым: Боковская — Чернышевская — хутор Орлов — Скасырская — Карпово-Обрывская — Усть-Белокалитвенская или от хутора Орлова на Морозовскую, если в том округе вспыхнет восстание.

Помимо всего, прилетевший с Тарариным из Вёшенской радиотелеграфист подхорунжий Сафонов на словах доложил, что «везде были уничтожены комиссары, евреи и установлена казачья власть на старых началах». Газета «Приазовский край» приписала подхорунжему слова: «Кзаки очень раскаиваются в том, что, поддавшись большевистской агитации, они изменили казачеству и Дону, с нетерпением ждут времени, когда смогут соединиться с Донской армией и искупить свою вину, сражаясь за общее дело».

На самом деле все обстояло не так благополучно. Инициаторы мятежа, контрразведчики, «алферовцы» были оттеснены от руководства восстанием. Помимо «законной власти» — окружного совещания и окружного атамана, отсиживающихся за Донцом, — на территории округа существовала «советская власть за вычетом коммунистов». Реальная власть была сосредоточена в руках военных, подавляющее большинство которых, в свою очередь, самостоятельной роли не играло, так как было выборным и послушно повторяло эсеровские лозунги, скандируемые основной массой повстанцев.

Посланный на связь сотник Богатырев был «верным дроновцем» и при каждом удобном случае повторял это, но он был простой казак, однополчанин тех же Кудинова, Ермакова, Голицына, Медведева. Кудинов назначил его главным военным советником и даже провел в честь его прилета «показательный налет» на хутор Горбатов. Налет, как и всякая «показуха», закончился печально. 27 казаков были убиты, 137 раненых отвезли в станицу Вёшенскую. Петр Богатырев сразу же заразился

от повстанческой власти «самодеятельностью». Проскальзывающие в его донесении «просим», а не «прошу», указывали на внутреннюю сопричастность сотника к событиям и настораживали. Уже сама просьба прислать на командные должности генерала Гусельщикова и есаула Матасова, выбившихся из рядов казаков, говорила о многом.

Между тем обстановка требовала расширить контакты с верхнедонскими мятежниками и подчинить их действия общему плану антибольшевистских сил на Юге России. Английский военный представитель генерал Бриггс настоятельно советовал Сидорину послать новую миссию на Верхний Дон и даже обещал для этой цели специальный самолет.

Повстанческим командованием, в свою очередь, был отдан «Приказ № 11 по войскам Верхне-Донского округа» от 30 апреля (13 мая) 1919 г.: «Ввиду того, что предполагается частый прилет наших аэропланов, приказываю всякую стрельбу по аэропланам, не сбрасывающим бомбы, не производить»³⁷⁷.

В ночь на 28 апреля (11 мая), еще до возвращения самолета, конница Абрамова начала переправу. Место было выбрано против хутора Перебойный Гундоровской станицы, где у красных постоянного наблюдения за рекой не было, а Донец — «не широк, глубина доходила до пуза лошади»³⁷⁸.

Был собран заранее изготовленный из пролетов мост, по которому казаки перевели лошадей. Артиллерия перевозилась на пароме. К рассвету успел переправиться авангард — 78-й конный полк П.В. Савельева и 7-я батарея Бугураева. 20 орудий под общим командованием войскового старшины А.А. Упорникова были поставлены на закрытой позиции на правом берегу реки, чтобы прикрыть отход в случае неудачи. Около орудий сосредоточилась основная масса конницы, чтобы переправиться в случае успеха.

---

³⁷⁷ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 137. Л. 2.

³⁷⁸ Бугураев М. Указ. соч. С. 16.

Красное командование отреагировало: «Противник сосредоточил значительные силы в районе Северского Донца между Гундоровской и хутором Хрящеватым, видимо, с целью прорвать наш фронт в направлении Миллерово — Глубокая для поддержки повстанцев, связь с которыми, судя по последним активным действиям повстанцев в юго-западном направлении, очевидно, у него имеется. Частью сил противник переправился на левый берег Донца в районе Нижне-Грачинский — Уляшкин»³⁷⁹.

Авангард казаков повел наступление в сторону Каменской. «Захват противником станицы Старо-Каменской, — писали советские военные историки, — означал бы захват всех переправ в тылу Каменского плацдарма, что могло бы привести к окружению расположенных на нем частей»³⁸⁰.

Красные оставили Каменский плацдарм. Навстречу казакам Абрамова выступили два полка пехоты с двумя батареями. Завязался бой. Казаки вернулись на правый берег Донца, хотя орудия Упорникова и разбили одну батарею красных.

На другой день генерал Абрамов сказался больным, он говорил, что задача не по его летам, что ее должен выполнять молодой кавалерийский начальник³⁸¹.

В командование группой вступил по старшинству генерал Секретев.

Александр Степанович Секретев (12.08.1882 — ?) — казак станицы Нижне-Чирской, закончил Донской кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1901), выпущен хорунжим в лейб-гвардии Атаманский полк. Участник русско-японской войны в рядах 2-го Верхнеудинского полка Забайкальской казачьей дивизии. После войны возвратился в Атаманский полк. В 1907 г. уволился по болезни, в 1909 г. вновь поступил на

---

³⁷⁹ Директивы командования фронтов... Т. 2. С. 250.

³⁸⁰ *Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война 1918—1921. СПб., 2002. С. 277.

³⁸¹ *Бугураев М.* Указ. соч. С. 17.

службу. Прекрасный спортсмен. Занимал 1-е место на окружных скачках 2-го Донского округа. Мировую войну начал подесаулом 16-й отдельной сотни. Во время войны заслужил орден Св. Владимира 4-й степени и Георгиевское оружие за разведку и уничтожение заставы противника 4 сентября 1914 г. В конце войны — войсковой старшина, командир 24-го Донского полка (с 20 сентября 1917 г. по 16 февраля 1918 г.).

В Гражданскую войну воевал под Царицыном. С 24 апреля по 20 августа 1918 г. командир 1-го конного полка Чирского фронта; с 20 августа по октябрь 1918 г. — начальник Курмоярского отряда; с 1 ноября 1918 г. по 12 мая 1919 г. — начальник 12-й конной дивизии; с 12 мая по 5 августа 1919 г. — начальник конной группы; с 5 августа по эвакуацию — начальник 9-й конной дивизии.

В «японскую» войну ранен 1 раз, в «германскую» — 2, в гражданскую — 6.

Современник вспоминал: «Генерал Секретев в бою был храбр и спокоен. Всем был доступен, в обращении был прост, а не “самодур”, как некоторые другие начальники. Он всегда выслушивал мнение и младших командиров, его никто не боялся и, когда надо было, к нему все шли свободно — и офицеры и казаки. Он любил и берег казаков, на “убой” никого не посылал, и те платили ему тем же»³⁸².

По инициативе Секретева было изменено место прорыва фронта. Он предложил рвать его восточнее Гундоровской и Каменской, возле станции Репной. Возможно, во внимание был принят присланный повстанцами план маршрута в случае их прорыва навстречу Донской армии. Для передислокации нужно было время.

2 (15) мая еще один самолет (летчики поручик Веселовский и подпоручик Бессонов) вылетел на связь к повстанцам.

С самого начала контактов лидеры донской контрреволюции начали сложную дипломатическую игру по отстранению

---

³⁸² Бугураев М. Указ. соч. С. 17.

повстанческого руководства от власти. На данном этапе была поставлена цель оказания всемерной помощи «крайнему течению» и перетягивания на свою сторону повстанческого командования, обладавшего реальной властью на территории мятежников. Первым шагом здесь было присвоение чина есаула повстанческим командирам, которые отменили в своей армии погоны, чины и титулование.

Под предлогом, что Тарарин «под наплывом впечатлений и переживаний... не успел собрать многих необходимых сведений, крайне интересовавших штаб...», потребовался новый полет к восставшим, причем летчику и наблюдателю были даны руководящие указания по вопросам, которые надлежало выяснить. На сей раз вылетели не казацкие офицеры, а лица «нейтральные», представители Донской армии, но не казаки — поручик Веселовский и подпоручик Бессонов (о важности миссии можно судить по тому, что Веселовский впоследствии, уже в чине капитана, обеспечивал связь Деникина с уральцами и был послан для связи к Колчаку). Летчики везли три письма, составленных довольно хитро.

Кудинов в свое время проигнорировал Верхне-Донское окружное совещание и послал донесение командующему Донской армией и копию — председателю Круга. Ни один из адресатов Кудинову не ответил, избегая устойчивых контактов и тем самым возможных обязательств перед верхнедонским командованием. «Командующему войсками Верхне-Донского округа» направил письмо Донской атаман А.П. Богаевский. Не обращая ни к кому конкретно, Богаевский констатировал, что «почти 2 месяца тому назад мы с радостью услышали о восстании своих братьев казаков Верхне-Донского округа против красных насильников».

Письмо заканчивалось призывом: «Держитесь, братья. Бог вам на помощь...»

Войсковой круг, к председателю которого обращался Кудинов, ответил туманным посланием «Казакам восставших станиц»: «Привет вам и низкий поклон, герои братья-

казаки! С великой радостью услышали мы весть о вашем восстании...»

Зато «Командующему войсками восставших казаков Верхне-Донского округа» направили письмо члены Верхне-Донского окружного совещания. Тем самым Кудинову и прочим «вождям» указывалось их место в белогвардейской иерархии. Не обращаясь опять же непосредственно к Кудинову, а, скорее, через его голову ко всем повстанцам, члены окружного совещания своеобразно напомнили о «законности» своей власти»: «Мы, ваши избранники на Круге, душой и сердцем с вами». Бежавшие за Донец верхне-донцы готовы были простить мятежникам прошлые грехи и переговоры с красными («это было и прошло»). Демократии повстанческих «советов» противопоставлялась демократия более солидная. Писалось о свободе, справедливости и истинном народоправстве в лагере деникинщины. «...С нами демократия всего мира — союзники».

Отцы-избранники посылали повстанцам 20 фунтов турецкого табаку, 7 фунтов махорки, 80 папиросных книжек, 6 коробочек спичек. Подарок Донского правительства был более весомым. Летчики везли деньги — 250 000 рублей, остальные 4 750 000, испрашиваемые Кудиновым, решено было выслать «по мере необходимости».

Все послания были составлены так, что имели вид не столько ответа на донесение главкома Кудинова, сколько игнорирования местной «советской власти» и ее выдвинутцев на командных постах.

Прилет тех самых «кадетов», против которых восставали в январе казаки Верхне-Донского округа, обострил противоречия между двумя течениями. Казаки старших возрастов воспрянули духом. «Кадеты» были встречены колокольным звоном, учащиеся Вёшенской станицы были выстроены в две шеренги и имитировали почетный караул, женщины засыпали самолет «кадетов» цветами сирени. В день их прилета, 2 (15) мая, толпа стариков убила в станице казака П.Л. Кухтина — два его сына были «в красных». Протестов «умеренного течения» уже не

боялись. Летчиков хотели было повезти по полкам, но вовремя опомнились и решили, что «дождь помешал».

Тон писем с «большой земли» повстанцами был понят правильно. Тем более что Веселовский объявил Кудинову и другим повстанческим «вождям», что «белые уже начали наступление и не позднее, чем через 15 дней, соединятся с повстанцами».

Окружной «Совет» и станичные «советы», проводившие политику по принципу «чего изволите?», за власть особо не держались. Чувствовали они себя как на вулкане, так как при малейшем недовольстве в войсках какие-нибудь бойкие казаки, как правило, предлагали «двинуть полк на Вёшки и поставить власть вверх ногами». Задачу свою «советы» в данный момент видели в том, чтобы доказать лояльность Донскому правительству.

В обратную дорогу летчики везли ворох писем и среди них донесение окружного «Совета» Войсковому кругу. Члены «Совета» жаловались на «жестокое угнетение коммунистической власти», описывали начало восстания и свои успехи, извиняющимся тоном поясняли причины сохранения «советской власти». В отчете давалось пространное, без упоминания о внутренних столкновениях, описание деятельности «Совета», решений окружных съездов, несколько хвастливо упоминалось об узаконении телесных наказаний. В конце члены «Совета» высказывали надежду, что «Круг простит нам за наши погрешности». После донесения «демократа» Кудинова, который даже слово «контрибуция» писал в нем как «конституция», послание окружного «Совета» было бальзамом на душевные раны членов Круга, скорбящих о былых порядках на Дону.

19 мая 1919 г. Войсковой круг заслушал летчиков, летавших на связь с мятежниками. Поручик Веселовский браво вышел к трибуне и звонким поставленным голосом начал такое!.. «Серая часть» затаила дыхание, делегаты из «казацкой общественности» несколько раз вопросительно переглянулись. Ужасы Дантова ада были детскими шалостями по

сравнению с картинами, которые рисовал перед Кругом прославленный летчик. Здесь были: поп, обвенчанный с кобылой, 1000 изнасилованных девушек в одной станице, отрезанные и прибитые обратно гвоздями языки... Именной список расстрелянных красными с легкой руки Веселовского возрос до 600 человек³⁸³. На стол перед председателем Круга выложили «сувениры» — самодельные патроны и ветку сирени. Кое-кто в зале прослезился.

Общий язык был найден. Председатель Круга В.А. Харламов заявил на том заседании: «Таким образом, как вы видите, известный порядок в Верхне-Донском округе, а также дело борьбы с большевизмом налажены достаточно прочно. Вопрос же о той или иной форме народоправства в восставшем округе существенного значения не имеет: важно лишь, что восставшие идут по одной дороге с нами»³⁸⁴.

В советских разведсводках появляются данные: «Настроение казаков воинственное, на наши воззвания казаки предпочитают умереть, чем сдаться... Носятся слухи, что в случае занятия ими хуторов, не поддерживающих восстания, они будут истреблять поголовно». И действительно, 20 мая в станице Слащевской, где были добровольцы в Красную Армию, появился карательный отряд Шмалева.

Совсем по-иному отнеслись к установлению связи с белыми многие мобилизованные казаки. Красная разведка доносила: «19/V. Между молодыми и старыми казаками намечается раздор. Молодые протестуют против расстрелов пленных красноармейцев и требуют прекращения восстания... Казаки желают послать делегатов для мирных переговоров, но боятся расстрелов»³⁸⁵.

На следующий день после прилета к повстанцам «кадетов» под станицей Мешковской перед красноармейской цепью по-

---

³⁸³ Вольная Кубань. 1919. 10 (23) мая.

³⁸⁴ Приазовский край. 1919. 7 (20) мая.

³⁸⁵ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1320. Л. 130.

казалась группа казаков и закричала: «Эй, товарищи! Красные солдаты! Не стреляй! Поговорить надо! Мы сдаваться хотим...»

Красноармейцы в цепи стали переговариваться, потом один крикнул: «Уходите с богом, казачки! Нельзя нам с вами... Уходите, а то стрелять будем!» Кто-то действительно выстрелил.

Когда второй раз делегация сунулась из-за бугров и стала махать красным флагом, по ней без слов ударили недружным залпом. Но казаки вышли в третий раз. Передний размахивал фуражкой: «Не стреляй! Поимейте сердце, товарищи! Нам деться некуда. Продали нас начальники. Мы всем полком к вам. Добром сдаемся».

В цепи помолчали, потом нехотя ответили: «Ладно, идите. Поговорим...» Но когда трое, предварительно сняв оружие, боязливо подошли, на них накинудись и стали крутить руки...

«Кто это на бугре разорялся?» — спросили потом в штабе у захваченных. «Рыбников, командир полка», — ответил пленный.

Вечером, как обычно, командованию была направлена сводка, что 16 мая делегация казаков во главе с командиром 4-го Мигулинского полка трижды выходила сдаваться, но была обстреляна.

И все же большинство казаков не решалось на открытые переходы из лагеря в лагерь. Разуверившись в каком-то «особом пути», они ограничивались простыми ссорами друг с другом. Бежавший из плена солдат Сердобского полка показал: «Казаки в пьяном виде часто ссорятся: некоторые говорят, что мы идем за народную власть, но против коммунистов и расстрела, а потому не нужно нам присоединяться к кадетам, и если мы справедливые борцы за свободу, то должны держать фронт против коммунистов и не должны впускать на свою территорию кадетов. Другие говорят, что там нет кадетов, Краснов и все кадеты убежали, а идут молодые наши казаки и офицерство». В письмах из-за Донца контрреволю-

ционеры пеняли мятежникам, что они назвали их кадетами, «а мы есть армия Донская, донских казаков и офицерства, идущая за народную власть». «Если они идут за народную власть, то почему сотник Богатырев прилетел в погонах», — не унимались сторонники «особого пути» и грозились, что если это действительно окажутся кадеты, уйти к Колчаку, который совместно с уральскими казаками занял Москву. Многие, доведенные жестокой борьбой до отчаяния, надеялись на «кадетов» и только в них видели свое спасение. Кое-кто уже ворчал: «...Второй год кадеты идут, они, наверно, не идут, а на жуках едут».

ГЛАВА 8

«Пленных, ввиду ожесточенности боя, не было...»

(Из белогвардейской газеты)

И красные и казаки на повстанческом фронте готовились к решающим боям. На направлении главного удара большевиков установилось затишье...

К этому времени за подавление восстания взялось все большевистское руководство. 7 мая главком делал доклад председателю Совета рабочей и крестьянской обороны Ленину и заявил о возможности «весьма роковых последствий для нашей гражданской войны» из-за положения на фронте³⁸⁶. В тот же день Ленин телеграфировал Троцкому в Ширханы просьбу выехать в Харьков, «где необходимо сменить дезорганизованность и помочь немедленно Донецкому Бассейну».

12 мая Троцкий прибыл в Козлов, в штаб Южного фронта, где пришел к выводу, что многие беды Южного фронта упираются в Верхне-Донское восстание. Экспедиционные войска 8-й и 9-й армий были немедленно выделены в особый Экспедиционный корпус со штабом в Богучаре. В командование корпусом с 24 часов 13 мая вступил бывший командарм 8-й армии Хвесин.

---

³⁸⁶ *Какурин Н.* Как сражалась революция. Т. 2. С. 409—411.

Ленину Троцким была послана телеграмма: «Ликвидация восстания затянулась, несомненно, из-за полного отсутствия энергии местного командования. Разложение наших полков зашло достаточно глубоко. Необходимо в короткий срок достигнуть перелома настроения... Положение Южного фронта вообще значительно пошатнулось»³⁸⁷.

События развивались молниеносно. За 30 апреля (13 мая) красные заняли Бугульму, чем завершили Бугурусланскую операцию против Колчака; на Украине от банд мятежника Григорьева освободили Екатеринослав; под Петроградом Юденич прорвал фронт 7-й советской армии. 1(14) мая советские войска начали контрнаступление на Луганск, а белые пытались форсировать Донец на участке 16-й стрелковой им. Киквидзе дивизии, но были отбиты.

1(14) мая Троцкий и Сокольников в сопровождении трех броневиков поехали по экспедиционным частям 8-й армии. В хуторе Верхняковском был произведен смотр 3-му Кронштадтскому полку. Сокольников представил к ордену Красного Знамени двух батальонных, двух ротных командиров и одного красноармейца за спасение пулеметов «во время позорного отступления полка» 6 мая под деревней Березняги, а Троцкий сместил командира и комиссара полка и отдал под трибунал. Партийная ячейка была расформирована, началось расследование поведения всех коммунистов. Все виновники невыполнения приказов были арестованы перед строем и отданы под суд. После этого Троцкий уехал на станцию, а Сокольников с трибуналом отправился по другим полкам.

Результат посещения экспедиционных войск выразился в приказе: «Из посещения фронта экспедиционных войск я убедился, что работа по подавлению мятежа велась с преступной халатностью, ответственность за которую падает на лиц, которым поручено было непосредственное руководство. Оперативного руководства не было. Было бессмысленное раздергивание

---

³⁸⁷ The Trotsky Papers. vol. 1. London. 1966. P. 416.

полков. Деморализация частей питалась оперативной бездарностью, если не злонамеренностью и полной пассивностью командиров и комиссаров. Искусство управления свелось к составлению насквозь ложных оперативных донесений. “Давление превосходящих сил, окружение, заход в тыл” фигурируют на каждом шагу. На деле же были дезертирство, отступление, в лучшем случае топтание на месте.

Командарм-9 Княгницкий, которому поручена была ликвидация восстания, ни разу не был на фронте и вообще не принял никаких мер действительной организации эксфронта и является главным виновником преступной волокиты. Бывший начдив Антонович проявил полную пассивность, нераспорядительность, если не злонамеренность.

Одновременно с этим органы снабжения оказались совершенно не приспособлены: ничто не было подготовлено для эксвойск, много солдат ходят босиком. Столь необходимая поли-тработа в эксвойсках совершенно не обеспечена. Оторванные от своих дивизий полки, лишенные в течение многих недель даже газет, естественно, поддавались воздействию восставших. Полки не только отказывались наступать, но и угрожали расстрелом тем частям, которые соглашались выполнять боевые приказы, против такого режима не было принято никаких серьезных мер»³⁸⁸.

Были разосланы инструкции по штабам о переброске свежих частей и шести броневиков в район восстания. В тот же день Троцкий, сочтя, что все возможное сделано, уехал руководить военными действиями на Украине и в Донбассе.

14 мая председатель Совета рабочей и крестьянской обороны В.И. Ленин телеграфировал Г.Я. Сокольникову: «Получили от Белобородова следующие телеграммы, первая: “Фронт на Донце прорван” и т.д. и вторая: “Необходимо прогнать из рядов Красной Армии” и т.д. Кроме того, есть сообщение о разложении в наших частях и полном отсутствии

---

³⁸⁸ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 70. Л. 12.

энергии местного командования. Как видно, ликвидация восстания все больше и больше затягивается, между тем угроза соединения восставших с деникинцами растет... Не нужно ли добавить частей из резервов Южфронта? Сколько Вы использовали для этой цели из 214 коммунистов, которых послал Смилга в апреле и мае на юг?»³⁸⁹

Л.Д. Троцкому: «Я сейчас выяснил, что Смилга дал за апрель 170 коммунистов востоку и 41 югу, за двенадцать дней мая 105 востоку и 173 югу. Ваша телеграмма крайне не полна. Что именно предпринято для большей энергии подавления восстания, когда можно надеяться кончить? Что делает Сокольников? *Идет ли мобилизация крестьян к югу от восстания?* Погибли ли курсанты? Куда направили 1000 ваших? 14 мая 1919 г. Ленин»³⁹⁰.

Троцкий ответил из поезда с дороги Лиски — Купянск: «14 мая 19 г. № 109 Ленину. Неполнота моей телеграммы, на что Вы указываете, вызвана тем, что телеграмма послана была до посещения мною фронта эксвойск на основании первых общих впечатлений, на что указано в самой телеграмме. Более детальная оценка положения в прилагаемом приказе:

(прилагается уже известный нам приказ).

Приняты следующие меры: штаб эковойск сосредоточен в Богучаре. Там находится Сокольников, командующий Хвесин, для оперативной работы должен сегодня прибыть опытный генштаба Перемытов... Отряд Московских курсантов свыше тысячи человек прибыл при мне в Черткове в прекрасном порядке и настроении. Дальше последует походным порядком на фронт. Хвесин производит перегруппировку для сосредоточения кулака, вместо бессмысленного картинного окружения тонкой линией. Главной задачей остается перелом настроения, установление твердого режима. Для этого необходимы заградительные отряды из коммунистов»³⁹¹.

---

³⁸⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 312.

³⁹⁰ Ленинский сборник. XXXVIII. С. 260.

³⁹¹ The Trotsky Papers. P. 424.

15 мая главком Вацетис докладывал Ленину о мерах по подавлению мятежа на Дону: «Подавить восстание командюж по моим указаниям предполагает возможным в кратчайший срок при содействии 33-й дивизии и ожидаемыми из центра 6-ю броневиками. Экспедиционные отряды организованы в две дивизии, пополнены лучшим комсоставом, произведена инспекция войскам...

Недостаток опытного комсостава и политработников лишает возможности предпринять дальнейшие шаги в этой области, а отсутствие резервов и пополнений не дает возможности должным образом усилить экспедиционные войска. Для усиления миллеровского направления главное командование направило две бригады 33 дивизии и бригаду из запасных полков, два дивизиона легкой артиллерии, тяжелую батарею и дивизион конницы. Все эти части были предназначены для Восточного фронта и в срочном порядке повернуты с дороги на Южный»³⁹².

Телеграмма Л.Д. Троцкому 15 мая 1919 г.: «Очень рад энергичным мерам подавления восстания и особенно назначению на это 33 дивизии. По-моему, надо все силы употребить, чтобы подъем против Григорьева использовать для максимального и быстрейшего напора на Донбасс. Без взятия Ростова вскоре мы не вытянем остальных тягот»³⁹³.

Телеграмма Луначарскому 15 мая 1919 г.: «Двиньте энергичнее массовое переселение на Дон. Снесите с Середою»³⁹⁴.

Кроме этих мероприятий экспедиционные войска пополнялись новыми отрядами курсантов. 30 апреля (13 мая) на повстанческий фронт прибыли Московские командные курсы — 35 инструкторов, 953 штыка, 29 сабель, 14 пулеметов, 2 орудия, броневик с 2 пулеметами — и были сосредоточены на хуторе Сетраков в резерве экспедиционных войск 8 армии.

---

³⁹² Директивы главного командования Красной Армии. М., 1968. С. 417.

³⁹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 312—313.

³⁹⁴ Там же. С. 313.

Прибывшие ранее Тамбовские курсы (404 штыка, 10 пулеметов) и Рязанские курсы (428 штыков, 14 пулеметов) сводились в группу на юго-западном участке фронта, а Орловские (430 штыков) и Калужские курсы (300 штыков, 7 пулеметов) сводились в группу на Северо-Западном участке фронта. В пути находились Тульские, Пензенские, Нижегородские, Елецкие курсы.

Кроме того, под Самарой были остановлены идущие на Восточный фронт части 33-й стрелковой дивизии и направлены на Чертково — Миллерово. К 7(20) мая закончили высадку две бригады этой дивизии, два дивизиона легкой артиллерии, дивизион конной артиллерии и тяжелая батарея. Подходили бригады из запасных полков...

Весна. Цветут тюльпаны. Кому ж помирать хочется по такой красоте? На фронте установилось временное затишье. Красные копили силы для удара, с Чертково, с Кантемировки, с Калача подходили к фронту все новые части. Где-то на Донце «кадеты» собирались рвать фронт. Надвигалась развязка.

За Доном деятельно готовились к прорыву. Самолеты летали из-за Донца, гонцы обещали, успокаивали...

Знали бы простые рубаки, вознесенные на должности дивизионных командиров, с каким нетерпением ждут известий об их действиях «кадеты».

«Это была жуткая ниточка, отделявшая в те дни восставший против большевиков Верхне-Донской округ от всей остальной Донской области.

Ниточка крови и слез.

И эта ниточка так крепко связала тогда с донским казачеством все живые сердца, не потерявшие чувства родины... Там, у этой ниточки, в те дни в один лад с великим сердцем казачества бились трепетно и судорожно сердца людей, бежавших на юг отовсюду, со всех концов многострадальной России», — писал Павел Кузьмичев в статье «Ветка сирени»³⁹⁵.

---

³⁹⁵ Донские ведомости. 1919. 23 ноября (6 декабря).

Знали б они это — выторговали б себе полковничьи погоны. Но не знали.

Белые усиленно подчеркивали, что в соединении нуждаются прежде всего разлагающиеся повстанцы, а не Донская армия. Кудинов и компания, видя непостоянство и колебания выдвинувшей их массы, которая уже грызлась между собой и при определенных обстоятельствах могла выдать весь свой комсостав красным, не без облегчения посматривали в небо, где время от времени кружили самолеты с представителями из-за Донца.

Армия и не ожидала другого от своих «вождей». Изверились казачки. Дальнейшие редкие «взбрыкивания» Кудинова и его приспешников имели целью удержаться у власти при последующих режимах и сохранить «политический капитал».

Повстанческое командование считало дни до объединения. Поручик Веселовский обещал, что оно произойдет не позже, чем через две недели, то есть к концу мая. Кудинов, которому говорливый авантюрист Веселовский понравился, все же не очень верил этому. С замиранием сердца ждал он, что ж начнется раньше: «кадеты» придут или ожесточившиеся казаки начнут невиданную свару между собой.

Счет времени пошел на дни.

4 (17) мая 5-я повстанческая дивизия пыталась прорваться через Хопер у хуторов Блинков — Скулябный, но была отбита огнем местных дружин.

4 (17) мая. На Восточном фронте красные заняли Белебей.

Козлов, Реввоенсовет Южфронта, Колегаеву, копия Сокольникову: «Белобородов давным-давно на месте и много раз мне телеграфировал из Морозовской. Удивляюсь бездеятельности и неосведомленности Южфронта. Не понимаю, почему не выписываете больше рабочих и переселенцев на Дон. Сообщайте два раза в неделю, насколько энергично идет призыв переселенцев и подавление восстания. Предсовнаркома Ленин»³⁹⁶.

---

³⁹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 314.

Командующий корпусом экспедиционных войск 24-летний Хвесин, парикмахер по специальности, начал подготовку к удару по мятежникам. 15-тысячный корпус его был растянут более чем на 500 верст по периметру, а над душой у него, помимо непосредственного начальника, командюжа Гитгиса, стояли Троцкий, Сокольников, Колегаев, Белобородов. Каждый требовал решительных действий, а решать и действовать надо было Хвесину.

19 мая телеграмма Г.Я. Сокольникову: «Наступление на Петроград удесятерит опасность и крайнюю необходимость подавить восстание немедленно, во что бы то ни стало. Телеграфируйте, как идет дело — начала ли наконец работать высадившаяся дивизия, прибывают ли отправленные к вам воронежские и тамбовские коммунисты, не надо ли еще подкреплений и каких именно — подробнее и чаще. Проволочки опасны чрезвычайно. Предсовнаркома Ленин»³⁹⁷.

Повстанцы, ожидая удара, открыли линию окопов от Варваринского до Каргинской и Кружилинского. Их отряды выходили из-за линии окопов и обстреливали Скельный и Мешковскую. Но пока больших боев не было. 6 (19) мая все жители правобережья были предупреждены, что через 10 дней, если не придет помощь от «кадетов», начнется эвакуация на левый берег Дона.

Там, на левом, северном берегу Дона и повстанцы и экспедиционные войска проявляли активность.

6 (19) мая у хутора Еланского повстанцы силою до 3000 человек, 2 орудия, 8 пулеметов начали наступление на экспедиционные войска 9-й армии, но тоже были отбиты. На поле боя оставили 21 убитого. Хутор Еланский, зажженный артиллерийским огнем, горел весь день.

На северном направлении ночью с 6 на 7 (19—20) мая, пользуясь дождливой погодой, казаки налетели на хутор Котовский, где стояли 2 эскадрона и 3 роты красных. На оклик

---

³⁹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 315.

застав повстанцы ответили залпом и бросились лавой. Красные, потеряв 7 бойцов, бежали на хутор Девяткин, но по дороге были остановлены и брошены в контрнаступление. Казаки отошли.

Войска, посланные на подавление восстания, продолжали подтягиваться. Только части 33-й стрелковой дивизии были пока остановлены у Миллерово. Командование придерживало их в этом районе из-за боев, разгоревшихся на Донце и у Луганска.

Генерал Деникин начал наступление на Донбасском направлении.

7 (20) мая. Телеграмма Г.Я. Сокольникову: «Надеюсь, что столкновались с Белобородовым. По-моему, ему надо остаться, дабы во что бы то ни стало помочь ускорению ликвидации восстания. Удивлен Вашим молчанием о дивизии, пришедшей Вам на помощь. Все Ваши просьбы будут исполнены. Извещайте чаще. Ленин»³⁹⁸.

Совет Обороны принял постановление о мерах по подавлению восстания на Дону, в котором предложил РВСР представить в Совет Обороны к последующему заседанию, 26 мая 1919 г., доклад о подходе к месту восстания и о вступлении в дело 33-й дивизии и 1080 курсантов военных курсов.

Телеграмма Г.Я. Сокольникову: «Ваша телеграмма от 17 (Нр189) очень меня угнетает: Вы говорите только о “разложении” “эксвойск” и ни слова о дивизии (34, кажись), высадившейся для подавления восстания! Ни слова!

После наступления на Питер для нас подавление восстания, самое беспощадное, немедленное *couste que couste* (во что бы то ни стало. — *А.В.*), абсолютная необходимость...

Кончайте во что бы то ни стало скорее с восстанием!

Изо всех сил наляжем также на переселение на Дон из неземледельческих мест для занятия хуторов, создания *respective* (соответственно. — *А.В.*) укрепления тыла и прочее.

---

³⁹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 315.

Курсантов тоже пошлем: вчера условился со Склянским. Ленин»³⁹⁹.

21 мая. Телеграмма А.Л. Колегаеву: «Из телеграммы Белобородова от 20-го узнаю чудовищные вещи, будто приказы частям доходят через несколько дней, а броневики без горячего. Подтягиваю здесь, подтяните у себя. Тамбовский военком телеграфирует, что послал вам 669 коммунистов в Богучар и Усть-Медведицкую. Удивлен, что, имея их плюс 2000 курсантов, плюс дивизия, вы медлите с решительными действиями для подавления восстания, что необходимо немедленно. Телеграфируйте подробнее. Предсовнаркома Ленин»⁴⁰⁰.

Кроме того, 8 (21) мая Ленин телеграфировал Троцкому: «Я лично настаивал бы на том, чтобы Вы еще раз заехали в Богучар и довели до конца подавление восстания, ибо иначе надежды на победу нет»⁴⁰¹. Троцкий из Киева ответил: «Склянскому для Ленина. До начала решающей операции по подавлению восстания предполагалось занять дней 8 на подтягивание и перегруппировку войск. Поэтому затишье на этом фронте в порядке вещей. Не нужно дергать их, чтобы не было снова преждевременных наскоков. По прямому проводу выясню положение. В случае необходимости выеду на фронт»⁴⁰².

Комкор Хвесин потребовал хотя бы бригаду из обещанной 33-й дивизии и флотилию бронекатеров.

9 (22) мая. Телеграмма Л.Д. Троцкому: «1. Из донесений Мехоношина вытекает с несомненностью абсолютная необходимость покончить с восстанием немедленно, ибо иначе мы не в силах даже отстоять Астрахань. Поэтому я еще раз настаиваю, чтобы Вы непременно съездили во второй раз в Богучар и довели дело до конца, ибо у Сокольников явны работа не спорится. 2. Сейчас узнали о прорыве нашего фронта под Ригой...

---

³⁹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 316.

⁴⁰⁰ Там же. С. 319.

⁴⁰¹ The Trotsky Papers. P. 442.

⁴⁰² Там же. P. 448.

Все это обязывает нас удешевить атаку на Донбасс и во что бы то ни стало немедленно ликвидировать восстание на Дону. Мы со Склянским сверх посланной вчера тысячи курсантов дадим туда еще тысячу курсантов. Советую Вам посвятить себя всецело ликвидации восстания»⁴⁰³.

«Харьков — Луганск в пути. Склянскому для Ленина. Выезжаю в Богучар, где постараюсь довести дело до конца. Председатель Реввоенсовета Республики Троцкий»⁴⁰⁴.

10 (23) мая. На Украине завершилось подавление мятежа Григорьева. Ленин получил телеграмму от А.Л. Колегаева о прибытии курсантов и 33-й дивизии и о трудностях подавления. Пришла также телеграмма от Сокольниковых с просьбой принять радикальные меры для наведения порядка и организовать снабжение Южного фронта оружием и нефтью.

Повстанцы видели, что против них сосредотачиваются новые крупные силы, и тоже готовились. Главнокомандующий П.Н. Кудинов объехал все дивизии, в приказе № 13 от 10 (23) мая по войскам округа он отметил «бессмертных казанцев и шумилинцев» (3-ю и 4-ю дивизии), их «бодрый молодецкий вид» и веру «в победу над грабителями, убийцами и поджигателями Троцкого». Отмечалось, что «дезертирство отсутствует, постановление судов немедленно приводится в исполнение по всей строгости Народного суда, чем создают твердую и непобедимую часть». «Хорошее, бодрое и молодецкое настроение обнаружил Кудинов в 1-й, 2-й и 5-й дивизиях», то же самое он увидел в 1-й отдельной бригаде и выразил веру «в твердость и ненадменность (!) молодцов 1-й бригады». Об увиденном он обещал «поведать истину нашему демократу Донскому Атаману Богаевскому, избранному Войсковым Кругом»⁴⁰⁵. Последний пункт приказа гласил: «Приказываю всех женщин, шатающихся у линии боевых действий, арестовывать и препрово-

---

⁴⁰³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 321.

⁴⁰⁴ The Trotsky Papers. P. 454.

⁴⁰⁵ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 137. Л. 5.

ждать в ст. Вёшенскую для предания Народному суду по всей строгости, так как замечено, что женщины являются главным образом агентами шпионажа противника»⁴⁰⁶.

11 (24) мая В.И. Ленин выступил на заседании СНК о проекте декрета об уравнивании в правах казачьего населения со всем трудовым населением РСФСР.

«Склянскому. 24 мая, Чертково. Нахожусь в Богучаре. Здесь Сокольников и Белобородов. Последний отправляется через час с командой в объезд по восточному участку эксвойск. Сокольников выезжает в ударную группу. Я остаюсь в районе эксвойск прежде всего для ускорения переброски бригады, которая только завтра поступает в распоряжение командующего эксвойск. Затяжка вызывается безобразной первоначальной постановкой всего дела. Сейчас надеюсь на нанесение решающего удара в десятидневный срок. Председатель РВСР Троцкий»⁴⁰⁷.

Повстанческое командование лихорадило. Как вспоминал «главком» Кудинов, «присланные по назначению Донского штаба армии 30 обер- и 20 штаб-офицеров учинили дикий саботаж, отказываясь отправляться по назначению, чувствуя унижение и оскорбление, что им приходится подчиняться сотнику, хотя и народному избраннику».

Тщательно законспирированный агент «Алмаз» и перебежчики сообщали красным, что пленных опять секут розгами и говорят: «Мы все погибли и погибать вам, пленным, вместе с нами, пришельцам-коммунистам из России возврата с Дона живыми нет»... «Все повстанцы надеются на помощь кадетов и только в них видят свое спасение»... Последняя разведсводка эксвойск 9-й армии гласила: «Мигулинцы хотели раньше разбежаться, теперь успокоились». Успокоились, так как скоро придут кадетские войска.

Действительно, к этому времени на фронте по Донцу и Маньчу уже произошёл перелом.

---

⁴⁰⁶ ГАРО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 137. Л. 5 об.

⁴⁰⁷ The Trotsky Papers. P. 464.

Все это время части Донской армии упорно пытались форсировать Донец.

После неудачного форсирования Донца группой Абрамова у Гундоровской, в ночь под 3 (16) мая сводный отряд в три конные и три пешие сотни под командованием войскового старшины Старикова на лодках и вплавь переправился в районе разъезда Васильевского на левый берег Донца. Место высадки было восточнее плацдарма красных у Калитвенской. Было взято 300 пленных, 8 пулеметов (затем еще 4) и знамя 200-го полка красных.

Но к полудню красные повели наступление на захваченный плацдарм от хуторов Кудинова и Поцелуева, и Стариков к 13 часам увел отряд на правый берег Донца⁴⁰⁸. Сами казаки потеряли 1 офицера убитым и 3 казаков ранеными.

Как видно на примере двух переправ через Донец, казаки старались не ввязываться в затяжные, упорные бои и при первом же нажиме отходили.

Гораздо более тяжелые бои развернулись под Луганском. 4 (17) мая гвардейская бригада 1-й Донской дивизии атаковала здесь позиции красных в конном строю при поддержке огня бронепоезда и пешего Гундоровского батальона, который бежал в атаку вслед за скачущей конницей. Слева гвардейцев должна была поддержать 2-я Донская дивизия, но не сдвинулась с места. Атакующие гвардейцы достигли окопов противника, изрубили батарею и взяли несколько пулеметов, но, не получив поддержки слева, отошли⁴⁰⁹.

Видевшие атаку иностранцы восхищались «стремительностью и стройностью» атаки, но подчеркивали «несоответствие сил атакующих с силами противника, причем в условиях совершенно открытой местности»⁴¹⁰.

---

⁴⁰⁸ ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 51. Л. 9 об.—10 об.

⁴⁰⁹ *Оприц И.Н.* Лейб-гвардии Казачий его Величества полк в годы революции и Гражданской войны. 1917—1920. Париж, 1939. С. 186.

⁴¹⁰ Там же. С. 187.

6 (19) мая красное командование потребовало от 8-й армии перейти в наступление, чтобы сорвать готовящийся прорыв донской конницы на Миллерово и далее к повстанцам. 8 (21) мая 8-я армия перешла в наступление и стала теснить 2-ю и 7-ю Донские дивизии.

Однако в это время кубанские, терские и астраханские войска генерала Врангеля форсировали Маныч и взяли Великокняжескую. В этой операции принимали участие и донские части — Атаманская дивизия и Сводный Донской корпус генерала Савельева (4-я и 13-я конные дивизии).

После взятия Великокняжеской Деникин 8 (21) мая отдал директиву:

«2. Генералу Врангелю овладеть Царицыном. перебросить донские части на правый берег Дона...

3. Генералу Сидорину с выходом донских частей кавказской армии на правый берег Дона подчинить их себе, разбить донецкую группировку противника, поднять восстание казачьего населения на правом берегу Дона, захватить железную дорогу Лихая — Царицын и войти в связь с восставшими ранее казачьими округами»⁴¹¹.

11 (24) мая конница Врангеля вышла к Салу. Было взято 400 пленных и 8 орудий. Кавказская Добровольческая армия Врангеля устремилась вверх по левому берегу Дона на Царицын вслед за разбитой 10-й советской армией. А на правом берегу Дона и на Донце перешла в решительное наступление Донская армия.

Еще 2 (15) мая части 3-го Хоперского корпуса (5-я и 6-я конные дивизии и 5-я отдельная пешая бригада) сосредоточились у хуторов Семимаячного и Чернышевского. Общее командование форсированием здесь Донца взял на себя командующий 2-й донской армией генерал Ситников, вступивший 3 (16) мая в командование армией после болезни.

Хоперцам на направлении их главного удара противостояла 14-я стрелковая дивизия красных — 6200 штыков, 1200 сабель,

---

⁴¹¹ Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля... Т.1. С. 239.

ВЁШЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

190 пулеметов, 36 легких орудий, 9 тяжелых орудий (по данным донской разведки на 27 апреля (10 мая) 1919 г.)⁴¹².

9 (22) мая последовал приказ № 53 по 3-му Хоперскому корпусу о наступлении на соединение с повстанцами. Чтобы приободрить хоперцев, силы восставших определялись в 50 000 при 70 орудиях⁴¹³. Затем особым приказом наступление было перенесено с 10 на 11 (23—24) мая.

Правее хоперцев должна была наступать 1-я пешая дивизия Сутулова из Усть-Медведицких казаков. Она наносила удар по красному плацдарму в районе станиц Верхне- и Нижне-Кундрюченских. Левее хоперцев готовилась к форсированию Донца конная группа Секретева.

В 1.30 ночи 10 (23) мая части 3-го Хоперского корпуса получили приказ наступать.

Главный удар корпуса на Екатерининскую проводился минимальными силами. В составе наступающей 5-й пешей бригады 9 (22) мая числилось:

Полк	Батальонов	Конных сотен	Штыков	Шашек	Вспомогательных	Нестрелевых	Пулеметов
21-й пеший	2	1	105	60	73	32	7
22-й пеший	Не указано		165	15	15		4

Кроме того, в 21-м полку числилось 28 офицеров, количество офицеров в 22-м пешем полку не указывалось⁴¹⁴.

10 (23) мая в 3 часа ночи дивизия Сутулова начала наступление. Ее конные части — 5-й партизанский полк — в конном строю атаковали хутор Рубежный, сбили охранение красных, дошли до окопов у Нижне-Кундрюченской и вернулись. Этот удар, видимо, должен был отвлечь внимание красных от действий 3-го корпуса.

⁴¹² ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 51. Л. 189.

⁴¹³ Там же. Л. 191—192.

⁴¹⁴ Там же. Л. 55.

В ночь на 11 (24) мая к переправам двинулась 5-я пешая бригада. В темноте 22-й пеший полк заблудился. В 1.40 ночи 21-й пеший полк получил приказ переправляться, не дожидаясь 22-го полка, причем были приняты «срочные меры по розыску 22 полка»⁴¹⁵.

В 3.30, не дожидаясь 5-й бригады, стали переправляться Екатерининская пешая сотня и конные сотни 7-й конной дивизии. Командир 5-й пешей бригады Иванов получил приказ переправляться с тем, что есть, а список разбежавшихся передать в штаб корпуса для предания военно-полевому суду. Особо указывалось, что «наступление рассвета не должно являться препятствием для продолжения операции»⁴¹⁶.

Переправу наладить удалось. Саперы навели мост. Туземная сотня ловила разбежавшихся.

22-й пеший полк перешел через Донец, уперся в Екатерининскую и жаловался, что нет поддержки конницей.

Два полка 7-й конной дивизии, действительно, наступали в северном направлении, заняли хутора Ольховчик и Богатов. 5-я и 6-я конные дивизии переправились позднее и выслали разведку к речке Быстрой.

Правее хоперцев вел бой за плацдарм Сутулов. Левее у хутора Какичева переправились «партизаны», красные артиллерийским огнем разбили у них два парома, но «партизаны» закончили переправу на лодках, сбили 202-й и 1-й Камышинский полки красных и остатки 200-го и 201-го полков и гнали до хутора Погорелова.

12 (25) мая на рассвете красные оставили Екатерининскую. Разъезды 35-го и 22-го конных полков вошли в станицу, затем туда вошла 5-я пешая бригада. Однако красные нанесли удар с севера и стали теснить 7-ю конную дивизию от Ольховчика. В 8 утра Стариков отошел и укрыл свои Луганский, Усть-Белокалитвенский, Екатерининский, Морозовский и Милютинский полки в балке Медвежьей.

---

⁴¹⁵ ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 51. Л. 66.

⁴¹⁶ Там же. Л. 64 об.

Командир корпуса подчинил Старикову 5-ю и 6-ю конные дивизии и приказал ликвидировать красных.

Приказ еще не подошел, когда Стариков попросил полковника Моргунова о помощи. Моргунов выслал Старикову 21-й и 22-й конные полки, а сам с 26-м и 27-м конными двинулся в обход.

Наступающие на Старикова красные, которых оказалось всего 300, были атакованы в конном строю Екатерининским и Морозовским полками полковника Аникеева, но «не отступали и дрались с небывалым ожесточением, стреляя в упор атакующих казаков». В плен было захвачено всего 50 человек⁴¹⁷. Моргунов с 21-м и 22-м конными полками преследовал остальных, и командование надеялось, что он с противником «окончательно покончит»⁴¹⁸.

Правее Сутулов в этот день занял хутора Черню, Бородин и станицу Нижне-Кундрюченскую и теснил красных на плацдарме к Донцу.

Но самым главным событием стало форсирование Дона конной группой Секретева.

Интересно, как была организована переправа. Против Репной у красных был плацдарм — полторы версты по фронту и 200—300 сажен в глубину, — который соединялся с левым берегом наплавным мостом. Плацдарм прикрывался окопом полного профиля с пулеметными гнездами и проволочными заграждениями в 8 рядов кольев. Плацдарм якобы занимали 2000 красноармейцев.

Секретев решил захватить плацдарм и на плечах бегущих перейти реку по мосту. Планировалась получасовая артподготовка гранатами из 20 орудий, чтобы уничтожить проволочные заграждения. Затем в лоб в конном строю шли 78-й и 96-й конные полки и 7-я батарея, затем 4 сотни 80-го конного полка и 8-я батарея, за ними — вся остальная конница. Полки должны были разворачиваться вправо по мере переправы.

---

⁴¹⁷ ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 29. Л. 27.

⁴¹⁸ Там же. Д. 51. Л. 70.

Две сотни калмыков 80-го конного полка должны были выласть перебраться через Донец с началом артподготовки. Одна сотня затем должна была скакать на хутор в двух верстах от моста и захватить там штаб красных, другая — показаться на обрывистом берегу в тылу у красных с целью морального воздействия. Для наведения паники, все атакующие должны были кричать: «Калмыки!.. Калмыки!..»

План, что редко случается, удался полностью.

После разгрома красных и переправы 8-я конная дивизия повернула на запад на Каменскую, остальные части двинулись правее, чтобы выйти на железную дорогу Каменская — Миллерово и рвануться в глубокий рейд в надежде найти повстанцев в районе станицы Мешковской.

Успеют ли красные мощным ударом подавить восстание или казаки Секретева успеют на помощь повстанцам и ударят по эксвойскам с тыла? Каждый день был решающим. Но ударная группировка красных все не выступала, медлила, накапливала силы.

В этот день, 12 (25) мая, Юденич занял Псков, а красные продолжали наступление на Уфу.

На повстанческом фронте в распоряжение Хвесина наконец-то была передана 2-я бригада 33-й дивизии, с ней 2-й легкий артдивизион (12 орудий) и два эскадрона кавалерии. 1-я бригада 33-й дивизии во главе с начдивом Левандовским должна была преградить путь группе Секретева.

Троцкий в этот день подписал приказ: «Конец подлому Донскому восстанию. Пробил последний час. Все необходимые приготовления сделаны. Сосредоточены достаточные силы, чтобы обрушить их на головы изменников и предателей. Пробил час расплаты с Каинами, которые свыше 2-х месяцев наносили удары в спину нашим действующим армиям Южного фронта. Вся рабоче-крестьянская Россия с отвращением и ненавистью глядит на те Мигулинские, Вёшенские, Еланские, Шумилинские банды, которые, подняв обманный красный флаг, помогают черносотенным помещикам Деникину и Кол-

чаку. Солдаты, командиры, комиссары карательных войск! Подготовительная работа закончена. Все необходимые силы и средства сосредоточены. Ваши ряды построены. Теперь по сигналу — вперед. Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены. Никакой пощады станицам, которые будут оказывать сопротивление. Милость только к тем, кто добровольно сдаст оружие и перейдет на нашу сторону. Против помощников Колчака и Деникина — свинец, сталь и огонь. Советская Россия надеется на вас, товарищи солдаты. В несколько дней вы должны очистить Дон от черного пятна измены. Пробил последний час. Все, как один, вперед!»⁴¹⁹.

Но не все части еще прибыли на исходные позиции, в пути были некоторые командные курсы. Исходя из этого, общее наступление приказано было начать 28 мая в 10 часов утра.

На 13 (26) мая донское командование планировало развить успех. 3-й Хоперский корпус должен был ударить из Екатерининской в восточном направлении и к 12 часам выйти к речке Быстрой.

Но обстоятельства сложились иначе. Сначала масса конницы на улицах Екатерининской потоптала свою пехоту. Командир 21-го пешего полка войсковой старшина Максимов докладывал: «Вооруженными остатками полка занял рошу. Пулеметы оставлены, так как были смяты в улице неудержимой лавиной конного корпуса»⁴²⁰. Затем прибывшая на поддержку пехоте батарея остановилась на церковной площади. Казаки просили их накормить, так как не ели с 11-го (24-го) числа.

Наконец, пехота выступила и сразу же натолкнулась на идущих в контрнаступление красных. Уже в 12.52 комкор приказал: «Ввиду небоеспособности пехоты и охватившей ее паники вверенную вам пешую бригаду без суеты и давки по мосту, а также и на лодках переправить на правый берег Донца»⁴²¹.

---

⁴¹⁹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 192. Л. 277.

⁴²⁰ Там же. Л. 90.

⁴²¹ Там же. Л. 102.

Бежавшая за Донец пехота была приведена в чувство и в 16.30 вновь была послана на Екатерининскую, которую и заняла. В итоге каждый остался при своем.

Конной группе Секретева повезло больше. Под Калитвенской казаки уничтожили 203-й полк красных. Бригада 12-й конной дивизии гнала красных до Каменской, а затем заняла хутор Гусев. Вечером 13 (26) мая дивизии конной группы достигли хутора Дичинского (8-я конная дивизия), станции Погорелово (12-я конная дивизия), хутора Астахова и станции Глубокая (11-я конная дивизия). Было взято 550 пленных, 2 орудия и 8 пулеметов. Позже с выходом к Каменской были взяты еще пленные и орудия. Всего с начала рейда — 1500 пленных и 4 орудия. Запасы группы пополнились захваченными боеприпасами. Так, 7-я батарея возила с собой на подводах 1000 снарядов.

В тот же день далеко на севере красные заняли Елабугу.

14 (27) мая 8-я армия красных оставила Луганск.

В 7—8 верстах от Чертково Троцкий посетил части 33-й дивизии. Дивизия состояла из остатков 11-й Северо-Кавказской армии, разгромленной зимой 1918/19 г. Одним из лучших полков дивизии был 292-й Дербентский, в который и приехал Троцкий.

Троцкий подъехал на тачанке в сопровождении 8 конных матросов. Нахмуренный, с большой морщиной на лбу, вышел он к центру замершего полка, снял фуражку. «Я слышал ваши шаги, когда вы еще шагали по астраханским пескам...», — начал он речь. «...Назрел большой гнойный нарыв, — слушали бойцы. — Этот нарыв мы должны вскрыть и вскрыть его так, чтобы Южный фронт не чувствовал боли после операции, проведенной вашими хирургическими инструментами...» Выступал комиссар полка Яковенко, затем от бойцов сказал речь красноармеец Григорий Кулиш.

Митинг прошел по всем правилам. Троцкий, как основной докладчик, взял заключительное слово и призвал красноармейцев не оставить в казачьих станицах камня на камне. В заклю-

чение он подозвал к себе командира полка Козлова, комиссара Яковенко, батальонных командиров, 10 минут говорил с ними, оживленно жестикулируя. Потом уехал.

Склянскому для ЦК и Ленина, из Козлова: «Сосредоточение сил, задержанное отчасти распутицей, сегодня должно закончиться. Я посетил в пути полки 33-й дивизии, направляющиеся походным порядком на эксфронт. Настроение благоприятное. Операции должны начаться завтра, более широко развернуться послезавтра. Прорыв на Глубокую создает опасность в тылу наших эксвойск. Приняты все доступные меры для ликвидации прорыва. Выезжаю в Усть-Медведицкую, оттуда на восточную часть эксфронта, наиболее слабую. Там встречу с Белобородовым. Председатель РВСР Троцкий».

14 (27) мая 3-й Хоперский корпус увяз в боях. Конница Старикова и подчиненная ей 5-я пешая бригада удерживали Екатерининскую, а конница Моргунова пыталась прорваться через Быструю у хутора Нижнесеребрякова.

Упорные бои на этом участке фронта продолжались 15 (28) и 16 (29) мая. И, наконец, 17 (30) мая в 11 часов последовал приказ всем частям корпуса отойти за Донец. Потери, конечно, были впечатляющие, особенно среди офицеров.

Таким образом, попытки хоперцев форсировать Донец и продвинуться в восточном направлении были сорваны.

Успешнее шли дела на правом фланге. 14 (27) мая Атаманская дивизия (переименованная в 10-ю конную бригаду) из хутора Февралева двинулась на станицу Баклановскую (там уже стояли две сотни карачаевцев) и была встречена станичной делегацией — «Родная станица ждет своих казаков...».

Главная задача общей операции продолжала выполняться конной группой Секретева, которая должна была двинуться на соединение с повстанцами. Но по воспоминаниям участников рейда, конная группа три дня провела в районе Каменской, ожидая контрнаступления красных, хотя красные активности не проявляли.

15 (28) мая. В 10 утра экспедиционные войска перешли в наступление на всем повстанческом фронте. Троцкий и часть контролеров из центра выехали из штаба корпуса на места и в войска. Хвесин, на которого раньше давили со всех сторон, остался один, растерялся, своего собственного плана наступления он так и не заимел. «Центр тяжести операции по подавлению восстания переносится на разгром политических и административных центров. Это в корне неправильное решение вопроса», — писали в ЦК А. Попов и Жигур — политком и начальник экспедиционной дивизии 8-й армии⁴²².

Приказано было ликвидировать восстание к 5 июня, что значило пройти 240 верст за восемь суток. Такими темпами в те времена совершала марши конница и то без боев. Чтобы не выйти из «графика», Хвесин торопил подчиненных, прибывшие части вливались в войска поочередно.

На направлении главного удара экспедиционным войскам противостояли полки 2-й повстанческой дивизии, два полка 3-й дивизии и один полк 1-й дивизии.

Полк 1-й дивизии (400 шашек при 4 пулеметах и 4 орудиях) стоял в хуторе Гусынка-Климовка, 2-й и 4-й полки 2-й Мигулинской дивизии стояли в хуторе Нижне-Меловатский, 1-й полк Мигулинской дивизии — в хуторе Ежовский; в хуторах Богомол и Коновалов стояли 3-й Мигулинский и 2-й Казанский полки, в хуторе Демидов — 1-й Казанский полк. Во 2-й Мигулинской дивизии было 4 орудия.

В первый день наступления части 8-й армии заняли хутора Колодезный, Меловатский, Калмыков, Федоровский, Богомол, Демидов, Котов и Погорельский Казанской станицы. Курсанты завязали ожесточенный бой за деревню Березняги.

На восточном участке 5-я повстанческая дивизия отогнала артиллерийским огнем пароход «Свобода», который пытался подняться вверх по Хопру.

---

⁴²² ЦДНИРО. Л. 910. Оп. 3. Д. 665. Л. 38.

Экспедиционные войска 9-й армии вытеснили казаков из юрта Усть-Хоперской станицы. Усть-Хоперский повстанческий полк несколько раз ходил в конные атаки, пытаясь отстоять хотя бы окраинные хутора.

Вечером 15 (28) мая 2-я бригада 33-й стрелковой дивизии, пройдя Дегтево и Пономарев, наконец подошла вплотную к повстанческому фронту в районе Боковской.

Приказ по армиям Южного фронта № 828 объявлял о призыве в Красную Армию казаков 1888—1900 годов рождения в Хоперском и Усть-Медведицком округах. Мобилизацию планировалось закончить 22 июня.

16 (29) мая. Войска Махно выступили против советской власти и открыли фронт белым.

Конная группа Секретева совершила налет на Миллерово. Вообще-то станция Миллерово лежала в стороне от пути группы Секретева, но генерал Кучеров послал на станцию конный полк с артиллерией, который занял Миллерово без боя из-за отсутствия там красных войск. Секретев послал донесение: «...Завтра, 17 мая, предполагаю двинуться на Сетраковский на соединение с верхне-донцами».

Станция Миллерово была занята казаками в 8 часов утра, однако оказалось, что к северу от станции красные сосредоточили 3 бронепоезда, а днем раньше подвезли от Воронежа 4000 пехоты. Бой шел 12 часов, и к вечеру красные Миллерово отбили.

С.М. Буденный писал: «Одной из первых крупных операций конницы белых является рейд казаков ген. Секретева, единственный в своем роде рейд с военно-политической целью»⁴²³.

Однако движение конной группы, хотя и было названо и являлось «рейдом», проходило довольно медленно. Как вспоминал один из участников, «с нашим движением на север мы постоянно сменяли подводчиков, чаще всего женщин и под-

---

⁴²³ Буденный С.М. У истоков красной конницы // Гражданская война в России. 1918—1921. Т. 1. М., 1928. С. 105.

ростков с их подводами для снарядов и заменяли другими, так что когда подошли к восставшим, то и подводы были у нас из ближайших к ним мест. Все подводчики питались своими средствами, сами же кормили своих лошадей. Были среди них и подводы на быках»⁴²⁴.

Видимо, при малочисленности противоборствующих сил в широкой степи конная группа медленно двигалась на север (часть подвод — на быках) без связи со своими и без соприкосновения с противником.

В районе Миллерово движение замедлилось, так как мобилизованные красными местные крестьяне сопротивлялись отчаянно. Как сообщал С.И. Сырцов, «запасной батальон донского ополчения в условиях уже создавшейся паники принимал и выдерживал бой с казаками в течение 18 часов»⁴²⁵.

Тем не менее 9-я советская армия была разрезана надвое: 16-я стрелковая дивизия отходила на северо-запад, в распоряжение 8-й армии, а 14-я и 23-я оказались под ударами 1-го и 2-го Донских корпусов (в ходе начавшегося наступления проходило очередное изменение структуры донских войск — армии были переименованы в корпуса, дивизии — в бригады и т.д.).

На повстанческом фронте красные продолжали наступление. Войска эксдивизии 8-й армии, двигаясь вдоль правого берега Дона, вступили в юрт Мигулинской станицы, правый фланг их занял хутор Латышев.

Бригада 33-й «Кубанской» дивизии догнала наступающие эксчасти и вступила в бой на подступах к станице Каргинской. Первое же столкновение с повстанцами, которые двинули на цепи бригады кавалерию, показало, что противники стоят друг друга. Большинство в 33-й дивизии составляла кубанская казачья беднота, так что рассчитывать на «гик» повстанцам не при-

---

⁴²⁴ Родимый край. № 105. 1973. С. 28.

⁴²⁵ Филипп Миронов, или Тихий Дон в 1917—1921 гг. М., 1997. С. 216.

ходилось. Конные атаки восставших были отбиты пулеметным огнем, а пластуны-кубанцы давили и давили, настойчиво тесня противника к Каргинской...

На левом берегу Дона казаки контратаковали и отбили хутора Богомолов, Огарев, Медвежий и слободу Солонка.

Распутица не давала советским войскам использовать броневики. Позже, через месяц, неподалеку от Солонки английские представители обнаружили «останки французского лёгкого танка, захваченного большевиками после отхода французов из Одессы, а теперь брошенного»⁴²⁶.

17 (30) мая казаки Секретева вновь атаковали станцию Миллерово, отличилась 12 конная дивизия. Были захвачены все три бронепоезда и 7 вагонов со снарядами.

Телеграмма Л.Д. Троцкому: «Крайне поражен Вашим молчанием в такой момент, когда, по сведениям, хотя и не совсем проверенным, прорыв на миллеровском направлении разросся и приобрел размеры почти совершенно непоправимой катастрофы. Какие же приняты меры, чтобы помешать противнику соединиться с повстанцами? Ленин»⁴²⁷. Ответа от Троцкого не было.

На повстанческом фронте зарядили дожди. Войска экспедиционной дивизии 8-й армии по колено в грязи штурмовали Мигулинскую и заняли ее в 5 утра. Наступление не останавливалось. К 8 вечера красные прошли весь Мигулинский юрт и, заняв хутора Варваринский и Ейский, подступили к землям Вёшенской станицы. На левом берегу курсанты выбили казаков из Дёгтева и Терновой и вели бой у села Березняги.

Экспедиционная дивизия 9-й армии с боем затемно прошла хутора Усть-Хоперской станицы Бахмуткин, Рубашкин, Дубовой и до 10 утра вела бой за хутор Матвеевский. Бои гремели уже на Еланской земле. К вечеру были заняты хутора Плешаков и Ягодный.

---

⁴²⁶ Уильямсон Х. Указ. соч. С. 102.

⁴²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 329.

В районе хутора Сингина красным сдалась выбитая со своей земли 4-я Горбатовская сотня Усть-Хоперского полка (104 шашки, сотенный и два взводных командира).

Войска 33-й дивизии заняли Каргинскую и чуть было не предали ее огню, но дождь помешал, сгорело домов двадцать.

В этот день в Вёшенскую на самолете прилетел связной с приказом Сидорина создать ударную группу не менее дивизии и 19 мая (1 июня) нанести удар от Мешковской на хутор Сетраков навстречу группе Секретева. Второй удар надо было нанести в направлении на Милюгинскую.

План Сидорина был невыполним, так как Мешковская давно была в руках большевиков.

К вечеру на правом берегу Дона повстанцы удерживали лишь хутора Вёшенской станицы и несколько хуторов Еланской. После трех дней боев 2-я Мигулинская дивизия откатывалась почти без сопротивления. Отдельная бригада осталась без патронов и еле сдерживала красных конными атаками. Только командир 1-й дивизии Х. Ермаков обещал продержаться еще два дня, но о наступлении и речи быть не могло. Взоры всех казаков были устремлены на север, где у переправ уже царило столпотворение.

Было принято решение отвести повстанческие войска с правого берега Дона, привести в порядок, а потом искать место для прорыва навстречу Донской армии.

Условия для прорыва, естественно, усложнялись, так как повстанцам пришлось бы форсировать Дон.

18 (31) мая опять разгорелись бои в низовьях Дона. Преобразованные в 1-й Донской корпус войска Мамонтова (4-я, 13-я и Атаманская конные дивизии и пехота Сутулова) форсировали Дон у хутора Потапова и захватили плацдарм, чтобы затем атаковать Константиновскую. Переправа людей и лошадей велась на баржах, которые тянули 8 верст под прикрытием донской флотилии и пушек Канэ. В Нижне-Курмоярской вспыхнуло восстание.

Части генерала Секретева вели бои в районе Миллерово. Секретев, развивая успех, занял Мальчевскую.

Из состава эксвойск были выделены Саратовские, Симбирские курсы и 13-й кавалерийский полк в качестве заграждения от внезапного удара в спину со стороны Секретева.

На повстанческом фронте продолжалось наступление.

На левом берегу Дона весь день красные вели бой за село Березняги. Участвовавшие в бою Калужские пехотные курсы были впоследствии награждены Почетным Красным Знаменем. В наградном листе говорится: «Утром 31 мая курсы перешли в наступление на недоступное, находящееся в овраге село Березняги, когда и завязался сильный бой с казаками. Калужские курсы находились в первой цепи. Орловские во второй вместе с Елецкими. Благодаря особому мужеству состава калужских курсов, они, несмотря на ураганный огонь неприятеля с крыш жилых построек и из окон домов, все время шли вперед, увлекая за собой сзади идущих товарищей других курсов»⁴²⁸.

На Хопре 5-я повстанческая дивизия вела бои с Заамурским полком и красными казаками, но без особых результатов. Правда, в хуторе Калинине казаки окружили конную разведку Московского полка и Кумылженскую дружину. Красные провались, потеряв убитыми 17 разведчиков, 14 красных казаков и обоих командиров — конной разведки и дружины.

На Дону весь день шла переправа беженцев на левый берег. 1-я дивизия прикрывала эту переправу.

Основные бои развернулись на правом берегу Дона. Эксвойска 8-й армии заняли уже хутора Меркуловский и Ольшанский. Навстречу им, вверх по Дону наступали части 9-й армии, они заняли хутор Нижне-Кривской. Узкая полоска берега, забитая повстанческими обозами и беженцами, неумолимо сжималась с обеих сторон. С юга, из района Каргинская — Кружилинский, рвалась к Дону бригада 33-й дивизии. 1-я повстанческая дивизия Ермакова еле удерживала позиции, отбрасывая кубанцев конными атаками, давая своим «дедам» и домочадцам время переправиться, перегнать через Дон гурты скота.

---

⁴²⁸ Боевые подвиги частей Красной Армии... С. 76.

Во второй половине дня хлынул дождь, дороги развезло, и наступление красных приостановилось.

Повстанческое командование решило воспользоваться этим и беспрепятственно отвести войска на левый берег. В 8 часов вечера был отдан приказ начальнику 1-й дивизии, соблюдая тишину и сохраняя полное спокойствие в частях, под прикрытием разездов отойти «на уровень 2-й дивизии и бригады».

В полночь 2-я дивизия и бригада начали переправу. 1-я дивизия получила приказ все это время быть в арьергарде, переправу начать в 5 утра 19 мая (1 июня) и закончить за полтора часа. После переправы частям надлежало занять позиции: Отдельной бригаде — станица Букановская — хутор Красноярский включительно; 1-й дивизии — хутор Красноярский — хутор Чигонацкий включительно; 2-й дивизии — хутор Чигонацкий — река Песковатка. В полдень 19 мая (1 июня) начдивам и комбригу быть в штабе у Кудинова⁴²⁹.

Каждый полк получил рубежи обороны. Так, Мигулинский пеший полк получил приказ в ночь на 20 мая (2 июня) занять позиции по Дону «от Прорвы до Быстряка».

Поздним вечером 31 мая после сильного дождя конные сотни 1-й дивизии во главе с начдивом Ермаковым собрались на бугре возле хутора Ясеновки.

Куда идти?.. Подобные вопросы в дивизии все еще решались на митингах. На приказы Кудинова здесь чихали. Кубанская бригада напирала так, что было ясно — Дон красноармейцев не остановит. Поэтому многие казаки склонялись к мысли воспользоваться темнотой и прорываться на соединение к Секретеву. Но где Секретев, не знал никто, и решено было, согласно приказу, уходить за Дон.

В хуторе Токине распределились, где какая сотня переправляется, и в темноте стали строиться, чтоб идти к Дону. Здесь же была токинская сотня, и когда отряд тронулся к переправам, весь хутор вышел провожать его. В темной безлунной

---

⁴²⁹ Кудинов П.Н. Указ. соч. // Вольное казачество. № 83. С. 18.

ночи слышались стоны и женский плач. «Отряд молчит, как немой», — вспоминал очевидец.

Арьергардная коньковская сотня Боковского полка переправлялась у хутора Нижний Громок. Хуторской атаман («председатель») приготовил семь лодок и дедов-гребцов. Седла и шинели казаки положили в лодки. Сами с лошадьми переправлялись вплавь. Три коня не пошли в воду, их бросили на берегу. Поплыли... В темноте натолкнулись на обрывистый левый берег и, влекомые течением, проплыли еще сажен 50 вдоль обрыва, ища пологий спуск, где можно выбраться.

На заре вся арьергардная сотня — 280 человек — завершила переправу.

Правый берег Дона был очищен повстанцами.

В ходе отступления с 15 по 18 (28—31) мая казаки только перед фронтом экспедиционных войск 9-й армии потеряли 700 человек.

19 мая (1 июня). Экспедиционные войска, громя запоздавшие обозы беженцев и расстреливая затесавшихся среди них одиночных повстанцев, лавиной захлестнули донской берег напротив станицы Вёшенской.

Позволю себе в качестве отступления рассказ, записанный в хуторе Белогорка.

— Отец у меня был гармонист, песельник. Где гуляют, там он первый! Последнюю копейку спустит. Мы с матерью кобылу запрягаем, едем, подберем его, в сани положим. Мать кричит (плачет. — А.В.), я кричу... А он лежит, на небо смотрит и в гармонь играет. И братья старшие в него были, гармонисты. Мы как на ту сторону отступали...

— А чего вы туда отступали?

— Да красные ж... Как придут, лошадей забирают. В глаза им пальцами ширяют: не слепая? Там с ними нацмены какие-то... Мы тринадцать дней на той стороне сидели. Прямо в окопах всем семейством. Только мы переправились, вот они —

красные! Как зачали по нас через Дон стрелять, листочки молоденькие пулями так и рвут. Как дадут, как дадут с той стороны, так листья кружатся, нам на головы падают... А брат мой сидит в окопе и в гармонь играет — красных дражит. Играл-играл, а потом говорит мне: “Возьми, Наташа, котелок, сходи в Дон, почерпни воды. Чай пить будем...”»

Вернемся на поле боя. 12 орудий Кубанской бригады были выставлены на «Базковской горе» и прогрохотали, посылая первые снаряды по центру восстания — станице Вёшенской. Повстанческая артиллерия не могла с ней состязаться, хотя с 18 (31) мая среди повстанцев появился известный артиллерист есаул Матасов, прилетевший на самолете по просьбе повстанческого командования.

Кудинов, бежавший вместе со штабом в недостижимый для артиллерии хутор Черновский, издал приказ, начинавшийся словами: «Пробил час последнего испытания!..» Главнокомандующий уговаривал повстанцев продержаться один-два дня, и обещанная «кадетами» помощь подойдет. «Несите патроны и снаряды», — зывал Кудинов. Приказ заканчивался словами: «Не “приказываю”, а “прошу”».

По приказанию комбрига 33-й Кубанской дивизии красный вёшенский казак Александр Кухтин отправился на переговоры к повстанцам с предложением сдаться. Как сообщало советское командование, на участке 292-го Дербентского полка «казаки просили прекратить стрельбу, обещали договор о сдаче. 2 июня в 11 часов обещали дать ответ». Но ответа не дали. Новая лавина боев надвигалась на Верхний Дон с юга с войсками генерала Секретева.

В распоряжении автора есть магнитофонная запись:

«— А где их батарея была?»

— На Хопре идей-то... А опосля пасхи под Вёшки пришли. Уж тепло было. Гляжу — он скачет...

— Кто?

— Да Федот... Прискакал: “Иде наши?” А их и нет никого. Игнат, брат его — он льготник был — в Вёшках. Свекор с работником на полях, и бабка с ними убралась... Нам работника дали... пленного... Потом, как красные пришли, он комиссаром был. Приезжал ко мне... Сватался... Я за него не пошла...

— Погоди... Ну, прискакал Федот...

Прискакал: “Иде наши?” А их и нет никого...

Он говорит: “Может, ты меня уж и не увидишь. Аминь нам. Красные под Вёшками”. Повернулся и поехал. “Мне, — говорит, — успеть надо, пока в бой не пошли”. Мне б закричать, а слез нету — стою и гляжу. Он ведь к красным хотел, и еще с ним ребята были: “Вот они, красные. Мы перейдем, а — хлоп! — они не одолеют... Куда тогда деваться?” Так и не пошли».

Вернемся на поле боя. В этот день генерал Секретев вступил на территорию Верхне-Донского округа, занял хутор Сетраков. Части эксдивизии 8-й армии, получившие уже приказ форсировать Дон у станицы Мигулинской и добить повстанцев на левом берегу, вынуждены были остановить наступление и выделить силы против Секретева.

Но из Сетракова белые ушли в сторону Миллерово без боя. Секретевские разъезды, высланные к Мешковской, обещанного повстанческого фронта там не нашли. Жители сообщили, что через Мешковскую на Каргин прошел отряд Северо-Кавказской Красной Армии, Каргин сжег, и про восстание больше ничего не слышно. Зато большевики ударом от Красновки вновь захватили Миллерово, и эту важную станцию надо было отбивать.

Чтобы исправить ситуацию, командующий Донской армией генерал Сидорин переслал с самолетом повстанцам приказание готовить конную группу для прорыва на хутор Сетраков на соединение с Секретевым. Повстанческая конница (в основном каргинцы и боковцы, оставившие свои станицы) стала стягиваться вверх по левому берегу Дона, чтобы из района станицы Казанской прорываться на хутор Сетраков.

В тот же день, 1 июня, откликнулся наконец взявший на себя руководство подавлением восстания Троцкий. «Москва, Склянскому, Ленину. 1 июня, Кантемировка. Для мероприятий требуется время, которое в степи, превращенной в море грязи, в которой я плавал четверо суток, измеряется не часами, а днями. Ныне непосредственная ликвидация прорыва возложена на начдива 33 с подчинением его командованию эксвойск. В распоряжении начдива 33 имеется: первая бригада его дивизии, Самарские, Симбирские, Саратовские курсы, местные батальоны, коммунистические роты.

В самом крайнем случае можно было бы опять снять с эксфронта вторую бригаду 33 дивизии. Командэксвойск дано указание всеми мерами ускорить движение эксвойск с юга на север, чтобы после овладения главными очагами восстания выделить часть эксвойск на Миллеровскую, если последняя не будет возвращена нынешними силами начдива-33. Троцкий».

В тот же день Троцкий, считавший, что судьба восстания уже решена, решил выехать в Изюм, где собирался ругаться с Ворошиловым, Межлауком и Подвойским по поводу организации продовольственной работы на Украине и в частности в Донецком бассейне.

И именно в это время корпуса Донской армии получили задачу перейти в наступление вслед за Секретевым.

1-й Донской корпус (бывшая 1-я армия) должен был взять Константиновскую и наступать вверх по Дону на Чир, имея дальнейшей целью выйти на Усть-Медведицкую и станцию Арчеда.

2-й Донской корпус (бывшая 2-я армия), выбитый обратно за Донец, имел теперь общую задачу выйти к Усть-Хоперской и идти далее на Поворино и Балашов.

3-й Донской корпус (бывшая 3-я армия) наступал вдоль железной дороги на воронежском направлении, имея конечной целью выход к Ельцу. С 15 по 20 мая (28 мая — 2 июня) 1-я Донская дивизия, Гундоровский батальон, Луганско-Митякинский и Каменский полки вели тяжелые бои на подступах к станции Митякинской и, наконец, сбили противника.

Советские тылы начали эвакуацию. Член РВС 9-й армии Ходоровский приказал: «Начдивам при отступлении забирать положительно всех лошадей, рогатый и мелкий скот, а также все средства передвижения. Особенно надлежит забирать все жнейки и косилки»⁴³⁰.

20 мая (2 июня). Лето. Красноармейцы Дербентского полка загорали на солнышке, удили рыбу. Казаки с левого берега не стреляли, берегли патроны. Лишь один раз, когда бойцы разглядели на казачьей стороне двух стреноженных лошадей и решили сплавить за ними, откуда-то из кустов, как предупреждение, по пловцам саданули из винтовки.

Обе стороны маневрировали, вели перегруппировку, готовились к последующим решающим боям.

Повстанческая кавалерия была послана вверх по левому берегу, стала скапливаться ближе к железной дороге, на границе Донской области и Воронежской губернии, чтобы форсировать здесь Дон и прорываться к белым.

Среди повстанцев продолжались нелады. Перебежчики сообщали, что беженцам Мигулинской станицы, которые без хлеба, вешенцы никакого продовольствия не дают, говорят: «Вам было заявлено за десять дней о переправе всего имущества, вы не сделали этого, наверно, с целью». Мигулинцы обещают за это бросить фронт и пустить красных, вешенцы обещают их за это всех переколоть. Некоторые казаки говорят: «Нам, наверно, придется драться между собой».

Советские войска растягивались вдоль правого берега. Кубанская бригада теперь удерживала всю территорию напротив Вёшенской и ее хуторов. Остальные части красных скапливались против станицы Казанской и готовились к переправе через Дон возле Усть-Хоперской, чтобы беспрепятственно миновать водную преграду, собрать кулак и продолжать наступление теперь уже вверх по левому Дону от Хопра на Еланскую и Вёшенскую.

---

⁴³⁰ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 33. Л. 244.

3 июня. В.И. Ленин послал телеграмму Реввоенсовету Южного фронта: «Ревком Котельниковского района Донской области приказом 27 упраздняет название “станция”, устанавливая наименование “волость”, сообразно с чем делит Котельниковский район на волости.

В разных районах области запрещается местной властью носить лампасы и упраздняется слово “казак”.

В 9 армии т. Рогачевым реквизируется огульно у трудового казачества конская упряжь с телегами.

Во многих местах области запрещаются местные ярмарки крестьянским обиходом. В станице назначают комиссарами австрийских военнопленных.

Обращаем внимание на необходимость быть особенно осторожными в ломке таких бытовых мелочей, совершенно не имеющих значения в общей политике и вместе с тем раздражающих население. Держите твердо курс в основных вопросах и идите навстречу, делайте поблажки в привычных населению архаических пережитках»⁴³¹.

Эту телеграмму всегда демонстрировали как образец ленинской справедливости и гуманности. Но что значит «держите твердо курс в основных вопросах»? Мы-то помним, что 22 апреля 1919 года ЦК утвердил резолюцию Донбюро РКП об уничтожении казачьих верхов, подрыве экономики станиц и о формальной ликвидации казачества... Нет, за жизнь приходилось бороться, а не поддаваться на «поблажки в привычных населению архаических пережитках».

Решительные действия красных по подавлению восстания и Донской армии по прорыву на помощь повстанцев начались одновременно.

На повстанческом фронте события развивались драматично. 21 мая (3 июня) красная кавалерия (бывшая Боковская группа) переправилась через Дон, вышла к станице Букановской и заняла хутор Заталовский.

---

⁴³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 387.

Кубанцы попытались навести переправу через Дон напротив самой Вёшенской, но неудачно.

Курсанты, не найдя в Сетраках генерала Секретева, вновь повернули на север, на повстанческий фронт.

На другой день, 22 мая (4 июня), Морской и Интернациональный батальоны форсировали Дон у хуторов Обрывского и Зимовнова и оттеснили полки Отдельной бригады к станице Еланской.

Кудинов перебросил под Еланскую часть казаков 2-й Мигулинской дивизии (этот сложный маневр пришлось осуществить, так как вёшенские казаки из 1-й дивизии, опасаясь за свои хутора, на помощь еланцам не пошли) и Еланский полк из 5-й дивизии. Последний стал ударной силой, так как события развернулись в его родных местах.

Дело традиционно решилось конной атакой. Еланский полк во главе с самим подьесаулом Алферовым, неся огромные потери, все же отбросил красных от Еланской. Алферов был ранен пулей в грудь навывлет.

Бригада 33-й дивизии, которую уже готовились послать против Секретева, получила приказ форсировать Дон и занять станицу Вёшенскую.

Весь вечер 22 мая (4 июня) красноармейцы вязали плоты, а артиллерия бригады обстреливала лес у места предполагаемой переправы химическими снарядами — отгоняла казаков от места предполагаемой переправы.

23 мая (5 июня). В этот день генерал Секретев получил из штаба Донской армии новую ориентировку, подтверждающую путь на Сетраков, Мешковскую, Казанскую, и вновь занял хутор Сетраков, вступил на территорию Верхне-Донского округа.

Теперь пришла очередь верхне-донцов бросить сконцентрированную в районе Казанской конницу навстречу белым. Но мечты и планы остались на бумаге в кудиновском штабе. До соединения с группой Секретева ни одна повстанческая часть не сделала и шага навстречу «кадетам». Сидорин на Круге заявил,

что причиной этому были бронекатера красных, не дававшие возможность коннице переправиться через Дон, но начштаба Секретева генерал Кельчевский обвинял во всем командира одного из повстанческих полков, который устроил митинг и сорвал запланированный прорыв. Часть этой конницы, в частности Боковский полк, была затребована Кудиновым обратно под Вёшенскую, и вовремя. Под станицей как раз разыгрался один из последних актов трагедии.

Казак здесь удара не ожидали, все силы стягивали к Еланской и Букановской. Туда ушли три полка с северного участка фронта, 6 орудий и трофейный «броневик» — трактор, переделанный в танк, вооруженный пушкой «Гочкиса»⁴³². Правда, на подходе был Боковский полк, отозванный из-под Казанской.

«Доношу, что сегодня, 5 июня в 4 часа 30 мин., согласно боевого приказа по полку, 1-й батальон вверенного мне полка, поддерживаемый ружейным, пулеметным и батарейным огнем, начал переправляться на левый берег реки Дона, занятый неприятелем. Средств для переправы было слишком мало. К назначенному времени был готов только один паром, на котором могло поместиться только 15 человек с пулеметом. Первую группу численностью в 15 человек неприятель встретил довольно частым ружейным огнем, который начал ослабевать под превосходным огнем наших пулеметов и орудий 1-й батареи, расставленной на участке вверенного мне полка, и стал превращаться в редкие одиночные выстрелы, когда вслед за первой группой переправилась полурота с двумя пулеметами. Еще после переправы первой группы было замечено, что часть противника в беспорядке удирает в направлении ст. Вёшенской, бросая лошадей и проч. В настоящее время уже весь первый батальон переправился на неприятельский берег и разворачивается в боевой порядок. С переходом наших на неприятельский берег, к нам перебежало несколько человек жителей х. Мало-

---

⁴³² РГВА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 94. Л. 28.

Громковского, исключительно стариков, женщин и детей. Захвачено много лодок, которые помогут ускорить дальнейшую переправу. 13 ч 20 мин. Командир 292 Дербентского полка Козлов, комиссар Яковенко».

«14 часов. На участке 292 полка наши части, перешедшие на левый берег реки Дона и развернувшиеся в цепь, очищают левый берег. Беженцы, старики и дети сдаются. Из наблюдений видно, что обозы бегут в панике в направлении ст. Еланской».

«Доношу, что 5-го в 15 часов переправившимися частями— 292 полка были выбиты с позиции, занимаемой по левому берегу Дона, более ста человек, которые бросились бежать через болото, но метким огнем нашей артиллерии совершенно побиты и остались в болоте, с остальной позиции противник в панике бежит... Наши части, перешедшие на левый берег Дона, подходят к станице Вёшенской, которая будет через час занята... Нач. полевого штаба Мироненко»⁴³³.

Переправившиеся красноармейцы потеряли полдня на очищение лесистого берега, изрезанного озерами и болотами...

С утра в Вёшенскую прилетел на самолете поручик Веселовский.

«Подлетая к Вёшенской, — вспоминал Веселовский, — я увидел грустную картину: на южном берегу Дона против станицы и переправы было оставлено много телег, которым не удалось переправиться; все они были разбросаны и поломаны, а по обеим сторонам Дона шли окопы.

Низко кружась над станицей, я стал разыскивать условные знаки на выбранном аэродроме — но не нашел. Совершенно безжизненный, мертвый вид станицы о чем-то нехорошем говорил мне, и я опустил в верстах 4-х от станицы вблизи небольшого леска... Почти по всем балкам, лескам, кустарникам — всюду обитали несчастные беженцы; лазареты тоже эвакуировались в леса и на север в хутора»⁴³⁴.

---

⁴³³ РГВА. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 21. Л. 127—128, 141, 117.

⁴³⁴ Приазовский край. 1919. 12 (25) июля.

За патронами подъехала телега, а сам Веселовский верхом поскакал в штаб к Кудинову передать поручения от белого командования.

Во время обеда Кудинову передали по телефону, что красные форсировали Дон, наступают на Вёшенскую, а конный полк 1-й дивизии, который должен был охранять переправу против своих хуторов, бежал из колена «Черной рощи».

Спешно стали собирать силы для ответного удара. Начдив-1 Ермаков ускакал на левый фланг позиции, Кудинов руководил обороной станицы. Вместе в повстанцами в окопы сели члены Окружного Совета Г.А. Суяров, Г.М. Лосев и Е.В. Ермаков. А Веселовский взлетел с двумя невесть откуда взявшимися в станице авиабомбами и бомбил красные батареи против Вёшенской. Панически бежавших повстанцев ловили и приводили в порядок под хутором Лебяжьим и у Вёшенской. И когда 1-й батальон 292-го полка начал наступление на станицу, Кудинов и Ермаков успели уже организовать оборону.

Наступавшие по пояс в воде красноармейцы вышли к разлившемуся озеру, отделявшему станицу от рощи. «Товарищи, здесь другой Дон», — пронеслось по цепи. В это время батарея из 5-й повстанческой дивизии лихо развернулась на песчаном взгорье, и первые снаряды, начиненные «чистейшим донским песком», полетели в красноармейские ряды. С фланга ударила пришедшая в себя спешенная конница Ермакова.

Перемешавшаяся избивающая друг друга толпа казаков и красноармейцев покатила обратно к Дону. 1-я рота, пополненная недавно китайцами, была сброшена в воду, оставив на берегу человек 30 раненых. Прикрывавший их пулеметчик-китаец бил длинными очередями, прижимал повстанцев к земле, пока не кончились патроны. Потом казаки (Громковская сотня) поднялись в атаку, раненые — в контратаку, их всех перебили, а тела сбросили в Дон... Но остальные роты батальона на левом берегу удержались.

«Доношу, что 5 июня около 20 часов во время боя под станицей Вёшенской был ранен командир 1 батальона тов. Андриевский, ранение которого так деморализующе подействовало на красноармейцев 1 батальона, что те почти в беспорядке начали отступать по левому берегу Дона. Временно командующим 1-м батальоном мною назначен командир 3-го батальона тов. Останин, который немедленно направился к местонахождению батальона».

В 9 вечера на помощь Дербентскому полку стала переправляться 1-я рота 294-го Таганрогского полка. Станица Вёшенская бралась в полукольцо.

24 мая (6 июня). В.И. Ленин — Г.Я. Сокольникову: «Всеми силами ускорьте ликвидацию восстания, иначе опасность катастрофы ввиду прорыва на юге громадная. Курсанты и батарея Вам посланы. Извещайте чаще»⁴³⁵.

В.И. Ленин — Л.Д. Троцкому: «Торопите Сокольникова с ликвидацией восстания»⁴³⁶.

Дождь. 1-й батальон 292-го полка укреплял позиции в лесу напротив хутора Базковского. Казаки стягивали силы, готовились сбросить красных в Дон.

На других участках фронта экспедиционные войска почувствовали ослабление повстанческих сил и нажали. В 10 утра 106-й полк ворвался в Казанскую. Станица несколько раз переходила из рук в руки и к 18 часам была занята красными окончательно.

На северном участке красные ударили в стык между 3-й и 4-й дивизиями, после отчаянного сопротивления (Березняговский и Казанский пешие полки ходили в штыки) казаки отошли и сдали хутора Попов и Матюшинский. Связь между 3-й и 4-й дивизиями была прервана⁴³⁷.

Зато на северном участке 5-я дивизия отбросила красных. «Противник, наступавший на участке моей дивизии, разбит;

---

⁴³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 341.

⁴³⁶ Там же. С. 342.

⁴³⁷ Вольное казачество. № 84—85. С. 13.

правый фланг его отброшен за реку Хопер, а левый удерживается в станице Федосеевской. Пленных не берем. Нач. 5 дивизии Ушаков»⁴³⁸, — донес начдив-5 в 10 вечера.

25 мая (7 июня). Участь восстания должна была решиться. Под Казанской повстанцы терпели поражение. Под Шумилинским их цепи выкашивались огнем красных броневиков. Под Вёшенской казаки, сунувшиеся на позиции 292-го полка, были отбиты с большими потерями. Мигулинцы потребовали на фронт пленных красноармейцев «защищать Дон». Из 200 пригнанных 100 сразу зарубили, а остальных заставили рыть окопы... Повстанческий фронт трещал и разваливался.

И тут свою роль сыграла конница генерала Секретева, спешившая на выручку мятежникам.

«Конечно, не будь конницы Секретева, очаг восстания был бы затушен, 9-я армия, не угрожаемая повстанцами с тыла, удержала бы за собой рубеж Северский Донец, и операция развернулась бы совершенно иначе», — считал С.М. Буденный⁴³⁹.

Конница Секретева, проделавшая почти трехсотверстный переход и только что разбившая противостоящих ей курсантов, к моменту выхода на соединение с повстанцами была сильно утомлена. В 7.30 утра начальник штаба Секретева генерал Калиновский послал в штаб Донской армии донесение из Мешковской, что есть возможность соединиться с повстанцами в тот же день, проделав марш на Казанскую, маневр на Вёшенскую невозможен, так как займет несколько дней, «на что конная группа по своей усталости уже не способна»⁴⁴⁰.

Осуществлявший связь между повстанцами и генералом Секретевым летчик капитан Веселовский, вылетевший на поиски конной группы, обнаружил «колоссальную колонну конницы и в хвосте ее массу скота, обозов и почему-то женщин»⁴⁴¹.

---

⁴³⁸ Вольное казачество. № 84—85. С. 13.

⁴³⁹ Буденный С.М. У истоков... С. 106.

⁴⁴⁰ РГВА. Ф. 40118. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.

⁴⁴¹ Приазовский край. 1919. 20 июля (2 августа).

И все же удар по тылам экспедиционных войск 8-й армии был внезапен. Секретев сбил заслон красных — 104-й полк и Воронежские курсы — и силами до 2000 шашек прорвался на хутор Демидов. Остатки 104-го полка и Воронежских курсов, всего около 100 штыков, ушли на Монастырщину.

Конница Секретева переправилась на левый берег Дона и передала повстанцам 50 000 патронов.

Кольцо, сжимавшее повстанцев, было прорвано. И хотя общий исход сражения был пока не ясен, и соотношение сил, введенных в бой, изменилось ненамного, командование экспедиционных войск выпустило инициативу из рук. Отныне советские части проявляют склонность выйти из боев, обтекают район восстания, накапливаются у Чертково и Усть-Медведицкой. Кольцо окружения все больше и больше размыкается с южной стороны.

На севере, под Шумилинским, начдив-4 Медведев, получив помощь от 5-й дивизии, глубоким обходом через Кругловский и Солонку отбросил красных на Березняги.

Соединившись с повстанцами, Секретев планировал свернуть на запад, на Чертково и Богучар. Но Кудинов настаивал, чтобы Секретев спешил на помощь Вёшенской, и конная группа, выделив один полк для преследования красных, уходивших на Чертково, свернула на восток, на Мигулинскую.

В повстанческом штабе было ликование. Телефон звонил беспрестанно. Кудинов снимал трубку: «Говорит командующий, что угодно?» В ответ слышалось бесконечное «Ура!»

Эскадрилья из четырех самолетов привезла в Вёшенскую патроны и вылетела бомбить красные позиции. Начдив-1 Ермаков порывался атаковать красных всеми силами и отбросить их от Вёшенской. Ночь прекратила сражение. «Пленных, ввиду ожесточенности боя, не было», — писали белогвардейские газеты.

В этот же день на далеком Восточном фронте красные заняли Ижевск и начали форсирование реки Белой.

26 мая (8 июня) Секретев вел тяжелый бой в районе Мигулинской, где загнал в Дон 106-й и 3-й Кронштадтский полки

и курсантов. По сводкам Донской армии, в плен было взято 800 солдат противника и обоз одной бригады в 700 повозок, автомобиль и мотоциклеты. Остатки кронштадтцев пробились и пошли на юг (на Наполов) и на запад (на Фёдоровский).

Воодушевленные соединением повстанцы рвались вперед. Последние попытки красных наступать со стороны Слащевской тоже были отбиты, повстанцы взяли 8 пулеметов.

Богатеи из крестьянских селений, уяснив, что в боях на повстанческом фронте произошел перелом, прислали в окружной «Совет» делегацию «стариков» и заявили о лояльности своей к белому движению. Классовая война теряла свою сословную форму. Получив такую поддержку, повстанческие «вожди» уверились в своей непобедимости и отдали приказ об истреблении пленных красноармейцев, которых до этого времени рассматривали как своего рода заложников на случай переговоров о мире с красными.

С первых же шагов по верхнедонской земле белогвардейское командование стало оттирать Кудинова от руководства повстанческими частями. 10 (23) мая приказом № 795 они с Сафоновым производились из сотников в есаулы (хотя Сафонов еще в конце 1918 г. был подъесаулом). Приказ звучал так: «Производятся за боевые отличия:

...Из сотников в есаулы. Командующий войсками восставшего района 2 Донского округа сотник Кудинов Павел.

И.д. начальника штаба сотник Сафонов Илья, оба старшинством с 25 апреля сего года». Подписали приказ Богаевский и Сидорин, Донской атаман и командующий Донскими армиями. И тем не менее в приказе ошибка, из-за которой его можно объявить недействительным, — «командующий войсками восставшего района 2 Донского округа».

В белогвардейской печати 26 мая (8 июня) (газета «Донские ведомости») начали расписывать подвиги второстепенных деятелей мятежа, а о Кудинове — двумя строчками: «командующий восставшими — казак х. Нижне-Дударевского Вёшенской станицы, состоит в чине есаула».

Секретеву было приказано объединить в своих руках командование повстанческими частями и конной группой.

Обиженный Кудинов в эмиграции заявил, что был болен и поэтому при соединении с белыми сдал командование повстанческой армией. Дело тут, конечно, не в болезни.

Немного отвлечемся от хода боев и перенесемся в позднее время. В одном из изданий «Тихого Дона» (издавала его «Молодая гвардия») было дано фото Павла Назаровича Кудинова, скопированное из эмигрантского журнала. Натянул он есаульский мундир на располневшее тело, чуб зачесал и лукаво в объектив посматривал. Снимался это он в 1936 г., когда протолкался в правление «Союза казаков-националистов» в Болгарии и увлечен был соответствующими идеями. Увлекался, правда, недолго. «Заскубался» вскоре с конкурентом своим, лидером «Вольного казачества» Гнатом Билым, у которого были четко налажены связи с фашистами, и когда Билый приехал в Югославию (донская эмиграция в основном в Болгарии ютилась, а кубанская — в Югославии), донес на него как на «агента Коминтерна». Болгарская полиция Билого схватила, но вскоре выпустила, и тут уже Билый написал донос в Софию, что Кудинов П.Н. тайком встречается на окраинах болгарской столицы с советским военным атташе...

Но есть и еще один снимок. Коротко острижен там Кудинов и гладко выбрит. Глаза смотрят твердо и прямо, тонкие губы плотно сжаты, шея толстая напряжена, на мускулистой груди гимнастерка чуть не лопается. Впечатление, что сорвется сейчас Павел Назарович и поскачет куда-нибудь. Весна 1919 г. Восстание...

Вернемся к боевым действиям. 27 мая (9 июня). Конница Секретева, измотанная рейдом, довольно вяло втягивалась в бои на правобережье. Самостоятельной роли в других обстоятельствах она не играла бы. Численность ее была 1500 сабель.

Одна лишь конница первой повстанческой дивизии Ермакова превосходила ее численностью в полтора раза.

В этот день Секретев всеми силами навалился на уходящий в сторону Чертково 292-й Дербентский полк (по сути дела, полк еще три дня назад получил задачу перехватить группу Секретева на подходе к Казанской, но из-за боев под Вёшенской отправился выполнять ее только сейчас и сам был «перехвачен»). Конные атаки на заморенных лошадях результата не дали. Секретевцы несли большие потери. Безуспешный для белых бой под хутором Фроловым продолжался до 16 часов, когда 1-я повстанческая дивизия начала переправу на широком фронте от хутора Рыбинского до Белогорки на помощь Секретеву. Обнаружив противника, подходящего с тыла, Дербентский полк пробился на Чертково. Другие полки Кубанской дивизии также вышли из окружения. В Дербентском полку осталось 176 бойцов, из них 85 раненых⁴⁴². По сводкам Донской армии, казаки Секретева захватили в этот день 2 орудия и денежный ящик с 1,5 млн рублей.

Вконец измотанные полки Секретева были переведены на левый берег Дона и нацелены на запад — на Богучар.

Генерал Секретев вступил в станицу Вёшенскую и был встречен караулом из седых стариков.

Начштаба группы Калиновский, нарушая все планы высшего командования, сказал Кудинову: «Наши части устали и преследовать красных не в состоянии, возьмите нашу артиллерию в свое распоряжение».

Пополнение для конной группы пытались набрать за счет многочисленных, отобилизованных и организованных в полки и дивизии повстанцев Верхне-Донского округа. Так, докладывая 27 мая (9 июня), что преследовать красных послана конница 1-й повстанческой дивизии, Калиновский отметил: «Состав конницы этой дивизии превосходит конную группу в полтора раза»⁴⁴³. Но жестко подчинить себе повстанческие структуры

---

⁴⁴² ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 661. Л. 19 об.

⁴⁴³ РГВА. Ф. 40118. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.

Секретев и его штаб пока были не в силах. Подчинение шло исподволь.

Калиновский от руководства повстанцами уклонился: «...4. Необходимо назначить новый сильный штаб для работы по организации и переформированию войск Верхне-Донского района, так как одновременно работа с конной группой, что требует обязательного присутствия начальника штаба на поле боя, является совершенно несовместимой и невозможной с указанной работой, необходимой для войск Верхне-Донского округа. Считаю работу с конной группой для данного момента более важной, почему завтра ухожу из Вёшенской вместе с конницей.

Управление войсками Верхне-Донского округа остается в руках есаула Кудинова, которому ставятся задачи генералом Секретевым. № 199. Вёшенская. 29.V.19 г. 15 час 15 мин. Калиновский»⁴⁴⁴.

Однако штаб Секретева дал рецепт, как жестко подчинить повстанцев донскому командованию: «Для усиления борьбы войск Верхне-Донского округа необходимо: 1) назначение командного состава как на старшие командные должности, так и присылка возможно большего количества младших офицеров. Успеху дела много вредит выборное начало. Операция, начатая Верхне-Донской конницей в районе Дедовка — Глубокая с целью прорыва фронта и соединения с нашей группой, закончилась митингом и неудачей исключительно по вине одного из выборных командиров полков.

Наше намерение получить укомплектование для конной группы не встречает сочувствия. Тем не менее это решено сделать в течение операции прорыва у Усть-Медведицкой за счет первой дивизии (надо офицеров-артиллеристов, казаки не умеют вести огонь с закрытых позиций). Калиновский»⁴⁴⁵. Надо отметить, что реально получить укомплектование за счет

---

⁴⁴⁴ РГВА. Ф. 40118. Оп. 1. Д. 1. Л. 104—104 об.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 112—112 об.

1-й повстанческой дивизии донскому командованию удалось лишь через месяц.

В день соединения Кудинов отдал приказ № 15 по войскам Верхне-Донского округа — надеть погоны и приветствовать офицеров «по мере возможности».

В этот последний день восстания (отныне повстанцы уже официально перестали быть таковыми) на восточном участке фронта столкнулись Заамурский и Московский полки с казаками 5-й повстанческой дивизии.

Московский полк наступал на хутора Евсеев и Сукачев. Один фланг его прикрывала Слащевская добровольческая сотня, другой — 1-я сотня 5-го Заамурского конного полка. Контратакой в лоб казаки смяли первую цепь москвичей, Слащевская добровольческая сотня, видевшая это, дружно обратилась в бегство. Красная пехота заколебалась и тоже стала отходить. Единственной частью осталась сотня Заамурского полка. Надо было прикрывать отступление, а в это время на заамурцев уже мчался целый полк казаков (интервалы между сотнями как на учениях, взводные на флангах, сотенные перед строем).

Красная Армия, молодая армия, имевшая от роду чуть более года, была сильна еще и тем, что во многом сохранила старые боевые традиции русской армии. 1-я сотня 5-го Заамурского полка, кадрового полка старой службы, свято исполнила свой долг, не допустила рубки бегущих. Как один человек сотня бросилась в контратаку, и яростная рукопашная сеча «один на шестерых», в которой замурцы потеряли 32 убитых, 28 раненых, но взяли одного пленного, была кровавой точкой, завершившей историю Верхне-Донского мятежа.

Впрочем, спасти Московский полк не удалось. Полк потерял 120 человек, не считая раненых, и 3 пулемета...

Вместо эпилога

Подавление восстания сорвалось.

Южный фронт красных, рассеченный рейдом Секретева и соединением его с повстанцами, откатывался на север, оставляя Донскую область. Экспедиционные войска были разрознены и понесли потери. На 10 июня в их составе числились: в экспедиционной дивизии 8-й армии:

	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
1-я бригада				
103-й полк	800	70	32	4
104-й полк	195	25	9	2
Тамбовские и Рязанские курсы	400		20	4
13-й кавалерийский		260	16	2
2-й отдельный кавдивизион		32		
Московские курсы	500	29	14	2
Воронежские курсы	25	4	6	2
2-я бригада				
106-й полк	430	83	14	2
107-й полк	700	46	30	2
3-й Кронштадтский	Сведений нет			
Калужский эскадрон		54		

Андрей Венков

	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
3-я бригада				
1-й Коммунистический (бывш. Калачовский)	350		8	
1-й конный		41	7	
Калужские, Орловские, Елецкие курсы	11		6	
Нижегородские, Пензенские курсы	126			
Тульские курсы	3		7	
Рота моряков	31			
Саратовский зап.	400	50	10	
1-й заградительный отряд	52		1	
Батарея 23-го дивизиона				4
4-й Московский летучий бронеотряд				1 броневик
Бронеотряд ВЦИК				1 броневик, 2 грузовика
2-й заградительный отряд	60		3	
3-й заградительный отряд	40	7	3	
3-й коммунистический заградотряд	104		2	
23-й авиаотдел				2 самолета

В экспедиционной дивизии 9-й армии:

	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
Кавдивизион		87	4	
1-й сводный полк	647		22	3
Камышинский кавдивизион		63	5	
Саратовский кавалерийский		347	10	

ВЁШЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

5-й кавдивизион		270	3	
Сводная батарея		100	2	4
2-й сводный полк	950	112	20	
2 роты 38-го запасного батальона	166		6	
2-я противосамолетная батарея		24	1	2
2-й эскадрон		63	2	
3-й сводный полк	778		12	
Маневренный кавдивизион		162	4	
3-я батарея		48		2
Бузулуцкая сотня		156	1	
Казачий отряд им. Карла Маркса	40	74	1	
1-й Московский полк	191	13	11	
Кумылженская сотня		66		
Слащевская сотня		71	1	
5-й Заамурский конный полк		350	10	
5-я Заамурская батарея		67		4
Смоленский и Витебский резервные полки	446		6	

Всего в экспедиционных частях осталось 7095 штыков, 2774 сабли, 289 пулеметов, 39 орудий⁴⁴⁶.

Троцкий, не справившись на Юге, засобирался в Москву.

«Троцкому. Я согласен на Ваш приезд при двух условиях: первое, максимальная быстрота возврата, чтобы не оставлять Юг без надзора; второе, чтобы была обеспечена максимальная и максимальной энергия на Юге без Вас, чтобы нас не додушили с Юга...

Ленин. 11 июня 1919 г.»⁴⁴⁷.

⁴⁴⁶ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 478.

⁴⁴⁷ Ленинский сборник, XXXVII. С. 155.

28 мая (10 июня) Донревком признал, что дальнейшее переселение голодающей бедноты на Дон невозможно, и постановил прекратить его. А через неделю Реввоенсовет Южного фронта предлагал распустить и самое Донревком, а членов его использовать для усиления реввоенсоветов армий.

Начальника эскадрона Хвесина сместили, на его место Сокольников усиленно выдвигал Ф.К. Миронова, по происхождению казака Усть-Медведицкой станицы, популярнейшего на Дону и питавшего приверженность к народоправству эсеровского толка. «Состав войск гарантирует против отклонения (Миронова) от советской линии, имя Миронова обеспечит нейтралитет, поддержку северных округов, если не поздно», — писал Сокольников Троцкому⁴⁴⁸.

Но даже имя Миронова не обеспечило нейтралитета на севере Дона. Великий раскол шел в этих округах. Беднота семьями уходила с отступающими красными войсками, середняки (основная масса населения), хлебнувшие «военного коммунизма», с нетерпением ждали «кадетов». Это впоследствии позволило генералу Деникину начать наступление на широком фронте и выпустить щупальца казачьих разъездов аж до Тулы.

Мобилизованные в Красную Армию не являлись на сборные пункты. Станицы Тишанская, Провоторская, Буркутская, Луковская и часть Тепикинской восстали, недовольные мобилизацией. Лишь немногих удалось посадить в вагоны и направить в район Саранск — Инсарск — Инза на формирование Донского казачьего советского корпуса, который в августе замитинговал и самовольно направился на фронт, а вернее — домой, на Дон...

Добровольческие казачьи дружины, а в них при экспедиционных частях числилось к тому времени более 400 сабель, быстро редели. Часть бойцов при отступлении, проходя свою станицу, переходила к белым.

---

⁴⁴⁸ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 665. Л. 47.

Вскоре Экспедиционный корпус переименовали в Особый. На место Хвесина назначили Ф.К. Миронова.

На Дону началась новая фаза борьбы.

Советские войска безостановочно катились на север. 19 мая (1 июня) они сдали Луганск. В этот день 9-я армия, пытавшаяся отбиваться и удерживавшая берег Донца, получила приказ планомерно отходить за реку Чир. Но планомерного отхода не получилось. Войска Мамонтова и передохнувшие после неудачного форсирования Донца хоперцы насели на отступающих красных.

22 мая (4 июня) войска Донской армии получили приказ преследовать противника.

Командование Южного красных констатировало, что «части 9 армии в критическом положении и лишены возможности совершить отход». 8-й армии приказывалось «для спасения 23-й дивизии и выхода ее из боя» ударить со стороны Миллерова на помощь 9-й⁴⁴⁹. «9-я армия как таковая временно как бы перестает существовать...» — констатировали советские историки⁴⁵⁰.

В свою очередь донское командование стремилось не дать 9-й армии опомниться и при помощи повстанцев добить ее, освободив весь север области. Войска генерала Быкадорова (2-й Донской корпус) получили приказ не дать остаткам 9-й армии соединиться с экспедиционными войсками.

Новое серьезное сражение разгорелось за окружную станицу Усть-Медведицкую.

К станице отходили части 23-й советской дивизии (бывшей Усть-Медведицкой). Дивизия была потрепана. Прикрывавшая ее отступление красная казачья конница попала в окружение у хутора Александро-Невского, вплавь перебралась через Чир и, потеряв командира полка, обоз, два пулемета и 150 бойцов, ушла за Дон у станицы Пятиизбянской.

---

⁴⁴⁹ Директивы командования фронтов...Т. 2. С. 262.

⁴⁵⁰ Какурин Н.Е. Вацетис И.И. Гражданская война в СССР 1917—1921. М., 1929. С. 282.

Ликующие повстанцы не догадались, а может, и не захотели собрать конные части, освободившиеся после разгрома красных к югу от Вёшенской, и бросить их на Усть-Медведицкую, чтобы отрезать и пленить спешивших к станице мироновцев.

1-я повстанческая дивизия, переправившаяся 26—27 мая (8—9 июня) через Дон, располагалась у хуторов Дуленков — Горбатов — Дубов, на границе Усть-Медведицкого округа. Отдельная повстанческая бригада 28 мая (10 июня) только начала переправу на правый берег Дона у Еланской. Измотанная переходами группа Секретева отдыхала. Сам Секретев был в Вёшенской.

Воспользовавшись временным бездействием повстанцев, экспедиционные войска выслали бригаду из состава экспедиционной дивизии 9-й армии и прикрыли Усть-Медведицкую.

29 мая (11 июня) разъезд хоперцев из войск, вышедших к Чиру у Краснокутской, прибыл к повстанцам и передал им приказ генерала Иванова, командующего 3-м Хоперским корпусом, идти навстречу на хутор Ушаков.

Генерал Иванов вызвал к себе начальника штаба 1-й повстанческой дивизии сотника Копылова и требовал от него подчинения. Копылов вроде и был «за», но дивизия, не изжившая митингов, отвечала уклончиво.

30 мая (12 июня) утром офицер для связи Немов прибыл в 1-ю повстанческую дивизию и скоординировал совместные действия. Отряд в 800 штыков и 600 шашек двинулся от хутора Горбатова к хутору Большому. Еще два полка наступали по берегу Дона от Семеновского на Тюковской и Усть-Хоперскую. «Все эти части принадлежат 1-й Верхне-Донской дивизии хорунжего Ермакова, и переброшены они на правый берег 27 мая у станицы Вёшенской у Басков», — докладывал Немов⁴⁵¹. Еще две дивизии повстанцев (4-я и 5-я) двигались на Усть-Медведицкую левым берегом Дона (две оставшиеся повстанческие дивизии вместе с конницей Секретева наконец пошли

---

⁴⁵¹ ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 55. Л. 245.

на Богучар и Калач). Сам Секретев, задержавшись, с 11-ю конными сотнями тоже выступил по левому берегу Дона на Усть-Медведицкую. С юга на хутор Большой наступала 5-я конная дивизия (21, 22 и 23-й конные полки). Штаб 3-го Хоперского корпуса перебрался в Краснокутскую.

Хутор Большой был взят 3-м и 5-м «Донскими восставшими полками»⁴⁵² 1-й повстанческой дивизии. После боя Ермаков сосредоточил свои части у хутора Девятского и повел на Усть-Хоперскую и Кузнечиков, чтобы захватить переправы через Дон.

31 мая (13 июня) 23-я советская дивизия добралась все же до Усть-Медведицкой. Наступая ей на пятки, к станице вышли донские полки.

Двигаясь разными дорогами, казаки одновременно сомкнулись перед Усть-Медведицкой и перемешались. Судя по донесениям командиров частей, на правом фланге к 18 часам хутор Бобровский 2-й заняли части генерала Сутулова, левее его находились боковцы (6-й конный полк 1-й повстанческой дивизии), 5-й партизанский полк и 5-я конная дивизия Хоперского корпуса. Последняя вышла прямо к «пирамидам» — прибрежным высотам возле Усть-Медведицкой, — но была встречена огнем в упор и к 20.30 отошла. Левее 5-й дивизии к Усть-Медведицкой выходил 3-й конный полк 1-й повстанческой дивизии. Еще левее его тремя колоннами вышла к Дону Сводно-Партизанская дивизия, которая за 9 дней прошла 270 верст. Правая колонна дивизии (генерал Войцеховский) вышла на Боерак — Попов, центральная (генерал Кухтоевич) — на хутора Кузнечиков и Хованский, левая (полковник Петров) — к Усть-Хоперской. Еще левее расположились пешие сотни повстанцев (1-й пеший Вёшенский полк Зыкова) и 23-й конный полк 5-й конной дивизии. С хуторов Бобровского 1-го и Чеботарева подходили 3 сотни Усть-Хоперского полка повстанцев⁴⁵³.

---

⁴⁵² ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 55. Л. 247.

⁴⁵³ РГВА. Ф. 39991. Оп. 2. Д. 3.

Повстанцы, соединившись, срочно запросили для нужд 1-й батареи 1-й повстанческой дивизии (командир хорунжий Бирюлин) еще 3 орудия, 12 пулеметов и 300 винтовок (3 своих орудия у них были)⁴⁵⁴.

В 23.45 командующий Хоперским корпусом генерал Иванов передал из Усть-Хоперской Кудинову телефонограмму, что желательно ударить на Слащевскую — Кумылженскую и отрезать путь отступления противнику. В час ночи 1(14) июня Иванов приказал начальнику 1-й Вёшенской дивизии (как видим, дивизия в документах называется и «повстанческой» и «Верхне-Донской» и «Вёшенской») хорунжему Ермакову войти в подчинение генералу Войцеховскому (Ермаков «подчиниться Войцеховскому не пожелал»). Пехоту Войцеховского Иванов двинул на Усть-Медведицкую, пехоту Кухтоевича — левее, на хутор Затон, 5-я конная дивизия войскового старшины Васильева наступала правее Войцеховского.

Утром наступление на Усть-Медведицкую повели с двух сторон: подошедший Мамонтов атаковал станицу в конном строю с востока, но был отбит, а Богучарский отряд из колонны Кухтоевича в 8.30 занял хутор Затон к западу от станицы.

Для развития успеха в бой была введена Отдельная повстанческая бригада. В Затон вошла 2-я пешая сотня 2-го Еланского полка и усилила атаку на Усть-Медведицкую. В 10 часов цепь пополнили 80 казаков 2-го Вёшенского полка. В 10.40 подошел Штурмовой батальон и составил вторую цепь. Левее цепи в конном строю шли три сотни 2-го Еланского полка.

Взвод 1-й Семилетовской английской батареи войскового старшины Медведева, прикрытый одной сотней Еланского полка, выдвинулся на окраину Затона к берегу Дона и открыл шрапнельный огонь по показавшейся Усть-Медведицкой переправе. Вскоре мост был разрушен в двух местах.

Между «партизанами» Пухтоевича и Войцеховского энергично наступала 1-я повстанческая дивизия.

---

⁴⁵⁴ ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 55. Л. 262.

К вечеру казалось, что занятие станицы — вопрос нескольких часов. Но в этот день станицу так и не взяли. Мамонтовцы смогли занять окопы у Преображенского монастыря. Мамонтов передал командование под Усть-Медведицкой генералу Абрамову, а сам с частью войск стал готовить переправу через Дон ниже станицы.

«Партизанская» артиллерия разбила Усть-Медведицкую переправу, и красная кавалерия уходила из станицы вплавь.

5-я повстанческая дивизия заняла в этот день Слащевскую и вышла на берег Хопра. Ее дальнейшее движение через Хопер и Медведицу грозило окружением красным в Усть-Медведицкой.

2 (15) июня Усть-Хоперский полк переправился через Дон и сбил красных на хутор Шашкин. Была создана группа из 22-го и 23-го конных полков, двух полков 1-й повстанческой дивизии без пеших сотен и 6-й повстанческой дивизии (бывшая Отдельная бригада), которая должна была вечером переправиться у хуторов Ярский и Хованский и утром следующего дня занять хутор Березовский на левом берегу напротив Усть-Медведицкой.

Не дожидаясь полного окружения, красные оставили Усть-Медведицкую. Но избежать частичного окружения все же не удалось. У хутора Зимняцкого были окружены и погибли остатки 199-го и 201-го полков. Все, что осталось, ушло на Арчадинскую.

Таким образом, на линии Дона большевикам удержаться не удалось. Сбившие их казаки устремились к границам области. 4 (17) июня 1-я и 6-я повстанческие дивизии заняли станицу Глазуновскую.

После взятия Усть-Медведицкой белогвардейское командование повернулось к повстанческому руководству спиной. В газетах, сводках о них умалчивали. Выше есаула Кудинов и Сафонов так и не поднялись. Как командиры дивизий, тем более — армий, они белых не удовлетворяли.

Зато сразу же одарили наградами урядников из «совета» и других «народных вождей», безграмотных подхалимов. Но

наградили не щедро: урядник Благородов Иван Константинович «за организацию гражданской власти во время восстания в Верхне-Донском округе и постановку вопроса о снабжении и продовольствии армии», а также урядник Ермаков Емельян Васильевич, «как первый со своим отрядом взявший Вёшенскую станицу», производились в подхорунжие, а казак Атланов Константин Степанович, «как первый поднявший восстание против большевиков в станице Еланской», — в вахмистры.

Генерал Мамонтов с конницей 4 (17)-го двинулся на Арчеду и 6 (19) июня занял ее. От станции Арчеда мамонтовская конница рванула на север на Малодельскую и Раздорскую станицы, соединилась здесь с восставшими казаками и у хутора Лычацкого разбила на переправе красных, пытавшихся уйти за Медведицу. Затем Мамонтов свернул на восток и 11 (24) июня вышел на берег Волги к Дубовке, отрезая Царицын. Мамонтовцы хвалились, что за 96 часов прошли 200 верст.

Движение Мамонтова было настолько стремительным, что красное командование считало силы Мамонтова разделившимися. Одна часть якобы шла вверх по Медведице, а другая — в тыл Царицыну⁴⁵⁵.

12 (25) июня мамонтовцы конной атакой взяли Дубовку и на другой день вели жестокий бой с конным корпусом Буденного. 14 (27) июня Мамонтов ушел за реку Иловлю, давая красным «золотой мост» из Царицына на север⁴⁵⁶.

Пока конница Буденного дралась с Мамонтовым под Дубовкой, войска Врангеля прорвали позиции красных под Царицыном. Судьба города была решена.

Генерал Голубинцев, на ходу формируя дивизию из мобилизованных Усть-Медведицких казаков, 12 (25) июня вступил в самую верхнюю станицу по реке Медведице — Островскую —

---

⁴⁵⁵ *Егоров А.И.* Разгром Деникина. 1919.// Гражданская война: разгром Деникина. М., 2003. С.164.

⁴⁵⁶ *Тюленев И.* 1-я конная в боях за социалистическую Родину. М., 1938. С. 55—56.

и получил приказ развивать партизанские действия в сторону Камышина. Северо-восток области был освобожден.

Еще быстрее донцы вышли к границам области на западе. Легкость движения вызывала эйфорию. Как оценил ситуацию генерал Шкуро: «Музыка играет, казачки поют, весна, солнце, любовь, размножение народов и прочее такое»⁴⁵⁷.

Конная группа Секретева и две повстанческие дивизии (2-я и 3-я) перешли границу области и 5 (18) июня заняли Петропавловку и Монастырщину. 8(21) июня казаки заняли Калач Воронежский, 9 (22)-го — Богучар.

Хоперские станицы, всю весну безуспешно подбиваемые на восстание вёшенскими и еланскими казаками, наконец восстали. 29 мая (11 июня) начальник штаба конной группы Секретева Калиновский докладывал: «В Хоперском округе вспыхнуло восстание... Хоперцы местных хуторов присоединяются к нашим войскам целыми сотнями. Двинута сотня для овладения станицей Тишанской»⁴⁵⁸. 2 (15) июня восстала Акишевская. Туда на подавление был послан Заамурский полк. 4 (17) июня 5-я повстанческая дивизия пошла на поддержку восставшим Луковской и Бурацкой. 5 (18) июня заамурцы под Зотовской выдержали бой с шестью полками повстанцев, спешащих на помощь акишевцам, луковцам и казакам Бурацкой станицы. По советским данным, заамурцы зарубили до 400 казаков и захватили 1 пулемет⁴⁵⁹. Однако после боя заамурцы начали отход. 5-я повстанческая дивизия преследовала их на Зотовскую. На помощь 5-й повстанческой дивизии подошла 6-я повстанческая. 6 (19) июня она переправилась на правый берег Хопра ниже Слащевской.

7 (20) июня на правом берегу Хопра красные были сбиты одновременной атакой Вёшенского и Калиновского полков 5-й повстанческой дивизии и оставили Зотовскую и Арженовскую.

---

⁴⁵⁷ Донские ведомости. 1919. 30 мая (12 июня).

⁴⁵⁸ РГВА. Ф. 40118. Оп. 1. Д. 1. Л. 115.

⁴⁵⁹ РГВА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 611. Л. 65.

Красные части выстраивали новый фронт по Бузулуку: экспедиционные войска — от Бурацкой до Павловской и Филоновской, 9-я армия — выше по реке.

8 (21) июня Калиновский и Вёшенский полки разбили красных у Усть-Бузулуцкой. Часть разбитых бежала на Акишевскую, часть бросилась вплавь через реку. Казаки взяли 70 пленных, 1 орудие, 2 пулемета, 60 лошадей. Калиновский и Еланский полки преследовали отступающих правым берегом Хопра на Акишевскую, Вёшенский полк переправился у Усть-Бузулуцкой через Хопер, чтобы идти левым берегом. Вечером Калиновский полк занял Акишевскую. Подоспевшая 6-я повстанческая дивизия преследовала дальше. Один ее полк (1-й Вёшенский) тремя сотнями занял станицу Алексеевскую. В этот день казаки вышли к Бузулуку, заняв Алексеевскую, Анненскую и Филоновскую.

В ночь с 8 на 9 (21—22) июня новый фронт красных был прорван. «Пехота красных из китайцев, латышей и немцев дралась с крайним ожесточением, в упор отстреливаясь от атакующей конницы. Поле было усеяно трупами изрубленных красноармейцев...»⁴⁶⁰. Пленных не брали. Казаки потеряли 6 убитых и 20 раненых. 9 (22) июня в 16 часов была взята станция Ярыженская.

5-я повстанческая дивизия преследовала красных на Тишанскую. Обогнав ее, бригада 6-й повстанческой дивизии заняла Бурацкую. У Бурацкой казаки окружили Саратовский кавалерийский полк красных. «Местность в виде котловины, окруженной возвышенностями, ставила полк в безвыходное положение. Не растерявшийся т. Аккерман (командир полка. — А.В.) спешил полк и встретил врагов убийственным ружейным и пулеметным огнем, заставившим белых тоже спешиться. Тогда полк садится на коней и прорывает спешенную цепь почти без потерь»⁴⁶¹.

---

⁴⁶⁰ Жизнь. 1919. № 41. 12 (24) июня.

⁴⁶¹ Боевой путь блинцев... С. 49.

К 11 (24) июня красные откатились на Поворино — Новохоперск, оставив пределы Области Войска Донского. Окружная станица Хоперского округа Урюпинская была занята после жестокого боя 70 солдатами Партизанской дивизии⁴⁶².

Примечательно, что в день выхода казачьих войск на границы Области Войска Донского, 10 (23) июня 1919 года П.Н. Кудинов написал свой последний приказ: «Дорогие борцы, повстанцы Верхне-Донских дивизий! Три месяца кошмарных дней мы вели непосильную борьбу с разбойниками коммунистами, не допивая, не доедая, в грязи, холодные, уставшие от бессонных ночей. Боролись с верой в душе честного гражданина за воскрешение задушенной истины, и мы победили!

Мы своими удало-лихими конными атаками уничтожили лучшие части коммунистов. Но помните, братья повстанцы, что я всегда был с Вами телом и душой. Я и мой штаб работали все 24 часа, и как в штабе, так и в квартире, дверь для каждого была открыта, и вход был доступен каждому. Я работал и так хотелось бы работать с вами и для вас до гробовой доски, но с болью в душе приходится с Вами, мои славные орлы-повстанцы, попрощаться в силу изменившегося положения, т.е. соединения с Донской армией. Но, мои славные храбрые птенцы, простите меня и мой штаб за нанесенные вам оскорбления — если это было, то так поступать приходилось для спасения положения. Скажу одно, что я и весь штаб был с Вами на позиции в роковые дни 14 марта под станицей Еланской, когда была бомбардировка нашего родного округа. Мы тоже обрели себя на смерть, как и вы. Славные орлы, вы теперь подчинены другим руководителям, более достойным нас, а потому прощайте, братья-повстанцы, бессмертные Верхне-Донцы! Вы доказали на деле, как нужно защищать и оживлять поруганную истину, затоптанную ногами подлецов и новых кулаков-комиссаров. Я верю в вашу честность, непоколебимость, что Вы всегда придете на защиту права и спра-

---

⁴⁶² Уильямсон Х. Указ. соч. С. 104.

ведливости, и если у Вас появится необходимость в наших услугах, то прошу обращаться в любое время дня и ночи, и мы охотно пойдем навстречу вам и насколько хватит наших умственных способностей, мы поможем, а что не сможем, не судите строго. Командующий войсками Верхне-Донского округа есаул Кудинов»⁴⁶³.

Да, грустно писал Павел Назарович.

В Новочеркасске ликовали: «Соединение донской конницы под командованием генерала Секретева с восставшими Верхне-Донцами — событие большой важности... Увеличение численности Донской армии путем присоединения к ним более 20 тысяч восставших казаков само по себе имеет большое значение; но это значение еще увеличивается в связи с качественной оценкой присоединившихся к армии сил... Отныне большевики встретят в восставших самых злейших своих врагов, в рядах которых не может быть места ни колебаниям, ни сомнениям, еще недавно терзавшим казачество»⁴⁶⁴.

На территории округа повстанческие «советы» сменились атаманской властью. «Старики», зачинщики и вдохновители восстания, так и остались в тыловых и караульных командах, а казаки-фронтовики, те самые, что колебались во время восстания, пытались сдать целыми колоннами, теперь проливали кровь в ударных частях.

Казаки повстанческих дивизий, собравшись в районе Урюпинская — Преображенская, двинулись вслед за большевиками за границу области. Утром 13 (26) июня 6-я Верхне-Донская повстанческая дивизия атаковала Поворино, но была выбита оттуда 5-м Заамурским полком, а два полка 5-й Верхне-Донской повстанческой дивизии атаковали станцию Половцево. Под Половцевом, пройдя с дивизией за день 150 верст, начдив хорунжий П.И. Ушаков, офицер военного времени из учителей, сам возглавил атаку Калиновского полка и опрокинул красную

---

⁴⁶³ Донские ведомости. 1919. 13 (26) сентября.

⁴⁶⁴ Приазовский край. 1919. 30 мая (12 июня).

кавалерию. Ушаков был ранен в руку и ногу, под ним снарядом убило лошадь, но он остался в строю...

В ночь на 14 (27) июня Вёшенский полк той же дивизии, перейдя Хопер, захватил станцию Колено. 15 (28) июня 1-й Вёшенский полк двинулся на поселок Александровский, а 16 (29)-го занял станцию Абрамовку, выйдя на связь с конной группой Секретева, вернее, с 2-й и 4-й повстанческой дивизиями, которые были Секретеву подчинены.

17 (30) июня под ударами войск Врангеля пал Царицын.

19 июня (2 июля) донцы заняли Балашов (5-я конная бригада и 6-я повстанческая дивизия) и Борисоглебск.

В Балашове казаки захватили 2000 пленных, 70 орудий (из них 9 тяжелых), 50 пулеметов и 3 вагона винтовок.

Практически в это время казаки решили задачу, поставленную еще во время атаманства П.Н. Краснова: освободили область и заняли ключевые пункты за ее пределами.

Оценивая летнюю кампанию 1919 г., видный советский военачальник А.И. Егоров писал: «Наличие крупных конных соединений у белых делало их стратегию более подвижной и более отвечающей природе гражданской войны. Поэтому их наступления были всегда стремительны, решительны и дерзки, что при слабой обороноспособности красных сил имело громадное значение и давало в руки белых неопределимые преимущества»⁴⁶⁵.

Выход на границы Дона поставил перед белым командованием очередную задачу — пополнения и переформирования армии.

В семилетовские «партизанские» отряды были влиты все уцелевшие пленные, взятые повстанцами на Верхнем Дону. Еще под Усть-Медведицкой красные отметили, что в семилетовских войсках, несмотря на громкие названия, вроде «добровольческий» и т.д., «почти все части из мобилизованных со слабой подготовкой»⁴⁶⁶.

---

⁴⁶⁵ Егоров А.И. Указ. соч. С. 94.

⁴⁶⁶ РГВА. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 154. Л. 144.

Пополнить утомленные прорывом и маршем войска попытались прежде всего за счет повстанцев.

Прежде всего, повстанческая армия была разъединена, ее дивизии (и даже полки) получили задачу действовать в составе разных соединений и на разных направлениях.

3 (16) июня, после взятия Усть-Медведицкой, командир 3-го Хоперского корпуса подчинил себе 1-ю дивизию повстанцев⁴⁶⁷, начальник которой до этого отказался подчиниться генералу Войцеховскому, и направил ее вместе с 5-й конной бригадой Сальникова в северо-восточном направлении. Причем 4-й полк этой дивизии был двинут в прямо противоположном направлении на Шептуховку.

В тот же день, поскольку новых сведений о восстании в районе Луковская — Бурацкая не было получено, Секретев не стал тратить время и силы на организацию восставших хоперских станиц и поручил поддержать это восстание и двигаться вверх по Хопру командованием 5-й повстанческой дивизии.

На следующий день, 4 (17) июня, конная группа и конница 2-й и 3-й повстанческих дивизий ушли на Криушу, в западном направлении.

4-я «Шумилинская» дивизия повстанцев, наступавшая на северо-запад, вышла на представителей зеленой армии, действовавшей в Шишловском лесу. «Зеленым предложено собраться с задачей поддержания порядка в районе Бутурлиновки»⁴⁶⁸.

Руководить таким количеством войск, разбросанных на такой площади из одного штаба, было невозможно, и, как мы помним, 10 (23) июня командующий повстанческими частями есаул П.Н. Кудинов был отстранен от командования и отдал прощальный приказ. Впоследствии он жаловался, что его, больного, просто оттеснили: «Я, еще не оправившись от тифа, вышел встретить своего Атамана (Богаевско-

---

⁴⁶⁷ РГВА. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 154. Л. 130.

⁴⁶⁸ РГВА. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 154. Л. 159 об.

го. — А.В.), но вместо Атамана я встретил холодную гвардейскую спину»⁴⁶⁹.

Еще раньше началась смена командного состава повстанческих дивизий.

7 (20) июня командующим 2-й Верхне-Донской (Мигулинской) дивизии, которая в документах называлась «2-я казачья конно-пешая дивизия верхне-донцов»⁴⁷⁰, был назначен полковник Смагин. Он вступил в командование по предписанию генерала Кучерова от 6 (19) июня. Командующим конно-пешей бригадой Смагиным был назначен полковник Сулацков. Сулацков же временно исполнял обязанности начальника штаба дивизии. Командиром пешего полка был оставлен хорунжий Прибытков, а командиром 1-го конного полка бригады был назначен войсковой старшина Леонов.

Начальником 3-й повстанческой дивизии был назначен полковник Владимиров, начальником штаба оставался хорунжий Прохоров.

Из состава 2, 3 и 4-й повстанческих дивизий была выделена «пешая группа» под началом полковника Зудилина в составе Казанского пешего полка, Мигулинского пешего полка и пешего полка 4-й повстанческой дивизии (командир подпоручик Фомин).

В тот же день 7 (20) июня вышел приказ № 385 — личный состав 2, 3 и 4-й Верхне-Донских дивизий направить на укомплектование частей 3-го Донского корпуса (бывшая 3-я армия). Всех пеших направили на укомплектование 5-й Донской дивизии, из них казаков переписи 1916 г. (и позже) впоследствии перевели в 3-ю Донскую дивизию Молодой армии и в пограничную бригаду, а всех остальных оставили в 8-й пластунской бригаде 5-й дивизии. Всех конных казаков 1918—1921 годов переписи направили в 3-ю Донскую дивизию, всех остальных конных — в 9-ю Донскую дивизию (8-я,

---

⁴⁶⁹ Вольное казачество. 1930. № 59. С. 19.

⁴⁷⁰ РГВА. Ф. 40118. Оп. 1. Д. 1. Л.193.

11-я, 12-я конные бригады), то есть в бывшую конную группу Секретева. Офицеры переходили в новые части вместе со своими людьми. Имущество пеших частей передавалось в 5-ю дивизию, конных — в 9-ю. Укомплектование приказано было закончить к 25 июня (8 июля). Приказ был подписан командиром корпуса генералом М.М. Ивановым и начальником штаба Говоровым.

Пока шло переформирование, 1, 2 и 4-й конные Мигулинские полки 10 (23) июня временно были посланы в состав дивизии генерала Постовского, а 1-й пеший полк — в группу генерала Кучерова.

В ходе переформирования начались тяжбы между старшими начальниками за прекрасный боевой материал. «15/6. 9-я дивизия передала молодых казаков в 3-ю дивизию и спустила стариков. Прошу срочных распоряжений о передаче в 9-ю дивизию принадлежащие ей отдельную сотню и Дударевский дивизион верхне-донцов, которые задерживаются самовольно начдивом 3-й, несмотря на неоднократные требования. Ген. Калинин».

15 (28) июня вышел приказ по пешей группе отпустить домой казаков-повстанцев, которые по возрасту не подлежат призыву. Сохранился «Расчет казакам пешего Мигулинского полка подлежащих увольнению». В полку по списку было 1113 казаков. Увольнению подлежали казаки переписи 1894 г. (1873 г.р.) и всех предыдущих, а также молодежь, начиная с 1901 г.р. По возрастному составу в полку было 189 казаков 1889 г. переписи и даже старше, встречались казаки 1890—1894 гг. переписи, таковых набиралось 130 человек, были и юноши (150 человек).

После того как 25 июня (8 июля) все эти 469 казаков были распущены, полк расформировали. 156 казаков переписи 1916—1921 годов были направлены в 3-ю Донскую дивизию и пограничную бригаду, остальные — в 5-ю Донскую дивизию. В 12-й Донской полк 3-й дивизии попала и прикомандированная ранее к Мигулинскому пешему полку конная сотня Шумилинского полка (112 шашек, 4 пулемета).

Дольше других сохранились повстанческие дивизии, дравшиеся на северном и северо-восточном направлениях.

1-я Верхне-Донская дивизия, переименованная в 1-ю Верхне-Донскую бригаду, вела бои на еланском направлении. Сохранились данные пленного, взятого красными в бою 24 июня (7 июля) под Тирсой, о составе и положении в дивизии к моменту ее расформирования. В дивизии три полка — 3-й Еланский, 4-й и 5-й Вёшенские. В полках по 4 сотни по 50—80 человек, в сотне по одному офицеру. Дивизии была придана 2-орудийная батарея. В сотнях по 2 пулемета. «Снарядов мало получают от регулярных кадетских войск». Погоны казаки носили «по желанию». При обращении к начальству называли: «господин». «...Дисциплины нет никакой», — поведал пленный. Дивизией командовал подъесаул Ермаков («был простой казак»), 4-м Вёшенским полком — хорунжий Рябчиков, «простой казак» с хутора Громковского Вёшенской станицы⁴⁷¹. Второй пленный, казак 5-го Вёшенского полка, подтвердил, что в полку три сотни, в сотне по 80 шашек, и назвал еще двух командиров полков — полковника Щербачева и есаула Алифанова. Всего в полку по списку 300 казаков, налицо — 250. На полк — 2 офицера, полковник и капитан. «Офицеров почти нет в полках, патронов по 15 штук на стрелка, снарядов 16 ящиков, дивизия из повстанцев... В тылу и на позиции свободный режим без отдания чести»⁴⁷².

Вечером 23 июня (6 июля) бригада заняла станцию Терса, на следующий день была выбита оттуда. 26 июня (9 июля) овладела станцией Романовка. 28 июня (11 июля) бригада получила приказ направить 2 полка в 5-ю конную бригаду на переформирование. 29 июня (12 июля) 1-я повстанческая бригада пробилась без потерь из района Хрущевки к месту назначения и 1(14) июля в селе Покровском была влита в 5-ю конную бригаду, прошедшую путь к границам области от берегов Дон-

---

⁴⁷¹ РГВА. Ф.1304. Оп. 1. Д. 244. Л. 25.

⁴⁷² Там же. Л. 19—20.

ца. В свою очередь бузулукские казаки, ранее служившие в 5-й бригаде, были отправлены на пополнение 6-й Бузулукской конной бригады.

6-я повстанческая дивизия пошла на пополнение Сводно-партизанской дивизии. Еще 8 (21) июня 400 пеших казаков 6-й Верхне-Донской дивизии были направлены на пополнение 3-й бригады Сводно-партизанской дивизии. Затем 2-я сотня 2-го Вёшенского полка, где служили пленные, была направлена в Воронежский батальон. А вскоре и весь 2-й Вёшенский полк был причислен к 3-й бригаде этой дивизии в качестве конного дивизиона.

Лишь 5-я повстанческая дивизия, переименованная в 5-ю Верхне-Донскую бригаду, сохранила свой состав. Она была переименована в 4-ю конную бригаду в составе 19-го Еланского, 20-го Вёшенского и 24-го Калиновского полков. Букановский полк с двумя пешими сотнями упоминается в боях на реке Воробьевке 11 (24) июня. 12 (25) июля полк был расформирован и влит во 2-й конный партизанский полк, а 5-я сотня причислена к Богучарскому батальону.

Повстанческое командование сместили. Единицы из них остались на должности полковых командиров. Начдив-1 Ермаков был назначен командиром сотни 20-го Вёшенского полка, командиры полков его дивизии оказались в том же 20-м полку на должности взводных командиров. Выздоровевший есаул А.С. Алферов уже осенью получил назначение в 19-й Еланский полк (приказ по Донской армии № 404 от 19 сентября 1919 г.).

За исключением генерала З.А. Алферова, «подготовившего почву», но на территории округа во время восстания не появлявшегося, никто из повстанческого руководства не получил заметного повышения в чинах или по должности. Главнокомандующий П.Н. Кудинов не поднялся выше есаула и до конца Гражданской войны оставался в резерве командного состава. Его начальник штаба И.Г. Сафонов в том же чине служил в разных штабах, но не на ведущих должностях.

Председатель окружного Совета Никанор Петрович Данилов, чиновник военного времени, после соединения повстанцев с белыми объявил себя окружным атаманом, но затем удовольствовался чином сотника и должностью коменданта госпиталя. Из названных самими белыми «подпольщиков» — организаторов восстания особо большой карьеры тоже никто не сделал. Видимо, своего задания они до конца не выполнили, так как упустили власть из рук.

Округ был разорен. И хотя те, кто успел засеять удобренные кровью поля, собрали в 1919 г. невиданный по обилию урожай, положение казаков в целом по округу оказалось бедственным.

Станица Вёшенская и весь Верхне-Донской округ еще долго использовались белогвардейцами для пропаганды. В округе начала работать комиссия «по расследованию большевистских зверств» под общим руководством барона А.К. Врангеля, родственника знаменитого барона.

22 июня (5 июля) Вёшенскую посетил командующий Донской армией генерал Сидорин в сопровождении английского майора Уильямсона, генералов Алферова, Семилетова и войскового старшины Дудакова.

Вскоре за Сидориным в округ прибыл и сам Донской атаман Африкан Богаевский. Местные подхалимы устроили ему «всенародное чествование». Новый атаман Еланской станицы, Костя Атланов, «почти совершенно безграмотный и особыми талантами не отличавшийся», вывел стариков встречать атамана далеко за станицу. Там из экипажа Богаевского выпрягли лошадей, впряглись сами и таким образом ввезли Донского атамана в Еланскую.

Растроганный Африкан Петрович произвел Атланова в сотники, и тот отныне затмил всех иных «вождей восстания», к Богаевскому и близко не подпущенных. Сбор Еланской станицы, видя любовь начальства к своему атаману, постановил: «За труды, понесенные во время восстания Верхне-Донского округа на должности начальника военного отдела... дать свое-

му уважаемому атаману сотнику Атланову звание почетного казака станицы».

Когда остатки Донской армии бежали в Крым, Атланов потерял атаманскую «насеку». Эта утрата удручала его гораздо больше, чем проигрыш войны. Устроившись в штабе корпуса, он всех прибывших с Черноморского побережья донимал вопросом: «А не случилось ли вам где-нибудь видеть булавы атамана Еланской станицы?»

Война продолжалась. В сентябре красные вновь заняли Вёшенскую на несколько дней, и Васька Кухтин, первый вёшенский казак-большевик, среди бела дня плывал в лодке на правый берег и в сотне метров от белых окопов размахивал шашкой, предлагая любому сразиться с ним «один на один». Желаящего не нашлось, но и стрелять казаки не стали. Долго переругивались, пока Кухтин не уплыл обратно в Вёшки.

Потом было общее отступление. Бои под хутором Веселым, где вёшенские и еланские казаки отбросили за Маныч корпус Думенко. Жестокий бой под Егорлыкской. Кубань. Сдача в Новороссийске...

Не менее громкие и не менее трагические события, чем Вёшенское восстание, пронесли над Доном в те времена. Почему же мы все время обращаемся именно к нему?

Вернемся немного назад... 25 мая (7 июня) 1919 г. повстанцы соединились с белой Донской армией. «Мы читали о громадных крестьянских восстаниях в Тамбовской губернии — однако они все задавлены, и только восстание верхне-донцов из всех русских восстаний увенчалось успехом», — писали об этих днях белые газеты⁴⁷³. Единственное не подавленное... Вёшенское восстание на фоне всех других неисчислимых народных восстаний осталось в истории как единственное победившее истинно народное восстание.

---

⁴⁷³ Фильм М. Глас народа // Народная газета. 1919. № 153, 8 октября.

Содержание

Вместо введения.....	3
Глава 1	
«Мы все как один готовы в любой момент...»	17
Глава 2	
«...Дабы вызвать расслоение казачества»	66
Глава 3	
«...Скоро, скоро горячие лучи весеннего солнца растопят лед старого Дона...»	106
Глава 4	
«Братья казаки! Мы окружены со всех сторон...».....	134
Глава 5	
«Ввиду наступления темноты и крайней утомленности коней преследовать противника не представлялось возможным»	185
Глава 6	
«В переговорах с противником выяснилось...»	223

Глава 7

«Казачи очень сильно раскаиваются...» 245

Глава 8

«Пленных, ввиду жесточенности боя, не было...»..... 265

Вместо эпилога..... 311

Научно-публицистическое издание

История казачества

Венков Андрей Вадимович

ВЁШЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Б.С. Туляна*

Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*

Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

109004, г. Москва, ул. Николаямская, дом 43, корпус 4.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, д/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 22.03.2012. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Тетра LGC Uni». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 10,5. Тираж 2000 экз. Заказ 4725.

Отпечатано в ОАО "Тульская типография".

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ООО ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Юридический адрес:
109004, г. Москва, ул. Николаямская, дом 43, корпус 4.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, д. 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, 940-48-72, 940-48-73.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (499) 940-48-70.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labyrinth-shop.ru

В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 2б, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва»,
ТД «Молодая гвардия», «Московский дом книги»,
«Новый книжный».

Вёшенское восстание является одной из самых трагичных страниц истории Донского казачества. Уникальность этого восстания отмечали уже современники, одна из белогвардейских газет писала: «Мы читали о громадных крестьянских восстаниях в Тамбовской губернии – однако они все задавлены, и только восстание верхне-донцов из всех русских восстаний увенчалось успехом».

Автор книги скрупулёзно восстанавливает атмосферу в станицах накануне восстания, пытается разобраться, что же стало истинной причиной восстания, делается акцент на судьбах участников восстания. Особый интерес вызывает раскрытая автором проблема выбора стороны – белой или красной, стоявшая перед простым казачеством. На страницах книги подробно описывается ход боевых действий, силы повстанцев, Красной армии и Донской армии.

ISBN 978-5-9533-6038-8

9 785953 360388

